
БИБЛИОТЕКА
ПРИ
КЛЮ
ЧЕ
НИЙ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
В ПЯТИ ТОМАХ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ „СЕЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ"

5

МОСКВА 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ

Д. ПРИСТЛИ

М. ДРАГОВИЧ

Ж. СИМЕНОН

Г. ЧЕСТЕРТОН

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Д. ПРИСТЛИ

МГЛА НАД ГРЕТЛИ

ПЕЧАТАЕТСЯ
С СОКРАЩЕНИЯМИ

I

Прежде чем начать рассказ о Гретли, хочу представиться. Зовут меня Хамфри Ниланд. Мне сорок три, возраст, позволивший мне получить боевую отметину еще в первую мировую. Хоть я и родился в Англии, считаю себя канадцем: родители переехали в Канаду, когда мне было всего десять лет. Там я закончил школу, а после, когда вернулся с войны, поступил в колледж Мак-Гирла.

Потом работал инженером-строителем между Виннипегом и Ванкувером, пока меня не взяли в крупную компанию «Сили и Ворбек». В ней я и проработал бо́льшую часть тридцатых годов — на объектах в Перу и Чили.

Ростом я без малого метр восемьдесят, в кости широк, на весах тяну восемьдесят четыре, волосы темные, цвет лица желтоватый, вид угрюмый. У меня вполне достаточно оснований быть угрюмым. В 1932 в столице Чили Сантьяго я женился на милой девушке по имени Маракита, а два года спустя, между Талькой и Линарисом, когда я несся на сумасшедшей скорости, мы попали в автомобильную катастрофу, и в ней погибли и жена и сын, а сам я очутился в больнице, проклиная судьбу за то, что не разделил их участь.

Если еще добавить к этому то, что случилось с моими друзьями Розенталями, да и вообще все, что творится в мире, как тут не быть мрачным. Давно миновали те времена, когда Хамфри Ниланд был душой общества.

А сейчас я коротко расскажу, как случилось, что я стал работать в контрразведке. В Перу и Чили я работал с Паулем Розенталем, немецким евреем, который тоже служил у «Сили и Ворбека». Он и Мит-

ци — его маленькая очаровательная жена-венка — стали моими лучшими друзьями. Местные нацисты убили их обоих...

Я добился того, что этих трусливых крыс засадили, но одному удалось скрыться, а он-то и был главарем. Он бежал в Канаду, я — за ним. Все же ему удалось улизнуть, а тут началась война, и я немедленно отправился в Англию в надежде на офицерский чин и назначение в саперные части. Слоняясь по Лондону, я случайно наткнулся на того типа, которого искал в Чили и Канаде. Сейчас он выдавал себя за голландца. Я сообщил о нем властям; старик Оствик, начальник Отдела вызвал меня, и вскоре я обнаружил, что втянут в кратковременную работу в контрразведке.

Военное министерство все отказывало мне в назначении, которого я добивался (сейчас-то я знаю, что тут не обошлось без Отдела контрразведки), и мне пришлось согласиться на участие в нескольких других операциях по выявлению шпионов, большей частью за границей. В Англию я вернулся лишь зимой 1940-го уже в качестве постоянного сотрудника Отдела. Работы было по горло, и мне приходилось носиться между Лондоном, Ливерпулем и Глазго. И если вы думаете, что я проводил вечера в роскошных апартаментах, разоблачая вражеских шпионок с внешностью Марлен Дитрих или Хэди Ламарр, то мне придется вас разочаровать. По совести, мне не очень нравилось это занятие, но я никак не мог забыть Пауля и Митци Розенталь, и лютая ненависть к нацистам заставляла меня мириться с утомительной и обыденной работой.

А предстоящая работа в Гретли была мне особенно не по душе. Начать с того, что из-за этого у меня сорвалась поездка на тихоокеанское побережье, куда мне страшно хотелось выбраться. Я стал подозревать, что заболел клаустрофобией *, сидя на этом островке, именуемом Англией: все те же однообразные поездки в переполненных поездах, все те же однооб-

* **Клаустрофобия** — боязнь замкнутого пространства.

разные разговоры на все те же однообразные темы, и все тот же душный мрак затемненных городов. Мне хотелось воздуха и пространства, но Отдел взял за правило посылать своих людей всюду, где их не знали, и вот я должен был ехать в Гретли только на том основании, что никогда там не был и никто меня там не знает. Считалось, что чужаку будет проще работать под вымышленным именем и что со стороны все проще и видней. О Гретли мне было известно не много: индустриальный городок в северной части центральных графств с населением в сорок тысяч согласно довоенной переписи: теперь из Гретли к врагу поступала ценная информация, а это означало, что там обосновались два-три нацистских агента, не говоря уже об обычной «пятой колонне». Гретли было не то место, где можно терпеть присутствие вражеских шпионов: здесь находилась мощная электрокомпания Чатэрза, а рядом с городом расположился громадный авиационный завод Белтон-Смита, который как раз приступил к выпуску новой модели «циклонов». В дополнение ко всему этому неподалеку от города находилось несколько эскадрилий тяжелых бомбардировщиков. Так что человек, имеющий глаза и уши и располагающий средствами для передачи информации в Германию, мог бы принести державам оси немалую пользу, сидя в Гретли. Отделу стало известно, что Гретли или его пригороды являются одним из филиалов шпионского центра.

Все это было вполне достоверно, но что толку? На деле это значило не больше, чем достоверные сведения о том, что существует стог сена, а в нем несколько иголок, которые вам предстоит отыскать. Так я и сказал старине Оствику перед отъездом из Лондона.

— Верно, — согласился он, — но хоть вы и не хватаете звезд с неба, Ниланд, — тут он ухмыльнулся, обнажая гнилые свои зубы, — хоть вы и не хватаете звезд с неба, вы человек напористый и вам везет. В нашем деле многое зависит от везения, а до сих пор удача вам сопутствовала.

— Если бы она мне сопутствовала, — ответил я

ему, — я бы сейчас был на пути к тихоокеанскому побережью, вместо того чтобы отправляться в какой-то паршивый Гретли.

Он дал мне рекомендательное письмо к управляющему электрокомпании. Это было ловко составленное письмо, и, само собой разумеется, в нем ни слова не говорилось об Отделе. Из письма было неясно, какую работу ищет инженер-строитель на электрозаводе, но в этом-то и состоял наш план и в случае, если бы они согласились дать мне работу (что было маловероятным), я должен был потребовать слишком высокий оклад и ставить заведомо неприемлемые условия. А пока они будут рассматривать и обсуждать все эти требования, я смогу слоняться по Гретли и заниматься своим делом.

Был январь 1942 года, и, если вы помните, что тогда стояла за погода, и что за вести доходили с фронта, и как вообще мы жили в то время, вам легко понять, почему я был мрачнее тучи, когда ввалился в поезд, идущий в Гретли. Я ехал первым классом, остальные пять мест в моем купе вскоре оказались заняты. Напротив меня, в дальнем от коридора углу, сидела интересная дама с красивой длинной шеей. На ней были дорогие, отороченные мехом туфли, перчатки и такая пропасть пледов, как будто она направлялась на Северный полюс. Рядом с ней сидел розовощекий стареющий господин, вероятно, член нескольких правлений, посильно ослабляющий помощь фронту. Рядом с ним командир авиаэскадрильи, с головой ушедший в шестипенсовый детектив. Напротив него, на моей стороне, сидел младший лейтенант с маскарадными, как казалось, усами. Лейтенант в поте лица преодолевал вечернюю газету. Между ним и мною расположился смуглолицый толстяк, усеянный драгоценностями и распространяющий вокруг себя запах дамской парикмахерской. Он мог быть членом какого-нибудь иностранного правительства или английским киношником. В вагоне стоял собачий холод, и то и дело кто-нибудь из нас принимался топать ногами или хлопать в ладоши, чтобы слегка согреться. Поезд продирался сквозь холодные

сумерки. С час или около того все молчали. К этому времени окна были зашторены, и в тусклом свете потолочных огней лица пассажиров казались бледными и загадочными. Дама напротив меня сидела с закрытыми глазами, однако мне сдавалось, что она не спит. Я тоже закрыл глаза, но уснуть не удалось. Розовощекий господин завязал разговор с остальными тремя мужчинами. Хоть его и не просили, он выложил все, что слышал по радио, — сообщения военного комментатора и дикторов Би-би-си, и все это звучало так скучно, что, право же, лучше бы он пересказал нам сказку о трех медведях...

Япошкам ни за что не взять Сингапур... Туда вот-вот прибудут крупные подкрепления... Американский флот подготавливает нечто невероятное...

Военные были вежливые ребята. Что касалось толстяка, который сидел рядом со мной, то хоть он и не верил этим побасенкам, но у него хватило ума сообразить, что ему, иностранцу, не следует проявлять свой скептицизм.

Я следил за разговором. У меня это вошло в привычку — ведь никогда не знаешь, где наткнешься на что-нибудь полезное для работы, а для работы в Гретли мне, бог тому свидетель, мог пригодиться любой пустяк. Тем более что вскоре выяснилось, что наш розовощекий господин имел какое-то отношение к электрической компании Чатэрза, хотя он и не стал особенно распространяться на эту тему.

Чем занимался мой странствующий сосед, понять было трудно. Не исключено, что его элегантные чемоданы были набиты подложными ордерами на сукно или заказами на несколько сотен тысяч яиц... Но я чувствовал нутром, что этот слишком явный иностранец не представляет для меня никакого интереса. Подобный двойной блеф — слишком тонкая штучка для провинциальной полиции, и нацистский умник, который вздумал бы сыграть на слишком очевидной внешности иностранца, очень скоро оказался бы за решеткой.

Однако пора было и мне подключаться к разговору, ибо никогда не мешает помочь людям составить

о вас мнение. Таким образом можешь войти в намеченную роль еще до того, как прибудешь на место назначения. Поэтому, вставив по ходу разговора несколько реплик, я дал им понять, что недавно вернулся из Канады, а сейчас следую в Гретли в надежде получить работу на большом предприятии. Я постарался, чтобы это прозвучало воодушевленно и в то же время таинственно — модная сейчас манера. Я задал несколько вопросов о Гретли: есть ли там приличная гостиница? Трудно ли снять квартиру? И тому подобное в том же роде. Розовощекий и младший лейтенант, который даже оставил в покое газету, дали мне необходимые ответы. Вдруг я заметил, что женщина напротив уже открыла глаза и, сидя неестественно прямо и вытянув свою длинную шею, смотрит на меня во все глаза. Это продолжалось минуты две, потом она обратилась к розовощекому господину, сидевшему рядом с ней, и они заговорили об общих знакомых, большинство которых, как можно было понять, были важными шишками в Гретли, но время от времени она бросала на меня недоумевающие взгляды. На исходе следующего часа пожилые джентльмены задремали, а военные с головой ушли в чтение. Я тоже стал клевать носом, когда женщина напротив вдруг улыбнулась, наклонилась вперед и тихо спросила:

— Так вы говорите, что только что вернулись из Канады?

— Да, — отвечал я, — а что?

Наверно, сейчас примется рассказывать о своих очаровательных крошках, которые были эвакуированы в Канаду. Может быть, даже спросит, не случалось ли мне их там встречать.

— Дело в том, — сказала она совсем тихо, — что месяц тому назад я видела вас во французском ресторане Центрального отеля в Глазго. Я даже немного знакома с человеком, с которым вы тогда обедали.

Разумеется, на это можно было ответить тысячью различных способов, но надо было выбрать наиболее безопасный ответ и выбрать немедленно. Все же я успел понять, что никто из пассажиров

не интересуется нашим разговором. Женщина продолжала улыбаться, наклонившись вперед и глядя на меня с тем простодушно-наивным выражением, которое способно хоть кого довести до белого каления.

— Вы уверены, что не ошиблись?

— Вполне уверена. — И с чуть заметной издевкой, которая мне очень не понравилась, добавила: — У меня ужасно хорошая память на лица.

Я старался припомнить, с кем это она могла меня видеть в Глазго. Вряд ли это был кто-нибудь из крупных. Тем временем я полностью взял себя в руки.

— Я сказал, что недавно вернулся из Канады. Но ведь я и не говорил, когда туда уехал. Между Глазго и Канадой все еще курсируют пароходы, не так ли?

— Разумеется. Значит, тогда вы как раз уезжали в Канаду?

— Именно. — Теперь уже было неважно, с кем она меня видела.

Она придвинулась ко мне еще ближе (сейчас она была похожа на подкрадывающуюся кошку) и прошептала:

— Дело в том, что я еще раз наткнулась на вас — уж эта моя злосчастная память — в ресторане «Мирабэль», в Лондоне, не далее как три месяца назад. Не могли же вы в это самое время быть в Канаде?!

Я покачал головой.

— Что касается Глазго, то тут вы были правы, но на этот раз вы, к сожалению, ошиблись.

Но, разумеется, она не ошиблась, и знала это. Что и говорить, получилось не очень складно, но в конце концов какое это имело значение?

Женщина откинулась назад, продолжая изучать меня с интересом. Так мы сидели молча, глядя друг на друга с минуту или две, потом она спросила:

— Надолго к нам в Гретли?

Я ответил, что и сам не знаю, это будет зависеть от того, устроюсь ли я на ту работу, которую рассчи-

тываю получить. Я искренне старался, чтобы эти слова прозвучали правдиво. Она кивнула, затем достала визитную карточку и протянула ее мне.

— Извините мое любопытство, но я так удивлена тем, что, раз запомнив ваше лицо в Глазго, могла спутать вас с кем-то другим в Лондоне... Со мной этого никогда не бывало. Так что если вам случится наткнуться на объяснение этой загадки, может быть, вы мне позвоните и заедете на чашку чаю или рюмку виски — я живу совсем рядом с Гретли, около завода Белтон-Смита.

Так вот оно что...

Женщина закрыла глаза, но на лице ее играло все то же подобие улыбки. Я опустил визитную карточку в карман жилета, так и не взглянув на имя.

Мда... Не слишком блестящее начало операции в Гретли. А все оттого, что это задание было мне не по душе и нагоняло на меня тоску, да еще эти неутешительные сообщения с фронта. Что и говорить, совсем недурно войти в намеченную роль еще до того, как прибудешь на место назначения, но для этой женщины, которая была очень не глупа, знала весь город и, возможно, не закрывала рот по двенадцати часов в сутки, для этой женщины я уже был не что иное, как отъявленный лгун и, что того хуже, загадочный лгун. А может быть, кто-нибудь еще слышал наш разговор? Оба парня все так же были погружены в чтение, розовощекий спал как убитый и тихо посвистывал носом, но, обернувшись, я увидел, что смуглолицый толстяк как раз прикрывает свой правый глаз тяжелым веком. Значит, он все слышал!

Может быть, ничего особенного тут и не было, но какое, однако, блестящее начало! Если так пойдет и дальше, то к концу недели я смогу появляться на улицах Гретли не иначе как в накладной бороде и с плакатом «Я из Отдела!». Ай да Ниланд! Хорош детектив, нечего сказать... Я сделал вид, что заснул, и не прошло и получаса, как женщина обменялась с жирным иностранцем справа от меня понимающим взглядом. Его я, разумеется, видеть не мог, так как притворялся, что сплю. Но достаточно было одного

взгляда на нее, чтобы понять: между ними что-то есть, и позже они, вероятно, где-нибудь встретятся, а сейчас притворяются незнакомыми. И что бы за этим ни скрывалось, конечно, они не были любовниками — не так она на него смотрела. Это был взгляд делового партнера, а не любовницы.

«Черный рынок»? Скорее всего, чем что-нибудь по моей части. Во всяком случае, я твердо решил воспользоваться приглашением незнакомки и заглянуть к ней на этой же неделе.

Наконец подкатили к Гретли. Вокзал был как тысячи вокзалов в маленьких индустриальных городишках — крошечный и жалкий. Выход я кое-как нашел, но дальше простиралась кромешная тьма: затемнение. Как я ненавижу эти затемнения! Они — одна из ошибок этой войны. Есть в них что-то жалкое, унизительное, что-то от мюнхенской капитуляции. Будь моя воля, я бы выключал свет не раньше, чем бомбардировщики будут прямо над головой. Пусть опасно, зато не будет этих удручающих, жалких, затемненных улиц и слепых стен. Мы не должны были позволить этим грязным подонкам затемнить полмира! Наши затемнения — одна из форм признания их могущества. Могу себе представить, как эти маньяки хихикают при мысли о том, что мы блуждаем впотьмах, во мраке, в который они нас ввергли! Мы окружили себя тьмой, подобной тьме их гнусных душонок. Ненавижу затемнения!

Но затемнение в Гретли было всем затемнениям затемнение. Как будто на вокзал накинули ворох фиолетово-синих одеял. Такое чувство, будто сделай шаг — и провалишься в черную бездну.

Три машины прогромыхали мимо, наверно, по мосту, и мне показалось, что в одной из них сидела моя длинношеяя попутчица — и снова тишина. Ни единого такси. Еще из Лондона я заказал номер на пару дней в местной гостинице «Ягненок и шест», теперь мне предстояло найти ее в этой кромешной тьме.

Пришлось вернуться на вокзал и поймать носильщика. Тот объяснил, как пройти к гостинице, но при этом то и дело тыкал пальцем куда-то во тьму, слов-

но мы были не в затемненном Гретли, а любовались видом на Неаполитанский залив ясным июльским полднем. Повторяя про себя его инструкции, я поплелся в город, волоча свой тяжелый чемодан. Дважды я сбивался с пути и попадал в тупики, пока, наконец, полицейский не указал мне гостиницу.

II

Гостиница «Ягненок и шест» располагала удобствами, достаточными лишь для офицерской казармы. Тем не менее она была полна народу, и в регистратуре мне заявили, что я могу снять комнату лишь на двое суток. Когда мне показали эту комнату, которая умудрялась быть одновременно душной и холодной, я подумал, что двое суток более чем изрядный срок. А потом надо будет присмотреть себе более подходящее жилье. После обеда, на мой взгляд состряпанного исключительно из клейстера, я спустился в бар. Здесь веселились вовсю. Виски не было, и пили портвейн, джин и пиво. Летчики и армейские офицеры со своими девушками сидели большей частью компаниями по четыре человека, несколько штатских скромно тянули свое пиво, а один край стойки был оккупирован компанией, в которой без труда можно было узнать завсегдатаев. Я заказал кружку пива, бросил якорь поблизости от этой группы и принялся их рассматривать. Двое были офицерами, и один из них, капитан с багровым лицом, уже крепко опьянел. Еще там сидел пожилой коротышка в штатском, который говорил тонким, жеманным голосом и хихикал, как девушка. Он потешал компанию. Одна из женщин, полная скучная особа, держалась довольно скованно. Вторая была помоложе, лучше одета и вполне миловидна. Ее длинноватый нос придавал ей наглый вид, а пухлые губы, которые она не закрывала, даже слушая собеседника, казалось, всегда были готовы для нового взрыва хохота.

Я, очевидно, видел ее где-то раньше и при совершенно других обстоятельствах, но никак не мог вспомнить, где и когда. Это не давало мне покоя,

и я продолжал глазеть на нее. Она заметила меня, и я увидел искорку тревоги в ее нахальных глазах. Багроволицый капитан тоже заметил мой настойчивый взгляд, он ему не понравился. Сначала разговор вертелся вокруг вечеринки, которая была у них в «Трефовой даме» — по-видимому, название какого-то загородного ресторана.

Отпускались шутки обычного рода: тот назюзюкался, а эти двое слишком часто уединяются. Неоднократно упоминалось имя некоей мисис Джесмонд, насколько я понял, богатой, шикарной и загадочной женщины. Это я намотал себе на ус. Наконец разговор, как всегда водится в таких компаниях, выродился в пустую болтовню с неизменным сексуальным подтекстом. Особенно усердствовал престарелый женоподобный господин с нарумяненными щеками. И еще я заметил, что за его паясничаньем скрывалась неизменная цель — высмеять наши усилия в борьбе с фашистами. Он давал понять, что находит все наши старания не более чем забавными, впрочем, он предпочитал эпитет «трогательный». У него было до черта денег. И он был отнюдь не дурак, этот мистер Периго, как его здесь называли. Я уже начал подумывать, не улыбнулось ли мне, наконец, счастье и не напал ли я на верный след. И потом эта девушка... Где я мог ее видеть?

— Какого черта, — неожиданно повернувшись и наваливаясь на мой стол, начал багроволицый капитан, — вы подслушиваете? Вы, может, думаете, что вам тут Би-би-си?

— Вы ни капли не похожи на Би-би-си, — заверил я его, чувствуя непреодолимую неприязнь к его налитым кровью свиным глазкам.

— Будет, Фрэнк! — попыталась унять его толстая особа. Она сделала знак второму офицеру — очевидно, своему мужу.

— Мало того, что вы смутили эту молодую леди... пялили на нее глаза... — продолжал он.

— Никого он не смущал, — вмешалась девушка и обратилась ко мне: — Не обращайте на него внимания.

— Смущал, Шила. И я этого так не оставлю.

— Что вы не оставите? — спросил я, не в состоянии скрыть презрение, которое к нему испытывал. — Я как-никак проживаю в этой гостинице, и, если вам не нравится мое общество, можете подыскать себе другое место.

— С какой стати, черт побери! — Он ударил кулаком по столу, расплескав часть моего пива.

Я с трудом удержался, чтобы не выплеснуть остаток в морду этого кретина.

Все это время загадочный мистер Периго был занят. Он заказывал новую, какую-то особую порцию спиртного для компании. Сейчас он вернулся и оценил ситуацию. Он улыбнулся мне, продемонстрировав безукоризненный, словно сделанный из фарфора ряд зубов, и потрепал Фрэнка по плечу.

— Полно, Фрэнк. Будьте паинькой, иначе не получите ни глоточка спиртного. Пожалуйста, не обращайте на него внимания, уважаемый сэр. Глоток пива — и он придет в себя.

Теперь все зависело от меня. Я улыбнулся мистеру Периго и сказал, что все в порядке. Он настоял на том, чтобы я присоединился к их компании, и, поскольку платил за все он, никто не решался возразить. Один дружище Фрэнк посматривал на меня волком. Меня это перемещение, разумеется, весьма устраивало, и я примостился у стойки рядом с обладательницей нахального носика. Один ее темно-синий глаз был чуть светлее другого, и это еще более утвердило меня в мысли, что я встречал ее где-то раньше. Звали ее Шила Каслсайд. Она была замужем за майором, который уехал по делам не далее как сегодня утром.

— Что вы делаете в Гретли? — спросила она меня. Она разговаривала все так же дерзко, как и прежде, но, когда она поворачивалась ко мне, я успел прочесть в ее взгляде настороженность.

Я поведал ей свою обычную историю.

— Так что завтра днем мне предстоит встретиться с управляющим электрической компании, — закончил я.

— Как его фамилия? Не может быть, чтоб я не знала! — закричала Шила.

Мистер Периго знал управляющего.

— Управляющий Чатэрза? Да ведь это, дорогая, не кто иной, как мистер Хичэм, — помните, этот вечно озабоченный человечек! Да и то сказать, как тут не быть озабоченным, когда на все его запросы министерство снабжения ни гугу. На заднем дворе завода у него ржавеют под дождем сотни оборонного значения машин, а министерство никак не соберется ответить, продолжать их выпуск или нет. Ну не трогательно ли?

И коротышка обнажил свои фарфоровые зубы в широкой улыбке. Можно было подумать, что речь идет о плохо организованных состязаниях в бридж, а не о смертельной схватке против рабства.

— Ферри, вы просто невыносимы! — воскликнула девушка. — Несколько дней назад я слыхала, как полковник Тарлингтон говорил Лионэлу, что считает вас человеком из «пятой колонны».

— Шила, — заволновалась толстая, — как вы можете говорить такие вещи?

Казалось, единственное, что она умела, — это делать предостережения.

Мистер Периго враз посерьезнел.

— Я категорически протестую. Да, да, дорогая, категорически протестую!

— Полностью с вами согласен, — заявил второй офицер.

Фрэнк в это время находился где-то в другом конце бара.

— Только потому, что я не строю кислую мину и не разыгрываю из себя сверхпатриота... Право, это уж слишком. Я непременно выскажу это полковнику Тарлингтону. Не можем же мы все стать похожими на полковника Тарлингтона. На этакого мифического защитника Британии. Ведь у него такая внешность, что нам за ним не угнаться: просто национальный флаг, да и только. Красно-бело-голубой.

Шила пришла в восхищение. Она уже изрядно выпила. Очевидно, она была из тех женщин, которые

любят, чтобы на вечеринке все шло колесом. А может, я ошибаюсь? Но все-таки где-то я ее видел раньше. Я заказал выпивку, затем спросил, кто такой Тарлингтон.

— Один из здешних заправил, — бросила Шила, которую эта тема уже не интересовала.

— Он в правлении компании Чатэрза, — сказал мистер Периго, который, казалось, знал всех и вся, — и, кроме того, имеет вес у местных тори. От него только и слышишь, что: «Все на фронт! Все для победы!» И всякое такое прочее. К тому же он не то знаменосец, не то копьеносец в отряде местной обороны. Но вы только подумайте: из-за того, что я не теряю чувства юмора, назвать меня человеком из «пятой колонны»!

— А я думал, что здесь уже перестали болтать о «пятой колонне», — бросил я.

— Разумеется, — заявил второй офицер, на мой взгляд, осел. — Они давно за решеткой.

— Я бы этого не сказала, — покачала головой Шила с тем сверхсерьезным выражением, которое появляется у хорошеньких вертихвосток, когда они вдруг делаются серьезными. — Они здесь так и кишат.

— Почему вы так думаете, Шила?

— Неважно почему, главное, что это так.

Я поднял глаза на мистера Периго, и он мне тотчас же подмигнул. Его светлые глаза выглядели довольно странно на увядшем нарумяненном лице. Виски у него были седые, но на самой макушке красовалась накладка каштанового цвета.

— А вон Дерек и Китти! — закричала Шила и бросилась к ним.

Я посмотрел ей вслед, все еще пытаясь вспомнить, где же я ее видел.

— Очаровательная женщина, — сказал мистер Периго и улыбнулся своей фарфоровой улыбкой, очень не вязавшейся с тем, что он говорил. — Чудная женщина, не так ли, миссис Форест? Такая жизнерадостная, веселая. Один из сосланных сюда на военную службу офицеров поведал мне, что времена-

ми единственное, что удерживает его от самоубийства, — это чудные ножки Шилы.

Миссис Форест опять сделала предостережение.

— Однако ей приходилось туго до того, как она вышла за Лионэла Каслсайда, — важно заметил майор Форест.

— Бедняжка слишком рано вышла замуж в Индии, а тут внезапная смерть мужа. До сих пор не может его забыть.

— Да, — вздохнула миссис Форест, которую несколько рюмок джина с соком привели в сентиментальное состояние. — Как часто ее глаза вдруг наполняются слезами при воспоминании о тех ужасных днях в Индии. Впрочем, сейчас она вполне счастлива.

— Я полностью одобряю этот брак, — сказал мистер Периго торжественно. — Майор Каслсайд богат и, кроме того, племянник старого сэра Фрэнсиса Каслсайда. Вы, конечно, знаете его — глостерские Каслсайды.

Я сказал, что ничего о них не знаю, что имя славных глостерских Каслсайдов совершенно неизвестно в канадских прериях. Супруги Форест отнеслись к моей колониальной остроте весьма чопорно, тогда как мистер Периго, как мне показалось, незаметно мне подмигнул.

— Я ее где-то видел, — добавил я.

— Поэтому-то вы на нее так пристально и смотрели? — тихо спросил мистер Периго.

— Да! Это, конечно, неважно, но вы ведь знаете, как трудно отделаться от таких пустяков.

Тут миссис Форест сообщила, что ей с мужем пора идти. (Кажется, наступала их очередь ставить выпивку.) Они удалились. Меня интересовало, как мистер Периго будет себя вести, когда мы останемся одни. Как я и ожидал, он стал серьезным.

— Я заметил, мистер Ниланд, — начал он, — что вы недоумеваете, что я тут делаю. Так вот, вы человек умный, я понял это сразу, и надеюсь, вы тоже заметили, что я не дурак, а?

— Да, я заметил.

— И вы, наверное, задали себе вопрос, почему

я валяю дурака в этой компании, которая мне, конечно, не компания. Но дело в том, мистер Ниланд, что время от времени мне необходима разрядка. Пусть даже глупая, но разрядка, чтобы позабыть об этой ужасной войне. Раньше у меня была маленькая картинная галерея в Лондоне, но дом разбомбили, и я переехал сюда, потому что старый друг предоставил мне свой коттедж. Тут, совсем рядом с городом. Что и говорить, место не из лучших, но ничего не поделаешь. Иногда мне удается продать картину или заработать комиссионные на старинной мебели, но, конечно, мир, в котором я привык жить, больше не существует. — Тут он вздохнул.

В книгах люди вздыхают на каждой странице, но в жизни это происходит не так уж часто. Однако мистер Периго действительно вздохнул.

— Так что время от времени я захаживаю сюда или в «Трефовую даму», где, конечно, веселее и где лучше кормят и поят, и отвожу душу глупой болтовней. Ужасное место этот Гретли! Один из самых отвратительных городишек, в которых мне случалось бывать. Ведь вы его еще не видели?

— Пока что нет, но мне он подойдет.

— Да, разумеется, для инженера-строителя здесь работа найдется, но для человека, который старался окружить себя красивыми вещами, этот город хуже смерти. Он да еще эта проклятая война. Скажите мне откровенно, мистер Ниланд, неужели вы думаете, что у нас есть хоть малейший шанс на победу?

От удивления я разинул рот.

— Малейший шанс? Вы меня просто удивляете, мистер Периго. Да мы просто не можем не победить. Возьмите наши ресурсы, живую силу — Великобритания, Штаты, Россия, Китай.

— Да, конечно, все так говорят, но порой мне кажется... Конечно, не мне об этом судить, порой мне кажется, что мы забываем: ресурсы — это еще не военное снаряжение, и даже если у вас есть военное снаряжение, то и тут дело зависит от того, как вы им воспользуетесь. Вот державы оси, те умеют пользоваться своим снаряжением, не так ли? И по-

том они отличные организаторы, а мы это делаем из рук вон плохо.

— Да, но с каждым днем все лучше.

— Вы так думаете? Рад слышать. Но, — тут мистер Периго понизил голос, — и здесь и в «Трефовой даме» мне случалось слышать от летчиков, и от армейских офицеров, и от людей, работающих в военной промышленности, жуткие истории о нашей неспособности, глупости и бюрократизме. Так что порой впадаешь в уныние. Боюсь, что вы тоже решите, будто я из «пятой колонны», только потому, что я был искренен.

— Ну что вы, мистер Периго, — ответил я ему с наигранной веселостью, изображая парня с кожей в фут толщиной. — Мы все порой впадаем в уныние.

— Вот это слова американца, — ответил он с улыбкой.

Этот маленький человечек все подмечал и был очень, очень неглуп.

— Не отобедаете ли со мной как-нибудь на днях? Тогда мы могли бы обсудить эти вопросы более основательно.

— С удовольствием, мистер Периго. Надеюсь, мы подыщем место получше этого.

— Мы отправимся в «Трефовую даму», там куда лучше. Дня через два, если хотите. А вот и Шила! Теперь жди беды!

Шила хотела повторить заказ, но мистер Периго заявил, что должен встретиться с другом, и вышел, кивая направо и налево и улыбаясь.

— Наши принимают его за старого дурака, но он отнюдь не дурак.

— Я тоже думаю, что он не дурак.

Я посмотрел на нее пристально. Нельзя было понять, пьяна она или нет, такая у нее была манера себя держать.

— Я так и думала, что вы это поймете, но большинство наших глупцы и зануды. А вы случайно не зануда?

— Да, я зануда.

Она сжала мое запястье.

— Нет, вы не зануда, иначе вы бы так не сказали. Те, кто нагоняет скуку, убеждены, что с ними безумно весело. Почему вы на меня так пристально смотрите?

— Я все вспоминаю, где же я вас видел раньше?

— Так я и думала. У вас был именно такой взгляд. Попробуем разобраться. Вы знаете, я несколько лет провела в Индии. Там скончался мой муж... Внезапно.

— Когда это случилось?

— Перед началом войны. В Мизоре. Но не будем об этом. Вы там когда-нибудь бывали?

— Нет, — ответил я. — В Индии я не бывал.

Мы помолчали.

— Ну и что? — спросила она с неожиданным раздражением в голосе.

Я продолжал на нее смотреть.

— Что — что?

— Что вы на меня уставились? В чем дело? — спросила она, повышая голос.

— Что здесь происходит?

Это был Фрэнк, настроенный весьма воинственно. Шила картинно пожала плечами и отвернулась от нас. Фрэнку только это и требовалось. Ему в голову не приходило, что он лет на десять моложе меня. Впрочем, мне это тоже тогда не пришло на ум.

— А ну, пойдемте, — сказал Фрэнк. Лицо его было краснее граната. В зеркале бара я увидел внимательный взгляд Шилы. Ее странные глаза блестели от возбуждения. Наконец-то начнется потеха. Мне очень хотелось, разделавшись с Фрэнком, вернуться и наградить ее такой пощечиной, чтобы она не смогла глаз показать из дому этак с неделю.

— Пойдемте, — ответил я Фрэнку, — ступайте вперед.

Мы вышли во двор сквозь заднюю дверь. Во дворе стояли машины посетителей гостиницы, и было довольно светло.

— Слушайте, что я вам скажу, — сказал я ему строго. — Вы уже показали себя героем, ну и довольно. К тому же вы пьяны.

— Вы оскорбили в моем присутствии женщину! — провозгласил он. — Да и вообще мне не нравятся канадцы, или кто вы там есть.

Я измотался за этот день и был зол, как черт. Так что, когда Фрэнк бросился на меня, я отступил в сторону и врезал ему изо всей силы. При этом тусклом свете трудно было попасть в челюсть, однако я попал, и он свалился, как мешок. За спиной кто-то ахнул. Ну конечно, это была душка Шила.

— Я так рада, — сказала она, — его давно надо было проучить.

— Лучше напишите об этом своим друзьям в Индию, — сказал я и, отстранив ее, пошел наверх в свою комнату.

Там я надел халат и ночные туфли, зажег трубку и задумался. Я вспомнил о визитной карточке, которую получил от длинношеей любопытной попутчицы в поезде, и вынул ее из кармана. Там было написано: «Г. Д. Джесмонд». Адрес был зачеркнут, и над ним стояло: «В «Трефовой даме».

То самое место, где любили проводить время мистер Периго и компания. Я выкурил три трубки, прежде чем лечь спать.

III

С Хичэмом, директором электрической компании Чатэрза, я должен был встретиться только днем и поэтому все утро бродил по городу. В переулке я увидел маленький театр-варьете, который назывался «Ипподром». Там давали представление под названием «Спасибо вам, ребята» дважды в вечер. Программа состояла из следующих номеров: «Ваш любимый комик Гэс Джимбол», «Радиопевица Маргарита Гросвенер», «Веселые Леонард и Лори» и «Звезда двух континентов мадемуазель Фифин». На фотоснимках у входа в театр мадемуазель Фифин занимала почетное место. Она была изображена в различных позах. Это была молодая женщина могучего телосложения с широким лицом, очень похожая на актрис французских бродячих цирков. Она призывала зрителей вести счет

ее петлям и пируэтам, и я решил откликнуться на ее призыв на этой же неделе. Возвращаясь назад к площади, я наткнулся на лавку, которой раньше не приметил. Она выделялась среди прочих своим нарядным видом. Крупными выпуклыми буквами по зеленому полю красовалось: «Магазин подарков Пру», а в витринах по обе стороны двери были выставлены букетики неживых цветов из мягкой кожи и сукна, художественная керамика, бронзовые безделушки, красочные календари и тому подобные штучки. Сквозь витрину я увидел полку с книгами. Вероятно, здесь выдавали книги на дом. Я воспользовался этим предлогом и зашел. Сильно простуженная девушка в ярком халатике, что производило странное впечатление, помогала какой-то старой покупательнице выбирать маленькие деревянные игрушки. Я продефилировал к шкафу в углу и обнаружил, что выбор книг отнюдь не плох. Даже людям моей профессии иной раз хочется почитать. Вскоре я выбрал две книги, которые давно хотел прочесть. Однако я их не отложил, а сделал вид, что никак не решусь сделать выбор. Дело в том, что меня заинтересовала высокая женщина в зеленом халате, которая только что вошла в лавку через боковую дверь. С минуту или две она помогала девушке в желтом халате, затем подошла ко мне.

— Могу ли я чем-нибудь помочь?

Я взглянул на нее с любопытством. Сначала она показалась подростком, почти девчонкой, только очень высокой, хорошо сложенной и красивой, но, когда подошла, я увидел, что она приблизительно моих лет. У нее была широкая белая шея без единой морщины, бледно-голубые холодные глаза. Толстые золотистые косы обвивали ее голову. Вблизи можно было заметить на лице сетку мелких морщин, возвращавших ее к своему настоящему возрасту. Говорила она чистым и сдержанным голосом. Я сказал ей, что зашел выбрать две-три книги, и спросил об условиях. Она ответила и, в свою очередь, спросила, долго ли я собираюсь пробыть в городе.

— Я еще не знаю, — сказал я, с радостью входя

в роль. — Я, видите ли, инженер из Канады и собираюсь устроиться в электрическую компанию Чатэрза.

— А если вы получите работу, тогда останетесь?

— Конечно, но вряд ли я ее получу, — ответил я с улыбкой. — Так что, думаю, мне не стоит брать абонемента, но, конечно, я оставлю за книги залог.

Она кивнула и поинтересовалась, где я остановился. Пока я отвечал, она выписывала квитанцию. Потом она записала названия книг, которые я выбрал, и мое имя.

— Кстати, — спросил я, — извините за любопытство, вы и есть мисс Пру?

— Нет, — отвечала она с едва заметной улыбкой. — Никакой Пру вообще нет.

— Но если бы она была, то это были бы вы?

— Вы имеете в виду хозяйку лавки? Да, я хозяйка.

— Вы, наверное, здесь недавно?

— Да, — ответила она. — Я здесь всего четыре месяца. И пока дела идут совсем недурно. Даже в таком месте, как Гретли, люди умеют ценить красивые вещи. Я приехала сюда без особой надежды на успех, но лавка мне досталась почти за бесценок, и на отделку ее ушло совсем немного денег. И право же, пока что дела идут отлично. Конечно, очень трудно с товаром.

— Это, конечно, из-за войны.

— Да, война.

Я посмотрел на нее внимательно и тихо сказал:

— Между нами говоря, мне до чертиков надоела эта проклятая война. Не вижу в ней никакого смысла.

— И тем не менее вы приехали из Канады, чтобы способствовать ей?

Она говорила почти с укором.

— Я приехал из Канады для того, чтобы найти работу по специальности. Я гражданский инженер-строитель. Я думал, может быть, здесь я смогу подработать немножко денег. Вот так обстоят дела, мисс... э-э-э...

— Акстон. Мисс Акстон.

— Благодарю вас, мисс Акстон.

Тут я улыбнулся ей и сделал вид, что не решаюсь продолжать.

— Я понимаю, что, может быть, это бесцеремонно с моей стороны... но... сейчас война... и я в конце концов канадец и...

— И что же, мистер Ниланд?

— Дело в том, мисс Акстон, я думал, возможно, вы поймете меня. Я здесь не знаю ни души... и... возможно, вы согласились бы как-нибудь вечером пойти со мной в ресторан? В «Ягненке и шесте» кормят из рук вон скверно, но, кажется, есть еще одно место рядом с Гретли — «Трефовая дама», где, говорят, очень недурное вино и еда. Вы бывали там?

— Название знакомое...

— Ну и что вы ответите на мое предложение?

Тут она улыбнулась неожиданно приветливо.

— Мне оно нравится. И пожалуйста, никаких извинений. Я ведь сама только что сюда приехала. Но сегодня и завтра я занята.

— Ну что ж! Отложим на несколько дней, — сказал я добродушно. — Я зайду, и мы сговоримся. Но, может быть, у вас есть телефон?

Телефон был. Я записал номер. По-видимому, она жила этажом выше лавки. Мы обменялись какими-то незначительными фразами, и я вышел.

В двух шагах от «Пру» я обнаружил табачную лавку и решил в нее заглянуть. Я нарочно спросил сигареты той марки, которой и в Лондоне-то не сыщешь. Дело в том, что продавец, не располагающий нужным вам товаром, всегда готов с вами поболтать, как бы желая загладить свою вину.

— Да, дела ни к черту, — пожаловался лавочник, — иной день ну просто закрывай лавку, да и только. Ей-богу, я и жене то же самое говорю.

— Но зато вам не слишком много приходится платить за помещение?

— Не слишком много! — завопил он. — Да они нас просто раздевают. Да, просто раздевают. А как

только с тебя уже нечего взять, изволь выметаться, и все тут.

— Так, по-вашему, в Гретли держать лавку невыгодно?

— Сплошное разорение. Уж вы мне поверьте. Если вы за этим сюда пожаловали, то зря теряете время.

Он вовсе не хотел меня обидеть, просто это для него был больной вопрос. Мы дружески распрощались.

Конечно, бывают такие легковерные, неопытные женщины, которые находят цены приемлемыми, даже когда с них дерут втридорога. Именно такие женщины занимаются продажей безделушек. Но ведь потому-то меня и заинтересовала мисс Акстон, что она была не из таких женщин и тем не менее держала лавку.

Отдел, который всегда уделял внимание подобным мелочам, направил еще одно превосходное рекомендательное письмо директору электрокомпании Хичэму, так что мне не пришлось долго дожидаться в приемной. Я тут же вручил ему то рекомендательное письмо, которое мне дали в Отделе, само собою разумеется, ни в одном из этих писем ни словом не упоминалось, что я связан с контрразведкой. В остальном все соответствовало действительности. Мое настоящее имя, возраст, профессия, работа в Канаде и Южной Америке и т. д. По-моему, к лжи нужно прибегать только в исключительных случаях, а в остальном оперировать правдой. Добрая половина тех, кого мы поймали, попалась именно на лжи, поэтому я спокойно наблюдал, как Хичэм, которого охарактеризовали прошлой ночью как маленького, вечно беспокойного человека, знакомится с моими рекомендательными письмами. У него было лицо утомленного, вечно недосыпающего, весь день находящегося в четырех стенах человека.

— Знаете, какое у меня сложилось мнение, мистер Хичэм? — спросил я, чтобы положить конец затянувшемуся молчанию.

— Да?

— Я думаю, это чертовски трудная задача — управлять таким разношерстным предприятием. Вы здесь все работаете как волы.

— Да, мистер Ниланд, некоторые из нас работают по четырнадцать часов в сутки, такое мне, поверьте, не снилось, и обиднее всего, что большая часть времени уходит на вещи, которые только тормозят нашу работу. Если бы только вы знали... — И в порыве отчаяния он принялся чесать то, что война оставила от его шевелюры. Как я и рассчитывал, это маленькое вступление помогло нам найти общий язык.— Видите ли, мистер Ниланд, — сказал он, поглядывая на мои письма, — конечно, два-три человека, имеющие организаторский опыт, были бы совсем не лишними на нашем заводе, и будь у вас хоть небольшой опыт в электротехнике, я наверняка смог бы подыскать для вас место. Но ведь опыта-то у вас нет.

— Да, опыта нет.

Пока что все шло по нашему плану.

— На мой взгляд, сейчас важен не столько технический опыт, сколько организаторский талант. Умение наладить работу в широком масштабе и тому подобное. А такой опыт у вас, очевидно, есть. Но вопрос о приеме на работу решаю не я, а правление.

Только этого я и хотел.

— Мистер Хичэм, — сказал я, — время терпит, и мне не хотелось бы вас затруднять. Все, о чем я прошу, это предложить мою кандидатуру правлению и замолвить за меня словечко.

Он вздохнул с облегчением. Мое предложение явно расположило его в мою пользу. Я воспользовался этим, чтобы попросить у него рекомендательное письмо к директору авиационного завода Белтон-Смита.

— Возможно, — сказал я, — у них найдется какая-нибудь работенка по моей специальности.

Он тут же вызвал секретаря и продиктовал ему письмо. Это только подтвердило то, о чем я неоднократно говорил в Отделе: если ты изъясняешься поанглийски и не носишь на груди нацистский «железный крест», ты можешь спокойно и обстоятельно осмотреть в Англии все, что тебе угодно.

— В это время я обычно обхожу цехи, — сказал Хичэм, кончив диктовать письмо. — Хотите взглянуть на нашу работу?

Он очень гордился своим предприятием и часа полтора водил меня из цеха в цех, объясняя что к чему и возмущаясь недостатками.

Директор приказал заготовить копии с рекомендательных писем, и, закончив осмотр, мы направились через двор к конторе. Но тут его остановил цеховой мастер. Я решил пройти вперед и подождать его у входа в контору. Сержант полиции, который беседовал с кем-то у проходной, направился в мою сторону. Это был совсем молодой парень, этакий новоиспеченный сержант, преисполненный служебного рвения.

— Минутку, — сказал он таким тоном, как будто я пытался улизнуть. — Прошу предъявить пропуск.

— У меня нет пропуска, — ответил я ему вежливо.

— Находиться на территории завода без пропуска категорически запрещено, — выпалил он.

Что можно было на это возразить? Я объяснил ему, что поджидаю директора, с которым у меня деловое свидание.

— В чем дело, сержант? — прозвучал начальственный голос.

Обладатель этого голоса только что вышел из конторы. Это был неприступного вида, подтянутый мужчина лет под шестьдесят, с дряблым лицом, кустистыми бровями и аккуратными седыми усиками. Он походил на наших генералов времен прошлой войны. Хотя он был в штатском, чувствовалось, что он готов облачиться в мундир в любую минуту. Сержант вытянулся перед ним в струнку и отсалютовал. Эти двое были под стать один другому. Два сапога пара.

— Хотел проверить его пропуск, сэр, — отрапортовал сержант.

— Правильно, — гаркнул тот. — Только что приказал коменданту прислать человека на проходную. Распустили народ...

— Так точно, сэр!

Затем они оба сурово взглянули на меня. Таким людям необходимы подчиненные. Кто-нибудь, кого можно было бы наказывать и распекать. Иначе их существование теряет всякий смысл.

— Я уже объяснил, что я с мистером Хичэмом. Он только что водил меня по заводу. А впрочем, вот и он! Можете спросить его самого.

— Отлично, сержант. Можете быть свободны.

Сержант снова отсалютовал, но, прежде чем уйти, наградил меня долгим и выразительным взглядом за то, что я так подвел его перед начальством. Хичэм подошел и представил меня. Оказалось, что это не кто иной, как полковник Тарлингтон, тот самый, о котором прошлой ночью говорили в баре.

— В чем дело, Хичэм? — сказал полковник, едва кивнув в мою сторону. — Что я вижу? Опять этот Стопфорд в столовой комиссии.

— Да, — подтвердил Хичэм вяло.

— Как можно мириться с подобными вещами? Ведь он в черных списках. Ведь он коммунист.

— Мне это известно, — сказал Хичэм с еще более озабоченным видом, чем обычно.— Но его выбрали рабочие, и, если они хотят его, не можем же мы им запретить...

— Не только можем, но и должны, — разозлился полковник. — Проще простого. Завтра же подниму этот вопрос на заседании правления. Вы знаете, как я на это смотрю, Хичэм. Завод выполняет секретные заказы, а у нас тут во всех комиссиях позасели коммунисты... По городу шныряют немецкие беженцы — в таком беспорядке сам черт ногу сломит. Предупреждаю вас: я собираюсь принять крутые меры. Не только здесь, на заводе, но и в городе... Да, крутые меры. — Он резко кивнул нам обоим и чеканным шагом пошел прочь.

— Я уже слыхал о нем, — сказал я Хичэму, когда мы поднимались по лестнице.

— О ком? О Тарлингтоне?

— Да. Что он за человек?

— Видите ли, — начал Хичэм, как будто в чем-то извиняясь, — он тут важная шишка. Вообще-то

он землевладелец, но, кроме того, и член правления, и мировой судья, и... всего не перечислишь. Само собой разумеется, большой мастер на всякие там речи по случаю дня военно-морского флота и все такое прочее. Но только уж больно перегибает палку. Сейчас он помешался на немецких беженцах — считает, что все они шпионы, члены «пятой колонны», добился даже того, что одного из них — отличного химика-металлурга из Австрии — выгнали с нашего завода.

— Волевой стиль руководства? — подсказал я.

— Куда как волевой, — вздохнул он. Может быть, почувствовав, что слишком далеко зашел, он вдруг снова вернулся к своему обычному озабоченному тону.

— Вот ваши письма, мистер Ниланд. Правлению я представлю копии. А вот письмо Робсону из Белтон-Смита. Отлично. Но, пожалуйста, дайте мне знать, прежде чем принять их предложение. Нам, черт побери, самим нужны люди.

Сержант все так же околачивался у проходной. Хотя он видел меня с начальством, я знал, что он относится ко мне с подозрением. Если бы он мог к чему-нибудь придраться, то, вероятно, с удовольствием отволок бы меня в отделение.

Бар открывался поздно, и делать в отеле было нечего. Я вспомнил о маленьком театре-варьете. Когда я добрался до театра, представление уже началось. Мне дали место в партере.

Гэс Джимбол, «наш любимый комик», пожилой коротышка, работал в поте лица, меняя шляпы и костюмы и отпуская двусмысленные шуточки, которые заставляли женщин на балконе буквально выть от восторга. Гэс выполнял свою работу безукоризненно. Единственное, в чем его можно было упрекнуть, это то, что было не смешно. И все же Гэс был гением по сравнению с Леонардом и Лори, исполнявшими свой номер, словно в каком-то заунывном бреду, а что касается радиопевицы, то это диво, увешанное бусами и браслетами общим весом килограммов на сто, просто-напросто внушала вам робость.

Но вот кончилось первое отделение, а мадемуазель Фифин, это здоровенное широколицее «чудо

двух континентов», чьи фотографии занимали столь почетное место на витрине, так и не появилась. Должно быть, она была гвоздем второго отделения. Когда зажегся свет, я увидел справа от себя в передних рядах большую компанию, среди которой заметил знакомых мне людей. Там был мистер Периго, он сидел ближе всех ко мне, втиснутая между двумя молодыми офицерами Шила Каслсайд, а через одно кресло от нее восседала та длинношеяя дама, что сидела напротив меня в поезде, — миссис Джесмонд. Я тут же вспомнил о смуглолицем иностранном господине, который притворялся, что не знаком с ней, и в то же время обменивался понимающими взглядами. Не успел я подумать, куда он мог подеваться, как тут же увидел его. Он стоял, прислонившись к стене, у выхода, всего в двух шагах позади миссис Джесмонд. Я поднял воротник пальто и надвинул шляпу на глаза. В это время компания поднялась и направилась к выходу, — наверное, спешили в бар. Миссис Джесмонд шла впереди. Когда она проходила мимо нашего иностранного господина, то замедлила шаг, и я ручаюсь, что они перебросились парой слов. Потом она вышла, а за ней потянулась и вся компания. Я вышел следом. Проходя мимо толстяка-иностранца, я заглянул в его грустные маслянистые глаза, и мне показалось, что он меня узнает. Не то чтобы он меня узнал, но, вероятно, силился вспомнить, как это часто бывает с попутчиками в поездах. Впрочем, через минуту он снова погрузился в свои размышления. Ну конечно, это какой-нибудь старый поклонник мадемуазель Фифин, энтузиаст обоих континентов.

Бар оказался обширным, но и народу было много. Мистер Периго узнал меня и приветствовал. Сегодня он уже не заказывал вина, наверное, угощала миссис Джесмонд. Мистер Периго так обрадовался мне, что со стороны могло показаться, что мы старые друзья.

— Ну вот, милый юноша, — сказал он, похлопывая меня по плечу, — мы снова встретились. Мне только что сказали, что вчера, после моего ухода, вам пришлось применить решительные меры по отноше-

нию к нашему другу Фрэнку. Нет, нет, не подумайте, что я вас осуждаю, ни в малейшей степени. Как вы смотрите на то, чтобы пропустить рюмку? А потом я представлю вас миссис Джесмонд. Очаровательная женщина! Просто не знаю, что бы мы тут без нее делали. Что будете пить? Может быть, мне удастся раздобыть для вас немного виски.

И он стал проталкиваться к стойке, оставив меня одного. Секунду спустя я был замечен Шилой, и вскоре ее нахальный носик уже пробивался ко мне сквозь толпу. Она была так же возбуждена, как и прошлой ночью, а поскольку не верилось, что она успела так рано накачаться, я заключил, что это ее обычное состояние в компании.

— Послушайте, — сказала она без тени улыбки,— если вы думаете, что вчерашний случай вам сойдет просто так, то вы ошибаетесь. А ну извиняйтесь!

— Ладно, — ответил я.

— Ну и что же дальше?

Но дальше ничего не было. Я стал набивать трубку, как будто Шилы не существовало вовсе.

— Я ничего не говорю: Фрэнк сам виноват, и я даже немного рада, что вы его проучили. На него иногда находит, хотя я уже не помню, когда это случилось в последний раз. Сейчас он грозится при первой же встрече сделать из вас отбивную. Но вы не беспокойтесь. Я случайно узнала, что ему придется дежурить несколько дней подряд.

— Спасибо, что успокоили, — ответил я.

— Ну так вы сожалеете?

— О чем?

Она взяла меня за руку.

— О том, что по-хамски вели себя со мной. Разве не так?

Мистер Периго проталкивался к нам с рюмкой виски, улыбаясь фарфоровой своей улыбкой.

— Вот вам, милый юноша. Бармен божится, что это последняя капля виски. Что тут у вас происходит? Небось опять Шила вам докучает? Шила чудная девочка, но иногда невыносима, невыносимо надоедлива.

В этот момент мистер Periго бросил на меня многозначительный взгляд. Все-таки он был очень не глуп.

— А сейчас я хочу вас представить миссис Джесмонд, — сказал он, — ведь сегодня она хозяйка вечера.

— Собственно, я уже встречался с миссис Джесмонд, — сказал я.

— Еще бы, — сердито вскрикнула Шила, — загадочных мужчин тянет к загадочным женщинам!

— Ну и ну! — протянула миссис Джесмонд, когда я поздоровался с ней и был представлен находившимся при ней летчику и армейцу. — Ну не забавно ли вышло? Надеюсь, вы собирались мне позвонить, как мы договорились? А?

Я ответил (и это была правда), что собирался позвонить ей буквально на следующий день. Потом спросил, как ей нравится представление.

— Чудовищная вещь! — воскликнула она, улыбаясь своим кавалерам. — Никогда раньше не бывала в этой дыре. Но мистер Периго настаивал, а эти двое молодых людей поддержали его. Они утверждают, что здесь выступает какая-то великолепная акробатка.

— Потрясающе, — подтвердили «военно-воздушные силы».

— Я слыхал о Фифин и раньше, — сказал мистер Периго с напускной серьезностью. — И может быть, даже видел ее в театре Медрано в Париже. — Трюк заключается в том, что надо хором считать ее сальто.

— Нет, хорошее, хорошее представление! — сказала «армия».

— Значит, опять придется жаться в этих отвратительных креслах, — миссис Джесмонд улыбнулась своей обворожительной улыбкой. — Мистер Ниланд, сегодня я даю вечер, сама толком не пойму в честь чего. Мы собираемся отобедать в «Трефовой даме». Не хотите ли присоединиться?

Я сказал, что с удовольствием присоединюсь, мы вернулись в партер, и скоро я был втиснут между Шилой и мистером Периго.

Толстый иностранец все так же стоял, прислонившись к стене, но сейчас он не обращал на миссис Джесмонд ни малейшего внимания. В поезде я не смог хорошо разглядеть ее. Сейчас я имел возможность убедиться, что она уже не молода, приблизительно моего возраста, что у нее отличная фигура и чистое и гладкое, как персик, лицо.

— Будьте осторожны, — прошептала Шила прямо мне в ухо, — это опасная женщина. Не знаю чем, но она опасна.

Я кивнул и сделал вид, что ужасно увлечен происходящим на сцене, где Леонард и Лори продолжали демонстрировать свои убийственные трюки. Я бы с удовольствием узнал от Шилы побольше о миссис Джесмонд, но рядом сидел мистер Периго и ничего не пропускал мимо ушей. Он наблюдал за Леонардом и Лори, покачивая головой и восклицая: «Трогательно!» Я едва не сказал ему, что один из этих шутов очень напоминает его самого. Шила толкнула меня локтем, и я понял, что ей пришла в голову та же мысль. Гэс, «наш любимый комик», с удвоенным усердием снова принялся за работу, к большому удовольствию публики, включая офицеров и Шилу, которая смеялась над его плоскими шутками как сумасшедшая. Она смеялась тем же шуткам и в той же манере, что и фабричные девчонки на балконе. Мне многое стало понятным. Я поймал изучающий и холодный взгляд мистера Периго, обращенный на Шилу.

Мне не видно было миссис Джесмонд, она сидела через три кресла от меня, но по тому, что я ни разу не слышал ее голоса, можно было судить, что она изрядно скучает. А я не скучал. И уж совсем мне стало не до скуки, когда на сцене появилась Фифин. Она работала на кольцах и трапеции. Мощная, как молодая кобылица, она в то же время была чрезвычайно гибкой и проделывала со своим телом удивительнейшие вещи. Потом она предложила публике считать, сколько раз она повторит какой-нибудь сногсшибательный трюк, так что было слышно, как в зале бормочут: «Раз, два, три» и т. д. Один трюк

она повторила семь раз, другой — одиннадцать, третий — шесть, следующий — пятнадцать и всякий раз сама повторяла общий результат. Она была неразговорчива, но мне почему-то подумалось, что она из Эльзаса.

— Взгляните на мистера Периго, — прошептала Шила, — теперь понятно, что ему нравится.

Он услыхал ее слова, тут же повернулся, демонстрируя свою дежурную улыбку, впрочем, это не могло ввести меня в заблуждение, ведь мне уже случалось видеть совершенно другого мистера Периго. Не успела Фифин пробыть на сцене и двух минут, как я почувствовал, что мистер Периго вдруг застыл в напряженном внимании. Не поворачивая головы, я покосился на него и увидел, что он не сводит сузившихся от напряжения глаз от извивающейся в свете рампы фигуры. И я услыхал, что он совершенно серьезно, как если бы был ее импресарио, ведет счет сальто.

— Вы очарованы, сознайтесь? — крикнула ему Шила, в то время как Фифин без особого восторга принимала наши бурные аплодисменты.

Но мистер Периго уже вернулся к своей обычной роли.

— Еще бы, дорогая, — ответил он своим визгливым голосом, — глядя на нее, чувствуешь себя таким маленьким и слабым. Какие руки! Какие бедра! И потом, видите ли, я забавлялся тем, что заключал сам с собою маленькие пари относительно числа сальто и сам у себя выиграл тридцать с половиной шиллингов. Понимаете? — добавил он, обращаясь ко мне.

— Да, конечно, — ответил я.

Покинув театр, наша компания разместилась в двух машинах. Я ехал вместе с Шилой, мистером Периго и армейским офицером, который был за рулем. Пока машина громыхала сквозь мрак и слякоть Гретли, мистер Периго хранил странное молчание. Я тоже молчал, но Шила и офицер без умолку болтали о пустяках. Я заскучал, что со мною часто случается после подобных спектаклей. К тому же я был голоден и не прочь выпить. Так я и заявил.

— Не волнуйтесь, дорогой, — крикнула мне Шила через плечо, — мы получим чудный обед и выпивку! Сами увидите. Не знаю, где только миссис Джесмонд умудряется все это доставать!

Машина остановилась у «Трефовой дамы». Первое, что следовало сделать гостю, — это отправиться прямиком к бару. Бар пользовался популярностью не только потому, что там подавались коктейли, но и потому, что находился в руках Джо. В течение следующих десяти минут этот Джо был единственной темой разговора. Он, по-видимому, считался единственной фигурой в «Трефовой даме». Драгоценная столичная штучка, эвакуированная в Гретли. В Лондоне он смешивал коктейли в ресторане «Борани», и предполагалось, что жители Гретли должны быть бесконечно благодарны Джо за его появление в их провинциальном городишке. Надо ему отдать должное: он действительно понимал толк в спиртном и знал, где его раздобыть. Давно мне не приходилось пить такие отличные «мартини», как те два, что он мне приготовил. Это был холеный, здоровый парень, выглядевший чисто и опрятно в своей белой куртке. Быстрый и обходительный, Джо забавлял компанию анекдотами, которые рассказывал с сильным американским акцентом. Чем-то он напоминал моряка, и было приятно смотреть, как он работает. На обеде нас присутствовало восемь человек, мы сидели в столовой, служившей одновременно танцевальным залом и обставленной с гораздо большим вкусом, чем этого можно было ожидать от провинциального ресторана. Шила не ошиблась: миссис Джесмонд угощала нас на славу. Я никак не мог понять, почему миссис Джесмонд уделяет так много внимания моей персоне. Ведь я был отнюдь не в ее вкусе, и к тому же прежде она приударяла за «военно-воздушными силами», которые, кстати, были несколько озадачены таким поворотом дела.

Меня ожидал сюрприз. В глубине зала я увидел свою недавнюю знакомую из магазина безделушек — мисс Акстон. Она танцевала с командиром авиаэскадрильи. Она была восхитительна. Я вспомнил, как

в разговоре с ней упомянул «Трефовую даму», и она ни словом не обмолвилась о том, что собирается туда сегодня же вечером. Конечно, тогда она могла и не знать, что окажется здесь. Шила заметила, что я наблюдаю за мисс Актон.

— Да ведь это та женщина, что торгует всякими ужасными безделушками.

— Неужели?! — поинтересовался я. — А я как раз хотел спросить, кто она такая.

— Так оно и есть, — сказала Шила, прищурившись. — И она намного старше, чем кажется издали. Уж вы мне поверьте! Не нравится она мне.

Я рассмеялся.

— А что же в ней плохого?

— Ну, во-первых, она слишком много о себе воображает, а во-вторых, она все врет.

Я знал, что она «все врет». А что касается ее «воображения», то меня это нисколько не интересовало. Половина населения Англии упрекает вторую половину в снобизме.

— И это все? — спросил я, стараясь казаться равнодушным.

— Нет, — Шила подумала с минуту, — есть в ней что-то недоброе. Вы только поглядите вблизи на ее глаза. — Тут Шила повернулась и посмотрела мне в лицо. — Не принимайте меня за дурочку. Иной раз меня действительно принимают за дуру, но это не так. Я знаю жизнь, и знаю ее лучше, чем все эти люди.

— Да, это мне известно, — сказал я и, в свою очередь, посмотрел ей в лицо. Когда я сделал это замечание, наигранная веселая дерзость исчезла с лица Шилы и она побледнела.

Залпом допив свое вино, она сказала:

— Пойдемте танцевать.

— Итак, — начал я, как только мы вошли в ритм танца.

— Вы хотите меня выдать? — прошептала она, и я почувствовал, как задрожали ее пальцы, зажатые в моей ладони.

Я сделал удивленное лицо, но на самом деле ее вопрос меня ничуть не удивил.

— А что же, интересно, я могу выдать?

— Очень многое, и вы прекрасно это знаете. Я еще вчера вечером догадалась, что вы все знаете. Я уверена, мы с вами где-то раньше встречались, но не могу припомнить где. Вот это и мучило меня всю ночь.

— А какое это имеет значение? — спросил я. — Что же касается вашего беспокойства, то хочу сообщить вам: мне и в голову не приходит, что именно я могу вас выдать. Да и кому? Лучше оставим этот разговор.

Она пристально посмотрела на меня, кивнула головой, и на ее лице вновь появилась улыбка. Мы продолжали танцевать.

— Я никогда не думал, что в промышленных городах Англии имеются такие рестораны, — сказал я.

— Вы правы, это лишь нам в Гретли так повезло.

— Кому он принадлежит?

— Разве вы еще не встречали владельца? Вон там... Тот мужчина небольшого роста и есть хозяин «Трефовой дамы» — мистер Сэтл. Трудно поверить, правда?

— Да уж никогда бы не поверил.

Танцуя, мы приблизились к мужчине, на которого указывала Шила, и я захотел увериться, тот ли этот человек.

— Вы имеете в виду именно этого человека, да?

— Да, это и есть он. Мистер Сэтл, — повторила Шила.

Мистер Сэтл заметил ее и с улыбкой поклонился. Но как только он увидел меня, от его улыбки не осталось и следа. Его фамилия была не Сэтл, и я мог держать пари на весь остаток моего годового заработка, что он, возможно, управляющий этого ресторана, но никак не владелец. Я его встречал раньше в Глазго, это было в то время, когда мисс Джесмонд приметила меня там, но тогда его звали Фенкрест, и он вряд ли мог заплатить даже за ножи и вилки такого шикарного ресторана, не говоря уже

обо всем остальном. Он не знал о моих связях с Отделом, не знал, вероятно, даже о его существовании, но в Глазго он один или два раза встречал меня в обществе офицеров полиции и, должно быть, думал, что я имею какое-то отношение к этой службе. Во всяком случае, улыбка с его лица исчезла, а через пару секунд он и сам исчез из зала. Да, не говоря уже о жареных утках и напитках, «Трефовая дама», по всей вероятности, была прелюбопытным местечком.

— Вы, кажется, всем довольны, — сказала Шила.

— Да, я рад, что пришел сюда. Со стороны миссис Джесмонд было очень мило пригласить меня.

— Время от времени ей нравится устраивать вечеринки, а в промежутках между этими вечеринками мы редко видимся с ней. Разумеется, когда я говорю «мы», я не имею в виду «военно-воздушные силы» и этих армейских молодчиков, которых она тут обхаживает. Бог знает когда и как они встречаются с ней.

— Вот что, Шила, некрасиво говорить такие вещи о своей хозяйке, — сказал я ей. — Я вижу, наша компания уже, кажется, разошлась. Что будем делать?

— Давайте попросим у Джо два виски с содовой, — предложила Шила. — Все-таки он душка, правда?

— Думаю, я тоже сумею полюбить его, — сказал я, в то же время недоумевая, куда могли деться миссис Джесмонд и мистер Периго. У стойки их не было. Должно быть, где-то поблизости была гостиная.

Джо забавлял компанию анекдотами о начальнике ПВО и молодой вдовушке. Когда очередной анекдот был рассказан, я получил свое виски и с большим удовольствием заметил, что Шила увлеченно беседует с двумя военными. Я передал ей ее виски, выпил залпом собственное и решительными шагами направился к двери, хотя не знал толком, что буду делать дальше. В коридоре напротив гостиной висела табличка: «Посторонним вход воспрещен». Я быстро распахнул дверь, крикнул «Извините!» и захлопнул ее. Я думал,

это кабиет управляющего, и ожидал увидеть Фенкреста, ио его там не оказалось. Зато в комиате иаходился другой — тот самый толстяк иностранец, которого я уже видел в варьете.

По левой стороне коридора был вход в безвкусио обставлениую гостиную, где посетители, расположившись за малеиькими столиками, пили вино и слушали радио. У входа я на секунду задержался: мистер Периго находится там в компаиии двух скучиого вида дам и армейского офицера. Напротив входа, справа от коридора, я заметил лестницу, довольно узкую и плохо освещеииую, по которой спускался Феикрест, а ныне Сэтл. На этот раз ему было от меня ие уйти.

— Привет, — сказал я, ухмыляясь.

— А-а, здравствуйте! Мистер Ниланд, если не ошибаюсь?

— Он самый. А вас как теперь величать прикажете?

— Пройдемте в мой кабинет, — поспешно пригласил он, — пропустим по рюмочке.

Он привел меня в ту самую комнату, в которую я заглядывал всего две миирты иазад. Но толстяка иностраица там уже не оказалось, и я заметил в кабинете еще одну дверь.

— Дело в том, мистер Ниланд, — начал Фенкрест со смущенным видом, — что во время иашей последней встречи у меня были неприятности с жеиой. Кстати, где мы с вами в последиий раз виделись?

— В Глазго. И кроме того, у вас были неприятности с полицией.

— В столице вышло недоразумеиие, — сказал он быстро, — ио, как я вам уже говорил, у меня тогда произошел коифликт с жеиой, и, когда я подыскал эту работу, то сменил имя в иадежде, что оиа ие найдет меня здесь. Вот, собствеино, и все. Не хотите ли выпить, мистер Ниланд?

— Нет, спасибо. А почему вас прииимают за владельца «Трефовой дамы»?

— А откуда вы знаете, что я ие владелец?

— Но все-таки кто же хозяин «Трефовой дамы»?— спросил я.

Он опасливо оглянулся, поежился и почесал затылок. Было видно, что он чувствует себя чрезвычайно неловко. Я был рад этому.

— «Трефовая дама» принадлежит миссис Джесмонд, — пробормотал он. — Но только, пожалуйста, никому ни слова. Ведь вы, кажется, с ней сегодня обедали?

— Да. Отличный обед. А кто она такая?

— Я и сам не много о ней знаю. И это правда, мистер Ниланд. Поверьте. Насколько мне известно, она вдова. Раньше она роскошно жила на Ривьере, а в Англию вернулась незадолго до падения Франции. Должно быть, у нее уйма денег в Англии, потому что она приобрела «Трефовую даму» не из выгоды, а для своего удовольствия. Многие из тех, кто у нее служит, ее старые знакомые. Например, повар, а также Джо.

— Она знала Джо, когда тот работал в «Борани», а?

— Да, — ответил Фенкрест. — А после того как «Борани» был разрушен во время бомбардировки, Джо не знал, куда ему устроиться.

Это звучало весьма правдоподобно. Только не совпадали даты. Я случайно помнил, что ресторан «Борани» был разрушен в октябре 1940 года, а это значило, что Джо целый год прожил в Лондоне, прежде чем оказался здесь.

Раздался стук в дверь. Вошел официант и вызвал Фенкреста. Как только они удалились, я бросился ко второй двери, через которую, вероятно, исчез иностранец. Она была не заперта и вела прямо на темную лестницу. Я закрыл дверь за собой, зажег карманный фонарик и тихо пошел вверх. Там я обнаружил еще одну незапертую дверь, ведущую на маленькую площадку. Стоя на ней, можно было слышать голоса, доносившиеся из комнаты справа от меня. Я прижал ухо к двери, но мне не удалось разобрать ни слова.

На площадке было темным-темно. Лишь тусклый свет пробивался из-под двери, ведущей в главный коридор. Тут я услышал шорох: кто-то осторожно открывал эту дверь. Я отступил назад и прижался

к стене так, чтобы свет из коридора не упал на меня. С того места, где я стоял, было видно, кто открывает дверь. Это оказался мистер Периго. Едва я успел его разглядеть, как дверь за ним закрылась и снова стало темно. Так мы и стояли вдвоем на этой темной площадке. Я затаил дыхание. Я знал, что он делает. Он старался подслушать разговор в гостиной, стоя у двери в нескольких дюймах от меня. Разумеется, это не могло продолжаться долго. Неожиданно дверь распахнулась, и на площадку хлынул поток света. Забавная, должно быть, это была картина. Впереди стоял мистер Периго, а позади него — я, делая вид, что мы только что пришли вместе. В гостиной восседал жирный иностранец с маленьким кожаным чемоданом на коленях, а рядом в непринужденной позе сама миссис Джесмонд. Что и говорить, забавная получилась сценка!

— Прошу прощения, миссис Джесмонд, — начал я через плечо мистера Периго, — мы вас не побеспокоили? Мистер Сэтл сообщил нам, что вы здесь, но если вы заняты... Мы как раз...

— Мы как раз обсуждали с мистером Ниландом,— бодро перебил меня Периго, — следует ли вас беспокоить.

— Ну, разумеется, что за разговоры, — улыбнулась миссис Джесмонд. — Заходите. А что касается вас, мистер Тиман, то я уверена, что вы можете немного задержаться. Хотя он в общем-то очень занятой человек.

— Я не могу задерживаться здесь долго, — сказал мистер Тиман. — Я должен поспеть на ночной манчестерский поезд.

В жизни своей не встречал человека менее похожего на ланкаширца, и все-таки он говорил с акцентом, который можно приобрести, лишь прожив долгие годы в Ланкашире. Гостиная, в которую мы вошли, была столь же необыкновенной, как мистер Тиман и тот обед, который нам подавали внизу. Отличная мебель, а что до картин, так они были значительно лучше мебели. Если бы мистер Периго действительно занимался продажей картин, он должен был

бы наброситься на эти полотна с жадностью голодного пса, увидевшего добрый кусок сырого мяса. На стенах висели одна из лучших уличных сценок Утрилло, два или три Дерена и розовый Пикассо, стоивший, видимо, не меньше всей «Трефовой дамы» с ее содержимым.

— Вы собрали великолепную коллекцию, — сказал я миссис Джесмонд.

— Да, — с быстротой молнии подхватил Периго. — Я провел перед этими полотнами часы с милостивого разрешения хозяйки, не правда ли?

Миссис Джесмонд подтвердила это кивком, и мистер Периго остался доволен собой, улыбнувшись так, словно знал, о чем я только что подумал. Мистер Тиман поспешно схватил свой чемодан и заявил, что не может больше оставаться ни одной минуты. Миссис Джесмонд проводила его к дверям и вышла за ним в коридор.

— Даже лучше, что мы пришли вместе, — прошептал Периго, — не так ли? Кстати, я только что вас разыскивал.

— Мы беседовали с мистером Сэтлом.

— Понятно. На мой взгляд, этот Сэтл самая заурядная личность. Трудно поверить, что он обладает капиталом, достаточным для содержания такого ресторана.

— Да, я и сам удивляюсь, — ответил я и ухмыльнулся.

Миссис Джесмонд, наконец, вернулась с приветливой улыбкой. Нельзя было не восхищаться этой женщиной. Теперь-то уж она наверняка знала, что Сэтл не направлял нас в ее гостиную, что мы вломились без спроса. Тем не менее она и глазом не повела.

— Рассаживайтесь, пожалуйста, устраивайтесь поудобнее, — сказала она, направляясь к старинному креслу с высокой спинкой. — Как вам нравится война, мистер Ниланд?

Я сделал неопределенный жест.

— Ну, если на то пошло, она никому не по душе,— промямлил я.

— У мистера Ниланда есть манера, — мягко вставил Periго, — притвориться иной раз простачком.

Мне эта реплика не понравилась, но я продолжал в том же духе:

— Видите ли, я смотрю на это так. Я канадец и приехал сюда подработать. Пока я тут не обжился, мне лучше держать язык за зубами.

— Во всяком случае, здесь вы можете говорить обо всем открыто, — уверила меня миссис Джесмонд. — Не так ли, мистер Periго?

— Разумеется, — ответил тот, — но он-то об этом не знает. Что касается меня, то я не делаю секрета из своих взглядов. Разве лишь в присутствии таких ура-патриотов, как полковник Тарлингтон. Я думаю, что мир, в котором я живу и который люблю, вряд ли уцелеет, если мы будем продолжать эту войну. Даже если предположить, что мы сможем побить Гитлера — а пока совсем непохоже, что это так, — мы истощим себя в этой войне. И когда придет так называемая победа, часть мира будет полностью под влиянием Америки, а другая — под влиянием Советской России. Безнадежная перспектива, на мой взгляд. Поэтому — конечно, это строго между нами, мистер Ниланд, — я не вижу смысла в продолжении этой войны и думаю, что лучше бы нам договориться на разумных условиях с немцами. Не обязательно с самим Гитлером, но хотя бы с германским генеральным штабом.

— Я была того же мнения еще прежде, чем Россия вступила в войну, — сказала миссис Джесмонд без тени улыбки. — А сейчас я просто уверена в этом.

— Уверены в чем? — спросил я.

— В том, что глупо продолжать войну. Тем более что мы воюем главным образом за большевиков. Выиграть мы ничего не выиграем, а проиграть можем многое.

Я взглянул на нее и подумал, что в первую весну этой войны, когда мы еще не решались вступить в нее по-настоящему, в Париже, в апартаментах вроде этих, наверное, было немало женщин, похожих на миссис Джесмонд. Красивых женщин. Умных женщин. Обра-

зованных, утонченных, длинношеих, благоухающих, хитрых крыс. Миссис Джесмонд все так же улыбалась мне. Затем она бросила быстрый взгляд на часы. Я понял намек: вероятно, приближалось время свидания с одним из тех парней, что были там, внизу.

— Ну, мне пора, миссис Джесмонд, — сказал я, продолжая разыгрывать простачка. — Мне здесь очень понравилось. Если мне удастся получить работу в Гретли, надеюсь, вы позволите мне иногда бывать у вас.

— Не только позволю, но приказываю, — ответила она и выразительно пожала мне руку.

Мистер Периго ушел вместе со мной.

— Боюсь, я слишком много болтал, — сказал он тихо, когда мы шли по коридору. — Миссис Джесмонд, и эта комната, и эти картины... Понимаете, они привели меня в возбуждение, у меня развязался язык. Но, разумеется, это бывает со мной, когда я среди друзей. Если бы мои слова стали известны обывателям Гретли, у меня обязательно были бы крупные неприятности. Впрочем, я уверен, что вы меня не поставите в трудное положение.

— За кого вы меня принимаете? Я сам привык говорить все напрямик и считаю, что другие имеют на это такое же право, — последняя фраза прозвучала просто по-идиотски.

Он пожал мне руку, и мы пошли по главной улице.

— Надеюсь, — сказал он, — мы снова скоро увидимся.

— Вы сейчас домой?

— Да, я изрядно утомился, а завтра утром мне нужно быть на заводе Белтон-Смита. У меня отличное рекомендательное письмо к ним. Поэтому хочу пораньше лечь, чтобы выспаться.

Мистер Периго показал мне остановку, и я поспел как раз в ту минуту, когда автобус отправлялся. Мне было над чем подумать по дороге домой.

IV

На следующий день я отправился на завод Белтон-Смита. Робсон, генеральный директор, на имя которого Хичэм написал мне рекомендательное письмо, еще не приходил. Пришлось долго ждать, прежде чем мне удалось увидеть молодого человека по имени Пирсон. Моим делом он нисколько не интересовался, и, право, трудно его в этом винить, но он мог бы по крайней мере не выказывать своего полного равнодушия столь явно. Выражение его лица ясно свидетельствовало о том, что у меня нет ни малейшего шанса получить у них работу. Тем не менее мне было крайне необходимо попасть на территорию завода.

— Не могу ли я хотя бы осмотреть завод?

— Лично я не возражаю, — ответил он, — но сейчас с этим стало очень строго. Слишком все засекретили, но если вам уж так хочется, то можете осмотреть центральный ангар. Это даст вам некоторое представление о размахе работ.

Вскоре появился гид. Ему было лет за пятьдесят. Он носил очки в железной оправе и халат, от которого разило бензином и авиационной краской. У него был усталый вид. Вы можете увидеть сотни таких людей на любом предприятии.

— Вы, видно, нездешний, — обратился он ко мне, когда мы вышли из конторы.

— Нет, — ответил я настороженно. — Я только что приехал из Лондона. А вообще-то я канадец.

— Неужели? — спросил он, не поворачивая ко мне головы. — Всю жизнь мечтал побывать в Канаде. И еще в Южной Америке.

— Я несколько лет работал в Южной Америке, — сказал я ему. — В Чили и в Перу. Прекрасная страна, если ты молод и здоров.

— Что касается меня, то я, как видите, не молод и, уж во всяком случае, не здоров. Сердце пошаливает.

Мы уже прошли полпути от конторы к замаскированным ангарам. Справа находилось громадное поле, на котором испытывались новые самолеты.

Гид остановился и тронул меня за руку. Здесь мы были совершенно одни.

— Ну, сердце там или не сердце, — сказал он, доставая пачку сигарет, — а курить хочется.

Он предложил мне сигарету и вынул зажигалку.

Стоило мне взглянуть на нее, я понял, что тут-то и начинается все, ради чего я приехал в Гретли.

— Не работает, — сказал он, даже не взглянув на меня. — Нет ли у вас огонька?

Я вынул свою собственную зажигалку, и мы прикурили.

— Я бы подарил ее вам, — заметил я, отчетливо выговаривая слова, — но это подарок друга.

— Не беспокойтесь, — ответил он, — я завтра же починю свою.

Все было ясно. Мы удовлетворенно взглянули друг на друга.

— Я здесь специально для того, чтобы встретиться с вами, — объяснил я ему.

— Вы избрали неплохой путь, — ответил он. — Конечно, мне многих приходится водить по заводу, но я сразу догадался, кто вы. Поэтому я и заговорил сначала о Канаде и Южной Америке. Мне сообщили кое-какие данные о вас. Давайте пойдем потише. За нами могут следить.

— Здесь поговорить нам не удастся? — спросил я.

— Что вы, что вы!

— И все же нам необходимо переговорить как можно скорее.

— Послушайте, Ниланд, я снимаю комнатушку на Раглан-стрит, 15. Та улица, что идет от верхней Маркет-стрит. Не заблудитесь? Отлично.

— Удалось напасть на след? — спросил я.

— Да, я тут времени не терял. Хотя здесь нелегко работать: весь день привязан к заводу. Ну, а у вас есть что-нибудь?

— Кое-какие наблюдения, но толку от них не много. Вечером все расскажу. В половине десятого.

Спустя четверть часа я выходил с территории завода. Мне очень понравился этот низкорослый человек — Олин. Большую часть вечера я провел у себя

в комнате, пытаясь соеднннить в одно целое разрозненные сведения, которыми уже располагал. Я поннмал, что некоторые из них совершенно бесполезны, пока не сравнишь нх с наблюдениямн человека, прожившего в Гретлн некоторое время. Я с большнм нетерпением ждал встречи с Олни: помимо всего, очень хотелось снова стать самнм собой, два-трн часа потолковать спокойно и открыто о нашей работе.

Дверь мне открыла маленькая, похожая на мышку женщнна, выглядевшая очень нспуганной до тех пор, пока я не объясннл ей, что у меня свидание с ее квартнрантом мнстером Олнн.

— К мнстеру Олнн вверх по лестннце и направо, — поясннла она робко, — но он еще не вериулся. Можете подняться и подождать его, — продолжала она. — Он прнслал запнску, в которой просил проводнть вас наверх, если он запоздает.

— Да, — отвечал я, — он знал, что я приду.

— Но он почему-то ничего не сказал мне о женщине...

— Какой жеищине?

— Внднте лн, — тут она поннзила голос, — наверху его ожндает женщнна. Доктор... Не расслышала ее фамнлни.

Это было досадно, еслн только она тоже не была из Отдела.

— Неважно, — ответнл я. — Я подннмусь в комнату н подожду его там.

Внезапное появление имеет свои преимущества. Быстро и тихо я поднялся по лестнице и стремнтельно вошел в комнату Олни. В самый этот миг женщнна скомкала в кулаке листок бумаги и спрятала в карман мехового пальто. Она сделала это ннстннктивно. И все-такн это была любопытная деталь. Она была сильно напугана монм появленнем.

— Простнте, — начал я, — но я опаздывал на свндание с мистером Олни.

— Он еще не прншел, — ответнла она, все еще не нзбавнвшнсь от нспуга. — Я как раз поджндаю его тут.

Это была женщина лет тридцати пяти, с тонким н

довольно суровым лицом, с выразительными зеленовато-карими глазами. Но в этих умных глазах я прочел неуверенность и страх.

— У меня не более как минутный разговор с мистером Олни, — начала она.

— Не беспокойтесь, я могу подождать, пока вы закончите свое дело.

— Вы говорите, что опаздывали?

— Да, — сказал я. — Мы договорились встретиться в полдесятого. Хотите сигарету?

— Спасибо, я не курю.

На этом разговор иссяк. Я закурил сигарету и оглядел комнату. Время от времени я поглядывал на свою соседку.

— Разрешите представиться, — наконец начал я. — Меня зовут Ниланд. Я канадец и только что приехал в ваш город. В поисках работы. Инженер. Я встретился сегодня с мистером Олни на заводе.

— Понятно, — улыбнулась она. — Сколько вам лет? Вы женаты? Чем увлекаетесь?

— С удовольствием удовлетворю ваше любопытство. Мне сорок три. Вдовец. Любимое занятие — рыбная ловля, книги по истории, описания путешествий, картины и не слишком трудная музыка. Вот, пожалуй, и все.

— Я доктор Бауэрнштерн. У меня практика в Гретли, — сообщила она.

И мы опять замолчали.

— Вряд ли стоит ждать мистера Олни дальше, — сказала она, даже не взглянув на меня.

— Может быть, ему передать что-нибудь, — предложил я. — Я все-таки собираюсь его дождаться.

— Дело в том... — тут она запнулась, все так же глядя в сторону. Потом она взглянула на меня в упор своими живыми испуганными глазами. Так, как часто смотрят люди, прежде чем рассказать вам явную небылицу. — Мистер Олни — один из моих пациентов. Вчера я выписала ему рецепт, который можно заменить на лучший, поэтому я и заглянула сюда по пути домой. Вот и все.

Тут я решил закинуть удочку.

— Вероятно, та бумага, которую вы спрятали в карман при моем появлении, и была тем самым рецептом.

Она и до этого была бледна, но после моих слов побелела как бумага. Впрочем, это продолжалось недолго. Уже через секунду она сделала вид, что оскорблена.

— Когда вы ворвались сюда, — сказала она голосом, который звучал будто издалека, — я как раз читала письмо. И вполне понятно, вы меня испугали...

— Я знаю, но я ведь извинился. И вообще я сожалею, что интересовался вещами, которые меня не касаются. Боюсь, что я был недостаточно вежлив и слишком любопытен.

— Да, — подтвердила она, перед тем как уйти. — Я заметила, что вы очень любопытны. И вовсе не потому, что вы задавали вопросы. У вас беспокойный, нескромный и очень печальный взгляд. И поделом вам. Прощайте.

Прежде чем я нашелся что ответить, она захлопнула за собой дверь.

Около четверти одиннадцатого я услышал звонок в прихожей и голоса.

Кто-то пришел. Я осторожно выглянул и увидел полицейского. Я сразу же узнал его. Это был тот самый болван сержант с массивным подбородком, которому я так не понравился на заводе Чатэрза. Он поднимался по лестнице. Я имел в своем распоряжении не более двух секунд. Было только два выхода: или остаться, в таком случае я не смог бы избежать разговора с ним, или бежать. Если он застанет меня здесь, это покажется ему подозрительным, и тогда полиция не спустит с меня глаз. Итак, мне оставалось только бежать. Я бросился к окну, занавешенному тяжелыми шторами, нырнул между ними, открыл створку, ухватился за подоконник, выпрыгнул и тут же услышал крик сержанта наверху. На улице тоже раздавались голоса. Я вскочил на ноги. Свет, падавший из окна, помог мне быстро найти калитку. Я вышел из нее, повернул направо и бросился вниз по переулку. Я был уверен, что сержант последует

за мной в окно. Тут я услышал приближающиеся ко мне навстречу шаги. Было скользко, и я понимал, что от полиции мне не уйти. Я юркнул в первую же подворотню, пробежал по тропинке и через незапертую дверь черного хода проник в темную комнатушку. Наверное, это была маленькая кухонька. Я не знал, что творится на улице, но было ясно, что выходить в переулок для меня опасно. Лучше остаться здесь возможно дольше или же попытаться улизнуть через парадный вход. Тут только я заметил, что оставил пальто и шляпу в комнате Олни. Навряд ли теперь удастся заполучить их обратно. Разве только в полицейском участке. Конечно, найти меня по этим предметам невозможно: на них не было даже фирменных ярлыков. Два года работы в Отделе кое-чему меня научили. Тем не менее все это было досадно, и я ругал себя за то, что не предусмотрел такого поворота дела. К счастью, электрический фонарик я носил во внутреннем кармане пиджака. С его помощью я выбрался из этой грязной кухни, пахнущей крысами и помоями. Дом, в котором я оказался, был как две капли воды похож на дом Олни. Такая же прихожая, лестница... Когда я пробирался вперед, послышались голоса из-за ближайшей двери. Я прислушался и через минуту без труда узнал один из них. Это был голос комика Джимбола. Он, вероятно, отдыхал после спектакля. Я постучал и вошел. Да, это был он. Еще со следами грима на своем испитом лице, но по-домашнему — без воротничка и галстука. Кроме него, за столом сидела толстушка, одна из певичек. Они, видимо, только что кончили трапезу и сейчас, покуривая сигареты, допивали пиво. В комнате было тепло и стоял такой запах, словно здесь не переставая пили, ели и курили без перерыва в течение последних двадцати лет.

— Мистер Джимбол? — спросил я, поспешно прикрывая за собою дверь.

— Да, это я, — отвечал он без всякого удивления.

— Извините, что я зашел к вам так запросто, — начал я.

— Ничего, ничего, дружище, — ответил он весело. Вероятно, на отдыхе, после спектаклей, ему даже удовольствие доставляло увидеть новое лицо. — Знакомьтесь. Миссис Джимбол. А это моя дочь со своим мужем. Оба заняты в спектаклях. Ведь вы видели наше представление?

— Да, прошлым вечером, — ответил я с воодушевлением. — Мне ужасно понравилось. Поэтому-то я и зашел к вам. Меня зовут Робинсон. Я навещал друзей неподалеку отсюда, и они сказали, что вы остановились в этом доме. Я хотел вам задать несколько вопросов. Я позвонил, но никто не вышел, а поскольку на улице холодно и к тому же я слышал ваши голоса, то решил подняться. Надеюсь, вы не возражаете?

Я адресовал свою речь миссис Джимбол очень вежливым тоном, и она была польщена моими словами.

— Пустое. Не стоит извинений, — ответила она.— Очень рада встретиться с вами, мистер Робинсон.

— Значит, говорите, озябли, старина? — спросил Гэс, вставая и отодвигая от стола свой стул. — Видать, придется снова накрывать на стол, мать. Лори, Додд, а ну-ка помогите матери. Так, говорите, вам понравилось представление, мистер Робинсон?

— Да, очень. Как оно могло не понравиться!

— Да уж понятное дело, — заявил Гэс. — Меня здесь в Гретли любят. Это надо прямо признать.

— За ваше здоровье, мистер Джимбол! — воскликнул я, поднимая стакан пива.

— Спасибо, дружище. Так говорите, вы хотели задать мне какие-то вопросы?

— По сути, дело пустяковое, — сказал я извиняющимся тоном. — Но меня очень заинтересовал один номер программы, и я думал, что вы сможете рассказать мне о нем. Дело в том, что у одного моего друга, канадца французского происхождения, была сестра, знаменитая гимнастка. Мне известно, что несколько лет назад она уехала сюда поступать в водевильную труппу. Так вот. Вчера, когда я увидел ма-

демуазель Фифин, я подумал: не она ли сестра моего приятеля?

— Ясно, — промолвил Гэс. — Вы не поверите, мы только что говорили о ней.

— На мой взгляд, ничего в этом нет удивительного.

— Мы почти всегда говорим о ней, — сказала Додд.

— А ты помолчи! Или... ступай-ка ты спать,— оборвал ее Лори. — Как звали сестру вашего приятеля?

— Элен Мальвуа, — ответил я сразу, вспомнив имя старой девы, которую я когда-то встречал в Квебеке.

— Нет, это не она, — заявил Гэс серьезным и важным тоном, видимо, наслаждаясь значительностью собственной персоны. — Мне случайно известно, что настоящее имя Фифин Сюзанна Шиндлер. Да, Сюзанна Шиндлер, — повторил он снова. — Она родом из Страсбурга. Это мне достоверно известно.

— В таком случае она не та, кого я ищу, — ответил я. — И тем не менее ваша акробатка удивительно похожа на сестру моего канадского приятеля. Та тоже была великолепной артисткой.

— Да, артистка она превосходная, — сказал Гэс, между тем как трое остальных обменялись понимающими взглядами. — Хорошо обдумывает свои номера и подает их с большим мастерством. В то же время, знаете ли, очень странная особа. Очень странная!

— Странная? Да она ненормальная! — закричала Додд. — Вы только вспомните, как она до смерти напугала двух бедных хористок, когда они случайно вошли к ней в уборную в Сандерланде.

— Я всегда это говорила, — вставила миссис Джимбол, казавшаяся на взгляд не очень интересной собеседницей.— Не правда ли, Гэс? Я же их предупреждала, что от нее хлопот не оберешься. Я не имею в виду попойки или там мужчин...

— Насчет мужчин я не очень уверен, — заметил Лори,— хотя, судя по тем нескольким, которых я видел с ней, у нее довольно странный вкус.

— Какие там мужчины! — решительно вмешалась Додд. — Спросите Розу или Филиппса. Они вам расскажут.

— А ну хватит! — отрезал Гэс. — А то еще мистер Робинсон плохо подумает о нашей труппе. Нет, она очень странная артистка. Потому что я их немало перевидел на своем веку. Начнем с того, что она не заводит друзей. Можно работать с ней месяцами и не обмолвиться и словечком. Разве что она пожалуется на реквизит.

— Быть может, оттого, что она не очень-то владеет английским, — предположил я.

— Уж эти мне иностранки! — бросила миссис Гэс с отвращением. — Пальцем бы до них не дотронулась. Право! Такие грязнухи!

— Минутку, — остановил ее Лори, — уж Фифин никак нельзя назвать грязнухой.

— С виду они, может быть, и не грязны, но души у них черные, — отрубила миссис Гэс.

— Ты, мать, сама не знаешь, о чем толкуешь, — сказал Гэс, шлепнув ее по необъятному бедру. — А сейчас все замолчите и дайте мне вставить хоть слово. Конечно, все это хорошо, да я встречал таких, что и двух слов не свяжут, а заговорят тебя до смерти. Нет в ней дружелюбия, вот что я скажу. Не компанейский она человек, да и работой она не очень-то интересуется. Вы не подумайте, мистер Робинсон, что я жалуюсь. Она имеет большой успех у публики. Да вы и сами вчера видели. И все-таки верьте не верьте, а она может куда лучше...

— Как так? — совершенно искренне удивился я.

— Ну, представление вам знакомо. Она заставляет публику считать свои трюки. Разумеется, это неплохо придумано. Так вот. Каждый вечер я стою за кулисами и слышу, как они считают. И вот стал я подмечать... Видите ли, она могла бы повторять свои трюки большее количество раз, если бы работала в полную силу. Иной вечер она повторяет трюк всего четыре-пять раз. А я уверен, что ей не представляет труда сделать его раз пятнадцать-двадцать.

И главное, так идет из представления в представлеиие. Вы меня понимаете, мистер Робиисон?

С серьезным видом я ответил, что поиимаю. Нас ожидал сюрприз со стороны Додд.

— А я знаю, почему она каждый раз меняет число трюков, — начала она.

— И вовсе не каждый раз, — заявил Лори. — Иногда одии и тот же счет держится иесколько представлеиий подряд. Я знаю, потому что нарочио следил за счетом.

— Выходит, ты пялил глаза на ее толстые иоги? — хмуро спросила Додд. — Она меняет счет, потому что верит в приметы. Она однажды сама сказала иам с Филисс. Ужасио суеверная. Все время сидит в своей уборной и гадает иа картах. И только себе, а нам ии за что ие погадает. Ненормальная, и все тут! И давайте перестанем о ней говорить.

— С чего бы это? — воскликнула миссис Гэс, посмотрев на дочь сердито. — Тебе не интересио, так, может, другим иитересио.

— А какие мужчины ее навещают? — спросил я.

— Я помню двух-трех. Ничего особеиного. Насколько помнится, все пожилые. Самые обычные люди.

— Те, которых я с ней видел, — вступил в разговор Лори, — не похожи иа ухажеров. Вы поиимаете, о чем я говорю? Я видел их пару раз в ресторауах. Они даже за руки не держались.

— Не все похожи на тебя, — уколола его Додд, которая была одной из тех жеи, что считают своим долгом то и дело унижать своих мужей на людях.

— Ты зиаешь, что я имею в виду! — сердито закричал Лори. — Я имел в виду, что это совсем ие похоже иа ухаживаиие. Больше смахивает иа бизиес, хотя одиому богу известио, что это может быть за бизнес.

Миссис Джимбол вдруг приилась зевать во весь рот. Я допил пиво.

— Большое спасибо за угощеиие, — поблагодарил я. — Мне было очеиь интересно с вами. Еще раз спасибо за вчерашиее представление, мистер Джимбол, — мы обмеиялись рукопожатием.

— Я провожу вас, — сказал Лори.

Когда мы вышли в прихожую и дверь за нами закрылась, он вдруг тихо спросил:

— Вы ведь сыщик, не так ли? Ладно, ладно, я знаю, что вы ничего мне не скажете. Но вы должны быть мне благодарны за то, что я вас не выдал. Видите ли, вы заявили, что прошли через эту дверь. Так вот я входил в нее последним и знаю, что она не только замкнута, но и закрыта на засов. Я сразу понял, что вы проникли сюда другим путем. Понимаете?

— Ну, хорошо, Лори, — ответил я, — не будем спорить. Но я буду очень признателен, если вы оставите это при себе. Рассчитываю еще увидеть вас, прежде чем вы покинете этот город.

— Мы здесь пробудем всего три ночи. Но вы можете заходить когда угодно. Моя уборная в театре... Собственно, я не могу назвать ее своей, потому что нас там трое, рядом с уборной Фифин. Ей приходится покидать свою уборную дважды за представление. Вы понимаете, что я имею в виду?

Я вышел. Ночь казалась особенно холодной, ведь на мне не было ни пальто, ни шляпы. Темь, как обычно, была страшная. Мне удалось незаметно добраться до отеля. Какая жалость, что мы так и не встретились с Олни. На душе у меня было тяжело. Но вечер не пропал зря Стоило серьезно подумать над тем, что я узнал о Фифин. А кроме того, эта странная доктор Бауэрнштерн с ее подозрительными привычками навещать своих пациентов, когда они здоровы. Докуривая свою трубку, я думал о том, что уж больно много женщин замешано в этой гретлевской истории, уже сейчас я знаю пятерых, кого не следует упускать из виду. Мне совершенно необходимо увидеться с Олни.

V

Приблизительно в десять часов я позвонил на завод Белтон-Смита и попросил позвать Олни. Мне сказали, что Олни до сих пор нет и он, по-видимому,

заболел, потому что уже несколько дней не появлялся на работе.

Так как я был без шляпы и пальто, то взял такси и направился на Раглан-стрит, 15. У дома я попросил шофера подождать меня. К счастью, хозяйка оказалась дома. Но в это утро она выглядела гораздо более встревоженной, чем вчера.

— Я хочу совершать только правильные поступки, — робко сказала она, когда я следовал за ней в гостиную.

— Что вы имеете в виду, миссис Вилкинсон?

Она нерешительно посмотрела на меня. Потом сказала:

— Вам надо подняться к нему наверх.

Я, конечно, подумал о том, что Олни предупредил ее о моем визите. И хотя ее смущенный вид казался мне довольно подозрительным, я сразу же пошел наверх, не произнося ни слова.

В комнате Олни сидел огромный рыжий мужчина. На столе лежали мои шляпа и пальто.

— О, — воскликнул я в растерянности, — а где же Олни?

— А зачем он вам? — спросил тот хмуро.

— Потому что я хочу видеть его. Я должен был встретиться с ним вчера, но он не пришел.

— А вы приходили, а? Сюда, а?

— Да, мы встретились с Олни вчера на заводе, и он попросил меня прийти сюда в половине десятого.

Великан кивнул головой:

— Само собой понятно. Пальто и шляпа ваши?

— Да.

— Я так и знал, что не его. Слишком велики. Так это вы вчера вечером выскочили отсюда в окно?

— Я.

— Глупо. Зачем вы это сделали?

— Потому что мне не понравился ваш сержант. Не хотелось объяснять ему, почему я здесь.

— Мой сержант?

— Да, — ответил я с улыбкой. — Если вы не связаны с местной полицией, значит наблюдательность мне на этот раз изменила.

— Так, — произнес он медленно.

Все в нем было какое-то тяжеловесное, но он не походил на тупицу. Мне он понравился, хотя я и предпочел бы не видеть его здесь.

— Да, ваша наблюдательность, как это вы называете, в полном порядке. Я полицейский инспектор Хэмп. А вы кто?

— Хамфри Ниланд.

— Американец?

— Нет, канадец. Между прочим, меня ждет такси внизу. Если мы собираемся побыть здесь еще, то мне лучше расплатиться с ним.

— Нет, мистер Ниланд. Я думаю, нам лучше попросить подвезти нас ко мне в управление, — сказал инспектор, медленно поднимаясь. В нем, должно быть, было около двухсот сорока фунтов весу. — Вы можете надеть свою шляпу и пальто.

В такси он не проронил ни слова. Я еще не решил, насколько следует быть с ним откровенным. Ведь рано или поздно нам приходится прибегать к услугам местной полиции.

— Такси нанимали вы, — сказал инспектор, ухмыляясь, когда мы подъехали к полицейскому управлению.

— Конечно, — ответил я и расплатился с шофером.

— Ну, мистер Ниланд, — начал инспектор в кабинете. — Мне бы хотелось узнать у вас некоторые детали. Давно вы в Гретли и что вы здесь делаете?

Я рассказал ему, что ищу работу и уже побывал в электрической компании Чатэрза и на заводе Белтон-Смита.

— Так, — заметил он, — а с Олни вы были знакомы прежде?

— Нет, вчера днем я встретился с ним впервые, и он пригласил меня к себе. Я ведь уже объяснял вам.

— Совершенно верно. Но что побудило его пригласить вас к себе?

— Нам нужно было поговорить об одном личном деле.

— О каком деле?

— Об очень важном деле. Мне необходимо срочно встретиться с Олни.

— Он мертв, — сказал инспектор медленно. — Вчера, во время затемнения, его сбил автомобиль.

— С тех пор как я прибыл сюда, я был уверен, что произойдет нечто ужасное из-за этого затемнения! — воскликнул я. — Так и случилось! Бедняга Олни! Он мне понравился. Это был мастер своего дела.

— Вы упомянули, что он был мастер своего дела, — сказал инспектор после паузы. — А какое же дело было у него?

Я сделал удивленное лицо.

— Как какое дело? Вы же знаете, он работал на заводе Белтон-Смита. Мастером.

— Если он был только мастером, значит погиб случайно из-за этого затемнения, — произнес инспектор, и удивление мое на этот раз было непритворным.

— Что вы имеете в виду? — спросил я.

— Вы что-то знаете, и мне кое-что известно. Если вы сообщите мне, что знаете вы, я тоже поделюсь с вами кое-чем известным мне. Обещаю вам.

— Идет, — ответил я. — Мне известно, что Олни, или как там его настоящее имя, являлся членом специального отдела и работал в Гретли под видом служащего завода Белтон-Смита. Я вчера побывал там с целью связаться с ним, и мне это удалось.

— Так, — сказал он. — По правде говоря, все, что вы только что сказали, подтверждает письменное донесение, которое я держу в руках. А теперь скажите, какое отношение к этому всему имеете вы, мистер Ниланд.

Я взял записную книжку, лежащую на его столе, и написал два номера. Один — телефонный номер лондонского абонента, другой — просто номер.

— Если вы позвоните по этому номеру, то легко свяжетесь с Лондоном. Сообщите этот второй номер, и сможете проверить достоверность моих слов.

— Это именно то, что я собираюсь сделать, — ответил он и набрал номер. — Шпионов выслеживаете, а?

— Да, но, на мой взгляд, контрразведка звучит лучше.

Тут его соединили с Лондоном, а я занялся своей трубкой.

— Итак, инспектор, — сказал я, когда он кончил говорить по телефону, — вам известно, что знаю я. Теперь ваша очередь.

— В этом деле нам дважды повезло, — начал он медленно. — Сначала это было похоже на обыкновенный несчастный случай, которых у нас бывают сотни с тех пор, как в Гретли ввели затемнение. Но я случайно заметил на его пальто кусочки глины, тогда как поблизости от места убийства глины нет. Только сегодня утром я вспомнил, где есть такая глина. Я и двое моих сотрудников отправились туда, с тем чтобы внимательно все осмотреть, и нашли маленькую записную книжку. Вероятно, он отбросил ее прежде, чем потерял сознание. Затем его погрузили в машину, которая сбила его, и сбросили там, где тело было найдено. Это произошло без четверти десять наверху Маркет-стрит. Одним словом, сходства с обыкновенным несчастным случаем я не вижу.

— Что вы обнаружили в его карманах?

— Вот полюбуйтесь, — сказал инспектор, доставая список. — Обыкновеннейшие вещи. Мелочь. Пять фунтов и десять шиллингов в бумажнике. Удостоверение личности и так далее. Ручка. Карандаш. Нож. Сигареты. Спички.

— А зажигалка? — спросил я быстро.

Он взглянул на меня с удивлением:

— Нет. Зажигалки не было.

— Мы срочно должны вернуться к нему в комнату! — крикнул я, вскакивая. — Пока мы тут с вами разговариваем, кто-нибудь, наверное, уже роется в его вещах!

— Не думаю, прежде чем он сможет это сделать, ему пришлось бы заняться громадным констеблем, которого я оставил вместо себя. Не заметили? Ну, не все ж вам замечать. А в чем дело с этой зажигалкой?

— Каждому сотруднику нашего отдела выдается специальная зажигалка. Для того чтобы он мог уста-

навливать связь с другими работниками. Кроме того, есть определенные слова.

— Всякие пароли, — ухмыльнулся инспектор. — Честное слово, это напоминает школьную игру.

— А кого напоминал Олни, когда вы нашли его тело? Это тоже была школьная игра?

— Сдаюсь, — сказал Хэмп сухо. — Что ж, я простой полицейский. В тонкостях ничего не смыслю.

Я вынул изо рта трубку и ткнул инспектора в грудь.

— Вы меня вынудили раскрыть карты, и только потому, что мне нужно было знать об Олни все. Я не хотел бы работать вместе с полицией: слишком много людей. Но я был бы рад с нынешнего дня работать с вами.

— Я тоже буду очень рад, мистер Ниланд, — он широко улыбнулся.

— Прекрасно. Но прежде чем мы начнем, нужно выяснить кое-что. То, что мы делаем, непохоже на игру настолько, как вы думаете. Нацистские агенты убили моего друга и его жену. Поэтому я и стал работать в контрразведке. Я уверен, что беднягу Олни тоже убил агент нацистов здесь у вас в городе, под самым носом. Игра! Поверьте мне, такая игра не хуже танков и самолетов помогла нацистам утвердиться в Норвегии, в Голландии, в Бельгии, во Франции. И такая же игра помогает японцам раздирать на части Дальний Восток.

— Наверное, вы правы, мистер Ниланд, — сказал Хэмп, как всегда медленно и задумчиво. — Да, наверное, вы правы, но я простой полицейский. И только. Я ничего не понимаю в этом шпионаже. В действиях «пятой колонны».

— Вы не должны забывать, что теперешняя война — сложная война. Официальная точка зрения здесь, в Англии, которую, например, подносят на митингах в Неделю воздушного флота, не слишком умна. У нас пытаются внушить людям, будто это война — последняя война. Но действительность никогда не укладывается ни в какие схемы. Нельзя объяснить такую войну как обыкновенную.

Нельзя рассматривать эту войну просто как войну различных национальных флагов, национальных гимнов. Нам пришлось посадить за решетку некоторых англичан, потому что они желают Гитлеру победы. В то же время на нашей стороне некоторые немцы, которые делают все, что в их силах, помогая нам.

— Правильно,— согласился он, подмигивая мне.— Прежде чем вы продолжите, я хочу сообщить вам, что в это время мы обычно пьем чай. Не хотите ли чашку?

Я согласился.

— Мои взгляды на войну таковы, — продолжал я. — Пускай миллионы воюющих на каждой стороне считают, что воюют за свое правительство. Но настоящая борьба ведется между теми, кто верит в народ и любит простых людей, и между теми, кто верит в фашистскую идею.

— Совершенно согласен с вами, — сказал инспектор, поднимаясь, чтобы взять принесенный констеблем чай. — А сейчас давайте выпьем по чашке чаю, но, пожалуйста, продолжайте. Мне хочется знать о другой стороне.

— Я часто думал, откуда они берутся, ведь моя работа в том, чтобы их ловить. Многие немцы работают на Гитлера, потому что объединяют его с понятием «Германия». Но удивительно не это. Удивительно другое. Почему люди других наций, не немцы, становятся на сторону Гитлера? Вот в чем загадка. Иногда они делают это ради денег, но платят им не много. В других случаях они подвергаются шантажу, и это заставляет их работать. Шантаж — излюбленный прием гестапо. Они находят что-нибудь порочащее вас и, угрожая, вынуждают на них работать. И вы уже не смеете остановиться... Но, разумеется, самый трудный и самый опасный случай тот, когда люди продаются, потому что верят в фашистскую идею. Иногда — так случилось во Франции — эти люди поддерживают нацистов потому, что думают, будто это единственная сила, которая поможет им удержать деньги или власть. Или то и другое вместе.

Некоторым из них обещают высокие посты, если

они помогут победе нацизма. Я уверен, что и вам случалось сидеть за одним столом с людьми, которые только и мечтают о том, как расправились бы с нами, если бы стали гаулейтерами. Некоторые — думаю, Гитлер один из них — одержимы идеей мести. Все они ненавидят идеи демократии и презирают простых честных людей. Таких-то людей и выявляем мы, работники Отдела. Не следует забывать, что частенько такие люди разыгрывают из себя сверхпатриотов, распевают «Правь, Британия!» и с ног до головы увешаны национальными флагами.

— И вы думаете, такие есть у нас в Гретли?

— Нам известно, что врагу из Гретли поступает ценная информация. Нам известно — думаю, и вы об этом знаете, — именно в Гретли бывают случаи саботажа. Не исключено, что Гретли является одним из провинциальных опорных пунктов шпионажа. Наверное, Олни удалось кое-что разузнать. Поэтому-то его и прикончили.

Инспектор Хэмп кивнул, шумно допил свой чай и встал.

— Я собираюсь этим делом заняться, — сказал он мрачно. — Разумеется, мы начнем расследование, но вряд ли оно к чему-нибудь приведет.

Он достал маленькую записную книжку и показал мне.

— Вот его записная книжка. Думаю, она вам будет нужна, но сегодня она понадобится и мне самому. А сейчас, как вы сами сказали, нам нужно вернуться в комнату Олни. Пойдемте.

В коридоре мы встретили сержанта с массивным подбородком. Вероятно, он очень удивился, увидев меня с инспектором.

— Сержант, — резко обратился к нему Хэмп.

— Да, сэр.

— Этого человека зовут мистер Ниланд. Он мой друг.

— Сержант Бойд.

Мы посмотрели друг на друга, обменявшись кивками. Говорить вроде бы было не о чем. В то

время как инспектор отдавал сержанту какие-то приказы, я прошел вперед.

— Вы ие возражаете против того, чтобы я сиял комиату Олии? — спросил я инспектора, когда мы уже шли по слякотной улице. — Нет? Тогда, пожалуйста, замолвите за меня словечко хозяйке квартиры миссис Вилкиисои.

— Славиая старушка, — отвечал ои. — Лучшего места в Гретли, пожалуй, и ие иайти. Кроме того, я смогу заходить к вам туда, ие привлекая виимаиия.

— Я тоже об этом подумал. А кроме того, если вас это ие затрудиит, наведите для меия иекоторые справки. Это сэкоиомило бы мне уйму времеии.

— Затрудиит? Нисколько! — отвечал ои с явной иронией.

Наконец мы виовь оказались иа Раглаи-стрит, и мне подумалось, что бедиая миссис Вилкиисои, возможио, еще и не зиает о смерти своего квартираита. Я спросил инспектора, и ои ответил, что ей сообщили об этом еще прошлой ночью.

Инспектор принялся тщательио осматривать комиату. Я усердио помогал ему, ио зажигалку так и ие удалось обиаружить. Впрочем, я и ие рассчитывал иайти ее в комиате. Ведь даже если мы ие пользуемся зажигалкой, то все равно должны иосить ее с собой.

— Что ж, меия это ие удивляет, — сказал я. — Ставлю десять против одиого, что она иаходилась при ием... Ставлю столько же за то, что сейчас оиа принадлежит одиому из жителей Гретли... Взгляните на мою. Постарайтесь запомнить. У Олии была точио такая же.

Инспектор виимательио осмотрел мою зажигалку и сказал, что, если ему случится когда-иибудь увидеть подобиую, ои узиает ее сразу.

— Я думаю, — продолжал он, — вам ие терпится познакомиться с записной киижкой Олии. Пожалуй, я заскочу сюда около девяти часов вечера и прииесу ее, а? Отлично. А теперь за работу. Сегодия у меия ее более чем предостаточно. Особеино в связи с убийством Олни. Все-таки я постараюсь помочь вам полу-

чить информацию о людях, которые вас интересуют. Напишите их имена на листке.

— Очень кстати! — И я тут же записал десяток имен на обратной стороне старого конверта.

Он взглянул на список, кивнул и молча вышел из комнаты.

Как только я остался один, мне стало грустно. Я вновь начал думать о судьбе бедняги Олни, вспомнил, как он глядел на меня сквозь дешевые очки в металлической оправе. Сначала было жалко его, а потом я пришел в ярость. Я решил, что отдам все силы своей работе. В скверном настроении я вернулся в отель, собрал свои вещи, позавтракал, уплатил по счету и снова отправился на Раглан-стрит.

На смену мелкому дождю и слякоти явился прямо-таки зимний туман. Я опять вышел на улицу, чтобы разыскать дом Бауэрнштерн. В ближайшем почтовом отделении я узнал ее адрес по телефонной книге. Доктор Маргарет Бауэрнштерн, Шервуд-авеню, 87. Пожилая прислуга, с виду иностранка и, возможно, австриячка, открыла мне дверь и недружелюбно объявила, что в это время доктор Бауэрнштерн принимает только пациентов.

— В таком случае, — сказал я, — перед вами пациент, проводите меня в кабинет.

Кроме меня, пациентов не оказалось. Похоже было на то, что у доктора Бауэрнштерн не слишком блестящая практика. Я вошел в маленький чистый кабинет.

В первый момент доктор Бауэрнштерн не узнала меня, да и мне она показалась непохожей на ту женщину, которую я видел вчера у Олни. В белом халате, с гладко зачесанными темно-коричневыми волосами, она сидела в своем кабинете с серьезным и деловитым видом, как и подобает врачу. Должен признаться, она мне очень понравилась.

Я заметил, что у нее хорошая фигура и широкие плечи, которые с недавних пор появились у всех наших женщин. Вот только лицо было измученным, это особенно бросалось в глаза в свете ярких ламп. Стоило ей узнать меня, как на ее лице появилось

сердитое выражение. Вслед за этим она сделала вид, что видит меня впервые.

— Здравствуйте. На что жалуетесь?

Я подумал, что раз уж попал к врачу, стоит выяснить причины моей подавленности.

— Это, конечно, пустяки, — начал я невозмутимым тоном, — не могу сказать, что чем-нибудь серьезно болен, но я все время нахожусь в состоянии какой-то подавленности, плохо сплю, потерял аппетит.

— Покажите язык.

Я показал ей язык и, надо сказать, сделал это с удовольствием.

— На мой взгляд, вы слишком много курите и мало бываете на воздухе. Когда вы в последний раз были у зубного врача?

— Давно, очень давно, — ответил я и покачал головой. — Видите ли, я очень занят. Не стоит сейчас заниматься моими зубами. Дайте мне какое-нибудь средство, которое бы встряхнуло меня и привело в норму. Вы знаете, что я имею в виду.

У парадной двери, которая была не более чем в двух метрах от кабинета, раздался резкий звонок.

Было слышно, как служанка долго открывала ее, а затем послышался чей-то резкий голос.

Через секунду служанка постучала в кабинет и что-то быстро и испуганно затараторила по-немецки. Доктор поспешила к ней. Едва она вышла, как я прильнул к небольшому окошку. У двери стоял полицейский. Не знаю, по какому делу он пришел, но пробыл он недолго. Приход полицейского положил конец той маленькой комедии, которую мы разыгрывали. Когда она вернулась, на лице ее было то самое выражение, что я видел прошлой ночью. В ее блестящих глазах отражались тревога и скрытый страх. Она прикрыла за собой дверь, но вперед не пошла.

— Как все это глупо! — сказала она сердито. — Что вам от меня нужно, зачем вы сюда явились?

— Я пришел сюда, чтобы сказать вам кое-что, — ответил я серьезно. — Ваша служанка заявила, будто вы принимаете только пациентов, и мне не оставалось ничего другого, как тут же заболеть.

На лице ее появилось нечто отдаленно напоминающее улыбку.

— Так вы пришли рассказать мне о чем-то?

— А также кое о чем вас спросить. И то и другое очень важно, — прибавил я. — Может быть, выберем другое, не столь мрачное место для нашего разговора?

— А мне показалось, что мрачность — предмет вашей гордости.

Я уставился на нее. Было ли это неожиданное замечание намеренным ходом, цель которого показать мне, что она видит меня насквозь?

— Хорошо, — продолжала она, — можно побеседовать и в другом месте. По четвергам я пью вечерний чай рано, потому что к пяти мне нужно успеть в детскую лечебницу.

Когда мы проходили через переднюю, она приказала служанке поставить чай. В глазах служанки я заметил тревогу и предупреждение. Просто удивительно, насколько эти две женщины выдавали себя с головой.

В гостиной доктор Бауэрнштерн сняла свой белый халат. На ней было темно-бордовое платье, которое очень шло ей, хотя и подчеркивало ее широкие скулы и запавшие щеки. Эта женщина, с суровым и одновременно беззащитным взглядом, все-таки была красива. Она не знала, как себя держать со мной, это сковывало ее и раздражало, а мне, разумеется, было на руку.

— Я хотел поговорить о вашем пациенте Олни, — начал я, пристально глядя на нее.

— А что с ним?

— Он мертв.

Доктор Бауэрнштерн была плохой актрисой. Стало ясно: она не знала о смерти Олни. А я и пришел сюда, чтобы убедиться в этом.

В нескольких словах я рассказал ей о происшествии, но, разумеется, ни словом не обмолвился о том, что труп втащили в машину и сбросили в другом конце города. Доктору Бауэрнштерн не следовало знать, что это убийство, а не несчастный случай.

— Перейдем к следующему вопросу, — сказал

я. — У вашего пациеита действительио было слабое сердце?

— Да, — ответила она. — Вы, вероятио, хотите зиать, иасколько это усугубляло опасиость при несчастиом случае? Могу сказать вам со всей определеииостью, это действительио могло сыграть решающую роль. Ужасно жалко его. Ои мие нравился.

— Не сомиеваюсь. Но меня интересует, миогие ли знали, что у него больиое сердце?

— Возможио, ои кому и жаловался. Некоторые люди часто жалуются иа свои болезии.

— Да, конечно. Такие часами способиы докучать вам рассказами на медициискые темы. А ие обращался ли Олни к какому-либо врачу до того, как вы приехали в город?

— Не имею ни малейшего представления, — холодно ответила оиа. — И вообще я не понимаю, какое вы имеете право допрашивать меня подобиым образом?

Я усмехиулся.

— Абсолютио иикакого, доктор Бауэрнштери.

Подали чай. Как ни неприятно ей было мое общество, с появлением чая ей пришлось измеиить тон.

— Всякий раз как меия иазывают «доктор Бауэриштерн», я чувствую себя самозваикой.

— Разве это не ваше иастоящее имя?

— Это фамилия моего мужа. Видите ли, мой покойный муж был тем самым знамеиитым доктором Бауэриштерием. Возможио, вы иичего не слышали о нем, ио ои на самом деле был известен в медицине — лучший в Веие специалист по детским болезням. Ои скончался два года назад. Я до сих пор не могу отделаться от чувства, что прикрываюсь именем человека, который зиал в десять раз больше меня.

— Понимаю. Тогда почему же вы ие хотите работать под своим собствеииым имеием? Часто замужиие жеищииы-врачи поступают имеино так.

Она взгляиула на меия гордо и вызывающе.

— Потому что миогие могли бы подумать, что я стыжусь иемецкой фамилии. Тогда как иа самом

деле я горжусь этим именем. Мой муж был великим человеком.

— Он был эмигрантом?

— Да, конечно. Когда нацисты захватили Австрию, он потерял все, за исключением своего имени. Это было единстввнное, чего они не могли у него отнять, как ни пытались.

Все это было сказано с глубокой горечью. Однако мне были известны многие случаи, когда люди, с не меньшей горечью говорившие о нацистах, были обучены этому на специальных шпионских курсах в Берлине.

У парадной двери кто-то позвонил, и неожиданно в гостиную с невозмутимым видом вошел мистер Периго.

— Разве вы не обещали мне чашку чаю, если мне случится бывать в этой части города? — начал он со своей обычной аффектацией, простирая к хозяйке дома обе руки. — А, мистер Ниланд! Ну, мы хорошо знакомы, не так ли?

— Да, мы постоянно везде встречаемся, — сказал я довольно сухо.

Наша хозяйка разливала чай, и тут я впервые заметил несколько лишних чашек, свидетельствовавших о том, что она ждет гостей. Как будто прочитав мои мысли, она вскользь заметила: «Четверги и воскресенья, кажется, единственные дни недели, когда я могу принимать гостей в нормальное время». И затем обратилась к Периго:

— Не хотите ли чего-нибудь отведать?

— Нет, благодарю вас, — сказал Периго, показывая свои фарфоровые зубы. — Если не возражаете, я закурю... Так куда подевалась моя зажигалка? Превосходная зажигалка, — при этом он покосился на меня.

Я с нетерпением ждал, когда он достанет зажигалку, но так и не дождался.

— Должно быть, я куда-то ее сунул, — сказал он, протягивая ко мне руки. — Нет, не беспокойтесь, доктор Бауэрнштерн, я уверен, что у мистера Ниланда найдется зажигалка.

— Могу дать вам спичку, — сказал я, замечая, что наша хозяйка несколько недоуменно посматривает на нас, как если бы она догадывалась, что за этими словами кроется нечто большее.

Оставаться дольше не имело смысла, хотя каждому из них в отдельности я мог бы сказать многое. Мистер Периго не выразил желания уйти вместе со мной, хотя он, разумеется, знал, что у доктора Бауэрнштерн осталось совсем немного времени — ей пора было идти в детскую клинику. Очевидно, ему было необходимо поговорить с ней о чем-то важном. Она проводила меня до двери, чего я, по правде сказать, не ожидал, и тут мы на некоторое время задержались.

— Вам случайно не известно, — спросила она, — чем занимается мистер Периго?

— Нет, не известно. Судя по его словам, он проводит время в пустых разговорах.

— Я слышала то же самое. Но трудно поверить его словам, не так ли?

— На мой взгляд, трудно поверить всему, что говорит мистер Периго, — ответил я с готовностью. — Впрочем, не менее трудно поверить в некоторые вещи, которые говорите вы.

— Что вы имеете в виду? — сказала она более удивленно, нежели сердито.

— Пока что это не совсем ясно, — сказал я и не солгал. — Спасибо за чай, это был чудесный вечер.

Я тут же направился на Раглан-стрит, предупредил миссис Вилкинсон, чтобы она не ждала меня к ужину, и поехал к магазину подарков, вернуть те две книжки, которые взял у мисс Акстон. Собственно, я успел прочесть только одну из них, но мне был необходим повод для визита к ней. Мисс Акстон с улыбкой подошла ко мне.

— Знаете, о чем я думал все это время? — спросил я. — Я думал о вас.

«Некоторая дерзость вреда не принесет», — решил я про себя.

— Я зашел напомнить о вашем обещании на днях

пообедать со мной. Что, если мы сделаем это завтра вечером, в «Трефовой даме»? Третьего дня нас там очень недурно угостили. Вряд ли мне удастся угостить вас так хорошо, как это сделала миссис Джесмонд. Но я все же постараюсь. Кстати, я вас там видел в ту ночь. Позавчера.

— Да, я помню. Я с удовольствием пообедаю с вами завтра, но не раньше половины девятого. Я обещала присутствовать на митинге, который начнется в семь часов. Это патриотический митинг, и, думаю, мне не следует уклоняться от участия. Нас, владельцев лавок, всегда приглашают на такие митинги. И кроме того, это полезно в деловом отношении, — закончила она, показывая мне пригласительный билет. В нем было сказано, что на митинге выступит местный член парламента и полковник Тарлингтон.

— Прекрасно. Может быть, я пойду вместе с вами, а как только митинг кончится, мы отправимся прямо в «Трефовую даму».

— Отлично! — воскликнула она.

И я подумал, что никогда раньше не замечал, чтобы женщины говорили «отлично». Не очень подходящее для женщин восклицание. Но я уже понял, что имею дело не с обыкновенной женщиной.

— Вы уже выбрали нужные книги? — спросила она минуту спустя.

— Нет еще. Вы хотите, чтобы я скорее ушел?

Она рассмеялась.

— Вовсе нет. — С минуту она колебалась, затем добавила почти шепотом: — По правде говоря, мне хочется поскорей закрыть эту проклятую лавку. Сегодня выдался трудный день. Ведь вы, кажется, не спешите...

— Нет, совсем не спешу.

— В таком случае вот что мы сделаем: я закрою лавку, пока не пришла одна из этих жутких покупательниц, и мы закончим разговор наверху. Там, кстати, можно и выпить. А кроме того, там вы сможете рассказать мне о своих терзаниях.

— Чудесно, — ответил я с неподдельным энтузиазмом, потому что это было именно то, чего мне хотелось.

Маленькая гостиная наверху была интересна именно потому, что не носила никакого отпечатка личности своей владелицы. Она была безликой, как гостиная в отеле. И тем не менее мисс Акстон являлась, несомненно, незаурядной женщиной, хотя это и не бросалось в глаза с первого взгляда.

А вот комната, которую она сама обставила и в которой живет уже четыре месяца, не имеет своего лица! Это не могло быть случайностью.

Выбор спиртного у мисс Акстон был поистине великолепен.

— Вот если бы у вас нашлась канадская водка, — сказал я, разыгрывая роль неотесанного деревенского парня с Дикого Запада, — то это оказалось бы просто чудом.

— Да, она у меня есть, — ответила она сухо.

— Неужели? — заревел я, возможно, несколько переигрывая. — Я почти позабыл ее вкус. И вы можете налить мне рюмку?

Она налила мне полстопки, а себе приготовила хорошую порцию джина с лимонным соком. Потом выключила верхний свет, оставив лишь небольшой торшер в углу. Мы стояли у камина со стаканами в руках, улыбаясь друг другу.

Мы подняли свои стаканы, и, когда чокались, наши руки соприкоснулись. Затем мы выпили, поставили стаканы на каминную полку, но все так же продолжали стоять друг против друга. Тут я понял, что она не рассердится на меня, если я ее поцелую. А ведь это только поможет делу. Я обнял ее насколько мог непринужденно и спокойно поцеловал. Не забывайте — это была зрелая женщина, а не девчонка, как могло показаться издалека. Ее реакция оказалась чрезвычайно любопытной. Она ответила мне долгим, умелым, почти страстным, но совершенно безличным поцелуем. Мы сели. Она спросила, насколько продвинулись мои дела. Я ответил, что от-

сутствие опыта в электротехнике является моим минусом, но Хичэм обещал выдвинуть мою кандидатуру перед правлением.

— В тот же день я наткнулся на одного из директоров, — продолжал я, — и не думаю, чтобы он мог быть в восторге от моей кандидатуры.

— Кто это? — спросила она.

— Полковник Тарлингтон. Вы его знаете?

— Мы с ним здороваемся при встречах,— ответила она, — но не больше. Кто-то говорил мне, что он влиятельный в городе человек, и я решила на всякий случай приветливо ему улыбаться. Но он не в моем вкусе.

Я рассказал, что Хичэм провел меня по всему заводу, и заметил вскользь, какое на меня произвели большое впечатление новые противотанковые орудия, которые они пускают в производство. Для большей правдоподобности я даже сообщил ей калибр этих орудий — разумеется, вымышленный.

— Наверно, мне не следовало болтать об орудиях. Конечно, это строго между нами, — сказал я и подумал о том, сколько ослов, вероятно, сидят в эту самую секунду где-нибудь за выпивкой и произносят ту же самую фразу.

— Естественно, я не из болтливых.

— Я в этом не сомневаюсь, — поддакнул я, глядя на нее с обожанием.

— Хотите еще выпить? — спросила она и улыбнулась.

Я почувствовал, что ей нужно меня спровадить, и отказался от второй рюмки. Едва я встал, как она поднялась вслед за мной.

— Вам придется выйти через черный ход, — сказала она. — Это несколько сложно, я провожу вас. Значит, до завтра.

Вместо того чтобы включить свет, она взяла карманный фонарик.

Я последовал за ней вниз по лестнице, через маленькую кладовую, к черному ходу. Отодвинув запор, она помедлила с минуту, прежде чем открыть дверь, придвинулась ближе и поцеловала меня, словно не

в силах бороться с искушением. Она очень недурно играла свою роль, но меня это обмануть не могло. Едва мы простились, как я вспомнил, что маленький театр-варьете находится в двух шагах отсюда, и вскоре стоял у входа в него. Я спросил Лори. Мне сказали, что он на сцене, но скоро придет переодеваться для финального номера, и провели в его уборную. Я решил ждать у открытой двери в надежде увидеть Фифин. Со сцены доносились голоса, однако звучали они так, как будто действие происходило за тысячу километров от меня. Темный, заброшенный коридор казался пустынным. Вдруг вышла Фифин, закутанная во что-то яркое и крикливое. Наверно, Лори сообщили, что его ждут: он буквально прибежал, едва успела исчезнуть Фифин.

— Я так и знал, что это вы, — сказал он, все еще задыхаясь и серьезно посматривая на меня из-за своей шутовской маски. — Хотите пробраться в ее уборную?

— Да, если удастся открыть дверь.

— Давайте сделаем вид, будто разговариваем, и станем около ее двери.

Мы прошли дальше по коридору и остановились около ее двери. Я стал спиной к двери, но так, чтобы можно было дотянуться до замочной скважины. Мне и раньше приходилось отмыкать двери без ключа — Отдел снабдил меня связкой отмычек, легко открывавших большинство замков.

— Прикрывайте меня, пока я не проникну в комнату, — прошептал я Лори. — А затем идите переодевайтесь, но оставьте свою дверь открытой, так чтобы вы могли предупредить меня.

Полминуты спустя я был в ее уборной. На столе прямо перед зеркалом я увидел вещи, обычные в уборной актрисы: грим и тому подобное. Единственно, что привлекало внимание, была колода потрепанных карт. Однако под столом я обнаружил скомканный лист бумаги, испещренный колонками цифр, написанных карандашом. Поскольку бумажку выбросили, я взял ее. Затем нашел сумку, которая висела над меховым пальто на вешалке. В ней хра-

ннлнсь самые обыкновеннче предметы: зеркальце, несколько ключей, немного денег: но, к своему огорченню, я не нашел там нн одного письма. Большннство женщнн неделями таскают полученные пнсьма в свонх сумочках, но эта была не нз такнх. Тут я наткнулся на старое удостоверенне, на обратной стороне которого былн нацарапаны какне-то цнфры — повнднмому, телефонные номера. Я перепнсал нх, положнл удостоверение снова в сумку и повеснл ее на вешалку. Больше найтн ннчего не удалось. Я вышел в корндор и закрыл за собой дверь по крайней мере за пять минут до того, как женщина должна была вернуться. Лорн, который не успел еще полностью переодеться, повел меня по коридору прочь от уборной Фнфнн.

— Все в порядке? — прошептал он.

Я покачал головой с такнм видом, как будто потерял напрасно время. Хотя Лори и помог мне, ему совсем не обязательно было все знать.

Он расстронлся.

— Так-такн н ничего не нашлн?

— Нет, — ответнл я, — возможно, тут н нечего нскать. Не расстранвайтесь, я очень вам прнзнателен. Надеюсь увндеть вас снова, прежде чем вы поkннете город.

— Оставайтесь на второе представленне, — начал он. — Возможно...

— Не могу, — ответнл я, — но еслн что-ннбудь нтересное случнтся, я вам непременно сообщу.

— Вы мне обещаете, мнстер Ннланд? — Он вел себя совсем как ребенок.

— Конечно, — я потрепал его по плечу.

— Ну, мне пора ндтн, пока мною не заннтересовалнсь.

Я простнлся с ннм н отправнлся на Раглан-стрит. Едва я успел выкурнть трубку н обмозговать кое-что, подошел ннспектор.

— Я обещал прннестн вам запнсную кннжку, — сказал он, доставая ее нз кармана, — вот она. Возможно, вы хотите ознакомнться с ней после моего ухода.

— Да, конечно. А вот кое-что для вас, — я протянул ему телефонные номера, которые спнсал в уборной Фифин. — У меня иет телефоиной книгн, тогда как вам будет легко выясннть, что это за номера.

Он бросил взгляд на спнсок.

— Об одном из них я могу рассказать вам прямо сейчас. Вот этот, второй, телефон «Трефовой дамы». Вы и самн знаете.

Да, я знал.

— Что до остальных, то вы получнте сведеиня завтра утром.

— Вас не удивляет, что «Трефовая дама» постоянно появляется иа свет?

— Нисколько, но продолжайте.

— Так, во-первых, отиосительно передвижения Олии прошлой ночью. Когда он покидал завод, полковник Тарлингтон предложил подвезтн его на своей машине. Все это совершенно достоверно. Ездил он не по вашим секретным делам, а по делам завода. Полковинк любит слушать свон собственные выступлеиня н потому согласнлся на следующей неделе пронзнести речь по случаю Дня военного флота в столовой предпрнятня. Олни должеи был встретиться с ним н поговорить по этому вопросу.

— Странно, почему этим занялся именно Олии.

— Ничего страиного. Олни был членом столовой комиссии и собнрался договориться с полковником Тарлннгтоном о предстоящем выступлении. Я сам встретился с полковнником, чтобы все это проверить. Он-то н сказал мне, куда Олии отправился после того, как онн переговорилн о деле. В «Трефовую даму» — чего-нибудь выпнть н перекусить.

— Вот это кажется мне странным,— заметил я. — Заводской мастер вряд лн пойдет ужниать в место вроде «Трефовой дамы». А Олни произвел на меня впечатлеиие человека, который строго прндержнвается раз нзбранной роли.

Однако допустим, что это так. Куда же он последовал из «Трефовой дамы»?

— На своих двоих он далеко бы не ушел. Я думаю, он был сбит менее чем в двухстах метрах

от «Трефовой дамы». Вам известно, что труп его был найден в трех километрах от этого места. Но это передвижение произошло без его участия.

Тут миссис Вилкинсон подала чай, и мы молча сидели перед своими чашками до тех пор, пока она не вышла из комнаты.

Инспектор достал листок, на котором была изображена схема передвижений Олни в тот злосчастный вечер. Она выглядела весьма убедительно.

— Кто-нибудь из завсегдатаев «Трефовой дамы» видел его в тот вечер? — спросил я.

— Одна из официанток видела, как он беседовал с Джо, барменом, — говорят, забавный тип.

— Да, знаю, — ответил я.

— Я спрашивал этого малого, но он не помнил Олни. Олни запомнила девушка, подававшая ему пиво и сандвичи. Вот и все, мистер Ниланд. Вполне ясная картина. Олни заезжает по делам завода к полковнику Тарлингтону. Здесь нет ничего подозрительного. Идет потом в «Трефовую даму» перекусить и выпить. Оттуда направляется домой, чтобы встретиться с вами. Он подошел к автобусной остановке, но потом, видимо, решил пройтись до следующей. Между этими пунктами, где мы нашли его записную книжку, его и сбивает машина. Она ехала по самому краю дороги — помните, я говорил, что в том месте глина? — самое подходящее место наехать на человека: если кто и увидит, так подумает, что это несчастный случай. Значит, из «Трефовой дамы» кто-то вышел вслед за Олни, сел в автомобиль, поехал вслед за ним и сшиб беднягу.

— Или дожидался его на дороге, зная, куда направился Олни.

— Верно, — согласился инспектор. — Теперь о времени. Официантка видела его в «Трефовой даме» в половине девятого. Автобус отходит с остановки без двадцати минут девять. Предположим, что Олни не успел на него. Следующий автобус проходит мимо того места, где был убит Олни, в самом начале десятого, но водитель не заметил ничего необычного на дороге. Было спокойно, когда он проезжал. Ду-

маю, Олни убили не позже девяти. Теперь нужно узнать, чем занимались кое-какие люди в это время вчера.

— Например, Тарлингтон. Он знал, куда пошел Олни.

— Но ведь он судья, председатель десятка всяких обществ и союзов и не такой человек, у которого можно требовать отчета о том, где он бывает и что делает.

— Возможно и так, но я все-таки хотел бы знать это, — ответил я резко.

— Не нужно кипятиться, Ниланд. Полковник сам говорил мне о том, что он делал после визита Олни. По собственному почину. Он хотел ехать в свой клуб конституционалистов, но был вынужден ожидать из Лондона важного телефонного звонка, а вызвали его только без четверти девять... На всякий случай я проверил это, — понизив голос, сказал инспектор, словно стыдясь себя самого. — Оказывается, полковник долго разговаривал с министром снабжения: с четверти девятого и до девяти. — Инспектор улыбнулся. — Я проверил это специально для вас, мой дорогой. Вряд ли стоило терять на это время — никому не может прийти в голову подозревать полковника Тарлингтона.

— Конечно, — не моргнув глазом, согласился я. — А как с тем списком фамилий, который я оставил вам сегодня утром?

— Я узнал немного, хотя сделал все, что мог, мистер Ниланд. Мы ведь не гестапо! Итак, во-первых, миссис Джесмонд. Живет в «Трефовой даме» за городом, но не всегда, так как частенько уезжает куда-то. Сюда приехала из Франции как раз перед тем, как французам пришлось собирать свои пожитки. Денег у нее куча. Большая охотница до молоденьких офицеров, как говорил мне кто-то из моих парней.

— Все это мне известно, — заметил я. — Даже больше. Например, то, что «Трефовая дама» принадлежит ей.

Инспектор присвистнул:

— А я полагал, что владелец Сэтл...

— Нет, он просто управляющий. И настоящая его фамилия Фенкрест. Я встречал его раньше. Темная личность.

— Как по-вашему, чем они занимаются?

— Не знаю еще, — честно ответил я. — Стоит последить за всей этой компанией. Несомненно, что миссис Джесмонд связана с «черным рынком» и вряд ли только лишь затем, чтобы доставать вина и продукты для своего ресторана. Скорее всего она вкладывает деньги в чужие спекуляции, если только не спекулирует сама. Я столкнулся у нее с типом, который называет себя Тимоном. Из Манчестера. Не мешает выяснить, что это за птица.

Хэмп сделал отметку в своей записной книжке.

— Не известно, как далеко она зашла, — продолжал я, — но ясно, что эта особа не честная гражданка и способна на все ради денег и роскоши. Такая легко может продаться нацистам. Быть может, она завлекает молоденьких летчиков не только ради собственного удовольствия...

— Что же сделать с ней?

— Пока ничего. Предоставьте ее мне. Ну, а миссис Каслсайд?

— Жена большого щеголя и светского человека, майора Лионэла Каслсайда. Он здесь уже полгода командует зенитной батареей. Женаты они недавно. Она была уже замужем где-то в Индии и успела овдоветь...

— Так она всем рассказывает, но это неправда. Она знает, что я не верю ей. Я видел ее где-то раньше, но, конечно, не на похоронах ее первого мужа в Индии... Она очень боится разоблачения. Такие — находка для гестапо... Все думают, что она пуста и легкомысленна, но это совсем не так... Она может многое узнать, а если ее прижмет гестапо, то она способна передать им все.

— Ясно, — сказал инспектор. Его маленькие глаза заблестели. — Сдается, эта молодая особа большую часть своего времени и чужих денег оставляет именно в «Трефовой даме».

— Да, это так. Думаю, что в ближайшее время я рискну поговорить с ней напрямик...

— Следующий в списке,— продолжил инспектор,— Периго... Несколько недель тому назад мне довелось беседовать с ним. Дело в том, что полковник Тарлингтон, которому не понравилась то ли наружность, то ли разговор Периго, предложил моему начальнику «проверить» этого человека. Премерзкое занятие, скажу вам... Мне показалось, — добавил он хмуро, — что Периго красит щеки!

— Вам это не показалось, — рассмеялся я. — И вот что. Периго утверждает, что в Лондоне он продавал картины, а когда разбомбили его дом, то он, оставшись без дела, переехал в Гретли, где какой-то его друг уступил ему коттедж.

— Знаю, — почему-то рассердился инспектор. — И все это чистая правда, черт возьми!..

— ...Я это предвидел. Периго достаточно умен, чтобы кормить людей баснями, которые легко проверить. Он так и пристает ко всем со своей этой историей. Мне сразу стало ясно, что она правдива и под нее не подкопаешься. Он утверждает, будто поселился здесь, чтобы развлечься. Если это так, то считайте, что я приехал за тем же, а Гретли — модный курорт. Одним словом, Периго — темная лошадка. И умен. К примеру, он сразу понял, что Фифин совсем не та, за кого себя выдает. Ее акробатические трюки можете увидеть в «Ипподроме» всю эту неделю. Могучая женщина (в вашем вкусе, инспектор). Она проделывает удивительные фокусы на трапеции и предлагает зрителям вести им счет. Весь зал считает. Публике это нравится, но, кроме публики, это удобно и ей и тем, кому она передает цифровым кодом сведения на глазах у многочисленных зрителей.

— Те-те-те! — воскликнул Хэмп. — Что-то чересчур уж мудрено.

Я выколотил трубку о каминную решетку.

— Списочек номеров телефонов я скопировал у Фифин в ее уборной. А вот бумажка с некими цифрами, подобранная мною с пола там же. Наверное, она

пользовалась ею прошлый раз. Я не думаю тратить время на расшифровку — ведь я не специалист! — просто-напросто пошлю эту бумажку нашим экспертам. Видите, как все ловко: чтобы принять сообщение, нужно только сидеть в зале и считать вместе со всеми зрителями. Безопасно! Немцы применяют и другие методы, более тонкие, но и этот не плох. Между прочим, нашему приятелю Периго известно, кому нужна затея с подсчитыванием акробатических трюков. На представлении я сидел почти рядом с ним...

— Давайте срочно арестуем эту актрису! — воскликнул Хэмп.

— Тогда мы просто обезвредим одно звено — вот и все. А два десятка других, более важных, уплыли бы из наших рук и стали бы недосягаемыми для возмездия. Нет, пока все идет как надо, и я не собирался утруждать вас просьбой проверить Фифин. Просто хотел показать вам, что мне известно кое-что о Периго. Ну, кто там еще?

— Да... вот... мисс Акстон, хозяйка лавки подарков, — неохотно начал он. — Непонятно, зачем вы вписали ее сюда.

— Просто хотелось узнать, что известно о ней полиции, — усмехаясь, ответил я. — Вот и все. Вчера я провел за стаканом вина прелестный вечер в ее доме. Запас спиртного у нее удивительный по нынешним временам. Она вызвала во мне подозрения потому, что при первой же встрече со мной солгала. Вам известно, кто она?

— Племянница вице-адмирала сэра Джонсона Фрайнд-Тепли, — вычитал инспектор из своего блокнота. — У нее большие связи. Несколько лет перед войной жила за границей. В самом начале войны уехала в Америку и жила там до середины прошлого года, а потом вернулась и открыла в Гретли магазин подарков. Жена моя была пару раз у нее в магазине, но почему-то недолюбливает ее. Считает мисс Акстон слишком высокомерной и вообще неприятной особой. Но вы же знаете, на женщин не угодишь.

Я снова разжег трубку.

— Я хорошо понимаю, что имела в виду ваша жена, инспектор. Завтра вечером я обедаю с мисс Акстон и постараюсь разузнать о ней побольше. Правда, она кажется мне вполне благонадежной.

— Конечно, так оно и есть. Вы напрасно теряете время, мистер Ниланд. Если только, — ухмыльнулся он, — стараетесь для дела, а не для себя.

Он выразительно постучал пальцем по блокноту, и лицо его вновь стало серьезным.

— Что же до последней фамилии в списке...

— Вы говорите о докторе Бауэрнштерн?

— Да. Ее фамилию я не хотел бы здесь видеть. Придется, мистер Ниланд, мне раскрыть карты. Конечно, если вы хотите, то я буду говорить только как полицейский. Пожалуй, моя откровенность может причинить мне большие неприятности... — Он умолк в нерешительности.

— Послушайте, Хэмп, — ответил я. — Я вам абсолютно доверяю и хочу, чтобы и вы доверяли мне. Мне очень отрадно, Хэмп, видеть человека, с которым можно говорить откровенно. Ради бога, оставьте свой чин в покое и рассказывайте все, что знаете, думаете и чувствуете.

— Идет, — с заметным облегчением сказал инспектор. — Я не удивился, встретив ее фамилию в списке, но был огорчен. Огорчился потому, что доктор Бауэрнштерн симпатична мне, и я считаю, что ее напрасно обижают. Она прекрасный врач и, по-моему, славная женщина. Я слышал, она творила прямо чудеса с больными ребятишками в клинике.

— Она была замужем за австрийцем, — перебил я его, ибо то, что он говорил, было мне известно. — Считает его великим человеком, не желает менять фамилию, и живется ей нелегко.

— Ага, вы уже кое-что знаете о ней. Быстро же вы собираете сведения! Так вот, когда доктор Бауэрнштерн регистрировался, я и узнал его поближе. Какой он был врач! Просто чудотворец. Он вылечил мою племянницу, а лучшие специалисты в Лондоне говорили, что болезнь неизлечима. Вскоре он умер. Я думаю, она вышла за него замуж только потому,

что преклонялась перед ним как перед врачом и человеком.

— У меня сложилось такое же впечатленне после разговора с ней. Вчера вечером я впервые встретился с ней, н знаете где? Здесь, в комнате Олнн. Она поджндала его, утверждая, что он ее пацнент. Сегодня я был у нее на приеме и прнглашен на чай. Она немножко рассказала мне о себе и о муже. Потом появнлся Периго.

— Пе-ри-го? — Инспектор был неприятно удивлен.

— Да, он. Где я нн появлюсь, он тут как тут. Вряд ли они хорошо знакомы с доктором, но ведь все-такн знакомы. Итак, что же дальше?

Казалось, ннспектора что-то смутило.

— Ей жилось несладко после смертн мужа, — наконец начал он. — Фамилия у нее самая что ни на есть немецкая, н людн сталн чесать языкамн, не имея на это оснований. А она очень гордая женщина, н вннить ее за это нельзя. И в довершение всего случилась еще эта история с ее деверем.

— Какая нсторня? — Для меня это была настоящая новость.

— Младший брат ее мужа тоже бежал от нацнстов. Он металлург-химик, большой специалнст в своем деле. После всяких мытарств Отто Бауэрнштерн поступил на службу в компанию Чатэрза прошлым летом. Там против него затеяли целую кампанню. В чнсле тех, кто требовал его уволить, был полковннк Тарлингтон.

— Да, он тоже сует всюду свой нос, — заметил я беспечно веселым тоном.

— Я вам рассказывал, что полковник почетный человек, нмеющий большое влняние здесь у нас. Только, говоря между нами, слншком уж носится со своим патрнотнзмом... С месяц назад Отто Бауэрнштерну было предложено уйтн с завода и немедленно покинуть наш город. Он ушел с завода, но затем исчез. До снх пор неизвестно, что с ннм сталось.

— Он жил у невесткн? — спросил я.

— Нет, но бывал у нее часто. Она возмущена, что с ним так поступнлн. Утверждает, что он хотел

одного — помогать в нашей борьбе с нацистами, а его травили, как зверя, и не давали спокойно работать. Да, она очень озлоблена.

— Есть два варианта, — заметил я. — Или она настолько озлобилась, что какой-нибудь нацистский агент убедил ее помочь великой германской расе, к которой принадлежал ее муж... Или вся эта история — сплошная выдумка, и Бауэрнштерны никогда не были настоящими эмигрантами. Немцы часто посылали к нам своих агентов под видом беженцев. Некоторые из них даже показывали незажившие раны от побоев в концлагерях. Все это они умеют проделывать ловко и обдуманно.

— Есть и третий вариант, Ниланд, — возразил инспектор, посмотрев на меня сурово. — Бауэрнштерн — просто честная и хорошая женщина, которой крепко не повезло в жизни. Это мое мнение. Я часто не могу глядеть ей в глаза от стыда за наших горожан. Поверьте, она стоит сотни некоторых из них.

— Ладно, — проворчал я. — Пусть она будет святой. Но ведет она себя так, будто ей есть что скрывать. И вчера и сегодня при встрече со мной она выглядела испуганной, была все время настороже. Как вы это объясните?

— Ее преследовали, — ответил он сразу же.

Я покачал головой.

— Нет, здесь не только это. Скажите, а вы на самом деле хотите найти и арестовать этого парня, Отто?

— Нет, не хочу, — сказал он шепотом, наклоняясь ко мне. — То есть не хочу, если он такой, каким я его представляю. А зачем вам это?

— Мне кажется, он спрятан в одной из комнат верхнего этажа дома вашей приятельницы и его невестки.

— Вы уверены в этом?

— Не совсем, но готов поставить ящик сигар против земляного ореха. Это написано на лицах обеих женщин, особенно на лице старой служанки. Теперь мне стало ясно, кого они прячут.

Инспектор хлопнул себя по коленям, потом встал. Лицо его выражало высшую степень неудовольствия.

— От всей души жалею о том, что вы рассказали мне об этом.

— Минуточку! И не думайте идти туда и арестовывать его.

— Если я знаю, где он, мне ничего другого не остается. Его будут судить за уклонение от регистрации.

— У меня есть полномочия, дающие мне право требовать от полиции всяческого содействия. Могу показать бумагу. Хотите убедиться своими глазами?

Он усмехнулся.

— Пожалуй, хочу, раз к слову пришлось. Ведь мне до сих пор не приходилось сталкиваться ни с кем из ваших.

Я показал инспектору удостоверение. Оно произвело нужное впечатление.

— Все верно, — хмурясь, сказал он. — Итак, вы не хотите, чтобы с ордером на арест я отправился к Отто Бауэрнштерну?

— Нет, не хочу. Я настаиваю на том, чтобы Отто не имел дела с полицией. Ответственность беру на себя я.

Лицо инспектора мгновенно прояснилось.

— Это другое дело. Вы ошибаетесь. Готов поручиться своим жалованьем, что миссис Бауэрнштерн честный человек. Я неплохо разбираюсь в людях.

— Не сомневаюсь в этом, инспектор. Разрешите завтра утром зайти к вам и воспользоваться вашим телефоном. Спасибо, что навестили меня. А теперь я займусь записной книжкой бедняги Олни.

Когда инспектор простился, я взялся за записную книжку, с грустью разбирая эти каракули — все, что осталось от человека. С первого взгляда она действительно производила впечатление записной книжки мастера любого авиационного завода: множество записей касалось работы в цехе. Но я искал другое. И действительно последние странички должны были заменить наш несостоявшийся разговор...

Сверху одной из страниц было написано «Трефо-

вая дама» и стоял большой вопросительный знак. Ниже — кое-как сделанная диаграмма с таинственным «Х» в центре кружка, изображавшего город, а от него во все стороны лучи. Под схемой — примечание: «Одна явка — в городе, другая — вне его». Потом заметка: «Как насчет окна?» Затем только два слова: «Наверное, Америка». Дальше — ссылка на запись двухмесячной давности. Она состояла из фразы: «Оба утверждают, что на левой щеке глубокий шрам». На другой страничке было три слова, которые я едва разобрал: «Проверить насчет шрама». В разных местах я нашел еще несколько отдельных слов. Из них «цветы» и «сладкое» были подчеркнуты.

Больше в записной книжке ничего не было. Я переписал все заметки Олни и попытался сопоставить их с теми немногими сведениями, которые удалось добыть мне. Мне стало ясно, что это не такой уж богатый и многообещающий материал. Но на его фоне выделялся один неумолимый факт — люди, которых мы выслеживаем, догадались, кто такой Олни, и успели нанести удар раньше, чем ему удалось что-либо предпринять. Меня встревожила пропажа зажигалки. Быть может, я — следующий на очереди.

VI

Я не застал инспектора на следующее утро в полицейском управлении, но он перед уходом распорядился, чтобы меня соединили по телефону с Лондоном. Мне нужно было получить некоторые сведения в Отделе о Фифин, о Бауэрнштернах и еще узнать кое-что связанное с Канадской тихоокеанской дорогой. Я знал, что они выяснят все это очень скоро, поэтому остался ожидать ответа и почти все утро провел в полицейском управлении. Инспектор пришел в то время, когда я оканчивал разговор. Я передал ему записную книжку Олни и осведомился, выяснил ли он что-либо по списку телефонных номеров Фифин.

— Я узнал все, но, думаю, вы будете разочарованы. Вот список.

Мы стали вместе просматривать его.

— Вот видите, как я вам вчера и говорил, это телефон «Трефовой дамы». Следующий в списке — телефон театра. Тот, что у входа на сцену. Но он, разумеется, не имеет никакой пользы для нас.

— Ровно никакой, — согласился я. — А остальные четыре?

— Да. Следующий меня немного удивил, — сказал инспектор, указывая на группу цифр. — Мне бы следовало его вспомнить сразу. Ведь это телефон электрической компании Чатэрза. И к чему бы акробатке понадобился этот телефон? Непонятно.

— У них на службе около шести тысяч человек, — сказал я безразлично. — Она может утверждать, что там работает ее приятель. Ну, а дальше?

— Есть телефон одного аптекаря, хорошо известного в городе респектабельного человека. Он продает актерам театральный грим и все прочее. Вдобавок снабжает их аспирином и другими лекарствами. Это дает ему небольшой дополнительный заработок. Торгует он совершенно открыто и честно. Следующий номер тоже не вызывает сомнений: на квартире у этой женщины нет телефона, а тот, что здесь записан, находится через площадку. Им пользуются все жильцы за небольшую плату. Здесь это вполне обычное дело.

— Мне никогда не приходилось встречаться с таким количеством пустых версий, — сказал я с раздражением. — Ну, а последний? Газетный киоск или галантерейный магазин?

— Угадали. Я знаю этот магазин. Имя его владельца — Сильби. Он торгует газетами и всякой всячиной. Это тоже телефон общего пользования. Мне туда идти бесполезно, так как они меня знают. У Сильби в свое время случались неприятности с полицией из-за разных темных делишек. Потому будет лучше, если пойдете вы сами. Вот адрес. Увидимся еще сегодня с вами?

— Вряд ли, — ответил я мрачно.

Этот список телефонных номеров казался столь обещающим, а к чему все свелось! Впрочем, здесь был телефон электрической компании. Этому я при-

давал большее значение, чем инспектор мог предположить.

Магазин Сильби находился на Мьюли-стрит, между рыночной площадью и заводом Чатэрза.

Я застал тут пожилую чету. Несомненно, это были мистер и миссис Сильби. При взгляде на их бескровные лица с подслеповатыми глазами вспоминались твари, выползающие из гниющих деревянных строений. У обоих рты были полуоткрыты, оба беспрестанно шмыгали носами, издавая ими какие-то хлюпающие звуки.

— Вы мистер Сильби? Прекрасно. Я видел номер вашего телефона у одной особы... — Я умолк.

В его выцветших глазах промелькнул страх.

Женщина подошла ближе; мне показалось, что и она испугана.

— Послушайте, а кто вы такой? — спросил он неуверенным, дрожащим голосом.

— Это неважно... — обрезал я свирепо. — Я желаю знать, как номер вашего телефона попал к...

Женщина перебила меня, спеша оправдаться, как я этого и ожидал:

— Видите ли, сэр, так как у нас есть телефон, а у многих его нет, некоторые покупатели договариваются с нами. Они сообщают наш номер знакомым, а те передают через нас все, что нужно, и за это мы получаем шесть пенсов. То же самое мы делаем и с письмами, просто для удобства.

— У вас есть список абонентов? — спросил я резко.

— Конечно, сэр! Можете взглянуть, если хотите! Арнольд, принеси джентльмену список.

Арнольд показал мне список, и конечно, я ничего из него не узнал: если не Смиты, то Брауны и Робинсоны. Возвращая список хозяину через прилавок, я вдруг заметил у своей ноги на неподметенном полу среди мусора окурок сигареты. Я подобрал окурок и, отойдя на несколько ярдов от магазина вниз по улице, остановился, чтобы рассмотреть его. Как я и подозревал, это была американская сигарета. Можно было даже прочесть несколько букв, напеча-

танных мелким шрифтом: «...илд», «Честерфилд»! Значит, Сильби недавно навещал какой-то посетитель, куривший честерфилдские сигареты. А я был готов держать пари на все свои деньги, что никакой обыватель с этой улицы не курит честерфилдских сигарет; в Гретли их ни за какие деньги не купишь. Очевидно, человек, бросивший в магазинчике Сильби этот окурок, приходил туда справиться относительно телефонного звонка. Сделав такой вывод, я случайно оглянулся и увидел, что мистер Сильби, как гигантский трясущийся термит, стоит в дверях магазинчика, вперив в меня стеклянные глаза.

...Миссис Вилкинсон оставила мне кое-что от их завтрака, и я поел у себя в комнате, глядя, как черный дождь поливает садик. Мне предстояло послать в Отдел довольно длинный отчет, и это отняло у меня большую часть дня. Опустив письмо в почтовый ящик на углу, я поспешно вернулся домой под проливным дождем, выпил чашку чаю, растянулся на диване и задремал.

Радостные сны приходили ко мне и тут же исчезали... Я вновь вернулся алмазным утром в Чили, и со мною были снова Маракита, и наш мальчик, и Пауль, и Митца Розенталь. А в следующую минуту я вспоминал, что я в Гретли, что постарел, выдохся и стал похожим на привидение. Я злился. Сны не должны быть так ярки и мимолетны.

Злила меня и еще одна непонятная вещь — я все думал об этой докторше Бауэрнштерн, и, хотя не помнил ясно ее лица, передо мной стояли зеленовато-карие глаза, горящие и печальные. «Мне лично нет никакого дела до нее, — твердил я себе. — Зачем утомлять себя мыслями о подозрительных личностях?» Но я ничего не мог поделать с собой...

Без десяти семь — скорее по счастливой случайности, чем благодаря умелому лавированию — я добрался во тьме кромешной к тому месту около черного хода, где накануне вечером целовал мисс Акстон. Городской зал, в котором был назначен митинг, — в трех минутах ходьбы от лавки мисс Акстон. Мы с нею еще успели подняться в гостиную, и она

снова щедро угостила меня канадской водкой. Я так быстро проглотил свою порцию, что алкоголь сразу же подействовал на меня. Мисс Акстон была очень эффектна и походила на королеву. В ее обращении со мной не осталось ничего напоминающего о вчерашних поцелуях. Но ничего не давало и повода думать, что она забыла о них. Большинство женщин в таких случаях стали бы нежнее или, наоборот, холоднее, а она держала себя точно так же, как вчера в начале нашего разговора.

Перед уходом я вдруг вспомнил, что не заказал обеда для нас в «Трефовой даме». Я связался с Фенкрестом, называя его «мистер Сэтл», но так, чтобы он понял — для меня он по-прежнему Фенкрест. Вешая трубку, я подметил пристальный взгляд мисс Акстон и сделал дерзко-самодовольную мину глупого и похотливого самца, готовящегося совратить женщину.

— Слушая, как вы говорите по телефону, обязательно подумаешь, что никакой войны нет, — заметила она вдруг, когда мы вышли из дому.

Нужно было подать соответствующую реплику:

— Когда мужчина ведет в ресторан красивую женщину, ему до войны нет никакого дела.

Она слегка сжала мой локоть, словно в благодарность за эту идиотскую фразу. Я спросил себя: «Долго ли будет продолжаться этот фарс?» Ведь почти каждое наше слово и каждый жест были просто оскорбительным отрицанием малейшего чутья и ума собеседника.

Зал напоминал дешевый, громадных размеров гроб. Украшенный многочисленными флагами, он был плотно набит представителями почти всех слоев населения — служащими, торговцами, жителями пригородов. (Рабочим устраивали особые митинги в заводских столовых.) Председательствовал мэр Гретли, читая по бумажке вступительное слово так медленно, что даже простые слова, вроде «который» и «где» получали некий загадочный и даже тревожный смысл. Мэр представил нам местного депутата парламента, самовлюбленного и экзальтированного че-

ловека, который начал выкрикивать банальности сердитым голосом, будто мы спорили с ним много часов и терпение его лопнуло. По-видимому, он занимал совсем маленький пост, хотя и старался внушить, будто он и Черчилль выполняют всю связанную с войной работу. Он был не очень последователен. То ругал зал за непонимание «нашей войны», войны всего народа, то намекал, что война не наше дело, а его и еще нескольких его знакомых из Вестминстера. Он возмущался тем, что слишком много людей «сидят себе и критикуют», и сразу после этого протестовал против нашей «халатности» и «равнодушия», называя это главной опасностью.

Следующий оратор, длинный хмурый человек, сэр Некто Откуда-то разрешал вопросы очень просто. По его словам выходило, что у нас работает слишком много немцев, которым поручают обращаться по радио к Германии, обещать немецкому народу то, се, пятое, десятое. Нужно вышвырнуть из радиокорпорации этих вещателей-немцев и их дружков, красных интеллигентов, заявив Германии, что все немцы будут беспощадно уничтожены. Тогда она поймет, что мы вовсе не намерены «терпеть различные глупости», и мы неотвратимо придем (он не указал, какими путями) к скорой и полной победе. В конце этой удивительной речи, словно написанной для него Геббельсом, я уже задавал себе вопрос: зачем мне тратить время на выслеживание нацистов, когда такие вот джентльмены вроде сэра Некто Откуда-то вполне стоят дюжины гитлеровских агентов?

Наконец выступил полковник Тарлингтон — человек, ради которого я, собственно, и пришел сюда. Я не видел его после той встречи у заводской конторы, но с тех пор неоднократно слышал о нем от самых разных людей. Он был похож на генерала прошлой войны, одетого в штатское. Чопорный, собранный, румяный. Он, видимо, привык произносить речи и говорил хорошо. Отлично знал, чего хочет. Он заинтересовал слушателей, а предыдущим ораторам это не удавалось. Полковника я слушал внимательно, стараясь ничего не пропустить.

Тарлингтон играл простосердечного человека — я, мол, прямой, без всяких ухищрений, и призывал к настоящей работе на оборону без слюнявой сентиментальности. Тех, кто устраивает забастовки и кричит о своих правах, нужно отправить на фронт, а если не угомонятся — расстрелять немедленно. Он ловко намекнул, что руководители лейбористской партии шантажируют страну, используя свое положение. По его мнению, у нас несли немыслимую, фантастическую чепуху о реконструкции мира после войны. Ведь война еще не выиграна, и если даже будет выиграна, то страна будет еще беднее, чем раньше. Поэтому все трезвые люди уже сейчас должны укреплять позиции работодателей, частную инициативу и необходимый контроль капитала над производством. Он просил помнить о том, что коммунисты продолжают среди нас свою работу и широко используют сентиментальный бред о России, так распространенный сейчас везде.

И наконец, мы узнали, что сейчас нашей стране необходим непоколебимый дух старой Англии, благодаря которому британский флаг реет во всех уголках мира.

Он, конечно, говорил еще о многом, но главное было именно в этом. Я увидел, как некоторые репортеры записывают речь полковника, и подумал, что кое-какие провокационные фразы обязательно напечатают не только в местной прессе. Во время речи Тарлингтона из глубины зала раздалась парадругая протестов, но они сразу же были заглушены аплодисментами поклонников полковника из первых рядов.

— Что вы думаете об этом выступлении? — спросила меня мисс Акстон, пока мэр благодарил полковника.

— Думаю, что полковник Тарлингтон очень ловкий человек, — ответил я самым непринужденным тоном.

Она одарила меня лучистым голубым взглядом, но говорить было уже некогда. Митинг окончился.

Когда мы пробирались к выходу, я заметил зна-

комое сосредоточенное лицо, а обладатель его, в свою очередь, узнал меня. Это был Хичэм из электрической компании. Он протолкался к нам, извинился перед мисс Акстон и отвел меня в сторону.

— Я совсем недавно отправил вам письмо, мистер Ниланд, — на́чал он. — Сегодня заседало правление, и я доложил о вас, как обещал. Сначала было много возражающих, но потом один из директоров, пользующихся большим влиянием, вдруг предложил принять вас с испытательным сроком, потому что сейчас большая нехватка в специалистах.

— Весьма вам благодарен, — скрывая изумление, сказал я и невольно подумал с раздражением, что, приведись мне на самом деле искать работу, она ни за что не досталась бы мне так легко. — Между прочим, не знаете ли вы, кто из директоров так хлопотал обо мне?

— Знаю, — усмехнулся Хичэм, — но, пожалуйста, не выдавайте меня. Вы его только что слушали. Полковник Тарлингтон.

Я вернулся к мисс Акстон очень довольным. Наконец-то дела двигаются вперед! Она опять с любопытством поглядела на меня, но не спросила, с кем это я разговаривал. Мы оказались в давке у выхода. Кто-то сказал, что на улице дождь.

— Вот разиня! — воскликнул я совершенно искренне. — Совсем забыл, что до «Трефовой дамы» две мили. Сейчас вряд ли поймаешь такси.

— Здесь совсем рядом автобус, — успокоила меня мисс Акстон. — Мы успеем застать его на остановке. Бежим скорее!

Мы действительно поспели на автобус.

Как только она вышла из раздевалки «Трефовой дамы», я повел ее в бар, где за стойкой властвовал широколицый вежливый Джо. Я заказал ему два двойных коктейля мартини.

— Вы ведь не любите сладкий коктейль? — спросила мисс Акстон.

— Нет. Джо, смотрите, чтобы был не сладкий.

— Постараюсь, — ответил Джо, обнажая в улыб-

ке свой золотой зуб. — Хотя теперь, когда всего не хватает, лучше пить сладкий мартини.

Повторенное несколько раз слово «сладкий» напомнило мне о чем-то. Я пару минут напряженно вспоминал, о чем же, потом вспомнил. На последних листках записной книжки Олни, среди отдельных слов было и это. Размышления не помешали мне заметить, как Джо предложил мисс Акстон сигарету.

— Вы, кажется, любительница «Честерфилда», — говорил он. — А у меня еще есть небольшой запасец.

— Их, наверное, очень трудно достать? — спросил я, отказываясь от протянутой и мне сигареты.

— Когда я служил у Борани, то познакомился с молодыми парнями из американского посольства. Пока у них были запасы, они не забывали и меня. Вот до сих пор я и сохранил немножко.

Значит, кто-то из его знакомых или он сам приходил в магазинчик Сильби незадолго до моего визита. Сомневаюсь, чтобы в такой дыре, как Гретли, у кого-нибудь еще имелся запас американских сигарет. Ведь трудно предположить, что случайный посетитель, получивший от Джо сигарету, унес ее отсюда и выкурил в магазинчике Сильби, где-то на Мьюли-стрит.

Мы уже допивали мартини, кстати, очень крепкий, когда мисс Акстон неожиданно спросила:

— С кем вы разговаривали после митинга? Я где-то встречала этого человека.

— Это Хичэм с завода Чатэрза. Он сказал, что правление согласилось взять меня на работу... — ответил я, воспользовавшись моментом.

— Замечательно, не так ли? — с улыбкой посмотрела она на меня.

— Конечно! Кстати, правление сначала решило мне отказать. Ведь я не электротехник. Но за меня вступился один из директоров. Знаете кто?

— Предполагаю, — сказала она спокойно, ошеломив меня подобным ответом. Ведь я был уверен, что она попытается скрыть, что знает об этом. — Полковник Тарлингтон?

— Однако скажите, откуда вам это известно? — спросил я с невинным видом. На лице моем было написано чувств не больше, чем на белой стене.

— Вчера вечером я позвонила полковнику, вспомнив, как вы перед уходом говорили о поисках работы, — попалась она в сети. — И просила помочь вам.

— Вот молодец! — воскликнул я, сделав вид, будто мне хочется вновь поцеловать ее. — А я и не знал, что вы с ним так близко знакомы. Я помню, вы говорили о том, что не знаете его и что он не в вашем вкусе.

— Это так, — ответила она быстро. — Но все же мы встречались с ним несколько раз. Думаю, этого вполне достаточно, чтобы намекнуть ему, что вы мне кажетесь полезным человеком! Он даже не рассердился. Напротив, поблагодарил меня. Вам, помоему, нужно сделать то же.

— Обязательно, я вам так благодарен! — воскликнул я с артистическим пафосом. — Постараюсь доказать это при первом удобном случае.

В этот вечер в «Трефовой даме» было очень оживленно. Все столы, кроме прибереженного для меня Фенкрестом, оказались уже заняты. Здесь сидели миссис Джесмонд в окружении двух-трех офицеров и каких-то дам, Шила Каслсайд в компании военных. А вот Периго на этот раз нигде не было видно. Обед был очень хорошим. Говорили мы больше об Америке. Акстон рассказала, как она гостила в Калифорнии у друзей, пока не поняла, что ее долг вернуться на родину и работать для фронта. Вернувшись, пробовала заниматься тем, другим, третьим и в конце концов купила магазин подарков. История эта, конечно, была шита белыми нитками.

К нашему столику подошел летчик и пригласил мисс Акстон на танец. Не успели они отойти от стола, как ко мне подбежала Шила Каслсайд. Возбужденная, как обычно, и, быть может, слегка навеселе, она была сегодня очень мила.

— Зачем вы привели с собой эту мерзкую особу? — спросила она с гримасой. — Вы знаете, что я ее терпеть не могу. Я говорила вам об этом.

— Да, но ведь я не ваш супруг, Шила. Не устраивайте мне сцен.

— Если бы вы знали о ней то, что знаю я, — начала она и неожиданно умолкла.

— Что именно?

— Нет, ничего. Не нужно мне было говорить о ней.

— Шила, — взглянул я ей в глаза, — нам нужно с вами поговорить. Помните? Разговор будет серьезный.

Она утвердительно кивнула, хотя казалась испуганной.

— Пожалуйста, когда хотите...

Как только она подошла ко мне, я уже знал, что разговор с ней не следует откладывать. Сведения, полученные мной утром, дали мне в руки все, что нужно.

— Прекрасно. Но здесь, на людях, говорить неловко. Постарайтесь улизнуть от своей компании, а я оставлю на время мисс Акстон с летчиком. Нет ли здесь местечка, где можно говорить без свидетелей? Будет только разговор, и ничего больше, не беспокойтесь.

— Знаю, черт вас возьми! — ответила она. — Попытайтесь узнать, есть ли наверху свободная гостиная. Я тоже разузнаю.

— Итак...

— Кто первый найдет, пришлет другому записку... Эта тварь, Акстон, пила из того стакана?

— Нет, даже не дотрагивалась до него. Хотите?

— За ваше здоровье! — Шила залпом выпила бренди.

— Не берите ей еще порцию. Она не стоит этого. Ну, я пошла.

Я смотрел, как она возвращается к своему столику. Через пару минут она подошла к миссис Джесмонд. Наверное, Шила узнавала у нее относительно гостиной. Я попытался найти Фенкреста,

но его нигде не было, и мне пришлось вернуться в зал. Шила уже покинула миссис Джесмонд, которая несколько раз поглядывала с улыбкой в мою сторону. Я вынужден был подойти к ней. Она заставила меня сесть рядом на свободное место. Ее бархатистые щеки были очень привлекательны. У меня появилось желание взять в руки ее стройную шею и что-нибудь сделать с нею. Но что? Приласкать или свернуть? Этого я и сам толком не знал.

Я спросил, не встречался ли ей Периго.

— Не встречался с тех пор, как без приглашения пришел в гостиную, — ответила она.

— Знаете, как все получилось? — решил я испытать ее. — Я искал вас и заблудился. Неожиданно увидел у закрытой двери Периго, который явно подслушивал, а не собирался входить. Я не знал, как поступить, но затем пошел прямо к двери. Именно в тот миг ваш манчестерский друг и открыл ее.

— Так все это и было, мистер Ниланд?

— Конечно, миссис Джесмонд, — ответил я решительно. — Как вы считаете, чем занимается Периго?

— Понятия не имею. — Она неожиданно сделала испуганные глаза и продолжала шепотом: — Мне иной раз кажется, не шантажист ли он? А вам?

— Он утверждает, будто прежде торговал картинами, а здесь оказался потому, что один из его друзей сдал ему свой дом.

— Слишком явная чушь.

— Я заинтересовался, — небрежно продолжал я, — и попросил знакомого, знающего всех и все, справиться. Оказалось, Периго действительно торговал раньше картинами.

— Я удивлена. Впрочем, он разбирается в живописи. Но тогда, вечером, он солгал, утверждая, будто проводил часы, любуясь моей коллекцией. Он и видел то их один только раз. Конечно, он все время лжет. И очень себе на уме. Вспомните, что он болтал о войне в тот вечер? Это явно говорилось с какой-то целью.

— Да, мне тоже так показалось, — уклончиво произнес я. — Он всегда хитрит со мной. Наверное,

ловит. Догадывается, что я гляжу на мир по-другому, чем всякие близорукие болваны.

Она задумчиво глядела на меня, а я вдруг увидел в ее руке незажженную сигарету. Однако когда я стал искать спички, миссис Джесмонд жестом остановила меня.

— Благодарю, не трудитесь. У меня появилась прелестная новая зажигалка, мне хочется испробовать ее!

Она извлекла из сумочки маленькую зажигалку, красную с черным, в точности такую, какая лежала у меня в кармане. Такой нигде не купишь. Значит, это или наша женщина, или у нее зажигалка Олни. Мне нужно было быстро решать. «Если миссис Джесмонд не наша, но знает назначение наших зажигалок, — раздумывал я, — то по моей она узнает, кто я, и тогда все сделанное до сих пор пойдет насмарку». Я здорово рисковал и потому решил пойти на компромисс.

— У меня есть зажигалка, похожая на вашу, — подарок старого друга.

Она не обратила внимания на эту условную фразу, и стало очевидным, что она не связана ни с контрразведкой, ни с Особым отделом, ни с военной разведкой. Предстояло узнать теперь, каким путем к ней попала зажигалка Олни.

— Мой друг, — продолжал я (она спокойно глядела на меня), — мой друг сам делает их. Купить их можно довольно редко. Держу пари, что и вы не покупали свою.

— Верно, — улыбнулась она. — Мне подарили ее вчера вечером.

— Кто же подарил?

Ей не показался мой вопрос неуместным. Напротив, она была довольна.

— Дерек Мюр. Вы ведь знакомы с ним? Вон тот высокий командир эскадрильи, танцующий с толстушкой в зеленом платье.

Я поглядел внимательно — это был один из постоянных ее ухажеров. Пожалуй, она говорит правду. Я был уверен, что это зажигалка Олни.

Как она оказалась у летчика?.. Пока я думал об этом, подошедшая официантка спросила, не я ли мистер Ниланд, и сунула мне записку. Миссис Джесмонд, конечно, заметила это, и губы ее сложились в презрительную улыбку, какой большинство женщин реагирует на интригу, в которой замешана другая женщина. Но, возможно, я ошибался. Возможно, улыбка значила, что я болван, и больше ничего.

На клочке было написано: «Комната 37. Как можно скорее. Ш. К.» Я повернулся к миссис Джесмонд и довольно неубедительно объяснил, почему мне необходимо ее покинуть.

— Конечно, идите. Но не попадите в какую-нибудь беду.

— В беду? С какой стати? — удивился я и встал.

— Не знаю...

Наверху я не встретил ни души. Было тихо. Коридоры освещались слабо, и я несколько минут потратил на поиски 37-го номера. Он оказался в самом конце коридора. Впечатление было такое, будто десятки миль пролегли между этим полутемным, уединенным уголком и всем остальным миром. Я постучал и вошел. Шилы здесь не было. В комнате, очевидно, никто не жил, но она была ярко освещена. Ярко-розовое стеганое пуховое одеяло покрывало кровать, и вокруг все было розовое, так что комната походила на дамскую, причем весьма скверного вкуса.

С одной стороны электрокамина стоял диванчик, с другой — кресло-качалка. Конечно, здесь можно было посидеть и поговорить, но интимно розовеющие шелка комнаты довольно прозрачно намекали на совсем иное ее предназначение.

Я сразу почувствовал это и стоял на пороге в недоумении, спрашивая себя, не ошибся ли один из нас номером — я или Шила?

Минуту спустя стремительно влетела Шила, и дверь за нею с треском захлопнулась. Окинув взглядом комнату, она зло набросилась на меня:

— Боже мой! Вы в своем уме? Привести меня в такое место!

Тут же тихо щелкнул замок: нас заперли. Шила кинулась к двери.

— Минуточку, — остановил я ее спокойно, когда она вновь открыла рот, чтобы закричать на меня. — Не спешите устраивать сцену. Поглядите на это! — Я показал записку.

— И мне передали такую же от вас! — удивилась она. — Где же она? Ах, да я же ее разорвала... Но вам бы следовало знать, что это совсем не мой почерк.

Я не стал выяснять, почему, собственно, она считает, что я должен знать ее почерк. Прежде всего ее нужно было успокоить. Возможно, тот, кто все это подстроил, как раз и рассчитывает, что Шила будет скандалить, шуметь, ломиться в дверь, и тогда все узнают, что мы были вдвоем в этой спальне.

— Послушайте, Шила, — начал я, — кто-то послал нам эти фальшивые записки и запер здесь. Не знаю, для чего. Просто глупая шутка или нечто худшее. Но лучше отнестись ко всему хладнокровно. Мы хотели поговорить — так давайте поговорим...

Мои слова подействовали на нее. Она села на диван и вдруг захохотала, наблюдая, как я располагаюсь в качалке.

Совершенно неожиданно она сказала:

— Поцелуйте меня.

Я оторопел.

— Господи, минуту назад вы готовы были закатить истерику и вот...

— А сейчас все по-другому, — нетерпеливо перебила она. — Я знаю, что сейчас вы будете серьезно говорить со мной и, наверное, не пощадите, но вы все-таки мне нравитесь.

Я поцеловал ее «ласково и просто по-дружески», как она просила, но на всякий случай сразу же вернулся к своему креслу. И даже закурил трубку.

— Итак, Шила, — сказал я, — хочу вас сразу предупредить: все сказанное здесь должно остаться в тайне. А кроме того, вы должны понять, что личная

ваша жизнь меня нисколько не интересует и я бы не стал касаться ее только из своего удовольствия.

— Я вам нравлюсь, но вы меня осуждаете, так?

— Да, приблизительно так, — ответил я, невольно улыбаясь. — Когда я впервые увидел вас в баре «Ягненок и шест», то сразу подумал, что где-то уже встречался с вами. Наконец, вспомнил, где именно, но на всякий случай проверил, очень осторожно, под большим секретом — вы можете не волноваться. Теперь мне известно почти все.

— Наверное, на «Герцогине Корнуэльской», пароходе Тихоокеанской линии? — спросила Шила и внезапно присмирела.

— Да. Помнится, один парень, безумно влюбленный в вас, подружился со мной на этом пароходе. Вы работали в парикмахерской маникюршей. Вас тогда звали Шила Виггит. Потом вы сблизились с каким-то пассажиром, был скандал, и вас уволили с работы.

— И не впервые, поверьте, — сказала она жалобно и в то же время с каким-то вызовом. — Другим все прощали, а мне стоило споткнуться — и пожалуйста... Такая уж подлая судьба! Верьте или не верьте, но часто я оказывалась без работы именно потому, что не соглашалась говорить «да». Мне почему-то всегда везло на такие места. Впервые это случилось, когда я в шестнадцать лет поступила в кондитерскую. Хозяин считал девушек такой же собственностью своего заведения, как и все остальное. Как ваше имя? Хамфри? Так вот, Хамфри, не подумайте, будто я пытаюсь оправдаться... Поверьте: с самого начала мне не везло в жизни. Отец нас бросил, когда я была совсем маленькой. Сестер и братьев у меня не было, а мать была доброй, милой женщиной, но только ужасной дурой.

— Бросьте, Шила, вы не на суде. А что за история с вдовством в Индии?

— Я устала быть такой, как есть, мне захотелось превратиться в другую женщину — милую, чистую и печальную — и, конечно, из высшего общества. Я сшила себе красивые траурные платья, а на по-

следние десять фунтов сняла гостиничный номер в Солчестере, где проживало много офицеров. Нескольким женщинам я поведала свою печальную историю о том, как сразу после свадьбы уехала с мужем в Индию и там он внезапно умер. В то время я уже сама почти поверила в правдивость этой истории и не могла удержаться от слез, рассказывая о своем несчастье. Через две недели я стала невестой Лионэла, который верил каждому моему слову. К тому времени деньги мои все вышли, и мне пришлось придумать умирающую старую тетку и уехать в Шотландию. Там я два месяца работала официанткой, а потом написала Лионэлу, что тетушка скончалась, ничего мне не оставив в наследство. Но Лионэл все же женился на мне. В дальнейшем мне лишь оставалось заботиться о том, чтобы кто-либо знающий мое прошлое не уличил меня в обмане. Вы не представляете, сколько приходится лгать и придумывать, если выдаешь себя за совсем другого человека... Частенько мне хотелось бросить им всем в лицо, что я никогда не училась в Париже, не была при дворе, не жила в Индии, что я просто незаконнорожденная девчонка с окраины, что я была судомойкой, чистила прилавки, подавала фермерским батракам пиво.

— Что же плохого в том, что вы подавали батракам пиво?

— Ничего, но пусть лучше это делают другие, — ответила Шила. — Вы себе представить не можете, Хамфри, среди каких дурацких снобов я живу. Женщины, с которыми приходится встречаться, когда я хожу с Лионэлом в гости, это что-то немыслимое! Но я вынуждена быть на высоте. А сколько раз я бывала на волосок от разоблачения!

— Скажите откровенно, Шила, для чего вам нужно поддерживать эту ложь?

Наконец мы добрались до главного. Она минуту колебалась, а затем заговорила медленно:

— Конечно, вы можете думать, что я боюсь разоблачения и не желаю опять маяться. Это так. Но есть и другая причина. Я не любила Лионэла перед за-

мужеством, а теперь люблю... В его глазах я все такая же, какой казалась при первой встрече: бедная, милая крошка в трауре, с трагической судьбой. Он никогда не забывает об этом. Если ои узиает, что я так долго обмаиывала его и его родных, ни за что он не простит мне этого.

Оиа замолчала, и иа глазах ее показались слезы. Я встал, положил ей на плечо руку, а она прижалась к ней мокрой щекой.

— Не стоит огорчаться, Шила. Спасибо, что вы рассказали мне все... Теперь скажите мне вот о чем, и это очень важио: знает ли кто-нибудь еще о том, что все ваши рассказы о своей жизни выдумаиы?

Оиа попыталась слукавить:

— Не понимаю, какое вы имеете право... Какое вам дело? Не ваша это забота...

— Хорошо, я открою вам все, — ответил я веско. — Я прислаи сюда, чтобы обезвредить людей, продающих родиу. Эти гады фашисты выиуждают людей работать на них, пользуясь любыми средствами. И шантажом тоже. Запугав человека угрозами разоблачения, оии умело пользуются властью над ними. Понятно?

Оиа кивнула головой:

— Одному наверняка известно. И мне кажется, еще двое что-то подозревают: миссис Джесмонд и мистер Периго. Оии оба смотрят на меня так и отпускают такие двусмыслеииые замечаиия... наверное, догадываются.

— Да, это не удивительио. А кто знает наверняка?

— Бармен Джо. Поэтому я и заискиваю перед иим. Как тогда, помните? Все это от страха. А иа самом деле я его ненавижу.

— Он ничего не требовал от вас за свое молчание?

— Пока иет, ио намекал. Несколько дией назад. Ои не говорил, что ему нужио, и я так и не зиаю, хочет ли он денег или... ну, сами догадываетесь чего. Он только предупредил, что если я его как-нибудь

не вознагражу, то он не будет больше молчать. Он намекнул, что знает обо мне многое.

Прежде чем я решился на что-нибудь, Шила добавила:

— Есть еще одна особа, знающая что-то. Я забыла про нее, потому что вижу ее реже остальных. Но, думаю, лучше будет, если я скажу вам все. Ваша длинноногая блондинка, мисс Акстон. Каждый раз, когда она глядит на меня, она будто говорит, что я в ее руках. Не понимаю, хоть убейте, откуда она могла узнать, но могу поклясться, что ей обо мне все известно. Вот почему я ненавижу ее.

— Она часто бывает здесь? — спросил я. — По ее словам выходит, что «Трефовая дама» ей мало знакома, но из сегодняшнего ее разговора с буфетчиком можно сделать вывод, что она завсегдатай здешнего бара.

— Нет, я ее редко вижу здесь, — ответила Шила и, подумав, добавила: — Если они с Джо приятели, то встречаются в другом месте.

— Вы говорили о гостиной миссис Джесмонд, когда подходили к ее столику?

— Да. Ведь она здесь живет. Я подумала, что она порекомендует мне подходящее место для разговора.

— Она не только живет здесь — она хозяйка «Трефовой дамы». Наверняка она и сыграла с нами эту шутку.

— Я же говорила, что она опасный человек!

— Наверное, она сделала это для того, чтобы иметь над нами какую-то власть, которая может быть ей полезна. Как видите, все тот же прием.

— Ну ладно, мистер Шерлок Холмс, лучше скажите, что будем делать дальше?

Я подошел к двери. Она следила затаив дыхание, как я просунул в щель под дверью плотный лист бумаги, потом железным стерженьком, которым чищу трубку, вытолкнул ключ из замочной скважины так, чтобы он упал на бумагу, и втащил бумагу вместе с ключом обратно в комнату. Ключ я вручил Шиле,

а бумагу сунул в ящик. Когда я вновь подошел к двери, Шила уже приготовилась открыть замок.

— Я не знаю, кто вы. Вы даже не были ласковы со мной... И мой Лионэл в десять раз красивее вас... Но все же вы душка!

Она обняла меня за шею и влепила в щеку сочный поцелуй, потом быстро открыла дверь и умчалась. Я задержался в дверях, чтобы не возвращаться вместе с ней. Я спрашивал себя: сколько женщин еще придется мне целовать в Гретли в интересах дела? Ведь это совсем не в моих привычках и особенно теперь, когда я в такой меланхолии, немолод и ни на что не надеюсь.

Я все еще стоял в спальне, прислонившись к стене, покуривая и размышляя, когда дверь тихо растворилась и на пороге возникла мисс Акстон, выглядевшая гораздо спокойнее, чем я.

— Что вы здесь делаете? — спросила она.

— Размышляю и покуриваю.

— Но почему здесь? Какая омерзительная спальня!

— Она не моя. Я снял ее на час, чтобы покурить и подумать здесь. Хозяйка любезно разрешила мне это.

— Это миссис Джесмонд сказала, что вы здесь.

— Миссис Джесмонд и есть хозяйка, — ответил я ей. — Вы знали об этом? Многие не знают. Но я вижу — вы таки знали.

— Ну да, конечно, — сказала она и переступила через порог. Она взглянула на меня без улыбки.

— Вы выглядели такой счастливой, танцуя там, внизу, поэтому я не хотел беспокоить вас, — сказал я извиняющимся тоном. — А я и представления не имел, что вы предпочитаете болтовню танцам, и сделал все возможное, чтобы позволить вам поразвлечься, как вы это любите. Хотите пойти вниз?

— Я искала вас... Эти мальчики из BBC собираются со своими барышнями к Селливану, где намечается какая-то вечеринка. Меня и вас тоже пригласили... — Она положила руку мне на локоть, и мы вышли в тусклый коридор.

— Только не меня, благодарю вас, — сказал я.— Мне нравятся военно-воздушные силы, но не в это время ночи, и мне вовсе не хочется танцевать под граммофон. Вы, конечно, идите, хотя я надеялся поболтать с вами.

— Я тоже. И если вам не хочется спать, почему бы нам этого не сделать? Я схожу туда на часок — эти мальчики меня потешают, и я обожаю танцы, а вы поедете ко мне домой, немного выпьете и спокойно дождетесь меня. Я вернусь к половине двенадцатого. Кто-нибудь из этих мальчиков подвезет меня обратно.

Она одарила меня долгим, многозначительным взглядом, на который я ответил ей тем же, стараясь не выглядеть слишком смешным.

— Прелестно, — сказал я, — но видите ли... — Я чувствую себя дураком, не зная вашего имени. Не могу же я называть вас мисс Акстон, не так ли?

— Да, — сказала она, — это неловко. Меня зовут Диана.

— Это именно то имя, которого мне хотелось для вас! — вскричал я, и в ответ она еще крепче сжала мой локоть.

— А теперь скажите мне, Диана, знаете ли вы летчика по имени Дерек Мюр?

— Да. Он тоже едет на вечеринку. А что?

— Мне хочется перекинуться с ним парой слов — вот и все. Вы не могли бы познакомить нас?

Как я заметил, Шилы не было среди гостей. Все собирались уходить, но Диана вытащила Мюра из толпы и представила нас друг другу. Я отвел его в угол.

— Я насчет зажигалки, которую вы дали миссис Джесмонд, — сказал я.

Я видел, что это ему не понравилось и что он стыдился тесного знакомства с миссис Джесмонд, которая годилась ему в матери.

— Разве это вас касается? — спросил он, поднимая брови.

— Да, — сказал я, — иначе я бы вас не спрашивал. Но меня интересует не тот факт, что вы дали ее

миссис Джесмонд. Все, что я хочу знать, — это откуда вы ее взяли.

— Ну, в этом нет ничего особенно таинственного, — сказал он, явно чувствуя себя лучше. — Она принадлежала Джо, и я заплатил за нее пятнадцать монет. Вон он, если вы хотите спросить его об этом. Эй, Джо!

Джо шел через переднюю с темным пальто в руках и выглядел так, точно ему не терпелось уйти отсюда. Но он остановился, и мы подошли к нему.

— Это насчет зажигалки, которую ты продал мне, Джо, — сказал молодой Мюр. — Уладьте это между собой, мальчики, а меня уже ждут.

Его приятели, договаривающиеся, кому с кем ехать, уже звали его. Я обменялся быстрым понимающим взглядом со стройной Дианой, которая была, вероятно, десятью годами старше всех девушек в этой компании и все-таки ухитрялась совершенно затмевать их.

Джо не понравилось, что его задержали, но выглядел он, как всегда, предупредительно.

— Покончим с этим скорее, если вы не возражаете, — сказал он мне, — потому что ночка была не из легких, поверьте мне, и я еще должен кое с кем увидеться. Если вы хотите такую же зажигалку, то сожалею, что не могу вам помочь.

— Миссис Джесмонд показывала ее мне, — доверчиво сказал я, — и дело в том, что я потерял точно такую же.

— Понимаю, — сказал Джо, тотчас понижая голос. — Но не здесь, конечно, иначе я бы сдал ее управляющему. Я нашел ее на дороге однажды утром. У меня прекрасное зрение, и я часто нахожу вещи, которые теряют другие.

— Тогда это та, которую я потерял, — сказал я ему.

Он покачал головой, улыбаясь.

— Нет, не та.

Мне показалось, что я поймал его.

— Откуда вы знаете, Джо?

— Это очень просто, мистер Ниланд. Когда вы приехали в этот город? Во вторник? В среду?

— В понедельник, — сказал я, не очень довольный собой.

— А я нашел зажигалку в прошлую среду. И держал ее с неделю. На случай если объявится владелец — обычно за это следует вознаграждение, вы знаете. А потом я показал ее нескольким парням в баре позавчера вечером. Мистер Мюр предложил мне за нее пятнадцать монет, и я уступил, не хотелось его огорчать. Я-то знал, что он с ней сделает, — и он подмигнул. — Сожалею, мистер Ниланд, но так обстоят дела, понимаете? Что-нибудь еще?

— Ничего, Джо, — сказал я наигранно-весело.

Он кивнул, ухмыльнулся и поспешил прочь. Компания командира эскадрильи исчезла. Ни Шила, ни миссис Джесмонд не показывались, и у меня не было причин оставаться здесь дольше. Кроме того, последний автобус отходил через несколько минут. Не успел я дойти до остановки, как подошел автобус. Дождь прекратился, оставив после себя холодный, черный туман. Пассажиры автобуса сидели сгорбившись. Казалось, они были раздавлены жизнью. Но это только казалось.

VII

Когда я оказался в конце концов у черного хода в квартиру Дианы Актон, то вошел тихо, как она просила, стараясь производить возможно меньше шума. А когда мне бросилась в глаза полоска света из-под двери в гостиную, я стал подниматься по лестнице с еще большей предосторожностью и потратил на это не меньше трех минут. Но мужчина и женщина, голоса которых доносились из-за двери, были, по-видимому, увлечены разговором, и, стремительно войдя в комнату, я застал их врасплох. Я уже пристально разглядывал обоих, раньше чем они успели понять, что они не одни. Они уютно устроились, не испытывая недостатка в напитках и сигаретах.

Женщина оказалась Фифин. Мужчину я раньше не видел. Он был высок, строен, чисто выбрит. Жесткие седые волосы ежиком поднимались над прямым лбом. С виду ему было около пятидесяти. Минуту он стоял, молча глядя на меня, но стоило мне заговорить, как он прямо-таки на глазах превратился совсем в другого человека. Словно кто-то стер с его лица грим и наложил другой — для роли смирного, незначительного и совсем неопасного человека.

— Прошу прощения, если помешал, — сказал я спокойно, — но мисс Акстон специально просила меня войти как можно тише. Мы обедали в «Трефовой даме», и она предложила мне подождать ее здесь, пока она потанцует немного в гостях. Нам нужно переговорить с ней кое о чем.

Я стал снимать пальто, а мужчина кинулся помогать мне, словно ничем другим не занимался всю жизнь. Я догадывался, что объясняться будет он, потому что Фифин была слишком ошеломлена. На ее лице было написано сильнейшее смятение — она не знала, как вести себя и что говорить. Я решил помочь ей.

— Скажите, не вы ли выступаете в «Ипподроме»? — любезно улыбнувшись, спросил я.

— Да, меня, — медленно ответила она на ломаном английском языке с резко гортанным выговором. — Я выступаю там. Вам понравилось?

— Очень, — сказал я. — Все восхищены вами. Мисс Акстон просила меня не скучать здесь без нее, так что я, пожалуй, составлю вам компанию.

Я протянул руку к маленькому столику, на котором стояла бутылка бренди, наполовину опустошенная гостями.

— Разрешите, сэр, — предупредительно сказал мужчина. Такое поведение его, по-видимому, составляло часть роли, разыгрываемой им с первой минуты. Он налил добрую порцию бренди и почтительно подал мне стакан.

Я сел, но он продолжал стоять. Фифин, полулежащая в кресле-качалке при моем появлении, теперь сидела очень прямо на самом краешке. Я отхлебнул

бренди, весело и вопросительно поглядел сначала на нее, а затем на него. Мужчина заговорил первым, как я и ожидал.

— Видите ли, сэр... — начал он, произнося слова с особой старательностью, — я служу тут по соседству. Раньше, когда я не прихрамывал и был моложе, я тоже выступал в цирке. В те времена я еще был женат на ее старшей сестре.

— Значит, это ваш зять, — обратился я к Фифин, и та несколько приободрилась после моего идиотского замечания.

— Теперь вы понимаете, — продолжал мужчина, — у нас есть о чем поговорить. Однако днем я занят, а по вечерам она допоздна находится в театре. Мне неловко приглашать ее в дом моего хозяина, а ей неудобно принимать меня в поздний час у себя... Я иногда бываю в магазине мисс Акстон с поручениями от хозяина и рассказал о нашем затруднительном положении хозяйке дома...

— Она, верно, предложила вам встречаться здесь, когда она отсутствует по вечерам, — подхватил я и, словно довольный своей проницательностью, добавил: — А сегодня она, видимо, забыла...

— Так и есть. Надеюсь, что вы не подумаете о нас слишком плохо. — Он указал на бутылку и сигареты. — Мисс Акстон очень добра и сама предложила нам... Не убрать ли со стола? — спросил он.

— Не стоит, — благодушно ответил я, давая понять, что им лучше всего поскорее уйти.

Фифин застегивала свою шубку, а ее дружок надевал пальто. Я очень хорошо разглядел его за эти несколько минут. Тон и манеры его не соответствовали выражению его лица. Лицо словно принадлежало другому человеку — жестокому, решительному и бессовестному. Когда он, поправляя пальто, наклонился немного вперед, на левой щеке, ярко освещенной сверху, неожиданно выступил не замеченный мною раньше шрам.

Они уже покидали комнату, когда Фифин вдруг бросила:

— А я видела вас вчера в театре за кулисами.

Она хорошо владела своим голосом, но подозрительный взгляд выдавал ее.

— Да, я знаю, — ответил я, — я навещал молодого Лори, он из вашей труппы. Лори мой старый знакомый.

— Он неважный комик.

— Чудовищный! Напрасно он пошел на сцену.

— А я так жалею, что оставил сцену, — сказал мужчина, который сейчас, когда он был в широком пальто с шелковым белым шарфом и мягкой черной шляпой в руке, был больше похож на актера, чем на слугу.

— Да, это была жизнь. Вы ведь объясните мисс Акстон, сэр? Благодарю вас! Спокойной ночи!

Едва внизу захлопнулась за ними дверь, я вынес стаканы в маленькую кухоньку, вымыл их, вытер и поставил на место. Потом высыпал окурки из пепельницы, переставил кресла, выключил верхний свет — словом, сделал все, чтобы Диана подумала, будто я здорово выпил в ожидании ее. Бутылка бренди, которую они почти опорожнили, осталась на видном месте, рядом с моим стаканом. Настроения пить у меня не было, и я решил не брать больше спиртного до прихода Дианы. Я закурил трубку и стал раздумывать о только что ушедшем человеке. Мне было ясно, что это именно тот, кого искал Олни: «Человек с глубоким шрамом на левой щеке».

Вероятно, он сейчас шатался внизу, чтобы перехватить Диану. Но я не собирался выслеживать его, даже если бы можно было что-либо разобрать в этой тьме. Вместо этого я выключил на несколько минут торшер, открыл окно и проветрил комнату от табачного дыма. Когда я закрыл окно, задернул шторы и зажег торшер, на часах было почти половина двенадцатого. Она должна была вот-вот вернуться.

У нас в работе бывают минуты, когда чувствуешь, что развязка близка, хотя в ход еще не пущены никакие средства и у тебя нет никаких прямых улик. Именно это время наступило для меня сейчас. Чутье подсказывало, что с минуты на минуту события понесутся с невиданной быстротой.

Я предполагал, что у Дианы есть второй ключ от черного хода, но оказалось, что это не так. Я вынужден был сойти вниз и открыть дверь. Перед этим я отхлебнул приличный глоток бренди, и, когда крепко и порывисто поцеловал Диану, она сразу подумала, что я здорово набрался. Конечно же, не успела она войти в гостиную, как сразу заметила пустую бутылку — ни от одной женщины в мире подобная деталь не ускользнет. Вдобавок волосы мои были несколько взъерошены, а поднимаясь по лестнице, я нарочно задерживал дыхание, чтобы покраснело лицо.

— Вы, я вижу, — воскликнула обманутая всем этим Диана, — не слишком скучали тут без меня, мой друг!

Это было сказано легким, игривым тоном, который сразу же создал интимность.

— Кажется, вы пьяны, Хамфри!

— Что вы, Диана, клянусь богом! — с преувеличенным жаром возразил я. — Просто время без вас тянулось так медленно...

Она подошла ко мне очень близко.

— Тогда извините, — мягко сказала она. — А у меня для вас плохая новость, Хамфри. К сожалению, сейчас сюда явится еще один гость, и вам нужно будет уйти одновременно с ним.

— Ах, черт возьми! — разыгрывая отчаяние, воскликнул я. — Но, Диана...

— Что поделаешь, — ответила она все тем же ласково-интимным тоном. — У нас впереди еще много вечеров... Если, конечно, мы останемся друзьями...

— Друзьями! — Мой взгляд и голос должны были выразить упрек, и, думаю, мне это удалось. Потом я пустил в ход немного страсти, хриплый голос и все прочее, что полагается в подобных случаях. — Боже мой! Что вы делаете со мной, Диана!

Я обнял ее и крепко поцеловал. Она отвечала мне совсем такими же поцелуями, как и вчера, — старательными, бездушными.

— Буду с вами откровенна, — сказала Диана после того, как все это кончилось и мы выпили брен-

ди. — А если я откровенна, так до конца. В последнее время я мало целовалась с мужчинами, а это мне нравится. Конечно, с настоящими...

— Я настоящий, Диана? — с улыбкой спросил я.

— В некоторых отношениях — да... Или же могли стать таким. — Она посмотрела на меня пристально, и я снова заметил, какой холодный, немигающий взгляд у этих ясных бледно-голубых глаз. В них не было ни капли нежности. — Но я в затруднительном положении, мой друг, — продолжала она. — Немногие мужчины, которых знаю я и которым доверяю, все — герои не моего романа. А мне нужен любовник, которому можно доверять. Доверять не в том смысле, какой обычно имеют в виду женщины...

— Знаю, что не в том, Диана. Ведь вы так не похожи на других женщин.

— Мне нужен человек, который будет делиться со мной всем, — сказала она холодно. — Который бы отвечал на все мои вопросы, если я буду их ему задавать, не ссылаясь даже на то, что это военная тайна. Он должен быть скромен и осторожен, и мне кажется, что вы, Хамфри, именно такой человек.

— Вы не ошиблись. Испытайте меня! — с жаром воскликнул я.

— Вот что я имею в виду, когда говорю «доверять», — продолжала она, как будто не слыша моих слов, — для человека, который готов за меня в огонь и в воду, я тоже пойду на все.

Чтобы ускорить дело, я опять сгреб ее в объятия. Она не сопротивлялась, но и не реагировала никак на мои ласки.

— Ради всех святых, хватит слов! Испытайте меня, и дело с концом. Ведь так человека с ума свести можно! Если вас интересует что-то связанное с войной, то вы знаете мое к этому отношение. Ну поцелуйте меня и скажите, что бы вы хотели знать.

Она послушно поцеловала меня, и в эту минуту внизу раздался звонок.

— Это он, — сказала Диана и отодвинулась от меня. — Он мне очень нужен. Жаль, что он притащился не вовремя, но у нас будет много хороших

вечеров, Хамфри, если вы докажете, что я могу положиться на вас...— Она пошла открывать дверь.

Когда она предупредила меня, что к ней придет гость, то я стал сразу же гадать про себя, кто бы это мог быть. Держал с самим собой пари — и позорно проиграл его. Ведь меньше всего я предполагал увидеть мистера Периго. Но это был именно он, собственной персоной. Похожий на маленького крокодила с разинутой бело-розовой пастью от расплывающейся фальшивой, фарфоровой улыбки.

— Дорогая моя! — с порога закричал он.— Я удивлен, но искренне рад, очень рад. Право, это так неожиданно. Впрочем, почему же — ведь я слышал из ваших уст такие трезвые и утешительные слова об этой нелепой войне, которую мы стараемся выиграть для русских и американцев. А, мой милый Ниланд, как поживаете? Верно ли, что вы намереваетесь делать нечто грандиозное для компании Чатэрза?

— Мне предложили явиться на будущей неделе, — отвечал я. — Конечно, я еще не знаю, что из этого получится...

— Они примут вас, — сказала Диана с уверенностью, — но вы не должны запрашивать больше, чем восемьдесят пять фунтов в год, с возможным повышением зарплаты в конце первых шести месяцев.

— Слышите! — вскричал мистер Периго, бросаясь к нам с такой стремительностью, что казалось, из него, как из ракеты во время фейерверка, сыплются искры. Эту очаровательную женщину не удовлетворяет роль прекрасной игрушки! Нет, она хочет быть полезной в этом безумном мире и понимает, что жалованье в восемьдесят пять фунтов в год может быть увеличено тем или иным способом.

— И тем и иным, — поправила она. Затем, взглянув прямо мне в глаза, как бы приглашая ответить, она спокойно бросила: — Мистер Периго интересуется, начали или нет у Чатэрза производство зенитных орудий Эмберсона.

— Разумеется, начали, — с полной готовностью ответил я. — Сделали около дюжины, но затем при-

остановили производство, так как считают, что у них слабые станины. И кроме того, рабочие жалуются на вредные пары.

— Очень интересно! — воскликнул мистер Периго. — Неужели они говорили вам об этом?

— Нет, конечно. Но мне показали цехи, а у меня в привычке держать открытыми глаза и уши.

Я не переигрывал, хотя был шумно хвастлив. Диана многозначительно посмотрела на Периго: «А что я вам говорила?!»

— Отлично, — сказал он и добавил, словно отвечая на взгляд Дианы: — Не стану объяснять, дорогая, но именно такой человек нужен нам на заводе — и никто иной.

— Безусловно, — ответила Диана спокойно. — Но у Чатэрза он поработает недолго.

— Если вы говорите о заводе Белтон-Смита, Диана, то я уже пытался сунуться туда, но они и слышать не желают обо мне.

— Потому что вы пришли, как говорится, с улицы, — возразила она. — У Белтон-Смита окажется местечко для вас, если вы поработаете несколько недель у Чатэрза. Мы легко устроим вас туда.

— Вы слышите! — завопил мне мистер Периго. Затем обратился к Диане: — Конечно, вы правы. Вот что значит интуиция умной женщины! А теперь...

Она остановила его резко-повелительным жестом:

— Нет. На сегодня достаточно. Сначала нужно испытать человека, а потом уже говорить все остальное.

Конечно, эта фраза предназначалась не для меня, а для мистера Периго. Но потом она повернулась в мою сторону, изобразила улыбку и сказала:

— Завтра я весь день буду в магазине, но в субботу к концу дня всегда много посетителей, поэтому лучше бы вы зашли утром. — Потом вдруг без всякого видимого перехода она настроилась на патетику и приняла свою любимую величественную позу. — До чего же глупы эти люди! — с таким жаром и пафосом воскликнула она, каких я ни разу не замечал в ней. — Разве они могут сохранить власть, когда

ведут себя так нелепо! Мир не позволит, чтобы им управляли идиоты. У нас есть настоящие вожди, у нас есть преданность делу, смелость, у нас есть головы на плечах. А что есть у них, у этих жалких болванов?

В ее речи было много театральности, но она искренне верила в свои слова. Я уже не раз замечал, что многие ее единомышленники становятся напыщенными и неестественными именно в тот момент, когда начинают высказывать свои подлинные взгляды и чувства. Эти одураченные фюрером глупцы все на один лад...

Где-то в глубине сознания разыгрывается нескончаемое оперное представление, в котором Адольфу Гитлеру и им самим принадлежат ведущие роли. Вероятно, в то время как Диана Акстон в позе королевы исполняла этот монолог, в ее ушах звучали скрипки и барабаны огромного оркестра.

Мистер Периго и я посмотрели друг на друга. И пока Диана стояла и слушала воображаемый барабанный бой, каждый из нас прочел правду в глазах у другого. Я достал сигарету и свою зажигалку особого назначения.

— Не горит, — сказал я, встряхивая ее. — Испортилась. Не найдется ли у вас огонька?

Он молниеносно достал из кармана в точности такую же зажигалку.

— Я бы отдал вам свою, — сказал он, поднося ее к моей сигарете, — но это подарок старого друга.

— Благодарю, не беспокойтесь. Завтра я починю свою.

Все стало предельно ясно. Мы пожелали доброй ночи Диане, еще не совсем очнувшейся от сладких грез о господстве нацистских умов над миром. Она все еще была патетически настроена, и я от души был рад, что отпала необходимость остаться с ней наедине. Диана вернулась на землю как раз к тому моменту, когда нужно было нежно пожать мне руку — и все. Мы с Периго сошли с лестницы и выскользнули на улицу.

С минуту или две мы шли в молчании — не пото-

му, что нам не о чем было говорить: мы оба понимали, что где-нибудь рядом, возможно, прячется кто-нибудь, кто ждет, когда мы уйдем от Дианы. Итак, мы не проронили ни слова до тех пор, пока не добрались, наконец, в темноте до площади. Было немного за полночь. Выражение «город спал» не дает ни малейшего представления о полночи в Гретли. Город не просто спал, а исчез с лица земли. С таким же успехом можно было пробираться в какой-нибудь громадной пещере, в которой лишь несколько фосфоресцирующих точек освещают вам путь. Мне показалось, что я на ощупь блуждаю по аду.

— Мы можем пойти ко мне, но, если вы не возражаете, зайдем по пути в полицейское управление, — сказал я. — Мне нужно сообщить кое-что инспектору Хэмпу. Если мы не застанем его, так я хотя бы воспользуюсь телефоном. Инспектор до некоторой степени помогал мне и знает, кто я такой.

— Обо мне там ничего не знают, — сказал Периго. — Но теперь это уже не имеет значения.

— Абсолютно, — согласился я, объяснив ему потом, как убийство Олни свело меня с Хэмпом.

Об Олни Периго ничего не знал. К тому времени, как мы добрались до городской площади, на которой находилось полицейское управление, я успел рассказать всю историю. Дежурил констебль, видевший меня несколько раз с инспектором. Он предложил нам подождать начальника, срочно вызванного на место какого-то происшествия.

И вот мы с Периго сидим в комнате, освещенной двумя ничем не затененными электрическими лампами, смотрим друг на друга и зеваем. В комнате стоял жуткий запах: смесь карболки и застарелого табачного дыма. Камин давно погас; не верилось, что стулья, на которых мы сидим, могут выдержать английского полицейского. Периго можно было запросто дать сто лет, а мне, наверное, не меньше семидесяти пяти. Периго признался, что чертовски устал.

— Сколько приходится бегать и болтать из-за этого проклятого дела! — пожаловался Периго. —

К концу дня я вконец выдыхаюсь. В другой раз подберу себе роль бессильного старца с тяжелой сердечной болезнью. Тогда люди будут сами приходить ко мне, не придется бегать повсюду. Жаль только, что они не будут приходить! Ужасно тяжело изображать постоянно развлекающегося человека и развлекать других. Если так называемые тунеядцы ведут подобную жизнь, нелегко же достается им кусок хлеба. Хорошо хоть прежнее занятие научило меня быть обходительным с самыми невыносимыми клиентами. Знаете, Ниланд, ведь я был хозяином антикварного магазина.

— Знаю, — ответил я с усмешкой.— Я сразу же навел о вас справки.

— Я по своему желанию продал его. Хотел писать... Потом подумал, должна же быть и для меня какая-нибудь настоящая работа. Племянник мой работает в военной разведке, он-то и посоветовал мне включиться в борьбу со шпионажем. Должен сознаться. А как вы попали в Отдел?

В нескольких словах я рассказал ему об этом. А потом спросил, как ему удалось так быстро внушить Диане Акстон, что он работает на нацистов.

— Вы знаете их условный пароль? — спросил Периго.

— Нет. Правда, мне известны некоторые их прежние знаки, — сказал я. — Но я вовсе не собирался притворяться, что я в курсе. Я всего лишь недовольный канадец, которому решительно наплевать на войну, которого легко можно купить или, — тут я ухмыльнулся, — соблазнить.

— Я тоже прибегал к этому приему, как вы сами видели, хотя вряд ли я заманчивая жертва для соблазнительницы, — сказал он, — поэтому-то я и воспользовался приманкой, которую нацисты превосходно понимают. Поверьте, Ниланд, мне никогда не было свойственно употреблять румяна, шепелявить — одним словом, разыгрывать из себя старого фата. Сегодня утром, когда я был в Лондоне, мне сообщили их новые знак и пароль. Сейчас я вам покажу.

Я предполагал, что они давно уже изменены. Это сильно тормозило работу.

Он положил на мою руку пальцы своей правой руки, большой и указательный, и они образовали букву V.

— Вот. Потом вы говорите: «Это «V» означает «Victory» — победу, и не с маленькой буквы, а с большой». Это пароль. Ясно? После этого второй великий хитрец кладет указательный палец своей другой руки поперек этих двух пальцев и «V» превращается в опрокинутое «А». Тогда он изрекает: «Прекрасно. Я это запомню». Ну, что скажете? Гениально придумано, а? Господи, в каком идиотском мире мы живем! И подумать только, что миллионы жизней зависят от подобных штучек. Да, ничего не поделаешь. Советую вам прорепетировать, Ниланд. Это вам может скоро пригодиться.

Я «прорепетировал», он похвалил меня и продолжал:

— Мне хотелось поймать на эту удочку вашу Акстон, потому что я уже некоторое время подозреваю ее и к тому же она, кажется, довольно глупа. — Я хотел увидеться с ней сегодня вечером. Но когда я узнал, что вы вместе обедаете, то попросил одного командира эскадрильи, который знает, кто я на самом деле, организовать позднюю вечеринку и пригласить ее. Там-то я и проверил на ней этот новый знак. Она была сражена и настояла, чтобы я заехал и взглянул на вас — еще одного завербованного ею человека. Я, конечно, не был уверен, что вы из наших, как, впрочем, и вы сами в отношении меня. Скажите, Ниланд, как вам удалось так быстро угадать в ней шпионку?

— В основном оттого, что она глупа, и так ослеплена самомнением и будущим величием, что забыла про всякую осторожность... Наверное, она припеваючи жила в нацистской Германии, ездила с визитами в Нюрнберг, и Геббельс говорил ей, что она похожа на вагнеровскую героиню. Ее привели к присяге и научили двум-трем хитростям, а потом велели ехать в Америку и вредить нам, как только возможно,

в первые дни войны. Потом ей приказали вернуться домой, в Англию, и открыть цветочный магазин, который может быть весьма полезен.

— Но зачем именно магазин, раз она не подходит для этой роли? — спросил Периго. — Ведь у нее есть деньги, и она вполне могла снять особняк невдалеке от центра, завлекать молодых офицеров. Как наш общий друг миссис Джесмонд, — добавил он, смеясь. — Вам, конечно, известно, что та — не по нашей части?

— Да, она занята только своими делишками на черной бирже. Это не более как красивая, изнеженная, развратная тварь! — взорвался я вдруг.— Нас она не интересует, но мне бы хотелось, чтобы до конца войны ее заставили работать судомойкой в рабочей столовой.

— Полно вам, Ниланд, — запротестовал Периго. — Она прелестная, декоративная женщина...

— Обществу они обходятся слишком дорого, эти прелестные, декоративные женщины, — ответил я. — Мне встречалось слишком много других женщин, которые оказались в уличной канаве по милости мира, представленного миссис Джесмонд. Хотелось бы, чтобы отныне все миссис Джесмонд либо работали, либо подыхали с голоду,

— Вы чересчур озлоблены, Ниланд, — мягко возразил он и посмотрел на меня внимательно и дружелюбно. — Это я заметил с первой нашей встречи. В вашей жизни было что-то такое... — он сделал выразительный жест.

— Ладно, сейчас дело не во мне, — оборвал я его грубее, чем мне хотелось бы. — Мы говорили о Диане Акстон. Я уверен, что ее лавка не просто маскировка. Нацисты не так уж глупы, хотя и не настолько мудры, как это думает эта бедная гусыня. Думаю, лавочка подарков и служит для них небольшой почтовой конторой, да и Олни упоминал в записной книжке о цветах. Человек, будто мимоходом разглядывающий витрину, может прочесть, что нужно, по букетикам искусственных цветов в окне.

— То же с восхитительными руками и ногами

Фифин, — с улыбкой вставил Периго. — Вы и об этом знаете, конечно?

— Да... Кстати, я видел Фифин сегодня. — Я рассказал ему о встрече с Фифин и незнакомцем со шрамом на левой щеке.

Его Периго не знал. Я пришел к выводу, что вся картина ясна ему менее, чем мне. Я решил пока ни слова не говорить ему о своих главных двух предположениях. Не потому, что не доверял ему, но разумнее будет, если каждый пойдет по своим дорожкам.

— А что вы думаете о Джо? — спросил он меня.

Я рассказал ему о зажигалке, которую Джо якобы нашел десять дней назад в то время, как я знал наверняка, что она была взята с трупа Олни. Рассказал об окурке сигареты «Честерфилд», который я нашел в лавке Сильби, в той самой лавке, телефон которой был у Фифин. Подчеркнул, что Диана Акстон и Джо знакомы значительно ближе, чем кажется с первого взгляда. Я также спросил его, известно ли ему, чем Джо занимался в период между бомбежкой «Борани» и его приездом сюда.

— Видите ли, мне сказали, что он приехал сюда из-за того, что испугался бомбежки, — продолжал я, — но странная вещь, он явился сюда как раз тогда, когда бомбежка кончилась, а кроме того, он не из тех, кто легко теряет голову.

— Как приятно приобрести, наконец, такого умного товарища! — сказал Периго.— Я просто поражен и даже немножко завидую вашим успехам всего за несколько дней. Подумайте, ведь я торчу тут уже не один месяц!

— У нас были разные условия для работы, — утешил я его. — Вы создавали роль, а я приехал с готовой. К тому же те, кого мы выслеживаем, стали беспечны и слишком доверчивы. Конечно, Диана, должно быть, самая глупая из них, но обратите внимание на ее наглую самонадеянность. А как они убрали беднягу Олни? Инспектор сразу сообразил, что это убийство, а не несчастный случай.

— Но ведь Джо сделать этого не мог, хотя у него и оказалась зажигалка Олни, — задумчиво сказал

Периго. — По той причине, что, когда Олни переехали, он находился в баре и сбивал коктейли...

— Да, это не Джо, но он, наверное, встретился с убийцей позднее — ночью или на следующее утро — и получил от него зажигалку.

— Я тоже подозреваю, что Джо все-таки замешан в этом деле, — сказал Периго. — Я его держу на примете. На справку о том, чем он занимался после закрытия «Борани», Лондон сообщил, что Джо имел мексиканский паспорт и в конце сорокового года уехал в Америку.

Не знаю, какие пружины были пущены в ход для того, чтобы добиться разрешения на возвращение, но, конечно, это было не легкое дело. Хотя, конечно, ему могли помочь в посольстве, где не подозревали, кто он такой.

— Здешняя организация, как я думаю, формировалась в Америке. Там была Диана, туда ездил Джо, быть может, еще узнаем, что оттуда появились и другие... Где живет Джо?

— Пальмерстон-Плэйс, двадцать семь. Снимает комнату, — моментально ответил Периго.

Появление сержанта Бойда прервало наш разговор.

Его отношение ко мне вряд ли улучшилось со времени нашей первой встречи, хотя он, конечно, не мог не считаться с тем фактом, что его шеф и я работали над каким-то общим делом. Вероятно, он недоумевал по поводу того, что делает здесь маленький мистер Периго. Я предоставил ему недоумевать сколько его душе угодно.

— Я от инспектора Хэмпа, — начал он, лениво двигая своим массивным подбородком и глядя фута на два выше моей головы. — Он велел передать вам, что лучше вам пойти к нему, чем ждать здесь.

— Куда пойти?

— К каналу. Мы только что вытащили из воды машину с женщиной. Инспектор думает, что вас это может заинтересовать.

Мы с Периго взглянули друг на друга. Сержанту Бойду это не понравилось.

— Инспектор говорил только о вас, — отчеканил он.

— Меня занимает вопрос о том, как добраться домой. Мой дом в трех милях отсюда. Что касается утопленницы, то это меня не интересует, — быстро проговорил Периго, — пожалуй, мне лучше всего остаться здесь.

— А что, — спросил я сержанта, — можно ли сейчас навести здесь справку? Сколько времени? Половина второго?

— Принять-то запрос примут, но вряд ли сейчас чего можно узнать. Нас не круглые сутки обслуживают. А что бы вы хотели выяснить?.. Говорите, человек со шрамом?

— Да, — подтвердил я.

— Так что же вы нас не спрашиваете? — спросил сержант. — Мы-то местные жители. А то справки!.. Если вы говорите о парне вроде лакея или дворецкого, да еще со шрамом иа щеке, то я знаю, кто это такой. — Он выжидающе остановился. Такой уж человек был этот сержант Бойд.

— Вы окажете нам услугу, сержант, — сурово начал я. — Мы хотим избавить родину от опасных для нее врагов. Скажите, кто он, чтобы нам не терять времени даром. Я могу сказать вам его приметы: лет пятидесяти, седой, говорит по-английски медленно и...

— Ну, знаю, он самый, — прервал меня сержант. — Его зовут Моррис, и служит он у полковиика Тарлингтона. Чудак какой-то. Несколько раз случалось переброситься с ним словечком. Но не сомневайтесь, человек он надежный! Всю прошлую войну был на фронте вестовым у полковника Тарлингтона. Так что все в порядке.

— Значит, никаких справок не нужно. Ждите нас здесь, Периго...

На улице нас ожидал автомобиль, и через пяток минут мы были уже где-то возле канала, с трудом разыскивая дорогу в кромешной тьме. Наконец машина наша остановилась в дьявольски неприятном месте.

Два легковых автомобиля и грузовик уже были на месте, и их притушенные фары грустно освещали зеленый ил на берегу канала и мутную масляную воду. Это место казалось концом света. Казалось, достаточно небольшого усилия, чтобы превратить нас самих в кучу мусора. Да, вот сейчас черный груз ночи навалится на нас и раздавит всех в лепешку.

Сержант привел меня к какому-то сооружению наподобие сарая. У входа в него стояла женщина. Сержант поднял свой электрический фонарик, и я увидел ее лицо, истомленное усталостью и печалью до того, что напоминало узкую маску из слоновой кости. В ту минуту оно показалось мне самым прекрасным из всех лиц, виденных мною в жизни. Сердце во мне перевернулось. Это была доктор Маргарет Бауэрнштерн. Она не могла разглядеть нас во тьме, да, верно, и не пыталась.

Через занавешенный брезентом вход мы вошли в сарай. Здесь горело несколько фонарей, и при свете их я увидел могучую фигуру инспектора и двух полисменов. Они глядели вниз, на что-то невидимое мне, и напоминали людей, которым снится страшный сон. Через миг и мне показалось, что все это происходит во сне. На земле, среди мусора и тряпья, лежало тело Шилы Каслсайд, еще пахнущее тиной.

Вероятно, молчание длилось не более полминуты, но, когда инспектор заговорил со мной, мне показалось, что прошло несколько часов.

Я успел припомнить во всех подробностях беседу с Шилой в розовой спальне «Трефовой дамы». Казалось, что с тех пор прошло множество дней, а не три часа, как это было на самом деле.

Я вспомнил последние слова этой милой глупенькой девчонки и как она обняла меня и поцеловала. С восемнадцати лет, с того самого времени, когда я был брошен в первую мировую войну, я увидел, как люди умирают. Да и не только на войне, но и в мирной жизни смерть ходила где-то неподалеку. На больших строительных работах вроде тех, которые велись в Южной Америке, случается немало несчастных случаев, но сейчас было по-другому и

намного хуже. Такого подлого удара, как этот, я не ожидал. Еще до того, как инспектор заговорил, в моей голове вертелся вопрос: не должен ли я был предусмотреть возможность такого исхода и не является ли эта смерть результатом моей ошибки?

— Это произошло около половины двенадцатого, — сказал инспектор. — Возвращающийся по той стороне канала прохожий видел и слышал, как автомобиль свалился в воду. Он-то и сообщил нам. В машине она была одна и не успела выбраться из канала.

— А откуда вы знаете, что она пробовала это сделать? — спросил я.

— Никаких доказательств нет, но... А вы разве предполагаете самоубийство?

— Нет, я уверен, что это не самоубийство. Кому придет в голову кончать жизнь подобным способом? И потом она вовсе не думала о самоубийстве. Накануне вечером я с ней долго беседовал в «Трефовой даме»... Почему здесь доктор Бауэрнштерн?

— Мне удалось застать ее в госпитале и привезти сюда, потому что она задержалась, — объяснил инспектор, — но сделать что-либо уже было, конечно, невозможно. А наш полицейский врач слег с высокой температурой... Доктор Бауэрнштерн уже уехала?

— Нет еще, стоит за дверьми, сама похожая на мертвеца.

— Благодарю вас, — произнес ее голос, который я даже сразу и не узнал. — Как видите, я здесь и готова отвечать на ваши вопросы. Конечно, если только инспектор Хэмп разрешит вам допрашивать меня.

Инспектор, конечно, заметил, до чего я ненавистен ей, да и кто бы не увидел это. Он не хотел ничего объяснять ей, хотя знал, что у нее был позади трудный рабочий день и сейчас она чрезвычайно взвинчена.

Я не видел ничего предосудительного в том, что он промолчал.

Она подошла поближе, двигаясь бесшумно и медленно, и села на опрокинутый ящик. «Все это похоже на сборище духов», — невольно подумалось мне.

Инспектор, вероятно, испытывал то же самое и решил выйти из этого гипноза.

— Сержант, — хриплым голосом закричал он, — возьмите людей и осмотрите автомобиль! Фонари у вас есть? Так, пожалуйста, пользуйтесь ими в меру. Возьмите во что завернуть осколки стекол, да поживей.

Слава богу, они ушли. Я взял себя в руки, наклонился, чтобы внимательно изучить тело.

— Что она пила в «Трефовой даме»? — спросил меня инспектор.

— Слегка, наверное, и выпила, но в самом начале одиннадцатого, когда мы с ней простились, она была совершенно трезвая.

— Она не говорила, куда направится?

— Нет. Около половины одиннадцатого я хотел, перед тем как уйти, разыскать ее, но ее уже не было... Мне хотелось сказать ей кое-что на прощание...

— Быть может, она хватила малую толику где-нибудь уже после «Трефовой дамы»? — хмуро сказал инспектор. — Покойница, кажется, любила повеселиться?

— Да. Но почему она оказалась здесь, у канала? — спросил я. — Это еще нужно объяснить.

— Если она была пьяна, то и объяснять нечего.

— Не думаю, что она была настолько пьяна. И не думаю, чтобы она решила покончить с собой. И не думаю, чтобы она сбилась с дороги во тьме, — сказал я резким тоном.

Точно так же, как инспектору потребовалось орать на сержанта, для того чтобы выйти из этого гипноза, я должен был говорить резко и разыгрывать роль бесчувственного чурбана.

— Вы позволите, доктор? — обратился я к ней. — Не стал бы вас просить, но вы это сделаете лучше меня.

— Что вам угодно? — спросила она ледяным, бесстрастным тоном. Вероятно, за то время, что она меня знала, она тихо возненавидела меня, и сейчас острое чувство ненависти выпирало из нее, как лезвие двухфутового ножа.

— Исследуйте внимательно голову утопленницы с затылка. Я не стал бы вас утруждать, но это очень важно.

Наверное, в ответ на ее вопросительный взгляд инспектор тихо сказал:

— Сделайте это, доктор.

Когда ощупывавшие голову Шилы пальцы перестали двигаться и доктор подняла глаза, я догадался, что мое предположение было верным.

— Здесь имеется гематома, — медленно сказала она. — Я нащупала ее. Под кожей скопился сгусток крови. Следовательно, либо покойная сильно ушибла затылок о какую-нибудь металлическую часть, когда машина свалилась в канал, либо...

— Либо ей нанесли удар, по всей видимости, резиновой дубинкой, — подхватил я. — Такова моя версия. Она ехала с кем-то и говорила о чем-то, но оказалась несговорчивой. Поэтому ее и пристукнули, а машину пустили в канал. Обратите внимание, — повернулся я к инспектору, — такой же метод, что и раньше: убийство, которое может сойти за несчастный случай.

— В этом нет противоречия тому, что вы обнаружили, доктор? — спросил инспектор.

— Мне мало известны подобные повреждения, — ответила она с заметным усилием, — но на самом деле трудно понять, как она могла получить такой сильный ушиб при падении. Это более похоже на умышленно нанесенный удар. Я думаю, — добавила она нехотя, — что мистер Ниланд прав.

— Эта женщина, Шила Каслсайд, знала, что ее будут шантажировать, но не подозревала, как именно. Зато я знал. Об этом я и говорил с ней... Бедняжка никому не причинила зла, но ей приходилось скрывать свое сомнительное прошлое. Она рассказывала о себе всякие небылицы, выдавала себя за вдову офицера, умершего в Индии, и все лишь для того, чтобы подняться по нашей пресловутой «социальной лестнице». Она обманывала даже мужа и его родных. Замуж она вышла для того, чтобы из горничной и маникюрши превратиться в светскую даму, но по-

том полюбила мужа и поэтому не хотела, чтобы все открылось.

— Об этом она сама говорила вам? — спросил Хэмп.

— Да, хотя я еще раньше догадывался, что она боится каких-то разоблачений. Я предположил, что агенты гестапо могут использовать ее для своих целей, о которых она и не подозревала. По всей видимости, один из них и уехал с ней вчера из «Трефовой дамы», чтобы потребовать от нее сотрудничества...

— А хотели от нее, должно быть, примерно того, что делаете вы для нас? — сказал инспектор, позабыв, что наш разговор слушает доктор Бауэрнштерн.

— Да. Такого она не ожидала. Она предполагала, что от нее потребуют денег или... гм... небольших интимных услуг. Но когда она узнала, чего от нее добиваются, то не поддалась на шантаж и, вероятно, пригрозила разоблачением... Это решило ее участь. Им ничего не оставалось, как убить ее.

— Если это так, то она такая же жертва войны, как вырванный из рядов пулеметной очередью солдат. И к тому же она еще невинная жертва другой, худшей войны — войны маленького человека с насквозь прогнившей социальной системой. Они воображают, что прямо за углом их ждет райская жизнь, растут веселые, жизнерадостные, а мы спихиваем их в ад.

— Я не знала, что вы так думаете, — тихо и удивленно промолвила доктор Бауэрнштерн.

— Вы и сейчас не знаете, как я думаю, — оборвал я ее грубо. — Однако уже поздно, я чересчур разболтался...

— Мне и без вас известно, что не рано, — проворчал инспектор. — Но я вынужден пригласить вас, доктор, ненадолго в управление. Не подвезете ли вы нас?

Тяжело ступая, он вышел отдать какие-то распоряжения сержанту. Маргарет Бауэрнштерн рассеянно и как-то очень по-женски смотрела на меня минуты две, а потом наклонилась к трупу с таким

видом, словно мертвая просто уснула и ее нужно уложить поудобнее.

— Мы встречались пару раз, — сказала она вполголоса. — Помнится, я еще позавидовала ей. Такая веселая, красивая, довольная жизнью, пусть даже пустой; все равно. Каждой женщине иногда хочется быть такой.

— В одном вам нечего было завидовать ей, — сказал я, стараясь придать своему голосу холодность и неприязнь. — Я вам вот что скажу: когда я увидел вас здесь...

— Похожую на мертвеца, — шепотом вставила она.

— Да, смертельно бледную, уставшую, с запавшими щеками — одним словом, конченого человека... то подумал: «Никогда в жизни не встречалось мне более красивое лицо». Мне даже стало как-то больно!

— Для чего вы все это говорите?

— Просто так, не беспокойтесь, — отвечал я все так же холодно и неприязненно. — Я проехал шестьсот миль только затем, чтобы сказать старику Мессайтеру, что его Кэрновская плотина — шедевр, что я чуть не заплакал от восторга, увидев ее.

Мне стало легче после этого. Это как уплатить долг.

— Выходит, сказав про мое лицо, вы облегчили душу, — в голосе ее было больше иронического, чем в выражении лица.

— Да. И все стоит на своих местах. Мы можем продолжать воевать и не доверять друг другу. Идемте, доктор, нас ждут.

Она довезла нас до полицейского участка. Периго уже там не было. Инспектор быстро закончил все необходимые формальности и отпустил нас. Я попросил ее подвезти меня, ибо нужно было кое о чем поговорить с нею.

— Я живу на Раглан-стрит, пятнадцать.

— Но ведь это...

— Да, там, где жил покойный Олни. Вспомните, мы с вами там и встретились...

— Помню. В тот вечер, когда он попал под автомобиль.

— В тот вечер, когда его убили, — поправил я. — Да, Олни убили точно так, как сегодня эту молодую женщину. Чисто работают в Гретли, а?

Она молча вела сквозь тьму свой автомобиль. По ее молчанию я понял, что не услышу от нее ни слова. Но мне не хотелось примириться с этим.

— В Гретли все мирно, — начал я снова. — Тишина. Мышь не заскребется. Все в порядке... не считая измены... не считая убийств... не считая знакомых нам старых планов подороже продать свой народ...

— Лучше помолчите, чем говорить общие слова.

— Это все достаточно конкретно, миледи. Ведь все это происходит.

— Да, это так, но вы говорите об этом не серьезно. Становитесь в позу, кривляетесь, важничаете. Нашли для этого подходящее время!

— Ладно, не буду кривляться и важничать, — угрюмо сказал я. — А вы можете убавить ход, кажется, мы уже почти приехали.

Она послушно притормозила.

— Так что же вы хотели мне сказать?

— Мне нужно поговорить с вашим деверем Отто Бауэрнштерном.

Она так и подскочила на месте.

— Не понимаю! Зачем вам нужен Отто? К тому же он пропал.

— Так мне говорили. Но я предполагаю, что он скрывается в вашем доме... Ваша прислуга выдала его.

— Как, выдала вам?..

— Конечно, нет. Но весь ее вид говорит о том, что она боится посетителей, что в доме кто-то или что-то такое, которое нужно прятать.

— Вам доставляет удовольствие за всеми шпионить? — с горечью спросила она.

— Ну, это вы бросьте. Мои вкусы тут ни при чем. Повторяю: мне нужно поговорить с Отто Бауэрнштерном.

— Выходит, вы нечто вроде полицейского сыщика, так, что ли? Английский вариант гестапо?

— Вот именно. Я только и делаю, что загоняю в подвал стариков и детей и избиваю их до смерти. Дальше.

— Тогда заявите местной полиции, которую патриоты вроде полковника Тарлингтона натравили на бедного Отто, что он скрывается у меня в доме. Его посадят в ближайшую тюрьму, и вы сможете беседовать с ним часами.

Я сдерживался из последних сил. Эта женщина умела выводить меня из себя. С первой встречи, заметьте. За всю мою жизнь меня никто так не раздражал.

— Местная полиция уже знает об этом, — сказал я спокойно. — По крайней мере я сообщил об этом инспектору Хэмпу, которого, кстати, можете считать своим другом.

Она с минуту подумала и заявила:

— Я хочу быть при этом. У Отто сильно расстроены нервы. Он и раньше был неуравновешенным человеком, а преследования и необходимость скрываться совсем не улучшили его здоровья. Приходите в четыре, согласны?

— В четыре так в четыре, — согласился я. — Дружеская чашка чаю в субботу... Завтра у меня будет уйма дел. Теперь нужно действовать быстро. — Я говорил скорее с самим собой, нежели с нею. — Иначе еще с кем-нибудь из знакомых произойдет несчастье. Беда не ходит одна, как говорится, в поговорке. Ну, спасибо, что доставили меня домой, доктор Бауэрнштерн... Маргарет Энн, — неожиданно для себя добавил я.

Она удивила меня.

— Обычно меня зовут просто Маргарет, — сказала она неопределенным каким-то тоном.

Я все еще не двигался с места, хотя пора бы уже было и уйти.

— А до этого... вы были, кажется, инженером?

— Да. Сначала в Канаде, потом в Южной Америке. Большая и полезная была работа на крупных

строительствах. Я-то, конечно, был рядовым работником. Там, где мы работали, было много света и воздуха. Это совсем другое, чем ползать по затемненным переулкам и расставлять капканы.

— Да. Я подумала о том, что тогда вы, наверное, были совсем другим, — медленно промолвила она.

— Вы не ошиблись, Маргарет. Совсем другим. Я работал, учился, строил планы будущей жизни, так же как вы когда-то... в Вене.

— Откуда вы знаете про Вену?

— Когда я был у вас в гостях, вы сами рассказывали об этом. Я заметил тогда, как прояснилось ваше лицо. Теперь у людей не часто бывают такие просветленные лица.

Я не дождался ответа, а услышал какие-то тихие звуки и догадался, что она плачет. Я с трудом взял себя в руки.

— Ну, поезжайте-ка домой и ложитесь спать, — сказал я. — Вы вконец измотались. Спокойной ночи, Маргарет. Завтра в четыре буду у вас, не забудьте.

VIII

Перехожу к описанию последнего дня — субботы, когда странное нетерпение, которого я никогда не испытывал раньше, заставило меня покончить со всей операцией одним махом.

Поздним утром я оказался в кабинете инспектора, куда вскоре пришел и Периго. (Хэмп уже знал, кто он такой.) Я позвонил в Лондон, получил нужные сведения из Отдела и, по-видимому, оттого, что я не скрывал своего нетерпения, мне позволили действовать решительно и быстро, пустив в ход все средства. Инспектор Хэмп изо всех сил пытался помочь мне, пробовал расследовать, куда направилась Шила из «Трефовой дамы», но не знал, как ускорить дело.

Он сказал мне, что мои рассуждения не более чем догадки, а полиции необходимы не догадки, а неопровержимые улики для того, чтобы можно было приступить к арестам.

— ...Я-то не стану действовать вашими метода-

ми, — заявил я ему. — Нет времени разводить канитель и соблюдать все правила. Отложим это до того дня, когда на земле не останется ни одного нациста, все станут братьями и справедливость восторжествует.

— Полностью согласен с Ниландом, — поддержал меня Периго, обнажая всю свою фарфоровую челюсть. — То, что я бегло узнал из сегодняшних газет, убеждает меня, что позиция знающих спортсменов-любителей становится несколько опасной.

— Я вам не спортсмен-любитель, — внушительно сказал инспектор, — а рядовой полицейский чиновник. Прошлую ночь я спал не более двух-трех часов и прилагаю все силы, чтобы иметь необходимые для арестов улики. Если вы заявитесь в суд с вашими сведениями, то через три минуты вас выставят за дверь.

— Об этом я знаю. Но, кроме этого, мне известно, что из Гретли враг получает важные сведения, мне известно, кто собирает и передает их. Мне известно, что здесь уже было два убийства и может произойти третье. Я убежден, что мне известны убийцы. Что же теперь, сидеть здесь до будущего рождества и собирать нужные вам улики? Нет, их нужно ошеломить и взять на пушку, и тогда они сами запутаются и расколются. Вы нашли что-нибудь в автомобиле Шилы?

— Абсолютно ничего, — ответил Хэмп, — да я и не рассчитывал на это. Пока я не имею доказательств, что в машине был еще кто-нибудь...

— Если отбросить такой пустяк, как удар по голове, — резко возразил я. — Из этого-то пустяка я и делаю вывод, что Шилу убили. Убийца не подозревает, что мы обнаружили след удара по затылку. Согласны ли вы действовать по моему плану?

Как я и думал. Периго немедленно меня поддержал, а инспектор, помявшись немного, тоже согласился.

— Что ж, давайте начинать. Который час? Без четверти одиннадцать? Диана Акстон вам доверяет, Периго, а мне пока еще не совсем. Бегите к ней, притворитесь сильно взволнованным и сообщите ей, что не-

обходимо немедленно кое-что передать Джо. Ей-то он поверит. Сообщите, что вчера на заводе Белтон-Смита была попытка диверсии, видели убегающего человека, похожего на Джо, и полиция имеет доказательства того, что будто бы это и был Джо. Когда? Около половины двенадцатого. Запомнили?

Он повторил все слово в слово.

— И вот что, — продолжал я. — Упомяните мимоходом, что автомобиль Шилы Каслсайд прошлой ночью свалился в канал и сегодня утром мертвую Шилу вытащили из воды, а произошло это оттого, что она, по-видимому, была пьяна. Это Диана тоже непременно передаст Джо. Настаивайте, чтобы она немедленно отправилась к Джо.

Периго ушел, а я вспомнил, что нужно договориться о свидании с полковником Тарлингтоном. Я позвонил ему домой, потом на завод, где и нашел его. Сказал, что мне очень нужно увидеться с ним возможно скорее, переговорить о предстоящей работе у Чатэрза и еще кое о чем. Он вежливо объяснил, что будет занят весь день, обедает в гостях и возвратится домой вечером, часам к десяти, в это время он примет меня, если я не боюсь ходить так поздно по улицам. Я поблагодарил, сказал, что это меня устраивает, и добавил:

— Я только узнал, что Скорсон из министерства снабжения говорил с вами в среду из Лондона и, между прочим, рекомендовал меня. Мне хотелось узнать, повлияет ли это на ваше решение... Да? Очень рад. Итак, в десять.

— Не хочу быть назойливым, — с обычной тяжеловесной иронией спросил инспектор, слушавший этот разговор. — Но что это за новый трюк?

— Вы помните, что в среду около девяти часов вечера, когда убили Олин, полковник разговаривал с Лондоном по телефону. Вы сами сказали мне об этом. На этот разговор я и ссылался.

— Это я слышал. Но я ничего не говорил о том, что министр замолвил за вас словечко.

— Полковник Тарлингтон только что подтвердил это, — невозмутимо ответил я. — Скажите, инспектор,

где я могу достать немного густой черной грязи, вроде отработанной моторной мази?

— Сколько вам нужно? И для чего?

— Немного, сколько уместится в почтовом конверте. — И, подождав, пока инспектор приказывал дежурному констеблю достать мне смазку, продолжал: — А зачем — не скажу. Если вы меньше будете знать о некоторых моих затеях, будет лучше. Зато вот из этого вы, думаю, извлечете больше пользы, чем я, — и протянул ему окурок честерфилдской сигареты, которую я нашел на полу магазинчика Сильби. — Запомните хорошенько: эту сигарету нашли вчера во дворе завода Белтон-Смита! Она брошена тем самым субъектом, который хотел пробраться в цех... Я нашел этот окурок в другом месте, но ручаюсь, что его бросил Джо.

Без особого энтузиазма инспектор положил окурок в конверт, как бы показывая, что не собирается идти наперекор мне.

— Еще что?

— Ваш сержант Бойд сказал, что лакей — или кто он там — полковника Тарлингтона в прошлую войну был вестовым у полковника. Его фамилия Моррис. Хорошо бы проверить в архиве в полковых списках все, что можно, о нем: куда делся после демобилизации и прочее. Эти сведения мне нужны срочно, да и для вас это тоже важно, — заметил я.

— Вы думаете, здесь что-нибудь нечисто, а? — спросил он, тяжело поднимаясь со стула.

— Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду под «нечисто», но если мы разумеем под этим одно и то же, то мой ответ: «Да».

Инспектор развил бурную деятельность, а я стал ждать, покуривая свою трубку без всякого удовольствия. Изредка я поглядывал на часы, беспокоясь, как бы Джо не ушел из дому в «Трефовую даму» раньше, чем мы нанесем ему визит, — для меня было чрезвычайно важно разыграть подготовленный спектакль в его доме. Наконец меня позвали к телефону. Это звонил Периго из квартиры Дианы.

— Она ушла, — тихо сказал он, — а я остался,

чтобы осмотреться и навести порядок... — Он хихикнул в трубку, и мне стало ясно, что он не теряет времени даром.

В полицейской машине мы подъехали к Пальмерстон-Плэйс, 27, но не покинули машину, пока не увидели, как Диана Акстон торопливо выскользнула из парадного. Едва она скрылась из виду, как мы вошли в подъезд и спросили Джо. Он занимал довольно большую, но грязную комнату на втором этаже. Мы застали его в каком-то модном халате, который давно уже нуждался в чистке. Вид у Джо был совсем не такой опрятный и щеголеватый, как за стойкой в баре. Он не высказал никакого беспокойства, встретил нас улыбкой на широком смуглом лице. Даже узнав меня, он не перестал улыбаться, хотя был явно удивлен моим появлением. Комната была переполнена книгами. Я и не предполагал, что Джо любитель чтения.

Инспектор блестяще разыграл свою роль, едва мы вошли в комнату, хотя и не мог примириться с подобным способом выполнения своих служебных обязанностей.

— Мистер Джон Болет? — непринужденно, но весьма внушительно спросил он. — Я полицейский инспектор Хэмп. Мистера Ниланда вы, кажется, знаете. — Затем он сел, поставил свой шлем на пол рядом со стулом и меланхолически уставился на Джо.

— Что вы хотите? — спросил Джо, которому явно не понравилось поведение инспектора. — Мне пора собираться на работу, а я еще не одет.

— Вчера была сделана попытка проникнуть на территорию авиазавода, — медленно отчеканивая слова, сказал инспектор. — Перерезали провода. Сторожа подняли тревогу, но задержать этого человека не удалось. Однако его описали в общих чертах.

— А при чем тут я? — спросил Джо.

— Это-то нам и нужно узнать. Один из свидетелей утверждает, что бежавший был похож на вас. Он готов почти под присягой подтвердить, что это были именно вы. К тому же мы нашли вот это, — инспектор извлек конверт и вынул оттуда окурок честер-

филдской сигареты. — Редкость у нас в Гретли. Их нигде не купишь, а нам стало случайно известно, что вы курите именно эти сигареты. Да вот, кстати, на столе лежит пачка таких же. Возможно, в городе найдется еще двое-трое, кто курит честерфилдские, но трудно предположить, чтобы они были похожи на вас. Разумеется, в тусклом свете не мудрено было принять за вас кого-либо другого. Но совершенно невероятно, чтобы тот, другой, тоже курил сигареты «Честерфилд», поэтому, я думаю, мы вправе задать вам несколько вопросов, например, где вы были вчера вечером?

— Как всегда, в «Трефовой даме».

— Вы ушли оттуда в половине одиннадцатого, — сказал инспектор с видом человека, который все знает и который никогда не слышал о слове «блеф». — Мы интересуемся как раз дальнейшим. Итак...

— Я возвратился домой, — все еще уверенным тоном отвечал Джо.

— Ага! — Инспектор вытянул громадный указательный палец. — Но вы вернулись домой не раньше трех четвертей двенадцатого, как сказали мне.

Наверное, Джо подумал, что мы расспросили когонибудь внизу, и вынужден был сознаться, что домой пришел около двенадцати.

Инспектор попрочнее уселся на стул, словно готовясь просидеть на нем не один час.

— Где вы были именно в тот промежуток времени, когда покинули «Трефовую даму» и вернулись домой? Постарайтесь быть точным, мистер Болет. Вы даже не представляете, как много людей, порой совсем невинных, спотыкаются и запутываются в таких мелочах. Вам нужно говорить только правду, и больше ничего. Правда не может повредить вам, если вы ни в чем плохом не замешаны.

Он ждал, а Джо не знал, на что решиться. Если бы его обвинили в каком-нибудь обыкновенном преступлении, он не стал бы оправдываться и предоставил бы полиции продолжать расследование и искать доказательства. Но, как я и предусмотрел, ему вовсе

не хотелось быть заподозренным, и он поспешно ухватился за возможность иметь алиби.

— Не хотелось бы вмешивать в неприятности женщину, — пробормотал он.

— Я и не думаю осуждать вас за это, — сказал инспектор, — каждый из нас поступил бы точно так же на вашем месте. Но мы не собираемся выдавать вашей маленькой тайны. Итак, кто была эта женщина и куда вы с ней отправились?

— Это миссис Каслсайд, жена майора Каслсайда, постоянная посетительница нашего бара, — продолжал Джо. — Мы с ней на короткой ноге. Славная бабенка. Как раз, когда я выходил, она садилась в машину и говорит: «Хотите, Джо, я подвезу вас?», и прибавила, что ей меня нужно кое о чем порасспросить. Если говорить откровенно, она была сильно выпивши. Не хочется говорить об этом, ведь пила-то она в моем же баре, но что правда, то правда: она здорово подвыпила и молола всякую чепуху, спрашивала, какого мнения о ней мужчины и все такое. Мне быстро это надоело, да к тому же за разговорами я не заметил, что она не туда заехала — гнала машину, не разбирая дороги, видать, плохо видела в потемках.

Смотрю, все еще кружим возле парка. Наверное, тогда было около четверти двенадцатого. Я попросил остановить машину, сказал, что с меня хватит, устал, выскочил и отправился домой.

— А она?

— Наверное, она разозлилась. Промчалась мимо меня вниз по холму. Похоже было, что ей все равно, куда ехать. Я же говорил вам, что она была навеселе, — насмешливо улыбнулся Джо.

— Видел ли вас кто-нибудь выходящим из машины?

— Если кто и видел меня, так я его не видел: было темно и поздно. Знаете, как теперь у нас на улицах ночью.

— А в каком месте вы вышли?

Не дожидаясь ответа Джо, я извинился и сошел вниз. На кухне, давно как следует не убиравшейся,

мне встретилась женщина, квартирная хозяйка Джо, еще молодая с виду, но уже разочарованная в жизни, — так показалось мне. Быть может, в этом был виноват Джо?

— Джо одевается, — сказал я ей, — и просит дать ему башмаки, которые он надевал вчера.

— Я их только что почистила, — ответила она и принесла пару довольно небрежно вычищенных черных ботинок.

Я взял их под мышку, вышел из кухни и старательно прикрыл за собой дверь. В передней висело несколько пальто. Я быстро осмотрел самое новое и щегольское. В одном кармане была пара перчаток, в другом — короткая, но тяжелая резиновая дубинка. Джо, видно, совсем забыл об осторожности. Я спрятал дубинку в свой карман, подошел к циновке перед входной дверью и в нескольких местах смазал ботинки похожей на грязь черной смазкой, которую мне дал инспектор. Оставалось только легонько оттереть ботинки о циновку, счистить с пальцев грязь, снова спрятать конверт и вернуться наверх, что я и сделал. Я постарался, чтобы ни Джо, ни инспектор не увидели башмаков.

Как я и предвидел, инспектор и Джо застряли на мертвой точке. Джо настаивал, что вышел из машины Шилы около парка без четверти двенадцать. Он держался весьма уверенно. Инспектор тоже, но ему уже начинало это надоедать.

— Я ему только что сказал, что машина миссис Каслсайд свалилась в канал как раз напротив завода Чатэрза. Вместе с ней. А он утверждает, что ему это неизвестно.

— Откуда же я могу знать, если ушел от нее за добрых две мили до того места! — возмущался Джо. — Видит бог, мне жалко, что она утонула, но с ней могло случиться что угодно, так она нализалась. Я уговаривал, чтобы она разрешила мне сесть за руль... — Он уже был полностью спокоен и с энтузиазмом сочинял новые подробности.

Итак, инспектор сыграл свою роль — настало время действовать мне, и совершенно в другом духе. До

этой минуты все шло как по маслу: Джо сиял улыбкой победителя...

— Хватит врать, гадина! — заорал я, стоя перед ним, но все еще пряча ботинки за спиной. — Я скажу тебе, когда ты вышел из ее машины и в каком месте. Ты вышел около половины двенадцатого. И место могу показать. Это всего в двадцати ярдах от канала.

Мои слова заставили Джо забеспокоиться, как я и рассчитывал, он уже не улыбался.

— Вы стали беспечным, Джо, — продолжал я в духе стандартных гангстерских фильмов, — и это вас погубило. Вы не заметили черной грязи на том месте, где выходили из машины. Ну да, было темно. Но потом-то можно было увидеть, что она налипла на ваши ботинки. Смотрите! — Я ткнул ему ботинки чуть не в лицо, с которого исчез всякий след самоуверенности. Джо теперь был в моих руках.

Он облизал губы. Он был явно сбит с толку. А именно этого-то я и хотел.

— Ладно, — пробормотал он, — как я рассказал, так все и было, только вышел я не у парка, а неподалеку от канала.

— Ага, — подхватил инспектор, — значит, вы были там? Сознаетесь? Что дальше?

— Ничего, — заговорил очень быстро Джо. — Сказал все, что знаю. Она была пьяна. Мне пришлось уйти. Она не могла справиться с машиной. Я ей говорил...

Я швырнул на пол башмаки и, упершись ладонью в лицо Джо, заставил его откинуться назад, на спинку стула.

— Я повторю тебе, предатель, все, что ты ей говорил! Ты пригрозил разоблачить ее, если она не добудет нужных тебе сведений.

Я увидел, что попал в самое яблочко.

— Она отказалась, ответила, что расскажет полиции обо всем. Ты видел, что это не просто угроза, и остается только одно. Ты оглушил ее ударом, завел мотор, выскочил, а машина полетела прямо в канал. Смотри, чем ты оглушил ее! — Я потряс резиновой дубинкой перед его носом.

Джо окончательно растерялся. Я не дал ему времени опомниться и сообразить, какие же еще улики имеются против него. Он уже не сознавал, что делает. Он издавал какие-то хриплые, бессвязные возгласы, а затем бросился к дверям, совсем забыв, что не одет. Но инспектор опередил его и, схватив за плечо, слегка тряхнул.

— Оденьтесь, — сказал он, — и тогда можете ехать с нами и писать заявление. Это облегчит вашу участь...

Мне необходимо было встретиться с Периго, но так как мы не договорились о месте встречи, а ему не было никакого смысла слоняться под дождем, то я был уверен, что он придет в управление полиции. Действительно, через пять минут после нашего возвращения появился и он. Было видно, что у него есть новости, но я не стал его слушать сразу, а потащил в трактир, где был телефон и где мы могли свободно поговорить. Я рассказал ему о Джо и спросил, что ему удалось найти у Дианы.

— Там была какая-то голубая шкатулка, которую я не смог открыть, — улыбаясь, сказал он, — но зато на дне комода нашлось вот что. Обычный код, кое-что взято в Америке, вопросы о ревматизме тетушки, о дядюшкиных лошадях и коровах. Нашим парням из шифровального отдела будет легко прочесть эти письма, так же легко, как прочитать роман...

Со стороны нас можно было принять за мирных обывателей, договаривающихся о сдаче магазина в аренду.

— Вы не любите Диану? — неожиданно спросил меня Периго, складывая письма. — Конечно, она предательница, она сотрудничает с врагом, но, быть может, она нравится вам как женщина? Мне казалось, что у вас с ней какие-то любовные шашни? А, Хамфри?

— Нет, она не нравится мне, — ответил я. — Она ошибалась все от того же своего чрезмерного самомнения! Она не подумала, что «любовные шашни», как вы это называете, я могу затеять в интересах

дела так же, как и она сама. Думаю, что ее сердце отдано какому-нибудь субъекту из рейхсвера с моноклем и в сапогах с отворотами, который поил ее рейнским вином и сравнивал с Брунгильдой, а потом поступил с ней так, как и полагается поступать подобным типам. И если хотите знать мое мнение, то такой тип самая подходящая пара для Дианы... Их беда в их самодовольстве. Они мнят себя титанами среди пигмеев. Они тупы.

— Я к ней сразу почувствовал антипатию, — сказал Периго.— Я и раньше-то никогда особенно не доверял таким крупным, красивым, нестареющим, холодноглазым женщинам... Но что же нам с ней делать? Она по-прежнему горда и доверчива, только немножко беспокоится о Джо, полезном товарище по работе. Если не возражаете, я займусь ею сам.

— Только что хотел просить вас об этом, — ответил я. — Думаю, как только она узнает о провале организации в Гретли, то вместо того, чтобы замести следы и оставаться в городе, она сразу же сбежит отсюда и помчится за дальнейшими инструкциями.

— Каждое ваше слово — святая истина, — засмеялся Периго. — Клянусь, буду просить перевести меня в ваш Отдел! Мне по душе ваше знание людей и гибкость методов... А что, если я опять побегу к Диане через несколько минут еще более встревоженный, чем в первый раз, и передам, что Джо арестован и начал выдавать всех, но о ней пока еще, кажется, не говорил...

— Вот-вот! Скажите ей, что все пропало и вы сегодня собираетесь исчезнуть...

— А пока предложу ей свои услуги как товарищ, второй великий мудрец среди болванов! — окончательно развеселившись, воскликнул Периго. — Предложу купить ей билет, чтобы сберечь время и не вызвать подозрений, отвезу ее на вокзал. А там...

— А там телеграфируйте кому нужно о месте ее прибытия (скорее всего — Лондон), и мы прижмем хвост не только ей, но и ее резидентам, — подхватил я.

— Ну, а что будем делать с акробаткой, вызываю-

щей во мне, сознаюсь, некоторый эстетический интерес?..

— И Фифин я уступаю вам, — ответил я. — Она ваша. Кстати, в труппе есть один толковый парень — Лори, который был мне полезен.

— Лори? Погодите... Ах да, вспомнил, самый плохой комик из всех виденных мной на эстраде. Мне думается, было бы правильным оставить Фифин еще на пару недель заниматься своей деятельностью, тогда Лори нам пригодится.

— Да, его стоит испытать, но вы уж сами это решайте. Я буду занят вечером другими делами. Еще сегодня хочется управиться со всей честной компанией и со всем этим делом.

Периго вдруг перестал паясничать и превратился в серьезного пожилого человека, глядящего на меня с дружеским беспокойством.

— Надеюсь, вы будете осторожны? Смотрите, Ниланд!..

— Не слишком, — ответил я с надеждой, что это звучит не очень хвастливо. — Сегодня я решил идти напролом, Периго. Со дня приезда в Гретли это дело мне было не по душе. Хочу поскорее расстаться с этим проклятым местом, которое как-то особенно раздражает и угнетает меня. А там буду просить, чтобы меня отпустили. С меня довольно выслеживать шпионов! Считаю, что я достаточно потрудился и пора вернуться к своему любимому занятию. Людям моей профессии, — распаляясь, продолжал я, — сейчас много дела на Дальнем Востоке. Строить мосты, железные дороги... Особенно в Китае. Я хочу на воздух, Периго! Я совсем не собираюсь увиливать от войны. Я готов работать в самом опасном месте, но мне необходимы воздух и солнце. Иначе я скоро выдохнусь и закисну настолько, что возненавижу самого себя.

— А кроме себя, вам некого любить? — спросил Периго, и я видел, что он говорит серьезно, без иронии.

— Нет, я одинок. — В нескольких словах я рас-

сказал ему о Мараките и мальчике, но так, чтобы он не подумал, что я рисуюсь.

— Понимаю. — Он словно хотел что-то сказать, но осекся. — Вот. Ну что ж, побегу к Диане и попытаюсь вселить в нее спасительный страх.

Я позвонил в полицейское управление, и мне прочитали по телефону те известия из Лондона, которых я очень ждал. И я помчался под дождем на Рагланстрит, чтобы написать донесение в Отдел.

К четырем часам я был на Шервуд-авеню и звонил в двери доктора Бауэрнштерн. Все та же австриячка, обращавшаяся со мной, как с шестифунтовой банкой яда, проводила меня в гостиную. Маргарет Бауэрнштерн ожидала меня, никакого Отто не было и в помине. Она была в темно-зеленом платье с темно-красной отделкой на воротничке и рукавах и выглядела очень эффектно. Думаю, что она специально старалась, но, чтобы скрыть это или же оттого, что плакала вчера перед нашим расставанием, она держала себя очень холодно, давая мне понять, что это свидание за чашкой чаю ужасная нелепость и она только из вежливости не говорит этого.

— Где ваш деверь? — спросил я тоном хозяина, пришедшего за давно не плаченной квартирной платой.

— Сейчас сойдет вниз. Мы решили, что лучше подождать вашего появления, — ответила она с терпеливой и унылой кротостью, вызывающей во мне желание запустить чем попало в эту женщину. — Кто-нибудь неожиданно мог прийти и увидеть его.

Я кивнул головой.

— Знаете, мы арестовали убийцу Шилы Каслсайд.

Она была удивлена и не скрывала этого.

— Так быстро! Когда же вам удалось собрать улики?

— А мы их и не собирали. Вчера я догадался, чья эта работа, а сегодня мы отправились к нему, нашумели, запугали, и это подействовало.

— Можно узнать, кто это?

— Джо.

— Джо?

Я испытывал непонятное удовольствие, объясняя, кто такой Джо, но о шпионской деятельности его я умолчал, а она ничего не спрашивала, только раз-другой как-то странно поглядела на меня.

— Чем вы, собственно, занимаетесь? — спросила она без особого интереса и без надежды на ответ.

— Об этом я скажу вам не теперь, а перед моим отъездом, — ответил я.

— Я вас раздражаю?

— Да.

Видимо, она ожидала именно такой ответ, но все же рассердилась, услышав его. Глаза ее гневно сверкнули.

— У меня редко появляется желание бить людей, — сказала она. — Но вас мне иной раз хочется сильно ударить.

— Хотелось бы мне, чтобы вы попробовали осуществить свое желание!

Продолжать разговор было немыслимо, и, пожалуй, хорошо, что в эту минуту появился Отто Бауэрнштерн.

Это был человек моего возраста, с наружностью кабинетного ученого, нервный, близорукий и, видимо, очень слабого здоровья. Мне он не понравился. Быть может, оттого, что его невестка смотрела на него совсем не так, как на меня, — с любовью и тревогой.

— Вы хотели поговорить со мной, — осторожно начал Отто.

Он говорил с сильным немецким акцентом.

— Да. Почему вы остались в Гретли?

Он дернул плечами и прикрыл глаза.

— Что же мне остается делать? Куда деваться?

— Нелепый вопрос, — вмешалась Маргарет, конечно же обращаясь ко мне. — Здесь для него оставаться безопаснее, мы можем позаботиться о нем.

— Нет, не потому. Я жду правдивого ответа, мистер Бауэрнштерн, — сурово сказал я. — Если вам может помочь мое предположение, то слушайте: рискуя быть арестованным, вы остались здесь потому,

что в городе есть человек, которого вы хотите выследить.

На лице Отто я прочел, что так оно и есть, но Маргарет по-прежнему негодовала.

— Нет, это неправда... — начала было она, но тут же остановилась, прочитав истину на лице Отто. — Но ты ничего не говорил мне об этом, Отто! — воскликнула она.

— Я не мог тебе сказать, Маргарет, не мог никому сказать, — оправдывался расстроенный Отто. — На заводе Чатэрза ночью, на миг мне показалось... Промелькнуло лицо... И еще раз... в городе... Тоже ночью... Понимаете, — сказал Отто, обращаясь к нам обоим, — мне казалось, что я узнал этого человека. Но не было полной уверенности. А выяснить это было очень важно.

— Например, вы хотели убедиться, есть ли у этого человека шрам на левой щеке? — спросил я и увидел, как он смертельно побледнел.

— Отто! — испуганно вскрикнула Маргарет.

Он улыбнулся и покачал головой.

— Не волнуйся, Маргарет. — С усилием он взглянул на меня. — Это так. Но откуда вы знаете, что я ищу именно этого человека?

— Мало ли откуда, — пристально глядя на него, с расстановкой ответил я. — А откуда я узнал, например, что вы были членом нацистской партии?

— Мерзкий клеветник!

Это, разумеется, бросила Маргарет и прозвучало, как щелканье бича. Я сердито прикрикнул на нее:

— Хватит! Я пришел сюда узнать правду и говорю только правду... Мне слишком многое нужно выяснить сегодня, и если вы не хотите помочь, так хотя бы не мешайте мне и помолчите.

Отто дрожал как в лихорадке. Только сейчас я сообразил, что он, наверное, любит ее, и это осложняло дело. Неожиданно мне стало жалко его, я почувствовал, что этот человек лишний на земле, не жилец на белом свете.

— Буду говорить с вами прямо, без выкрутасов, Бауэрнштерн, — спокойно сказал я, давая ему время

прийти в себя. — Вам показалось, что вы встретились здесь с одним немцем, нацистом, которого знали раньше. Ему было все известно о вас, и он решил донести, что вы бывший наци. Конечно, он не пошел сам — этого он сделать не мог, а послал анонимный донос. Вот почему к вам переменилось отношение. Вы вышли из партии, но ведь вы состояли в ней несколько лет и скрыли это здесь, в эмиграции...

К несчастью для вас, в Лондоне находятся два человека, которые помнят, что вы когда-то были нацистом.

То, что она была женщиной и любила Отто и сейчас видела его униженным и сломленным, и то, что это открытие оскверняло память о ее муже и о Вене, заставило ее, вместо того чтобы обратиться с упреками к Отто, броситься на меня.

— О, как я вас ненавижу! И как я проклинаю себя за то, что позволила вам явиться сюда!

— Вы предпочитаете, чтобы наша встреча произошла в полиции? — спросил я. — Или вы думаете, что ваши оскорбления могут пойти ему на пользу? Если вам так неприятны мои слова, почему бы вам не покинуть нас?

— Потому что я не доверяю вам! — вскричала она.

— Пожалуйста, пожалуйста, Маргарет, — начал Отто, — во всем виноват один я. То, что я когда-то был в партии нацистов, — правда. Я был обманут в то время, как многие другие. И нас заставляли хранить все в тайне. Я скрывал это от Альфреда, а затем от тебя. Но когда они вступили в Вену и когда я понял, кто они такие на самом деле и что собираются делать, я вышел из их партии. А это было не так-то просто. И с тех пор моей единственной мечтой было работать против них, помочь победе над ними и, если нужно, умереть ради этой победы. Пожалуйста, верь мне, Маргарет.

Он снял очки, чтобы вытереть глаза, и лицо его сразу стало беспомощно-детским, как у большинства близоруких. Это обезоружило Маргарет, и она улыбнулась ему нежной, прощающей улыбкой.

— Я тоже верю вам, — сказал я. — И если вы хотите помочь в борьбе с нацизмом, то вам сейчас представляется случай. Мне нужно сделать то, что хотели сделать вы. Прежде всего я должен знать имя человека со шрамом. Кого напоминало вам мельком увиденное лицо? Кто он?

— Я не скажу вам этого, пока не буду знать, кто уполномочил вас задавать подобные вопросы, — с достоинством возразил Отто. — Кому, как не мне, знать, что даже здесь, в Англии, имеются агенты нацистов. Доктор Бауэрнштерн сказала, что не доверяет вам, почему же я должен доверять вам?

Я посмотрел на Маргарет, у которой был смущенный вид.

— Отлично, доктор Бауэрнштерн, можете любоваться на свою работу: сейчас он уже не доверяет мне. За последние несколько дней двое из тех, кто слишком много знал, были убиты фашистскими агентами. Что ж, будем ждать, пока убьют третьего, и будем кричать: «Хайль Гитлер!», так, что ли?

Конечно, это было ребяческой выходкой. Я сам это понимал. Но я не мог утерпеть — слишком уж я был зол.

Она обратилась к Отто:

— Я же рассказывала тебе, Отто, что мистер Ниланд работал вчера вместе с инспектором Хэмпом и как будто всем распоряжался он, а не инспектор. Я думаю... что... — она остановилась.

Отто кивнул головой и посмотрел на меня:

— Лицо, которое я видел, напомнило мне нациста, капитана Феликса Роделя.

— Благодарю, — деловым тоном сказал я. — Мне известно, как его найти. Сегодня вечером я собираюсь побеседовать с ним.

— Вы хотите, чтобы я пошел с вами и изобличил его? — стремительно спросил он. — Куда нужно идти?

— В дом, где я еще ни разу не бывал. Но мне известно, где он находится: приблизительно в миле от завода Белтон-Смита. Усадьба полковника Тарлингтона, она называется Оукенфильд-Мэнор. Ровно

в девять часов мы встретимся там с вами у главного подъезда.

Он несколько обескураженным тоном повторил мои инструкции и спросил:

— У вас есть оружие?

— При себе нет, — вставая, ответил я. — Значит, в девять.

Я повернулся к Маргарет. У нее был не очень-то веселый вид. Вряд ли я встречусь с ней еще когда-нибудь. А у меня было что сказать ей, но не будешь же говорить такое в подобной ситуации.

— Спасибо за чай. Будьте здоровы!

Я поспешил прочь. Мне показалось, что она что-то сказала и последовала за мной в холл. Но я, не останавливаясь, сорвал с вешалки пальто и шляпу и выскочил в холодные мокрые сумерки. Наступало время затемнения.

IX

На Раглан-стрит меня ждала записка, в которой инспектор сообщал мне о том, что Джо, поначалу запиравшийся, в конце концов не выдержал, сознался и попросил позвать пастора. Однако сознался он только в убийстве Шилы. Причастность свою к шпионажу отрицал и не выдал ровным счетом никого. С ним предстояло еще немало повозиться. Инспектор переслал мне и записку Периго. В ней было написано, что Периго обедает сегодня в «Трефовой даме» и надеется встретиться там со мной.

Около половины восьмого я пошел туда и встретился с Периго в баре. Бар был переполнен, но как будто чего-то не хватало. Растерянная девушка безуспешно пыталась заменить Джо за стойкой.

Но мне хотелось выпить. Я так и сказал Периго.

— А почему бы и нет? — ответил он со своей обычной ухмылкой. — Сегодня у вас был удачный день.

— Пока что он еще не кончился, — напомнил я. — Сейчас-то и начинается главная работа. И, как мне кажется, единственный путь завершить успешно

ее — это брать на пушку. У нас недостаточно улик... Главное — не дать им времени понять это.

— В таком случае вам нужна трезвая и ясная голова, — возразил он.

— Не знаю, как насчет ясной, но трезвая — да. И все-таки мне хочется выпить...

Я мрачно рассматривал публику, густо облепившую стойку, состоявшую преимущественно из молодых военных и их подруг.

— Сегодня я чувствую себя старым, очерствевшим брюзгой. Все меня раздражает: и проклятая война, и то, что я вижу в этой стране, и мои личные дела.

— Принесу-ка я еще порцию покрепче, тогда и потолкуем, — ответил Периго, засеменил к стойке и очень скоро вернулся с двумя полными стаканами. Ему всегда удавалось получить все раньше других. — Итак, — продолжил он весело, — я буду говорить с вами, как мудрый старый дядюшка. Войну мы выиграем, то есть, несомненно, победим державы оси, ибо, по-моему, союз Америки, России, Англии и Китая не может быть побежден. Дальше. Нашей стране представляется выбор: или же в течение ближайших двух лет зажить полной жизнью и начать все сначала, или же разложиться и умереть от все тех же застарелых болезней. Первое возможно, если мы возьмем за шиворот пятьдесят тысяч почетных влиятельных джентльменов и твердо заставим их замолчать и прекратить свою деятельность. Что же касается вас, Ниланд, то вы не так молоды, чтобы делать умные глупости, и не так стары, чтобы успокоиться в глупой мудрости. Вам нужна перемена. И пожалуй, нужна женщина, которую вы будете любить и уважать... Теперь давайте захватим столик. Война войной, а еще разок пообедать как следует не помешает, пока не прикрыли еще это заведение...

В середине обеда Периго сказал вдруг:

— Поглядите, наша приятельница миссис Джесмонд оставила своих мальчиков и готовится нанести нам визит. Как вы думаете, Ниланд, что мы скажем ей?

— Первое, что придет в голову, — проворчал

я. — Но парочка приятных сюрпризов ее, несомненно, ожидает.

Однако самый неожиданный сюрприз ожидал нас. Мы беседовали некоторое время, она сообщила нам, что ее беспокоит отсутствие Джо, который сегодня впервые не вышел на работу.

— Можете не беспокоиться о нем, — сказал я. — Джо арестован, и вам придется проститься с ним, миссис Джесмонд.

— Любопытно, что я никогда не обманывался насчет Джо, — заметил Периго.

— Я тоже, — совершенно спокойно отозвалась миссис Джесмонд. — Я всегда считала его в высшей степени неприятным и, наверное, очень развратным малым. Но работал он превосходно. «Трефовая дама» без него будет уже не та.

— Боюсь, что «Трефовая дама» скоро вообще будет не та, — усмехнулся Периго.

— Что вы имеете в виду, мистер Периго?

— Сомневаюсь, чтобы вам позволили продолжать в том же духе, — пояснил он. — В конце концов нельзя же забывать, что у нас в разгаре война. Не считайте меня неблагодарным. Я здесь не раз приятно проводил время и находил ваше заведение весьма полезным, но боюсь, что вам придется расстаться с этим делом.

— И с черной биржей тоже, — прибавил я, подцепив вилкой кусок цыпленка. — Нет, нет, не беспокойтесь, я не занимаюсь спекулянтами. Но если вы будете продолжать свою деятельность, я буду вынужден сообщить о вас куда следует.

— Не намерена благодарить вас за предупреждение, — сказала миссис Джесмонд, как всегда, обаятельная и безмятежно красивая. — И нахожу, что вы порядочная свинья.

— Согласен. А вы очаровательный пушистый зверь, который не стоит денег, затраченных на него страной. Такую роскошь мы не можем себе позволить.

— Он не жалеет об этом, а я жалею, дорогая миссис Джесмонд, — сказал Периго. — Вы мне всегда больше нравились, чем я вам...

Она холодно поглядела на него и спросила:

— Ходят слухи, что Шила Каслсайд погибла. Это правда?

— Да. Вчера ночью ее вытащили из канала.

— Довольно равнодушно вы говорите об этом, если принять во внимание, что вы вчера провели с нею целый час в одной из ваших спален.

— Я далеко не равнодушно отношусь к этому, а вчерашний час я употребил на весьма серьезный разговор с нею, — глядя прямо в глаза этой женщине, ответил я.

— Вас интересует еще что-нибудь?

— Да. Вы сегодня видели Диану Актон?

— Нет, но ее видел... Периго. А что такое?

— Она позвонила мне сегодня утром, как раз перед ленчем, но меня не было, а записки она не оставила.

— Пожалуй, я могу вам сказать, зачем она звонила. Не трудно себе вообразить. Она, вероятно, хотела вам сообщить, что покидает Гретли сегодня днем навсегда.

Едва заметная тень промелькнула на спокойном лице миссис Джесмонд, да еще в глубине ее глаз можно было заметить беспокойство. Она изучающе посмотрела сначала на меня, потом на мистера Периго.

— Вы двое, кажется, знаете что-то о Диане, пожалуйста, скажите мне.

Мы с Периго переглянулись.

Она спокойно поднялась и взглянула на меня.

— Вчера ночью я недоумевала, когда увидела вас с нею. Я знаю, что она не в вашем вкусе. Что с ней?

— Она не могла забыть Нюрнберга и «высшую расу», — ответил я, — и она продавала нас фашистам. Некоторые это делают за деньги, некоторые из страха или амбиции. Но, пожалуй, в ее случае причиной является смесь романтических бредней и пустого тщеславия.

— Совершенно с вами согласна, — ответила миссис Джесмонд, готовая к уходу, — Диана всегда бы-

ла такой. Сколько раз я предупреждала ее! Видите ли, она моя сестра, года на два моложе и, конечно, намного глупее...

Мда... Один из летчиков недавно рассказывал мне о чудном маленьком отеле рядом с их стоянкой, там, в Шотландии. Не съездить ли мне туда? Три года тому назад в Каннах одна известная гадалка, к которой все тогда ходили, сказала, что мне осталось жить всего пять лет. Не так ли? Вполне изрядный срок. Ужасно скучно жить! Спокойной ночи!

Мы глядели, как она лебедем плыла к своему столику и ожидавшему ее поклоннику.

— Я достаточно стар, чтобы угомониться, — сказал Периго.— Но эта женщина меня волнует... Впрочем, раньше, чем она уедет, придется познакомить ее с инспектором Хэмпом, человеком не менее привлекательным в своем роде.

— Кстати, — сказал я. — Передайте инспектору, что, если до половины одиннадцатого он не получит от меня весточки, пускай едет к полковнику Тарлингтону.

— Тогда и я поеду с ним, — сказал Периго. — Если только вы не захотите взять меня с собой, Ниланд.

— Нет, Периго, спасибо. Я вижу пока только один способ разделаться с этой историей. Способ довольно рискованный, легко может провалиться, поэтому вряд ли стоит нам обоим раскрывать свое инкогнито. Если не встретимся, забежите утречком на Раглан-стрит. Благодарю за обед, Периго.

— Вы все так же трезвы? — спросил он, когда мы покидали столовую.

— Трезв и чертовски зол, — ответил я.

На углу я сел в автобус, и, к счастью для меня, сидевший рядом пассажир знал, где находится Оукенфильд Мэнор, и сказал мне, на какой остановке сойти. Вокруг стояла обычная тьма, в дополнение к которой шел ледяной дождь. Поворот на дорогу к усадьбе, как сказал мне попутчик в автобусе, находился в четверти мили влево от шоссе. Может

быть, так оно и было, но мне показалось, что дорога значительно длиннее.

Я с трудом брел в этой кромешной тьме. Дождь вымочил меня насквозь, когда я, наконец, разыскал ворота усадьбы и укрылся под аркой. Было уже начало десятого. Отто должен был встретить меня здесь, но, подождав минут десять, я решил, что он, по всей видимости, не понял меня и стоит где-нибудь невдалеке от дома. Напрягая в этой тьме зрение так, что заболели глаза, я двинулся по аллее, дошел до главного подъезда, поискал справа, слева. Отто нигде не было. Быть может, любящая невестка убедила его, что жизнь драгоценнее, чем риск подобных увеселительных прогулок? Я был в нерешительности. Как изобличить мнимого Морриса без Отто? Но все же я обошел вокруг дома и очутился на задах, среди дворовых пристроек. От одной из них, должно быть, из-под двери, тянулась очень тоненькая ниточка света, но в этой темени яркая, как маяк. Стараясь ступать абсолютно бесшумно, я приблизился к двери. Она оказалась незапертой. И тут-то я поступил не очень благоразумно. Холодная дождливая ночь, ожидание, хождение в темноте, отсутствие Отто Бауэрнштерна — все вместе взятое вывело меня из терпения и родило какую-то отчаянную беспечность: я толкнул дверь, вошел и оказался в узком, вытянутом помещении, бывшем, вероятно, когда-то конюшней. А теперь она служила складом старой мебели и всякого хлама. В дальнем углу под занавешенным окном стоял верстак и было устроено нечто вроде мастерской. За верстаком сидел и работал какой-то человек, которого я не узнал в первые минуты: запыленная лампочка висела высоко и давала очень мало света. Вторая была так затенена, что свет падал только на верстак. Но когда человек вскочил, я увидел, что это тот самый, со шрамом, встреченный мною у Дианы Акстон. Он был одет в куртку лакея.

— Кто здесь? — резко крикнул он.

Я сделал шаг-другой, снял шляпу, стряхнул с нее дождевые капли и сказал:

— Мне нужно с вами поговорить.

Он узнал меня. По выражению его лица я понял: Диана предупредила, что меня следует опасаться. Он повел себя теперь совсем иначе, чем вчера. Меня это должно было предостеречь, но я так же беспечно пошел на риск.

— Я — Моррис, слуга полковника Тарлингтона, — сказал он.

— Неправда, — спокойно возразил я. — Вы капитан Феликс Родель.

Я не успел выговорить его имя, как он выстрелил. По-видимому, револьвер у него был в руках с той минуты, как он увидел меня. Сильный толчок в левое плечо заставил меня волчком завертеться на месте. Я понял, что ранен, и упал ничком в ожидании следующего выстрела. Плечо горело, но боль утихла. Я не видел, как вошел Отто, но услышал шум и его крик: «Родель!» Потом снова раздался треск револьверного выстрела. Я повернул голову и увидел, как падает Отто. Родель медленно приближался, чтобы прикончить нас обоих, но в эту минуту за мной раздался грохот, оглушительный под этой низкой крышей, и Родель стал медленно валиться набок. Судорога прошла по его телу, он дернулся и — все. Он был мертв. Должно быть, Отто успел выстрелить в него. Я подполз к Отто. Пуля попала ему в грудь. Минуты его были сочтены. Он был уже где-то в ином мире, что-то бормотал по-немецки, но я ничего не смог разобрать. Вдруг он улыбнулся, как человек, сидящий в кругу друзей, и через минуту его не стало.

Из моего плеча хлестала кровь, но в эти минуты я не мог да и не хотел думать о себе. Я смотрел на этих мертвых немцев, погибших в старой конюшне, вдали от родины... Один, солдат и шпион, отдал жизнь за бредовую мечту о мировом господстве. Другой, обманутый, плутал до тех пор, пока не оказался в тупике. Он спас мне жизнь. Зачем?

У верстака был умывальник. Я смочил водой платок, приложил к ране и кое-как натянул сорочку и пиджак.

«Наверное, Родель вышел сюда ненадолго и дверь в дом открыта», — подумал я.

Через мощеный двор я медленно пошел к дому. Холодный дождь освежил мою воспаленную голову.

Как я и рассчитывал, в доме не было ни души. Можно было спокойно посидеть в ожидании хозяина. В ванной я вымыл руки и пригладил волосы. Из зеркала на меня смотрело чужое лицо, бледное и осунувшееся.

Мне ужасно хотелось пить, но неудобно было шарить в доме незнакомого человека, и поэтому я сел в прихожей и принялся набивать трубку в ожидании полковника, который должен был приехать на машине.

Минут через десять раздался шум подъезжавшего автомобиля. Я встал, оттолкнул дверь и вернулся в переднюю. Розовый, элегантный, благоухающий запахом дорогой сигары, вошел полковник Тарлингтон и не выказал никакого удивления, увидев меня. Я заметил, что он не запер за собой входную дверь.

— А, Ниланд, здравствуйте! А где же мой слуга?

— Вышел куда-то. Должно быть, на кухню, — ответил я.

Я прошел вслед за полковником в комнату, служившую ему библиотекой. Полковник принес бутылку и стаканы.

Он предложил мне снять пальто, но я отказался. Когда Родель выстрелил в меня, пальто было широко распахнуто. И сейчас я аккуратно застегнул его, чтобы прикрыть намокший в крови лацкан пиджака. Тарлингтон держал себя запросто, но невольно сбивался все время на командирские интонации. Его физиономия производила обманчивое выражение. Я заметил выражение холодного высокомерия в его светло-голубых глазах, напоминавших мне взгляд Дианы Акстон. Это был пожилой самец той же породы.

Стараясь скрыть свое огорчение, я отказался от вина, что сильно удивило его. Я не желал пить с ним.

— Не понимаю, куда делся мой лакей, — сказал он опять, желая начать разговор. — Он немного бестолков, но очень честный малый. Валлиец. Был моим вестовым в прошлую войну.

— Ллойд Моррис. Из бывшего Кардиганского полка.

— Верно. Я вижу, вы говорили с ним. Чудаковат, конечно. Не похож на англичанина, совсем другой тип.

— Полковник, — отчетливо сказал я, — ваш вестовой Ллойд Моррис умер в Кардиффском лазарете три года назад.

— Что вы несете, Ниланд! — притворился он рассерженным.

Я следил за выражением его глаз. Предстоял трудный поединок, а я чувствовал себя отвратительно, и плечо болело не на шутку.

— Быть может, какой-то Ллойд Моррис и умер в Кардиффском лазарете, но этот Моррис жив и здоров. Черт возьми, мне ли не знать имя моего слуги!

— Вы знаете его имя. Его зовут Феликс Родель.

Полковник не растерялся.

— Послушайте, Ниланд, вы порете чепуху, и вид у вас нехороший. Если у вас ко мне дело, расскажите о нем, а потом идите домой и сразу ложитесь в постель. У вас, наверное, грипп.

— Наверное. Но имя вашего слуги, полковник, все-таки Феликс Родель. Заслуженный нацист. Занимался шпионажем. Вы произвели его в Морриса.

За дверью раздался шум, но полковник сделал вид, что не слышит его, и вдруг закричал на меня, разыгрывая безумный гнев:

— Черт побери, Ниланд, вы просто сошли с ума! Пришли сюда и несете подобную чепуху. Да понимаете ли вы, что, будь у меня здесь свидетели, я мог бы подать на вас в суд за оскорбление? Да, мог бы и, черт побери, подал бы. Да, если бы нас кто-нибудь слышал...

В этот момент появился свидетель. Раздался легкий стук в дверь, и в комнату вошла Маргарет Бауэрнштерн.

— Простите, — обратилась она к полковнику. — На мои звонки никто не ответил, и я решилась войти. — Затем обернулась ко мне и нахмурилась: — Что с вами?

Я тряхнул головой.

— Потом объясню.

— Где Отто?.. Мне стало страшно за него.

— Сядьте, — сказал я. — И крепитесь, Маргарет.

Полковник Тарлингтон шагнул к нам.

— Что тут происходит? — начал он было, но я перебил его:

— Вы тоже сядьте, полковник...

Я повернулся к Маргарет, которая не сводила с меня широко раскрытых глаз.

— Не хотелось вас огорчать, Маргарет... Отто умер. Его ранил Родель, нацист, которого он искал... Он убил Роделя и умер сам... Он спас мне жизнь.

Лицо ее побелело и застыло.

— Что с вами?

— Не беспокойтесь, сначала нужно покончить с этим! Не уходите.

Она кивнула. Я обратился к переставшему бушевать полковнику, молча сидевшему с ледяной миной. Нужно атаковать его, пока он не сдастся, а у меня не было сейчас достаточно сил для этого. Но дело нужно сегодня же закончить.

— Бесполезно запираться, полковник, — начал я. — Игра проиграна. Если не хотите слушать сейчас, услышите все на суде. Родель мертв... Джо арестован и выдает всех. Диане Акстон дали уехать в Лондон, чтобы и там взять ваших сообщников...

— Все это чрезвычайно интересно, — возразил Тарлингтон. — Но я не понимаю, о чем вы говорите и при чем тут я?

— Вы говорили всем, что у вас служит бывший вестовой Моррис, а не нацист Родель. Но это далеко не все, полковник. Возьмем хотя бы вашу приятельницу Диану Акстон...

— Я не знаю этой женщины... и ноги моей не было в ее лавке. Попробуйте доказать обратное!

— Вам незачем было ходить в ее магазинчик, — ответил я. — Если у нее бывали сообщения для вас, она помещала их в витрине... Работали вы, местное светило. Был главный организатор — Родель, которого вы привезли из Америки под видом слуги. Была

Диаиа с ее магазиином подарков... Был Джо, душа общества, бармеи «Трефовой дамы», в которой вино развязывало языки молодых летчиков и армейцев... Акробатка Фифин, иапример, превратила сцеиу «Ипподрома» в почтовое отделеиие... Вовсе вам не было надобиости видеть и эту женщину... А вот Родель стал до того иеосторожен, что не мог отказать себе в удовольствии выпить со старой приятельиицей.

— С какой стати вы припутываете меия ко всей этой чепухе?..

— Сегодия утром вы ловко поймались, полковник, — развязиым и насмешливым тоном продолжал я. — Вы подтвердили, что Скорсон из министерства сиабжеиия рекомеидовал меия вам по телефону в среду вечером и это повлияло иа ваше решение. Но...

Я иарочио сделал паузу, и он попался иа удочку.

— Поймался! — преиебрежительио сказал ои. — Вы были так явио довольиы тем, что Скорсои будто бы рекомеидовал вас, что мие ие захотелось вас огорчать... Просто из вежливости... Что тут такого?

— Достаточно, чтобы вас повесить, Тарлиигтои, — сказал я, оставив шутливый тои, сделавший свое дело. — А если я докажу вам, что Скорсои действительно говорил обо мне в среду? Стаиовится ясио, что по телефоиу с Лоидоиом говорили ие вы. И вот почему. В тот вечер к вам пришел мастер Олии, сотрудиик особого отдела, специальио послаиный на завод Белтои-Смита. У иего был повод — пригласить вас иа митииг в рабочую столовую, ио иа самом деле ои решил выясиить, иасколько убедительны его подозреиия в отиошеиии вас. Ему было кое-что известио о Роделе, ио он ие зиал, что тот иашел у вас прибежище. Вы, естествеиио, постарались, чтобы Олни не увидел Роделя. Едва Олни ушел, вы решили, что его иеобходимо убрать: слишком уж миогое ои знал. Одиако Роделю вы ие могли поручить это дело — ведь ои ие зиал Олни в лицо. Оставалось одио: самому отправиться следом и убить его. Но вам мешало то, что вы ожидали разговора со Скорсоиом в три четверти девятого. Поэтому вы были выиуждеиы поручить разговор с Лоидоиом Роделю, правильио рас-

считав, что на таком расстоянии вполне сойдет самое грубое подражание вашему голосу. Это давало вам возможность осуществить задуманное и в то же время иметь безупречное алиби... Но вы допустили несколько ошибок, полковник. Например, для полиции не было убедительным то, что Олни переехало машиной именно в том районе города, где был выброшен вами его труп. А самое главное, вы не могли знать, что в последние секунды перед смертью бедняге Олни удалось выбросить свою записную книжку. Ее-то и нашла полиция именно там, где вы втащили труп в свою машину, неподалеку от «Трефовой дамы». Я внимательно просмотрел все записи. Олни был очень умным и опытным работником. И можете не сомневаться, — заключил я, пристально глядя в глаза Тарлингтона, ибо это был мой основной козырь, — вам в этих записях отведено значительное место.

Полковник молчал, по-видимому лихорадочно размышляя. Голова у меня шла кругом, в ушах звенело, и кровь из раны на плече текла все сильнее, но я не хотел дать уже ошеломленному полковнику прийти в себя.

— Потом вот еще что,— продолжал я.— Вы взяли зажигалку Олни и хранили ее у себя, потому что инстинкт вам верно подсказывал: здесь что-то кроется — такой зажигалки у простого заводского мастера не встретишь. Но ко времени встречи с Джо вы решили, что она просто красивая безделушка. Оставлять ее у себя вам не хотелось, и вы подарили ее Джо. А Джо,— сурово добавил я, — арестован сейчас по обвинению в убийстве. Он сознался во всем. Он выдал всех.

Неожиданно у меня потемнело в глазах. Я услышал крик Маргарет. Потом увидел ее склонившейся надо мной. Собрав последние силы, я призвал к порядку ее и себя.

— Нет, не мешайте мне еще пару минут, — сказал я ей. — Родель ранил меня... но я могу еще потерпеть. Садитесь, пожалуйста, Маргарет.

Она продолжала стоять позади моего кресла.

Я смотрел на Тарлингтона. Он словно окаменел.

— Вряд ли я пришел бы в подобном состоянии сюда и говорил вам все это, если бы дело не было раскрыто и главные улики не были у полиции в руках. Но я люблю сам кончать свою работу. Своего рода тщеславие, полковник... Вы ненавидите демократию и все, что связано с ней. Упрямство, спесь, властолюбие и самомнение мешают вам примириться с ней. Гесс, прилетевший в Англию, рассчитывал именно на таких людей, как вы, полковник. Вы не германофил, и вас нельзя назвать плохим патриотом в старом смысле этого слова... Но я слышал вчера вашу речь на митинге. В ней было лишь то, что всегда твердят люди, подобные вам: вы уговаривали народ трудиться, страдать и знать свое место и все ради того, чтобы поддерживать то, во что они больше не верят. Каждое ваше слово было кнутом в руках Гитлера и его банды. Но вы умнее и бесстыднее большинства своих единомышленников. Вы поняли: чтобы сохранить старые свои привилегии, нельзя дать народу выиграть эту войну, а фашистам — проиграть ее. Вас убедили наци, что в случае их победы вы получите такую Англию, которая вас устраивает. Вы и вам подобные будете по-прежнему благополучно властвовать, а простой народ останется в прежнем состоянии... И вы покатились по наклонной плоскости... Болезненное честолюбие, спесь, ложь... предательства... убийства. И вы проиграли, Тарлингтон... Проиграли.. И если вы не хотите... остаться в памяти.. всех... английским Квислингом... то у вас есть лишь один выход... один-единственный...

Я не мог больше продолжать — комната кружилась перед глазами, слепящий свет и мрак сменяли друг друга. К счастью, мне больше и не надо было ничего говорить: словно в смутном сне, без удивления, я увидел, как отворилась дверь и на пороге появилась заполнившая весь вход могучая фигура инспектора Хэмпа. Даже в ту минуту я осознал, что его приход окончательно решил дело.

— Хорошо, инспектор, — донесся до меня голос полковника. — Подождите минутку, — и он исчез в со-

седней комнате. Раньше чем кто-либо из нас успел шевельнуться, раздался выстрел.

Мне рассказали, что я произнес: «Что ж, иного выхода он не имел». Однако я этого уже не помню. Я потерял сознание.

X

Три последующих дня я находился в доме Маргарет, то и дело переходя от вспышек температуры к приступам ярости.

Отчасти причиной тут была и сиделка. Возможно, она была очень хорошей сиделкой — я ничего не говорю, но в ее компании хотелось удавиться. Это была огромная рыжая женщина с уймой зубов и веснушек. Она усвоила по отношению ко мне тот тон, который естествен в обращении с трехлетним шалуном. Казалось, вот сейчас она сядет и станет читать мне детскую сказку. Она пыталась запретить мне курить. Но тут я сумел постоять за себя. Тем не менее с помощью Маргарет ей удалось закрыть ко мне доступ кого-либо из посетителей, с которыми я мог бы говорить как взрослый со взрослым. И наконец, Маргарет была теперь для меня не более чем лечащим врачом. Со стороны могло показаться, что мы никогда не встречались раньше. Когда падала температура, возрастал гнев. Отчасти это происходило потому, что я не хотел лежать в постели. По временам, когда у меня поднималась температура, мне начинало казаться, что все происшедшее в Гретли — сон, что я никогда раньше не встречал эту женщину-врача с суровым лицом и горящими глазами, что я лежу в каком-то санатории и просто прихожу в себя от долгого кошмара.

В среду сиделка объявила мне о своем уходе. Не то чтобы она считала, что я уже достаточно поправился, просто она была вынуждена заняться другим, более тяжелым больным. В полдень я вежливо и учтиво пожелал ей счастливого пути.

Маргарет, как всегда много работавшая, уехала к своим больным, я мирно задремал и проснулся уже

при зажженном свете и опущенных шторах. На столе был чай, и его с флангов атаковали инспектор и Периго. Я очень им обрадовался.

— Знаете, Ниланд, а ведь мы каждый день приходили сюда,— сказал инспектор,— но нас не допускали к вам...

— Знаю, — проворчал я, — идиотские строгости. Это все сиделка.

— О нет, это доктор Бауэрнштерн,— сказал инспектор. — Никак нельзя было прорваться. Не так ли, Периго?

— Да, она проявляла трогательное внимание, — сказал Периго. — Однажды налетела на меня, как фурия. Дама с характером, что и говорить.

— Да, уж это так, — проворчал я, — заходит в комнату с каменным лицом, словом не перекинешься. Хотя, впрочем, я бы и не знал, о чем с ней говорить. Ради бога, расскажите, что новенького.

— Ваш начальник, Оствик, разговаривал со мной по телефону, — ухмыляясь, произнес Периго. — Я сказал ему, что вам надоело ловить шпионов. Конечно, он ответил, что это глупости, что они не могут расстаться с таким ценным работником, как вы.

— Он прав, — вставил инспектор. — Взять хотя бы эту историю в Гретли...

— И что же вы ответили Оствику, Периго?

— Слово в слово повторил ему то, что вы говорили мне. Тогда он пообещал предоставить вам длительный отпуск, чтобы вы смогли отдохнуть...

— Отдохнуть! Кто может отдыхать, когда в мире творится подобное!

— Да и куда сейчас можно ездить отдыхать!? Лучше последовать за миссис Джесмонд, — сказал Периго. — Говорят, она укладывает вещи, то есть, разумеется, кто-нибудь из ее кавалеров укладывает ее вещи.

— Я не разделяю вашей страсти к этой женщине, — сказал я, — по совести, я даже не хотел бы ее снова видеть иначе как за стойкой бара и чтобы она готовила какао для рабочих перед ночной сменой. И еще сообщите Оствику, что я вовсе не нуждаюсь

в отпуске. Я хочу работать. Но на этот раз работать по специальности. Вы думаете, он мог бы воспрепятствовать моему назначению в инженерные войска?

— Не только мог бы, но, наверно, так и сделает, — ответил Периго. — А кроме того, не кажется ли вам, что вы несколько староваты для фронтовой...

— Староват? — закричал я, глядя на него с возмущением. — Черт побери, только из-за того, что я прикован к этой проклятой постели, из которой я завтра же выберусь, вы позволяете себе говорить о старости! Старость! Да, я...

В эту минуту в комнату вошла Маргарет, на этот раз приветливая, без обычного «докторского» выражения на лице. «Наверное, оттого, что здесь гости», — подумал я, но все же обрадовался такой перемене, несмотря ни на что.

— Не кричите так, — сказала она мне самым обыкновенным, человеческим тоном.

— Сегодня он очень сердитый, — сообщил ей Периго, обнажая свою коллекцию фарфора. — И еще он говорит, что вы входите и выходите из комнаты с каменным лицом.

— Такое всегда бывает с подобными больными, — сказал неожиданно инспектор, выступая в роли медицинского светила.

Маргарет, тихонько посмеиваясь, кивнула головой.

— Самая обыкновенная вещь.

— Нечего вам рассуждать обо мне так, словно я слабоумный или что-то в этом роде, — запальчиво ответил я. — Мое раздражение объясняется отнюдь не физическим состоянием. Я абсолютно здоров. И завтра же встану с постели.

— Нет, не встанете, — немедленно отрезала Маргарет.

— Вот увидите, встану. Конечно, я благодарен вам за уход и заботу обо мне. Надеюсь, я не очень вам надоел. Но, повторяю, если я раздражен...

— Можно без «если».

— Хорошо, я раздражен. Но это оттого, что... это из-за старого паука Оствика, из-за этой промозглой темной дыры, Гретли, из-за нашей идиотской полити-

ки в этой войне, из-за того, что мы воюем спустя рукава, по старинке, суетимся без толку и разочаровываем всех...

— Вам нужно хорошенько отдохнуть, — снова отрезала Маргарет.

Что-то уж очень хитро поглядывая на нас, Периго встал и заметил:

— Кое-чем я помогу вам в этом, Ниланд. Скажу больше: после беседы с Оствиком я уже нажал на некоторые пружины...

— Благодарю вас. Приходите завтра, хорошо? Расскажете мне все о Фифин, Диане и других.

Инспектор положил на мое плечо руку, весившую больше недельного мясного пайка целой семьи.

— Дружище, — ни с того ни с сего сказал он вдруг, — слушайтесь доктора! Не спорю, что у вас есть своя голова на плечах, но здравого смысла у доктора гораздо больше... Если вам захочется чего-нибудь, скажите, мы принесем...

Мне хотелось тысячи вещей, но вряд ли они смогли бы их принести. Вместо того чтобы логически во всем разобраться, я стал грезить наяву. Я увидел себя в далекой, прекрасной, неведомой стране, где ярко светит солнце и легко дышится. Там я усердно работал, создавая то, что облегчает жизнь тысячам людей, делает ее полнее и счастливее. И рядом была Маргарет, тоже все дни напролет занятая своим делом. По вечерам мы отдыхали с ней в тишине и прохладе, делились мыслями... Очнувшись от грез, я увидел, что она сидит рядом и серьезно глядит на меня.

— О чем вы думали?

— Люди вроде вас, со «здравым смыслом», о подобных вещах не думают, — ответил я. — Впрочем, могу рассказать. — И я рассказал ей обо всем гораздо подробнее и красочнее, чем вам сейчас.

Она смотрела на меня сияющими глазами, лицо ее смягчилось и стало еще красивее.

— Мне все это понятно, — сказала она. — Но почему там оказалась я?

— А вы забудьте об этом, — отозвался я, глядя куда-то в угол.

— С какой стати? — спросила она и прибавила, помолчав минутку: — Должна признаться вам, что теперь я знаю о вас гораздо больше, чем неделю назад. Инспектор и мистер Периго многое рассказали мне.

— Они не много знают обо мне, — возразил я.— Да и, в сущности говоря, знать-то нечего.

— Я достаточно узнала, чтобы понять, отчего вы такой... «кислый», как вы это называете. Я тоже кислятина.

— Вы такая же кислятина, как... как паточный пудинг.

Она расхохоталась.

— Ну и комплимент! До сих пор меня еще никто не догадался сравнить с паточным пудингом.

— А чем он плох? Я люблю паточный пудинг. Закажите его на завтра, если найдется патока. Ладно? А теперь я вам скажу, что тоже знаю о вас больше, чем вы предполагаете. Последнее время я часто думал о вас. Беда ваша в том, что...

— Ох, и многообещающее начало!

— Ваша беда в том, что вы вышли замуж за человека, уже прожившего большую часть жизни. Вы думаете, что это была великая любовь, а на самом деле, наверное, вообще не было любви, а только уважение, почтение и все такое прочее. Теперь же, когда все в прошлом, вы считаете, что жизнь позади и надеяться не на что...

— Пусть. А вы?

— Я? Просто несчастный человек, вот и все. Давайте кончим на этом.

— А я вот не хочу кончать, — без тени улыбки ответила она, глядя на меня большими сияющими глазами.

Чтобы увильнуть от них, я стал смотреть на ее руку, легкую, но сильную и ловкую... Невольно дотронулся до нее, словно хотел убедиться в ее реальности.

— Ладно, но не пожалейте потом об этом, — медленно сказал я. — Десять, нет, пятнадцать лет я

ждал встречи с вами. Я считаю только последние годы, потому что раньше я не оценил бы вас по-настоящему...

Она засмеялась.

— Ну, говорите, говорите дальше.

— Какая польза в разговорах, если я не могу ничего дать вам? Ведь я собираюсь уехать отсюда подальше, если только не понадоблюсь на фронте. Я даже писем хороших писать не умею.

— Знаете, зато я умею писать хорошие письма.

— Мне нужны совсем не ваши хорошие письма! — вдруг вспылил я. — Вы мне нужны... Почему вы до сих пор не говорили со мной по-настоящему?

— Потому, что я была напугана...

— Историей с Отто, и полицией, и всем остальным?

— Отчасти этим. Потом меня смущало ваше обращение. А главное, я стала замечать, что моя жизнь позади... и... и...

— Подите сюда! — закричал я, потому что, произнося последние слова, она встала и пошла к двери. — Подите сюда, или я встану с постели...

— Только посмейте! — быстро возразила она и подбежала ко мне. Она попыталась вновь сделать строгое лицо, но я быстро пресек эти попытки.

Потом она сказала:

— Мне пора идти в госпиталь. Сегодня я тебя уже не увижу. Я пришлю сюда книги. А завтра поговорим... Ну, пусти же, милый, мне пора.

— Хорошо... — ответил я. — Только, ради бога, будь осторожна в этой страшной мгле!..

Сокращенный перевод с английского
Г. Павлинской, Г. Мельникова

М. ДРАГОВИЧ

ОЛЕКО ДУНДИЧ

ФЕХТОВАЛЬЩИК

В тот ясный июньский вечер 1914 года на огромном плацу офицерской школы в Винер-Нейштадте, небольшом городке под Веной, царило небывалое оживление. На временной трибуне, устроенной из столов и скамей, взятых в солдатской столовой, не было ни одного свободного места; здесь сидели только офицеры разных родов войск. Унтер-офицеры и солдаты стояли вокруг плаца, посреди которого возвышался помост, напоминавший боксерский ринг, только без канатов. Рядом с помостом стоял большой круглый стол, за которым с важным видом восседали десять офицеров. Перед ними лежали какие-то бумаги. Немного поодаль от помоста в три ряда стояли кресла, в которых вместе со своими взрослыми сыновьями сидели генералы его императорского величества Франца Иосифа.

Все они собрались здесь для того, чтобы посмотреть завершающие соревнования императорского войска по фехтованию. Целый год во всех гарнизонах Австро-Венгерской монархии проводились отборочные соревнования, чтобы теперь перед цветом венского воинства лучшие из лучших показали свое искусство, настойчивость и ловкость в этой рыцарской игре.

Хотя на плацу собралось не менее двадцати тысяч зрителей, здесь не было никакого беспорядка и шума, как это обычно бывает на подобных зрелищах. И это понятно. Здесь находились одни военнослужащие, за которыми следили бдительные взоры старших. В империи во всем соблюдался показной порядок.

И только зрители, сидевшие в первых рядах трибуны, вели себя несколько развязней и смелей. У них

были на то причины. Представитель их дворянского племени и в этом году мог оказаться в числе первых. Молодой поручик граф Арнольд фон Инн стал финалистом в соревнованиях среди офицеров. Высокий, белобрысый до бесцветности, он гордо раскланивался со знакомыми из первых рядов трибуны. Затем он изящно поклонился сидевшим в креслах генералам, и на его бескровных губах появилась холодная улыбка. Его противник, пехотный поручик Вацлав Обадал, сидел пятью рядами выше, среди своих товарищей по гарнизону, и спокойно уплетал булку с маслом. Он был немного ниже фон Инна, но шире в плечах, а волосы его были чуть-чуть темнее, чем у австрийского поручика. Боем фон Инна и Обадала заканчивались офицерские соревнования. Противники не были знакомы: фон Инн жил в Вене, а Обадал — в Праге.

Два унтер-офицера, вышедшие в финал, сидели на принесенных из столовой табуретах. Каждому из них было не больше двадцати двух лет. Оба были среднего роста. У одного были каштановые волосы и красивое лицо, которое немного портили слегка косившие зеленые глаза. Другой выделялся среди всех присутствующих своей выразительной внешностью. Смуглый, с большими черными глазами, окаймленными по-девичьи длинными ресницами, большеносый, с щегольскими, черными как смоль усами, полными губами и энергичным, словно изваянным из камня лицом, он был представителем тех людей, которых в Европе можно встретить только среди вершин Динарного нагорья. В каждом его движении чувствовались несгибаемая воля и смелость. Оба финалиста дружески разговаривали, словно предстоящий поединок их не касался.

— Поверь мне, Пайо, — говорил смуглый, — я тебе, как брату родному, обрадовался. Вот уже целый год никого из наших краев не встречал. В моем эскадроне почти одни швабы. Если бы не несколько чехов да поляков, совсем бы разучился говорить по-нашему. А так они мне по-своему, а я им по-сербски, и все же друг друга понимаем.

— Я тебе, Олеко, тоже обрадовался. Я в пехоте. Там наших полно. И ты был бы с нами, если бы твой отец не был богат.

— Да, Пайо, в кавалерии служить неплохо. Отец каждый раз, как в Вену приезжает, деньжат отваливает. Конь и снаряжение у меня свои. Только люди не те. Иной раз думаешь: «Алекса Дундич, придется ли тебе когда-нибудь вернуться домой!» Сейчас бы, кажется, перешел в Сербию, чтобы всегда среди своих быть. И отца бы оставил. Пусть его торгует свиньями. Ты же знаешь, он своего дела бросить не может.

Их разговор был прерван громким восклицанием одного из сидевших за круглым столом. Вскоре на помосте появились двое бойцов — простых солдат. После обычной церемонии поединок начался. Глухо раздавались тяжелые удары клинков. Бойцы дрались все ожесточенней, забывая об сторожности. Вдруг один из них, более ловкий, искусным ударом вышиб саблю из руки своего противника. Толпа, наблюдавшая за поединком, зашумела. Побежденный поздравил победителя. Комендант венского гарнизона, еще крепкий старик, от имени императора вручил победителю миниатюрный меч из чистого золота. Оркестр заиграл гимн. Все стали по команде «смирно».

Как только закончилось исполнение гимна, главный судья, тот самый, чей голос прервал разговор наших знакомых, вызвал унтер-офицеров Алексу Дундича и Павла Ходжича. По дороге к помосту Ходжич сказал Алексе:

— Ты мне, Олеко, всегда поперек дороги становишься. Еще в детстве ты меня всегда побеждал, когда мы встречались на острове посреди Савы. И камни бросал дальше, и бегал и прыгал лучше. Я, как только услышал, что ты вышел в финал, сразу понял — надеяться мне не на что.

— Ты победишь или я, мне все равно, Пайо. Главное, наши побеждают. Вон, видишь, двое солдат? Оба загорцы *. Ишь, обнимаются! Братья!

Главный судья не дал им долго разговаривать. Он

---

* Загора — район в Боснии (*Прим. ред.*).

не стеснялся в обращении с унтер-офицерами, к тому же не дворянами, фамилии которых оканчивались на «ич». Со вступительной церемонией было быстро покончено. Поединок начался. Алекса в два прыжка оказался возле своего противника. Клинки скрестились. Ходжич стремительно наступал. Он был хорошим фехтовальщиком, но на этот раз он встретил такое умение и крепкую руку, что ему пришлось задуматься. Два его сильных удара были отбиты, и Ходжич отступил на один шаг. Алекса не двинулся с места. Ходжич вернулся, и клинки скрестились опять. Бойцы наносили удары, но безрезультатно. Искры снопами летели с клинков.

Возбуждение публики достигло предела. Никто не ожидал такого поединка. Старые генералы размахивали руками, как игрушечные паяцы, которых дергают за ниточки. Словно какая-то невидимая сила перелила в их вялые вены пламенную кровь бойцов.

Наконец Ходжич решил, что наступил момент, когда можно применить свой излюбленный прием — обман. Он упал на правое колено, а затем вскочил, оттолкнувшись левой ступней. Проделав все это с молниеносной быстротой, Ходжич нанес удар необычайной силы. Но он был отбит.

Ходжич выругался по-сербски; его ругательство прозвучало на притихшем плацу, как выстрел из пистолета. Бойцы делали все новые выпады. Когда Ходжич выругался, глаза Алексы загорелись каким-то странным блеском. Клинки продолжали высекать искры. Вдруг Алекса напрягся и нанес страшный удар. Из руки Ходжича вылетела сабля и с глухим звоном упала на судейский стол. Тогда Алекса опустил свой клинок, подошел к Павлу, в глазах которого стояли слезы, стиснул его руку, обнял и увел с помоста.

Снова повторилась та же торжественная церемония. Только на этот раз комендант гарнизона, сердечно поздравляя Алексу, немного подольше задержал его руку в своей.

Господа офицеры фон Инн и Обадал начали поединок осторожно, словно испытывая друг друга. Ав-

стриец был более ловок, но чех сильнее. Клинки скрещивались, искры летели, как стайки июльских светлячков. Чувствовалось, что чех берет противника измором. Дыхание австрийца становилось все более прерывистым. Сидевшие в креслах и первых рядах трибуны потеряли всякую степенность. Они во все горло подбадривали своего родовитого бойца. Симпатии судей также явно были на его стороне. Только сознание того, что они судьи, не позволяло им орать, как все прочие. По мере того как разгорался бой, главный судья вместе со своим стулом все ближе подвигался к помосту. Когда поручик Обадал оказался в углу помоста, который был подперт козлами, судья незаметно, но сильно толкнул опору. Доски прогнулись, и поручик растянулся во весь рост, выпустив из рук клинок, по которому его противник нанес несильный удар.

По плацу разнеслось бешеное «браво». Фон Инн поклонился креслам и кивнул головой первым рядам трибун. Поручик Обадал тем временем встал и протянул «победителю» руку. Тот сделал вид, что не заметил протянутой руки, и прошел мимо.

В это время произошло нечто неожиданное. Дундич подошел к судейскому столу и стал что-то взволнованно говорить по-сербски. Несколько рук с силой оттащили его. Раздались звуки гимна. Все встали. На этом соревнования и торжественная часть кончались. Но тут выступил комендант гарнизона:

— Господа генералы и офицеры, унтер-офицеры и солдаты, соревнования окончены, но я предлагаю выяснить, кто же является абсолютным чемпионом. Пусть чемпионы — солдат и унтер-офицер сразятся между собой, а победитель скрестит оружие с офицером, благородным фон Инном. Победителю в первом поединке я дам сто крон из своего кармана, а абсолютному чемпиону я подарю свою саблю, которая у меня еще осталась с тех времен, когда я был поручиком и сражался добровольцем на франко-прусской войне.

Все присутствующие в знак одобрения устроили овацию. Солдату и Дундичу возражать не приходи-

лось. Фон Инн мог отказаться, но ему было стыдно это сделать.

Первая пара вышла на помост. Не прошло и тридцати секунд, как противник Дундича сдался. Наступила очередь скрестить клинки с фон Инном. Тут к Дундичу подошел поручик Обадал и сказал:

— Его нетрудно побить. Если он не был левшой, я бы его победил.

— А я сам левша. Вы бы его и так победили, если бы судья не подложил вам свинью. Выбил опору, доска прогнулась, и вы поскользнулись. Я поэтому и протестовал. Вот увидите, что я сейчас с ним сделаю.

Бойцы появились на помосте. Среди зрителей послышались возгласы: «Две левши», «Белый и черный».

У фон Инна была солидная школа, разнообразная тактика, хороший рефлекс и большая гибкость. Но ему недоставало того, чего у Алексы было в избытке. Австрийцу недоставало боевого задора и темперамента, то есть того, что делает искусство бойца совершенным.

Дундич сначала решил заставить фон Инна показать все, что тот умеет. Унтер-офицер только защищался, легко отбивая удары, но ни на сантиметр не отступил от той позиции, которую занял в самом начале. Поручик налетал, как ястреб. Большинство зрителей болели за него, а Алексу начали освистывать. Только старые и опытные бойцы, на чьих лицах были видны шрамы от многих настоящих поединков, задумчиво качали головами.

Только тогда, когда поручик показал все, что умел, действительно начался бой. Алекса перешел в наступление, затем нарочно открылся. Поручик, рассчитывая нанести вернейший удар, сделал сильный выпад. Но Алекса легким движением тела уклонился от удара.

И вот уже третий раз поручик по своей вине падает на пол. Алекса каждый раз спокойно ожидал, когда противник встанет и сможет продолжать поединок. Теперь уже аплодировали ему, а над пору-

чиком смеялись. Первые ряды трибун громко выражали свое негодование. Почему, мол, серб именно с фон Инном играет, как кошка с мышью? Старый комендант успокаивал их, так как некоторые стали уже доставать пистолеты.

Было опасно продолжать дальше подобную игру. Искусным приемом он выбил клинок из усталой руки поручика. Потом он поклонился генералам и офицерам и сделал вид, что не заметил протянутой фон Инном руки. Алекса мстил за оскорбление, нанесенное поручику Обадалу. Солдаты, унтер-офицеры и часть офицеров аплодировали Дундичу, в то время как аристократы, сидевшие в креслах и первых рядах трибуны, чувствуя себя униженными, скрежетали от бешенства зубами.

Кто знает, что бы случилось с Алексой, если бы труба не проиграла сигнал тревоги. Через открытые ворота на плац галопом влетела группа конников — генералов и офицеров. Раздалась команда «смирно». Один из конников, дождавшись, пока все успокоились, с пафосом заговорил:

— Довольно веселья! Пусть погаснет радость в ваших сердцах! Над всеми нами нависла мрачная туча несчастья. Августейший наследник престола Франц Фердинанд и его супруга убиты сегодня в Сараеве. Они пали от руки сербского наемника. Это значит, что будет война. А теперь спокойно разойдитесь по казармам! Всем необходимо вернуться в свои части и ждать дальнейших распоряжений. Марш!

ПЕХОТИНЕЦ

Несмотря на то, что была уже глубокая ночь, Алексу, как только он пришел в казарму, вызвал к себе командир. Алекса шел к своему начальнику, обуреваемый тяжелыми предчувствиями. Тот принял его весьма любезно, поздравил с победой и сказал:

— Полчаса тому назад я получил по телефону приказание отчислить вас из кавалерии и направить в семидесятый пехотный полк. Пять минут назад я получил письменное подтверждение. Вы были моим

лучшим подчиненным. Я готов сам заплатить вам за коня и снаряжение, сколько вы захотите.

Весть о гибели престолонаследника и о войне не так взволновала Алексу, как эта последняя новость. На мгновение все поплыло перед его глазами. Он вспомнил о своем эскадроне, о сабле, которую отец специально возил в Травник, где ее закаливали и точили. Но Алекса тут же взял себя в руки.

— Очень жаль, — сказал он. — Но приказ надо выполнять. Коня и снаряжение я оставляю писарю Бергеру. Он давал мне уроки немецкого и французского языков. Спасибо вам за похвалу. Когда мне идти?

— Немедленно. Сопровождающий ждет. Казармы пехоты находятся на другом краю города. Вы будете среди своих земляков. Я очень сожалею, но вы вчера слишком много забавлялись и к тому же эта плохая весть... Все вместе и послужило причиной вашего перевода в пехоту. Можете идти!

Ничего не замечая, Алекса, как лунатик, шагал по венским улицам. После сегодняшних событий у него исчезли последние иллюзии относительно честности и рыцарского духа представителей монархии.

Наконец Алекса с солдатом остановились перед кабинетом дежурного офицера. Солдат не поверил своим глазам, когда Алекса вместо нескольких грошей на чай протянул ему маленький золотой меч.

— На, возьми, разломай и продай! Если этого не сделаешь, скажут, что украл. Мне он не нужен. Можешь идти. А я к дежурному.

Солдат не стал дожидаться повторения приказания и исчез.

Алекса вошел к дежурному офицеру. Там его встретил молодой, бледный и худой поручик с моноклем в глазу.

— Итак, унтер-офицер Дундич. Хорошо! Я вас ждал. Мне уже сообщили по телефону... Так это вы оскорбляете офицеров, и к тому же еще дворян?

Офицер позвонил. Появился солдат.

— Отведи этого в зал, в унтер-офицерский угол! Только тихо! Солдаты спят. Марш!

Потом, обернувшись к Дундичу, сказал:

— А с вами мы еще завтра поговорим.

Каково же было удивление Алексы, когда наутро, проснувшись по сигналу трубы, он увидел на соседней кровати Ходжича. Тот еще спал. Алекса подошел к нему и стал будить:

— Подъем! Вставай, Пайо! Разоспался, как грудной ребенок. Вставай!

Ходжич, наверное, не так бы удивился, если бы вдруг узрел перед собой самого Франца Иосифа. Он вскочил, словно его кто крапивой хлестнул.

— Ты, Олеко! Почему ты здесь? Целую ночь ты мне снился, а теперь на́ тебе, наяву вижу. Почему ты здесь, друг?

Пока Ходжич одевался, Алекса в нескольких словах объяснил ему, в чем дело. Появился вчерашний дежурный.

— Что? В гусарской форме! — начал кричать поручик. — Отведи его сейчас же на склад, пусть получит нашу — пехотную. Кстати, там сегодня выдают новую форму, оружие, снаряжение и боевые патроны.

Хотя Дундич уже привык к грубому обращению начальников, но все же поведение поручика ему не понравилось. Он молча пошел за Ходжичем к складу, как во сне, переоделся, получил винтовку, штык, пистолет, снаряжение и боевые патроны. Из щеголеватого гусарского унтер-офицера он превратился в серого пехотного солдата с унтер-офицерскими нашивками.

В следующие несколько дней Дундич познакомился почти со всеми солдатами 70-го полка. Это был известный полк, солдат его в народе звали зибцигерами *. Все они были из Срема **. Встреча с земляками и лихорадочная подготовка к отправке на фронт отвлекали его от мысли о том, как несправедливо с ним поступили. Каждое утро унтер-офицеры раньше всех уходили на стрельбище, где под руководством поручика Ганса обучались стрельбе из пистолета.

* Зибцигеры *(нем.)* — семидесятники. *(Прим. ред.)*

** Срем — район, ранее входивший в Боснию, которая находилась под владычеством Австрии. *(Прим. ред.)*

Алекса первым, почти не целясь, выпускал свои десять пуль в центр мишени и затем задумчиво наблюдал, как стреляют остальные унтер-офицеры и как ругается поручик. Он оставил Алексу в покое, увидев, что унтер-офицер оказался не только первым фехтовальщиком, но и первым стрелком в империи. Пока остальные упражнялись, Алекса иногда читал какой-нибудь французский или немецкий роман, чем вызывал восхищение своих товарищей и откровенную зависть поручика, который не мог удержаться, чтобы не спросить Алексу:

— А ты не... а ты не дворянин?

— Нет, господин поручик, я сын торговца свиньями. Закончил учительскую школу. Я серб, а в моем краю, видите ли, нет дворян.

— Дикари!

— Нет, господин поручик. Сербы — добрый и трудолюбивый народ. Извините, но я должен вам кое-что сказать. Были времена, когда сербские короли пили из золотых чаш, а германцы еще были людоедами. Это исторический факт, господин поручик!

Лицо поручика Ганса стало белее мела. Неизвестно, что бы случилось с Алексой, если бы на боку его не висел пистолет. Поручик понял, что пощечина, которую он собирался влепить этому унтер-офицеру, будет последним делом, которое ему суждено совершить в его жизни. И он только процедил сквозь зубы:

— Невежа, дикарь!

— Позвольте,— продолжал Алекса,— я вам расскажу один анекдот. Вы, наверное, знаете, что основатель нынешнего Сербского государства князь Милош посетил ваш престольный город. Он был неграмотен, но весьма смышлен. Одного только он никак не мог понять: кто такие аристократы? Так как никакие объяснения не помогали, один из сопровождавших его австрийских офицеров сказал ему, что аристократы — это те люди, которые нигде не работают, а живут как заблагорассудится. «А,— догадался князь Милош,— и у нас такие встречаются, только мы их называем не аристократами, а бродягами».

ФРОНТОВИК

Объявлена война. Австро-Венгерская империя вместе с Германией и Турцией начала войну почти со всей Европой. 1 августа 1914 года царская Россия тоже вступила в войну на стороне Франции и Англии. Маленькая Сербия утопала в крови. Алекса жил и работал, как в бреду. Ему было жаль своих братьев с той стороны Савы. Иногда он делился своими мыслями с Ходжичем. Тот охотно слушал его, но, кажется, не понимал.

Однажды вечером весь полк отвели на железнодорожную станцию, посадили в вагоны, и поезд пошел по направлению Праги. Перед рассветом эшелон остановился в открытом поле. Вскоре в вагоны погрузились солдаты одного чешского пехотного полка.

Каково же было удивление Алексы, когда в его вагон вошел поручик Обадал. Они поздоровались, как старые знакомые. Алекса уступил поручику половину своего деревянного сундука. Обадал сел, а затем обратился к своему вестовому:

— Крейч, если кто будет спрашивать меня, скажи, что я занят. Понимаешь,— обернулся он к Алексе,— с того вечера в Вене я совсем не переношу этих швабов. Столько кричат о храбрости и чести, а сами в любой момент готовы свинью подложить. А теперь нас посылают против русских на убой, — говорил поручик тихо, чтобы его не слышали другие солдаты. — Ну давай располагаться да спать.

Поезд резко остановился, так что спавшие ткнулись носами в спины своих соседей. Был уже день. Разбуженные резким толчком, Алекса и Обадал сначала не могли понять, в чем дело, а потом рассмеялись.

— Меня еще никогда так нежно не будили,— сказал поручик.

Ночью состав остановился в лесу. Солдаты построились и рассчитались. Не хватало почти тридцати человек. Из полка Алексы исчез только старый босниец. Остальные были из чешского полка. Поручик Ганс крыл на чем свет стоит русских, сербов, чехов и прочих славянских дезертиров.

Полки вышли из лесу и через болота направились к затихшему полю боя. После двух часов хода полки прошли мимо перевязочных пунктов и временных складов, миновали позиции артиллерии, а потом по ходам сообщения чешский полк пошел налево, а сремский — направо. Они сменили два полка тирольских стрелков, которым в один прекрасный вечер казаки устроили такой погром, что из этих полков нельзя было сформировать даже одного взвода. Но окопы и землянки были в прекрасном состоянии, что свидетельствовало о деловой педантичности немцев.

Алекса и Ходжич разместились вместе в одной из небольших землянок, расположенных рядом с землянкой поручика Ганса. Тут-то Алекса и пожалел, что расстался с кавалерией.

— Живем в норах, как мыши, Пайо! — сказал он и запел песню «Ни заря, ни белый день...».

— Ты что, с ума сошел? Замолчи! — разорался поручик Ганс.— До русских окопов всего какая-нибудь сотня метров. Там все слышно, что ты поешь. Они узнают, что вместо тирольцев пришли другие, худшие солдаты...

— Это еще как сказать, господин поручик. Мы еще только пришли. Увидим.

— И смотреть тут нечего! Наше дело подчиняться — и все!

Поручик Ганс хотел добавить что-то еще, но, услышав залп, который дала австрийская артиллерия, испуганно бросился на землю. Алекса, едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, сказал вполголоса:

— Что касается офицеров, то уже известно, которые храбрее.

Проходили дни, недели, наконец, месяцы, но никаких событий на фронте в Галиции не происходило. Кроме коротких артиллерийских дуэлей на рассвете, не случилось ничего, что могло бы оживить однообразную окопную жизнь солдат. Большую часть времени они проводили за игрой в карты. Время от времени поднимался шум из-за исчезновения какого-нибудь чешского солдата. Поручик Обадал, проводивший целые дни с Алексой и Ходжичем, только загадочно

улыбался, когда его спрашивали о том, что происходит в чешском полку.

— Беднота ищет лучшей доли,— отвечал он.— Какое мое дело, о чем думают солдаты. Для этого существует разведывательная служба. Да и в России много бедноты.

На этом объяснении разговор обрывался. Собеседники поручика никак не могли понять, что он хотел этим сказать.

Весна 1915 года не принесла никаких перемен в жизни Алексы. Первое время велась перестрелка, а потом и она прекратилась. На австрийский артиллерийский огонь с русской стороны больше не отвечали. Австрийские офицеры объясняли это бедностью русских. Поручик Вацлав (так Алекса и Ходжич стали называть Обадала) по своему обыкновению не возражал.

— Конечно, беднота,— говорил он,— хоть земля у них и богаче нашей.

Окопная жизнь надоела Алексе. Когда однажды между окопами появился обезумевший от выстрелов белый конь — он словно с неба упал на ничейную землю,— Алекса не выдержал. Он не сводил глаз с гордого коня, метавшегося между окопами. Из обеих траншей солдаты высунули головы и смеялись, еще больше пугая бедное животное.

Алексу словно толкнули, он выскочил из окопа и побежал к коню. В несколько прыжков он оказался возле коня и в следующий момент уже был на его спине. Громким «ура» обе траншеи приветствовали его поступок. Никому из русских и в голову не пришло снять из трехлинейки горделивого всадника, который, похлопывая коня по шее и стискивая коленями его бока, направился к австрийской стороне. Вдруг Алекса громко вскрикнул: конь одним махом перескочил австрийскую траншею и галопом помчался в тыл.

Почти все русские вышли из окопов. Они следили взглядами за Алексой, исчезавшим вдалеке, и их широкие лица сияли от удовольствия. Они повторяли:

— Молодец, атаман, настоящий джигит!

Услышав неожиданный шум, поручик Ганс, с до-

стоинством уплетавший в землянке свое любимое блюдо — жареный картофель, схватил карабин и выбежал из землянки. Он вообразил, что уже началось давно ожидавшееся русское наступление. Недолго думая, он стал целиться. Вдруг на левое плечо его легла чья-то железная рука.

— Доброе утро, коллега,— поздоровался с ним поручик Вацлав, улыбаясь.

Вздрогнувший от такой неожиданной вежливости, поручик Ганс опустил карабин и удивленно протянул руку. Тем временем русские скрылись в окопах, а Алекса уже давно заехал в ближайший лесок.

То, что происходило на лесной поляне, было одновременно и смешно и грустно. Алекса обнимал коня, в следующую минуту пускал его в бешеный галоп, потом соскакивал с него и, держась за гриву, бежал рядом, затем несколько раз подряд перескакивал через него, и так продолжалось без конца.

Почти весь штаб, который размещался в шатре на другой стороне поляны, наблюдал за этой игрой. Генерал приказал одному из младших офицеров прекратить это дурачество. Офицер пошел к Алексе и стал кричать. Когда это не помогло, он вытащил пистолет и выстрелил в воздух.

Алекса тут же остановил коня и выкинул последний трюк. Он трижды похлопал белого коня по крупу, и тот, к великому удивлению всех присутствовавших, послушно лег на землю. Зрители удивились еще больше, когда Алекса встал на колени, нежно обнял коня и поцеловал его в черную звезду на лбу. После этого он опять похлопал коня. Конь встал, и Алекса направился к офицеру. Минутой позже он уже стоял перед генералом, который с явной симпатией наблюдал за всадником и конем.

— Что это значит? — спросил генерал.

Алекса в нескольких словах объяснил ему все.

— Хорошо, хорошо, мне все ясно,— сказал генерал, — но я никак не могу понять, почему из тебя, пехотинца, получился такой прекрасный наездник.

— Я до войны был в кавалерии,— мрачно ответил Алекса.

— Так ты гусар?! Почему же ты тогда здесь? Как тебя зовут? Кто ты?

Генерал, очевидно, ожидал услышать какую-нибудь аристократическую фамилию, предполагая, что необузданный дворянчик был сослан в пехоту за какие-нибудь юношеские проказы.

— Я бывший кавалерийский, а ныне пехотный унтер-офицер Алекса Дундич.

— Дундич, Дундич, — задумчиво повторял генерал. — А ты случайно не тот Дундич — серб, абсолютный чемпион страны по фехтованию?

— Именно тот, господин генерал! — ответил Алекса.

Генерал был очень удивлен. Но скоро выражение удивления на его лице сменилось веселой улыбкой.

— Значит, это ты сбил спесь с фон Инна. Нельзя было этого делать, — лукаво продолжал генерал. — Ты знаешь, он дворянин. Нам, плебеям, можно только подчиняться. Значит, ты самовольно ушел с позиции. Я могу тебя наказать. Но конь — это военный трофей. Поэтому тебя нужно наградить. Наказание и награда взаимно исключают друг друга. Возвращайся туда, откуда пришел, и больше не выкидывай таких штук, как тогда с фон Инном и сегодня с этим конем.

Он явно был доволен своей последней фразой.

— Скажи своему командиру взвода, что генерал Циглер сам во всем разобрался, и поэтому пусть он тебя на сегодня оставит в покое.

Алекса поблагодарил, повернулся налево кругом и направился к передовым позициям. Сделав несколько шагов, он обернулся, поглядел на коня, которого держал поручик, и невольно свистнул. Конь встал на дыбы и так жалобно заржал, что у Алексы по спине пробежала дрожь.

— Смотри, накажу, шалопай! — крикнул ему генерал.

Довольный утренним приключением и в то же время расстроенный, что оно так скоро кончилось, Алекса вернулся к себе в окоп. Не успел он подойти к своим, как поручик Ганс стал кричать:

— Ты что думаешь, война — это цирк или ипподром?! Пойдешь под военный трибунал. Ты мне всю жизнь отравляешь своим присутствием. Ходжич, возьми четверых солдат, пусть его свяжут и отведут в штаб.

Тут подошел телефонист и доложил:

— Вас вызывают к телефону, господин поручик.

Пока Ходжич растерянно мялся, не зная, как ему поступить, поручик уже вернулся. Зло поглядев сначала на Алексу, потом на Ходжича, он мрачно скомандовал:

— А ну, марш по своим местам!

ВОЕННОПЛЕННЫЙ

Снова потянулись однообразные дни окопной войны. Погода была такая дождливая и холодная, что казалось, даже воздух заплесневел. Однажды майским вечером небо стало чистым, как стеклышко. Солдаты, стосковавшиеся по теплой погоде, вообще не спали. Под утро вдруг загремели пушки, но на этот раз русские. Казалось, что их тысячи, так как обычной австрийской канонады не было даже слышно. Чем больше светало, тем сильнее был артиллерийский огонь, превративший австрийские позиции в сущее пекло.

В то время как все уже были на ногах, Алекса, несмотря на грохот, напоминавший извержение вулкана, спал как убитый. Вдруг гаубичный снаряд угодил прямо в его землянку. Он проснулся, но почти сразу же потерял сознание.

Огневой вал стал крушить австрийские окопы на много километров в глубину. Тысячи австрийских солдат и большое количество военных материалов попали в руки русской армии. Среди огромной массы военнопленных были также полки Алексы и Вацлава.

Два дня и две ночи плелась усталая печальная колонна военнопленных по грязным дорогам Галиции. Алекса, которого несли два его товарища, был в жару и бредил. Он был контужен; правая сторона грудной клетки была так разворочена, что виднелись ого-

ленные ребра. Наконец на третий день колонна остановилась у небольшой железнодорожной станции. Тут пленных сначала пересчитали, отделили здоровых от раненых и больных. Потом некоторых отвели, а некоторых отнесли в ближайший хлебный склад, превращенный в госпиталь. Высокий казачий офицер остался глух ко всем просьбам Вацлава и Ходжича, хотевших сопровождать Алексу. Два русских санитара отняли у них носилки и понесли раненого к складу. Группа казаков загоняла остальных пленных в открытые вагоны эшелона, впереди которого уже дымил паровоз.

Вацлав и Ходжич беспокойным взглядом провожали носилки, пока они не скрылись за углом.

Тяжелый запах йода и свежей крови заполнял одну-единственную больничную палату, в которой, насколько это позволяли условия, было довольно чисто. Кроватей не было. Раненые лежали вдоль стен на носилках. Носилки с Алексой, которые были последними, встретил высокий врач лет пятидесяти в белом халате, из-под которого виднелись полковничьи погоны. Его сопровождала сиделка, девушка лет двадцати.

— Вот еще один австриец, господин полковник, — сказал один из санитаров. — Не жилец он уже на этом свете.

— Я тебя просил, Иван, не ставить диагнозы и не говорить мне, кто пациент. Для нас все одинаковы: и русские, и немцы, и австрийцы, и французы, и турки... Нам необходимо лечить всех одинаково. Поставьте носилки здесь, в углу! А ну-ка я погляжу...

Санитары опустили носилки с Алексой гораздо осторожнее, чем несли. Врач наклонился над раненым, а девушка присела на колени и стала открывать большую сумку, которую она держала до этого в руках. Санитары стали небрежно разрывать гимнастерку Алексы, чтобы снять ее.

— Осторожней, — сделала им замечание девушка. — Ведете себя, как мясники.

— Галя, голубушка моя, этому одежда долго не понадобится, — обратился врач к санитарке.

— Прости, папа, — кротко сказала девушка, опустив большие голубые глаза. Затем она сама стала разбинтовывать грудь Алексы.

Врач, полковник Игорь Петрович Березовский, вместе со своей дочерью Галей и двумя санитарами надолго задержался возле раненого Алексы. Когда осмотр окончился, на их лицах можно было видеть крупные капли пота. Заметив вопрошающий взгляд дочери, врач ответил:

— В таких случаях медицина почти бессильна. Контузия всего тела, пять переломленных ребер и, вероятно, повреждение внутренних органов. Все зависит от организма самого раненого. Я верю, что он выкарабкается. Вот уже третий день, как он ранен, а раны свежие, словно его задело всего полчаса тому назад. И самое главное — за всю свою почти тридцатилетнюю практику никогда не видел ничего подобного. Тело у него как стальное, ни грамма жира. Несмотря на то, что он уже три дня без сознания, рефлексы сохранены. В общем завтра утром отправим его на санитарном поезде в Варшаву, а там что бог даст.

После трех дней бессознательного состояния Алекса, наконец, медленно открыл глаза и встретился взглядом с девичьими глазами цвета ясного горного неба.

— Где я? — едва слышно проговорил Алекса.

Галя стала быстро объяснять ему по-русски, что он военнопленный и находится в русском временном госпитале и что завтра он будет перевезен на санитарном поезде в настоящий госпиталь в Варшаве. Алекса по-немецки ответил, что не понимает, и закрыл глаза. Галя присоединилась к отцу, который обходил остальных раненых, но каждую минуту она невольно бросала взгляд на Алексу, лежавшего в углу на носилках.

Придя утром, чтобы до отправки еще раз посмотреть на своих пациентов, доктор Березовский был весьма удивлен, увидев свою дочь, которая сидела на ящике из-под лекарств возле носилок Алексы и разговаривала с ним по-французски, в то время как де-

журный санитар крепко спал рядом с носилками на изорванной гимнастерке раненого, укрывшись Галиным больничным халатом.

— Что это значит, Галина? — строго спросил ее отец.

Девушка смутилась, раненый открыл глаза, а санитар вскочил как ошпаренный и стал рассказывать о состоянии больного. Врач добродушно улыбнулся и сказал Гале:

— Я думаю, ты не откажешься сопровождать раненых до Варшавы и остаться там. Все эти кочевки по фронту во время наступления не для тебя. Во время окопной войны было гораздо легче.

— Хорошо, папа, раз тебе так хочется, — послушно согласилась девушка.

Врач обратился к Алексе по-французски:

— Как поживаете, друг мой?

— Спасибо, так себе, — ответил Алекса тоже пофранцузски.

Полковник Березовский расспросил его, кто он, откуда и, узнав, что Алекса серб, сказал:

— Ваши братья из Сербии вместе с нами геройски сражаются против немцев, а вы бились против нас. Поистине черт те что происходит в этом мире!

— Я преданный гражданин своего государства и поклялся верно ему служить. К сожалению, ваше внезапное наступление не дало мне возможности участвовать в настоящем бою.

— Ладно, ладно, замолчите! Это может испортить вам все дело.

Затем полковник обратился к Гале:

— Иди собирайся! Может случиться, что вы долго будете ехать, хотя вам следовало бы уже вечером быть в Варшаве.

Взглянув на Алексу, Галя ушла собирать свои вещи.

В Варшаве раненые были сразу же доставлены в военный госпиталь, который находился вблизи известного варшавского парка Лазенки. Алексу поместили в палату для военнопленных на последнем этаже госпиталя, откуда был виден весь парк с раз-

весистыми старыми деревьями, искусственными озерами и дворцом польского короля Станислава Августа.

Алекса был прикован к кровати три месяца. Всякое небольшое усилие вызывало температуру. Девушка регулярно приносила ему французские и немецкие книги, которые брала в ближайшей библиотеке на улице Багатела. Однажды вечером она принесла ему растрепанную книгу без обложки, сказав, что это «История сербов».

Целыми днями Алекса бесчисленное множество раз перечитывал эту книгу и все больше убеждался, что те народные сказания, которые он слышал в детстве от слепого гусляра, ничто в сравнении с кладом, открывшимся ему в этой книге. Алекса попросил Галину чаще приносить ему сербские книги.

Когда наступила золотая осень, Алекса смог встать с кровати. Сначала он ходил по комнате, а затем стал спускаться во двор. В конце сентября Галя предложила ему пойти прогуляться в Лазенки. Он удивленно посмотрел на нее и сказал:

— Может быть, вы забыли, что я простой военнопленный?!

— Нет, если вы наденете сапоги, а поверх белья накинете больничный халат, никто не будет возражать против того, чтобы мы с вами вышли в парк.

С тех пор каждый день по два часа они проводили, бродя по дорожкам парка. Всегда спокойный и хладнокровный Алекса теперь волновался всякий раз, когда Галя опаздывала и приходила даже на пять минут позже назначенного времени. Какое-то до сих пор неведомое ему, необъяснимое чувство переполняло его каждый раз, когда он думал о Гале. Мысль о том, что это любовь, он отбрасывал, понимая свое положение. И только когда в один прекрасный день Галю до дверей его палаты проводил красивый, темноволосый, высокий русский офицер, он понял, что Галя стала частью его самого, душой его души, что она завладела всеми его чувствами. На самом деле между девушкой и офицером произошел довольно неприятный разговор.

— Галина Игоревна, — сказал ей молодой офицер, — все говорят, что вы чересчур заботитесь об этом молодом пленном австрийце. Я лично не вижу в этом никакого греха. Он серб, православная душа... Но я считаю своим долгом, как друг семьи, обратить ваше внимание на эти разговоры. Вот видите, либеральность вашего отца проявляется и в вас.

— К чему вы мне все это говорите, Александр Николаевич? — усмехнулась девушка. — Меня, простую студентку-медичку, никто здесь почти не знает. Все меня знают как сестру милосердия Галю. Вообще кому какое дело до моей особы! Олеко, — она впервые так назвала Алексу, — прекрасный товарищ, он интересный и образованный человек. Пленные говорили мне, что во всей австрийской армии нет ему равных в фехтовании и стрельбе. Думаю, что этого довольно, чтобы его общество было для меня интересным, — насмешливо закончила девушка.

— Он невежа. Сын торговца свиньями, — мучимый ревностью, проговорил граф Александр Николаевич и тут же пожалел о сказанном.

— Среди дворян тоже есть невежи, — ответила Галя и пошла по коридору в комнату Алексы.

Сидя с Галей на скамейке в парке, Алекса выглядел более грустным, чем обычно. Разговор не клеился. Оба молчали. Вдруг Алекса как бы про себя спросил по-сербски:

— Кто бы мог быть тот офицер, который провожал вас сегодня?

Галя поняла вопрос, который мучил Алексу, и, взяв его руку, смущенно ответила по-русски:

— Для меня — никто, мой Олеко, никто, клянусь тебе!

Они молча вернулись в госпиталь. Там их подстерегала неожиданность. Перед дверью палаты Алексы их встретил солдат, которому было приказано доставить раненого австрийского унтер-офицера в лагерь для военнопленных. Смертельная бледность покрыла лицо Галины. Алекса почувствовал, как его грудь сдавила доселе незнакомая боль. Девушка протянула руку и прошептала:

— До свиданья, Олеко!

— До свиданья, Галя!

Она повернулась и твердой походкой пошла по коридору. В конце коридора появился граф Александр Николаевич. Галина окинула его презрительным взглядом и прошла к себе. Через полчаса немного бледная, но абсолютно спокойная она вернулась к больным.

Тем временем Алекса, получив чью-то довольно изношенную форму, оделся и вместе со своим конвоиром двинулся к главному варшавскому вокзалу. Через полчаса он уже был в вагоне, переполненном военнопленными из всех краев Австро-Венгерской монархии и вильгельмовской Германии.

Лагерь располагался в брошенном кирпичном заводе, находившемся неподалеку от небольшого городка. Большое помещение было пусто. Совершенно усталый, Алекса бросился на первый попавшийся ворох соломы и сразу уснул.

Целую неделю Алекса отсыпался, так как никто не интересовался им. Ел черную кашу, пил чай без сахара и валялся на солнце. Затем во дворе лагеря появился опрятный старичок и стал разглядывать пленных. Увидев Алексу, он, не говоря ни слова, взял его за руку и поволок к выходу. Алекса ничего не понимал. Часовой у калитки засмеялся и протянул старику руку. Тот сунул ему в ладонь несколько смятых бумажек. В канцелярии, которая помещалась недалеко от лагеря в деревянной, крытой соломой хате, заспанный фельдфебель достал дело Алексы. Старик получил бумажку, за которую заплатил десять рублей. Когда он, наконец, захотел вместе с Алексой уйти, фельдфебель остановил его:

— Так нельзя, Остап. Ты что, забыл, о чем мы с тобой договорились?

— Та хиба ж я отказываюсь? Нехай хлопец тут постоит, пока я до возу слетаю.

Старик вышел, но вскоре вернулся, неся в руках бутылку водки и полотняный мешочек, полный пирожков, которые вытряс перед фельдфебелем. Низко

поклонившись, он взял Алексу за руку и пошел к возу, стоявшему неподалеку от канцелярии.

Солнце уже клонилось к западу, когда Алекса и старик покидали городок. Старик заговорил только тогда, когда они отъехали от города довольно далеко:

— Меня кличут Остапом Ивановичем Карпенко. У меня десять гектаров земли. Правда, плоха землица, песок. Да четыре коня, да корова, да жинка. Считается, что у меня еще есть сын, а его-то как раз и нет. Забрали его, вражьи дети, осенью в армию. Прослышал я, что крестьянам пленных дают. В поле уже делать нечего, да все равно, дай, думаю, и я возьму какого-нибудь хлопца, чтобы нам скучно не было. Все веселей в хате будет. Разве я сам не могу за скотиной ходить? Могу. Я тебя выбрал, потому что ты человек горячий. Я людей и коней насквозь вижу. Вот моя Марусенька обрадуется! Больно уж ты на нашего Ваньку похож.

Всю дорогу домой старик не умолкал. Его жена, сухая, смуглая старуха, встретила их приветливо и даже угодливо. Она внимательно разглядывала Алексу. Узнав, что он серб и православный, старуха хотела даже поцеловать ему руку, но он решительно воспротивился этому.

...Дни становились все короче и холодней. Алекса вставал рано. Он во всем заменил старика, который целыми днями сидел на печи и от скуки дразнил старуху, которая постоянно молилась перед иконами.

— Молится перед этими досками, а я их купил у одного пьяного бродяги монаха. Я верю только в людей, да и то в плешивых. Говорят, они умней. Вот и Ванька пишет, что здоров и командир у него плешивый. Это хорошо.

Алекса наводил порядок в хозяйстве, ухаживал за скотиной. Особенно хорошо выглядел белый конь-трехлетка, любимец Алексы. Алекса целые часы проводил на коне, разъезжал по лугу у реки. Он выделывал на нем всякие рискованные упражнения, а потом купался в холодной реке. Крестьяне из села, не видевшие до сих пор

ничего подобного, только крестились. Хорошая пища и чистый воздух быстро сделали свое дело. Алекса совсем забыл, что был когда-то тяжело ранен. Но одна рана не давала ему покоя. Лежа на сене на чердаке конюшни, он засыпал и просыпался с мыслью о Гале. Иногда он думал и о молодом русском офицере, который провожал ее в тот памятный день.

Научившись говорить по-украински, Алекса достал букварь и стал изучать русский язык. Вскоре он послал Гале открытку.

Накануне Нового года из Варшавы пришла телеграмма: «Олеко, тебе и твоим желаю счастья в 1916 году. Твоя Галя». Впервые за много месяцев пребывания Дундича у Карпенко старики услышали, как Алекса запел какую-то грустную песню. Некоторые слова этой песни были понятны и им.

Пришла весна. Галя и Алекса регулярно переписывались. По просьбе Алексы отец Гали выхлопотал, чтобы рядового Ивана Остаповича Карпенко отозвали с фронта и назначили к нему в денщики. От Гали приходили посылки с книгами, в основном сербскими и русскими.

Хутор Карпенко становился Алексе тесным.

ДОБРОВОЛЕЦ

Однажды в субботу, в конце весны, Алекса, идя по городу, услышал сербскую песню:

Там, далеко, у моря,
Стоит село мое родное...

Прохожие удивленно смотрели на юношу, сорвавшегося с места и побежавшего в том направлении, откуда доносилась песня. Вскоре он оказался перед зданием, которое когда-то было школой, и во дворе увидел солдат, которые пели и разговаривали друг с другом на родном языке Алексы. Алекса крикнул им:

— Кто вы, добрые люди?

— Сербы, добровольцы, солдаты, — ответили ему они. — Разве ты еще в плену?

Тут в дверях появился офицер и, удивленный, остановился. Увидев его, Алекса помедлил мгновение, а потом побежал к нему со словами:

— Пайо, старый друг, и ты здесь!

Ходжич (это был он) пожал руку Алексы, уклонившись от объятий, и сказал:

— Ты жив, Олеко, черт тебя побери?!

Ходжич объяснил Алексе, весьма удивленному подобной встречей, что это один из многих сербских добровольческих отрядов, которые плечом к плечу с русскими братьями борются против немецких и турецких захватчиков, что они здесь ожидают коней, которые будут реквизированы у крестьян, и что он счастлив видеть Алексу, которого уже и не чаял видеть в живых.

— Я сегодня же все улажу, — сказал Ходжич. — Ты знаешь, я офицер. Закончил школу. Завтра придешь и станешь добровольцем. Только смотри, уважай старших, — полушутливо, полусерьезно добавил Ходжич. — Простись со своей подругой, если она у тебя есть. Теперь ты свободен, можешь даже венчаться, если у тебя не все дома.

Ходжич повернулся и ушел, не попрощавшись.

При последних словах Ходжича сердце Алексы переполнилось радостью. Еще немного поговорив с солдатами, он вернулся на хутор. Весть о его отъезде расстроила семью Карпенко. Старуха даже заголосила:

— Мой Олеко, Ванюшка мой, соколики мои, красавцы мои! На кого же вы меня покинули!

Старый Остап сначала закричал на старуху, словно это она была виновата в том, что Алекса уезжает, а потом и сам расплакался. Крестьяне, услышав горестные крики, подумали, что с фронта пришла плохая весть, и стали собираться в дом Карпенко. Видя, что старики плачут, женщины тоже заплакали. Мужчины говорили:

— Вот и до нас добрались. Завтра коней будут забирать для сербских добровольцев.

Услышав эту новость, старый Остап обнял Алексу и сказал сквозь слезы:

— Олеко, сын, возьми себе белого. Я давно хотел тебе его подарить. Ты мне сыном стал. Не забывай старика!

Старуха повисла у Алексы на шее. Она гладила его своими морщинистыми руками. У Алексы подкатил к горлу комок. Он не мог сдержаться и заплакал, как дитя. Его тронуло горе этих двух несчастных стариков. Первым опомнился дядя Остап:

— Хватит плакать. Я знаю, он не позабудет нас. Он наш сын. А теперь выпьем на дорогу.

Было уже позднее утро, когда Алексу разбудили и позвали в дом. Вид у присутствующих был торжественный и немного грустный. Остап, стоя у старого деревянного сундука, сказал ему серьезно:

— Сынку, теперь, когда пришло время расставаться, я хотел бы тебе кое-что сказать.

Произнеся это, он открыл сундук и продолжал:

— Ты не считай, Олеко, что я тебе дарю это за верную службу. Нет. — Тут старик начал доставать что-то из сундука. — Нет. Я дарю тебе эту казачью справу моего предка, который бился под знаменами нашего славного героя Богдана Хмельницкого, потому что считаю, что ты достоин этого. Преданье говорит, что герой казак, когда умирал, велел отдать эту справу тому, кто во всем будет походить на него. До сих пор никто из Карпенко этого не заслужил. Раз Ванька в пехоте, то, значит, ты, Олеко, сын мой, бери это и носи на счастье нам обоим.

Прощанье было тяжелым. Долго смотрели старики вслед Алексе, который в богатом, украшенном золотом и серебром старом казачьем снаряжении ехал на горячем белом жеребце по берегу реки. На глаза Алексы навернулись невольные слезы. У богатыря было сердце ребенка.

Ходжич встретил Алексу сдержанно. Все восхищались его конем и снаряжением, осматривали Алексу со всех сторон, расспрашивали, а он, вот уже в который раз, должен был им все объяснять. Наконец Ходжич заметил:

— Твое счастье, что у нас больше нет обмундирования, а то бы тебе пришлось это снять. Что же ка-

сается коня, то можешь оставить его себе, мы тоже скоро получим. Оружие выберешь себе сам. Ты же унтер-офицер.

— Ладно, ладно, — усмехнулся Алекса. Он не сердился на Ходжича, хотя ему было неприятно видеть такое отношение к себе со стороны товарища.

Алекса спустился в подвал и выбрал короткий кавалерийский карабин, наган и казачью шашку. Покончив с этим, он взялся за перо и написал обо всем Гале.

Вечером сербский отряд получил коней, которых военные власти скупили у крестьян почти за бесценок. Интенданты грабили крестьян, давая им жалкие гроши, а в книги записывали истраченные суммы в троекратном размере. Некоторые из них в одну ночь стали богачами. Долго еще после их отъезда раздавались в селах причитания и плач.

Месяц уже высоко стоял в небе, когда отряд выступил из города. Во главе вновь сформированного эскадрона ехал Ходжич. Замыкал колонну Алекса. Склонив голову, он думал о своей жизни и о Гале. Не будь войны, они стали бы самыми счастливыми людьми на свете.

Три дня и три ночи ехал сербский отряд на юг Украины. Ничему так не удивлялся Алекса, как великой бедности народа, живущего на такой богатой земле, но он не мог найти объяснения этому. Им встречались колонны измученных, голодных и плохо вооруженных русских солдат. Их гнали на запад. Все это мешало Алексе по-настоящему, полно ощутить радость свободы.

На четвертый день сербы остановились в большой казачьей станице на берегу широкой и спокойной реки. Разбитые на берегу палатки были предназначены для сербских добровольцев. Их ожидал пожилой капитан лет сорока со своим штабом — одним поручиком, двумя унтер-офицерами и пятью солдатами. После обычной патриотической речи офицер сообщил, что отряд задержится здесь на три месяца для подготовки, и приказал выйти из строя унтер-офицерам, которых он собирался лично обучать, с тем чтобы

они потом передали свои знания и уменье простым солдатам. Оказалось, что, кроме Алексы, в отряде были еще два унтер-офицера запаса — Мирко Зидар-Миле и Никола Гаич-Ниджа. Через два дня офицер приступил к обучению. После первых же упражнений он сказал Алексе:

— Ты, юноша, можешь отдыхать и не ходить на занятия вместе с другими унтер-офицерами. Я уже двадцать лет служу в кавалерии, но до сих пор не встречал кавалериста, которого можно было бы сравнить с тобой. Ты колешь и рубишь, как д'Артаньян, стреляешь, как мексиканец, и сидишь на коне, как казак. Отдыхай и учи солдат. Я за тебя спокоен. Сам бог послал мне тебя.

Землякам Алексы пришлась по душе похвала капитана. Только Ходжич стоял, плотно сжав бледные губы. С тех пор Алекса вместе с поручиком Ходжичем и четырьмя унтер-офицерами обучал солдат. Через десять дней обучение солдат было полностью возложено на плечи Алексы. Ходжич и поручик целыми днями о чем-то разговаривали друг с другом, два строевых унтер-офицера играли в карты, и Миле и Ниджа проводили все свое время в станице.

В июле пришел приказ выступать в поход. Отряду сербских добровольцев, в котором, кроме сербов, были словенцы, хорваты, черногорцы, македонцы и даже чехи и венгры, приказали двигаться на юго-запад к тому месту, где немцы прорвали фронт. Алекса был доволен отправкой на фронт и тем, что он будет ближе к Сербии, хотя до нее еще оставались многие сотни километров. Тоска по Гале только усиливала стремление Алексы скорее вступить в бой. Оно особенно возросло, когда он узнал о зверствах оккупантов над порабощенным народом Сербии.

Отряд добирался до фронта семь дней. Сербский отряд с несколькими батальонами русской пехоты и одним артиллерийским дивизионом должен был оборонять важный участок фронта на берегу Днестра. Здесь, в излучине реки, располагалась хорошо укрепленная высота. Таким образом, оборонительные позиции с трех сторон окружала вода. С четвертой

стороны был выкопан канал длиной в три километра и шириной в четыре метра. Канал заполнили водой, и высота превратилась в остров. Сразу же за каналом возвышалась насыпь из утрамбованной земли и камней высотой в три с половиной метра. Между каналом и насыпью были вырыты траншеи, занятые пехотой. Артиллерия находилась за насыпью, а кавалерия располагалась в укрытии, готовая, если это будет необходимо, произвести вылазку.

Командующий войсками на этом участке фронта очень обрадовался прибывшему подкреплению. Когда генерал подъехал к отряду, командир добровольцев попросил Алексу:

— Дундич, объясни господину генералу, что мы пришли сюда, чтобы, борясь за русскую землю, бороться и за нашу многострадальную, но непокоренную Сербию. Думаю, этим сказано все. Пусть располагает нашими жизнями.

Когда Алекса перевел эти слова, генерал приказал им размещаться в землянках, вырытых на склоне, обращенном к излучине реки.

ОФИЦЕР

В середине июля началось наступление противника. Под вечер раздался залп шестидесяти тяжелых орудий. Огонь продолжался четверть часа. Потом с громкими криками на высоту бросилась огромная масса вражеских солдат. Атака началась. Впереди шли саперы с повозками, наполненными землей и камнями. Они должны были засыпать канал в нескольких местах, чтобы дать возможность пехоте приблизиться к окопам. Русская артиллерия и пехота открыли огонь только тогда, когда войска противника приблизились вплотную. Три раза немцы пытались прорвать оборонительные позиции, и трижды их атаки были отбиты.

Алекса, эскадрон которого был в резерве, стоял, несмотря на предостережения товарищей, на земляном валу и наблюдал за полем боя. Немного позже он приказал одному из своих солдат принести рус-

скую винтовку. Взяв винтовку, он лег на насыпь и начал стрелять. После каждого его выстрела можно было видеть, как падал один из немецких солдат. И русские и сербы ахали от удивления.

— Это не человек! Это сам черт, — говорили солдаты и добавляли: — Молодец!

Вскоре снова началась артиллерийская подготовка, а после нее — атака. Противник на этот раз был более осторожным и бросил в бой большие силы. Через десять минут канал в нескольких местах был завален камнями, песком и множеством трупов. Пехота наступала густыми цепями. Теперь уже все кавалеристы по примеру Алексы стали стрелять с насыпи, стремясь помочь своим товарищам в окопах. Немецкие пехотинцы один за другим прорывались сквозь первую линию окопов. Было видно, как находившиеся сзади офицеры, размахивая саблями, гнали их вперед. Под натиском превосходящих сил русские отошли за насыпь подземными ходами.

Вдруг среди сербских кавалеристов появился командующий. На его почерневшем от порохового дыма лице было написано отчаяние. В глазах его можно было прочесть вопрос: «Что же теперь будет?» Алекса, находившийся рядом с командиром отряда добровольцев, невольно сказал:

— Теперь дело за нами, за кавалеристами.

Генерал кивнул головой, а командир приказал выводить коней из укрытия и идти, быть может, в последнюю контратаку. Приказ был выполнен в мгновение ока. Трубач протрубил сигнал «В атаку!», по которому кавалерия, развернувшись, пошла через заваленную трупами насыпь. При вспышках от взрывов ручных гранат можно было хорошо видеть сербских кавалеристов и среди них Алексу, который на своем белом жеребце вырвался далеко вперед. Его красное казачье снаряжение производило впечатление, будто он был облачен в одежды, сотканные из языков пламени.

Кавалеристы, вооруженные пистолетами и саблями, как вихрь, ворвались в ряды противника, круша и давя все на своем пути. Враг дрогнул. Бросая вин-

товки, пистолеты, сабли, закрыв головы руками, немцы побежали назад, к своим позициям. Многие из них нашли смерть в стоячей воде рва и под копытами взбешенных коней. Алекса, держа в одной руке саблю, а в другой пистолет, продолжал скакать во главе отряда, нанося удары направо и налево. Сразу же за ним держался Ходжич, чувствовавший себя уверенно рядом со своим непобедимым товарищем.

Немецкое командование, видя, что наступление сорвано и что от подразделений, участвовавших в атаке, уже нечего ждать, приказало открыть артиллерийский огонь по местности, находившейся между насыпью и каналом. Командир отряда добровольцев сразу же понял, к чему приведет это решение немцев, и приказал своим отступить. Перескакивая через ров, Алекса увидел, как Ходжич упал с коня и с головой погрузился в мутную воду. Не медля ни секунды, он остановил коня, бросился в одежде в ров, вытащил своего товарища и, взвалив его на коня, поскакал к насыпи. Ходжич был жив. Несмотря на серьезное ранение в голову, сердце его работало хорошо. Алекса сам отнес Ходжича в землянку и передал его в руки врача и санитаров.

Только на рассвете осажденные смогли полностью восстановить порядок. Генерал приказал убрать трупы людей и лошадей, расчистить и поправить окопы и насыпь. К вечеру работа была сделана. Потом генерал созвал командиров и сказал им:

— Вчерашний день будет вписан золотыми буквами в историю этой войны. Все вы славно дрались. Но среди вас есть герой из героев — это сербский доброволец Алекса Дундич. Его храбрость и находчивость спасли нас от поражения, спасли нашу честь и наши жизни. Сербский командир, имеющий полномочия от своего короля, согласился с моим предложением о производстве Дундича в подпоручики. Он спас от верной смерти своего офицера и этим заслужил награду.

Противник, решив, очевидно, что укрепление обороняют тысячи великанов, больше не пытался наступать. Каждый вечер и утро с обеих сторон раздава-

лось несколько артиллерийских залпов, и лишь только это напоминало о том, что идет война. Жизнь на позициях протекала однообразно. Раненые были эвакуированы далеко за реку, а с ними и Ходжич. Он вернулся в свой эскадрон только через несколько месяцев, когда уже наступила зима.

— А я уже и не надеялся тебя увидеть, — сказал он Алексе вместо приветствия. — Я думал, из этого пекла никто живым не вырвется.

— Вот видишь, жив и здоров. Многие вырвались, и ты с ними, только не из пекла, а из болота, — пошутил Алекса, собираясь обнять Ходжича.

Тот отскочил как ошпаренный и строго сказал Алексе:

— Разве так разговаривают со своим начальником — офицером?

Алекса с грустью поглядел на своего товарища и, повернувшись, вышел из землянки. Он подошел к одному из деревьев и задумался, прислонившись к его стволу. Долго стоял он так, не чувствуя сильного холодного, северного ветра.

Неизвестно, сколько бы продлилось тягостное раздумье, если бы Алексу не окликнул знакомый голос:

— Олеко, прости! Я не знал...

Это был Ходжич, которому рассказали о том, что Алекса спас ему жизнь и что Алексу произвели в офицеры.

Радость блеснула в глазах Дундича. Он обнял своего товарища, не находя от волнения слов.

— У меня есть для тебя письмо, Олеко, от Галины Игоревны. Она в Киеве, жива и здорова. Я лежал в ее отделении. Красавица и добрая душа. Много расспрашивала о тебе. Ведь ты тоже был ее пациентом. Вот письмо!

Алекса почти вырвал письмо у Ходжича, но тотчас же взял себя в руки и после короткого и незначительного разговора расстался с Ходжичем, пошел к себе в землянку и стал читать. Галя писала:

«Дорогой мой Олеко, после твоего ухода от Карпенко я дни и ночи думала о тебе. Получила от тебя всего одно письмо, но я уверена, что ты мне писал

бесконечное число писем, как и я тебе. Я бы с ума сошла от тоски по тебе, если бы не помог случай и я не встретила твоего раненого офицера. Не знаю, жив ли ты, но я все равно пишу. Он хороший и дисциплинированный молодой человек. Только, как мне кажется, ужасно честолюбивый. Он был счастлив, когда познакомился с полковником Александром Николаевичем, который вот уже несколько лет ухаживает за мной. После того случая в Варшаве я с ним больше не разговариваю, но он не оставляет меня в покое. Никак не могу от него отвязаться. Он принадлежит к высшему аристократическому обществу, богат и, говорят, герой. Поэтому он так быстро из поручиков выскочил в полковники. Я его просто презираю. Я люблю только тебя и больше никого, мой Олеко! Я не надеюсь на скорую встречу. Береги себя и пиши, пиши, чтобы облегчить мне эти тяжелые дни страданий. Папа здоров. Любящая тебя Галя».

Алекса после Галиного письма гораздо легче переносил все тяготы фронтовой жизни. И только однажды, когда поступил приказ оставить укрепление, он вышел из себя. Со слезами на глазах от злости он ругал всех царей и королей мира и всех командующих, которые так легко забывают о жертвах, принесенных их бойцами. Ниджа и Миле восприняли его слова одобрительно, а Ходжич задумчиво молчал.

Переправившись ночью через Днестр, сербский добровольческий отряд, забытый всеми, стал кочевать по югу Украины. После свержения царя к власти пришло Временное правительство. В середине лета 1917 года оно вновь попыталось организовать наступление, которое уже в самом начале было обречено на неудачу. Власти перестали заботиться об отряде сербских добровольцев. Только народ понимал их положение и повсюду хорошо принимал. Отряд начал понемногу разваливаться. Сначала заболел командир и уехал куда-то далеко на восток. После этого некоторые солдаты стали оседать в сельских районах. Чаще всего они оставались у одиноких, истосковавшихся по мужской ласке женщин, чьи поля уже отвыкли от сильных хозяйских рук. До октября

1917 года отряд уменьшился на тридцать человек. Из офицеров остались только Алекса и Ходжич, а из унтер-офицеров — Миле и Ниджа.

БУНТОВЩИК

Скитаясь по селам Украины, отряд однажды вошел в большой город. Это был Ростов. Добровольцы были весьма удивлены, когда перед ними появился сербский солдатский патруль. Старший патрульный объяснил им, что в городе находится штаб группы сербских добровольческих отрядов, который собирает заблудившиеся и повсюду разбросанные отряды. Пусть и они присоединяются, продолжал патрульный, время теперь смутное. Среди сербских солдат возникают какие-то советы, которые восстают против установленной богом власти. Солдаты хотят мира. Их на это подбивают какие-то большевики.

Соскучившиеся по своим землякам, уставшие от кочевой жизни, Дундич и его товарищи сразу же пошли за патрулем в казармы. Там было около двух с половиной тысяч сербов и представителей других славянских народностей.

Вновь прибывших поместили в казармы и запретили кому бы то ни было, даже офицерам, выходить в город, пригрозив, что всякий задержанный в городе без увольнительной будет строго наказан. Тогда обычно молчаливый Ниджа стал ворчать:

— Хотят изолировать нас, хотят, чтобы мы ничего не знали. Кровопийцы! Эксплуататоры! Предатели!

— Кто это хочет? — наивно спросил Дундич.

— Власти, кому же еще другому... — ответил Ниджа, к которому уже вернулось его хладнокровие.

— Ты бы лучше помалкивал, — процедил сквозь зубы Ходжич.

— Довольно с нас бессмысленной войны, — проворчал Ниджа и повернулся к собеседнику спиной.

Ходжич только презрительно посмотрел на него и сказал:

— Запасной!

Этим он хотел выразить всю глубину презрения к

тем, кто службу в армии считает таким же обычным делом, как и всякое иное. Он никак не мог освободиться от понятий, внушенных ему в венских казармах.

Однажды дождливым ноябрьским днем, когда добровольцы только принялись за пшеничную кашу, раздался звук трубы, заигравшей сигнал тревоги. Через пятнадцать минут все уже были во дворе в полной боевой готовности. Солдаты молча гадали, что будет дальше. В это время на казарменный плац, громко гудя, въехали три грузовика и легковой автомобиль. В автомобиле между двумя русскими сидел сербский генерал. Грузовики были битком набиты русскими жандармами, вооруженными пулеметами. Легковая машина и грузовики остановились перед группой офицеров.

Не дожидаясь обычного рапорта, сербский генерал встал и начал говорить:

— Дорогие солдаты, сербы, хорваты, черногорцы... Тяжелый путь прошли мы за эти три года. Некоторых из вас освободила из австрийского рабства славная русская армия, многие из лагеря противника сами перешли к своим православным братьям. Все мы плечом к плечу боролись против австрийских и немецких захватчиков. Мы боролись за нашу порабощенную мать Сербию и будем бороться за нее до конца. Но, друзья, чтобы выполнить эту задачу, мы должны вернуть долг нашим русским братьям и помочь России освободиться от бунтовщиков. Прежде всего мы должны остаться здесь и выполнить свой долг. Верно я говорю?

Отдельные выкрики «Верно!» сменились напряженным молчанием. Мертвую тишину нарушил только бой часов, доносившийся с ближайшей церкви. Явно удивленный, генерал поднял свое побелевшее как мел лицо и крикнул:

— Кто остается под моим командованием, три шага вперед!

Вперед вышло не больше сотни офицеров и солдат. Остальные стояли как вкопанные. Из отряда, в котором служил Алекса, вышел только Ходжич.

Кто знает, что бы произошло в эту минуту, если бы с улицы не донесся какой-то странный шум и не послышались пушечные выстрелы. Генерал дрожащим голосом приказал:

— Разойдись! В казармы! Марш!

Солдаты разошлись по казармам. Сердца их сдавила какая-то тяжесть. Но стоило им войти в помещение, как их словно подменили. Солдаты живо обсуждали сегодняшнее событие: речь генерала и стрельбу на улицах, переросшую в настоящий бой. Все чаще слышались голоса: «Даешь Советы!» В комнате Алексы не хватало только Ходжича.

Около полуночи, когда солдаты спали мертвым сном, от комнаты к комнате стали ходить группы тех жандармов, что сопровождали генерала. По указанию местных офицеров и унтер-офицеров они брали и уводили некоторых людей, невзирая на их чины. В комнату Алексы пришли Ходжич и шесть жандармов. Алекса крепко спал. Разбудил его громкий голос Ниджи:

— Что вы от меня хотите, мародеры?! Разве так поступают со старым солдатом, да еще добровольцем? Не пойду я с вами — и баста!

— Вперед, большевистская падаль! — заорал на него жандарм с унтер-офицерскими нашивками и подтолкнул Ниджу к Миле и еще двоим солдатам — Павловичу и Драгичу, стоявшим босиком посредине комнаты.

— Что здесь происходит? — спросил спросонья Алекса Ходжича.

— Арестовываем бунтовщиков, очищаемся от большевизма, — спокойно ответил Ходжич.

— Бросьте вы это грязное дело! Отпустите людей, пока сами целы! Вон отсюда! Какие это большевики? Я знаю этих четверых. Все отличные бойцы и товарищи. Марш отсюда!

У Алексы, которому надоело смотреть на нахальные и глупые рожи полицейских и лисье лицо Ходжича, уже появился в руках пистолет. Жандармы схватились было за оружие, но Ходжич движением руки остановил их:

— Спокойно, это сумасшедший. Стоит вам сделать один шаг, и он отправит вас на тот свет.

Потом Ходжич обратился к Алексе:

— Послушай, Олеко, ты ответишь за это! За сопротивление властям тебя будет судить военный трибунал. Ты защищаешь большевиков, а? Жаль, что мы друзья...

— Плевать я хотел на твою дружбу и на тех, кто с тобой пришел. А теперь слушай, что я тебе скажу! Если эти четверо лучших ребят — большевики, то я тоже большевик. Вон отсюда! Я хочу спать!

Движение рукой, вооруженной пистолетом, и Ходжич с жандармами мгновенно исчезли.

Шум разбудил солдат. Как только Ходжич вышел, все заговорили. Задумавшийся Алекса сидел на кровати, все еще держа в руках пистолет. Послышался голос Ниджи:

— Товарищи, чаша переполнена. До сих пор мы считали, что наш злейший враг находится по ту сторону фронта. К сожалению, это не так. Самый главный враг находится среди нас. Нашими врагами являются угнетатели, которые строят свое благополучие на нашем поте, а теперь и крови. Это они настоящие предатели и трусы. Нам нужно избрать Совет, чтобы он защищал нас и наши интересы!

— Ура! — закричали все в один голос.

Алекса понял, что все солдаты думают одинаково, а это означало, что на их стороне правда.

— Выбирать командира нам не нужно, — сказал Ниджа. — Алекса сам себя выбрал своим отношением к нам и своими делами. Да здравствует командир Алекса Дундич!

И на этот раз единодушное и громкое «ура» было ответом на слова Ниджи. Алекса стоял как завороженный.

— А теперь, — продолжал Ниджа, — изберем совет нашего отряда.

— Его Ходжич выбрал, когда приходил за бунтовщиками! — кричали солдаты. — Вы четверо и Олеко пятый. Мы так хотим. Ура!

Времени на дискуссию не оставалось, так как не-

обходимо было действовать быстро и решительно, и поэтому Ниджа согласился с этим предложением и коротко поблагодарил товарищей за доверие. Вдруг Алекса произнес.

— Хорошо! А теперь всем спать! Я покараулю у дверей.

— Ты правильно решил. Вообще же все вопросы должен сначала утрясать совет, — заметил Ниджа.

— Завтра будем все утрясать и перетрясать, — впервые за весь вечер улыбнулся Алекса и стал одеваться. Одевшись, он поставил стул у двери и сел, держа в руке пистолет со взведенным курком. Солдаты легли, но продолжали говорить до рассвета.

На другой день ни генерал, ни жандармы в казарме не появлялись. Солдаты нашли за складами тридцать своих изрубленных товарищей. Та же судьба ожидала Ниджу и других, если бы Алекса не спас их. Благодаря этому подвигу он стал известен всем добровольцам.

Вскоре в каждом отряде были выбраны советы и делегаты в центральный совет группы отрядов. Ниджe, делегату совета от отряда Алексы, не представляло трудности выдвинуть Алексу кандидатом на должность командира добровольческой бригады (так совет решил назвать группу отрядов). Храбрость и справедливость Алексы были всем хорошо известны. Сам он был удивлен этим выбором и говорил, что имеются офицеры и постарше его — капитаны, майоры и даже один подполковник. Однако офицеры единогласно высказались за назначение Алексы, и он согласился, сознавая всю ответственность новых обязанностей, которая отныне легла на его плечи.

КРАСНЫЙ КОННИК

Наступили тяжелые дни боев. Белогвардейские генералы Краснов и Мамонтов, хотевшие повернуть все к старому, подняли восстание казачьей верхушки, при поддержке немцев заняли Донскую область и начали войну против Советской власти.

От боя к бою совершенствовалось командирское

мастерство Алексы. Сердце его наполнялось гневом при виде того, как вся эта нечисть, эта банда грабителей и насильников терзала измученный русский народ. Поэтому он всегда был во главе своей бригады, первым вступал в бой и последним выходил из него. Слух о его храбрости прошел по всей стране. За короткое время он получил несколько ран, но ни разу не покинул своего места в боевом строю. Бойцы часто видели, как он, весь обмотанный бинтами, летел на своем знаменитом белом жеребце и смело врезался во вражеские ряды.

Летучая бригада Дундича останавливалась только для того, чтобы дать отдохнуть коням и пополнить запасы. В один прекрасный осенний день бригада медленно продвигалась вдоль реки, которая показалась Алексе знакомой. Вскоре, поднявшись на небольшую возвышенность, Алекса увидел хорошо знакомый пейзаж — это был хутор Карпенко. Белый жеребец поднялся на дыбы и помчался галопом. Бойцы еще не успели понять, что произошло, а Алекса уже соскочил с коня перед крестьянской хатой и вошел в нее.

Сердце его чуть не выскочило из груди от радости при виде картины, которую он там застал. В хате, переполненной неизвестными ему людьми, Алекса заметил Галю. Она бросилась ему на грудь и зарыдала. По мужественному лицу Алексы скатились две большие слезы. Придя в себя, он обнял старого Остапа, его жену и смущенно протянул руку полковнику Березовскому. Только сейчас он заметил, что отец Гали лежал в постели и был, очевидно, ранен. Понимая состояние Алексы, Березовский улыбнулся и сказал:

— Выше голову, сынок! И не плачь. Разве можно плакать перед такими людьми?

Алекса выпрямился и оглядел присутствующих. Среди солдат и крестьян он заметил двух человек, выделявшихся среди всех остальных. Один из них, невысокий человек средних лет, был в кожаной тужурке и фуражке, на которой блестела большая красная пятиконечная звезда. Другой — статный, бо-

лее молодой мужчина — был в богатом казачьем одеянии, щегольских сапогах на немного кривых ногах кавалериста и в такой же, как у первого, фуражке.

— Товарищи, я Алекса Дундич, — сказал он, протянув руку первому.

— Климент Ефремович Ворошилов, — ответил тот.

Другой стиснул руку Алексы так сильно, что он с удивлением посмотрел на красивое широкое лицо с пышными усами.

— Семен Михайлович Буденный.

Услышав имена прославленных большевистских командиров, Алекса смущенно улыбнулся. Первым заговорил Ворошилов:

— Тебя-то нам и надо, товарищ Дундич.

— Я слушаю вас, товарищ Ворошилов.

— Дай ему отдохнуть, Клим, — вставил Буденный. — Я вижу, у него здесь срочное дело. Давай произведем смотр бригаде, пока он тут покончит со своими делами.

Сказав это, Буденный первый встал и вышел, а за ним все остальные. Алекса остался, он знал, что его комиссар Ниджа сумеет принять таких высоких гостей.

Алекса снова прижал Галю к груди. От волнения он не мог сказать ни слова и только молча глядел на дорогое ему лицо.

Старый Остап, который совершенно не изменился, скороговоркой рассказывал ему, что он за большевиков и что его Ванька теперь в Москве и служит в охране Владимира Ильича. Произнося имя Ленина, старик приподнялся со стула, перекрестился и сказал: «Дай бог ему здоровья и долгой жизни!» Галя, ее отец и Алекса не могли не улыбнуться.

Галя рассказала, что полковник граф Александр Николаевич сразу же после Октябрьской победы большевиков просил у отца ее руки. Отец отказал ему, тогда он пригрозил, что когда-нибудь отомстит за это. Неделей позже он выполнил свою угрозу. Его солдаты выволокли доктора из госпиталя и избили до полусмерти. После этого отцу и ей пришлось уехать и скрываться у отца Вани.

— Твой бывший друг Ходжич тоже был с графом. Он уже полковник. Кажется, он контрразведчик. Он оказался таким подлецом... Еще хуже графа.

Услышав имя Ходжича, Алекса с сожалением сказал:

— Бедняга, предателем стал...

Взяв Галю за руку, он вышел из хаты.

Ниджа говорил речь. Ворошилов и Буденный внимательно слушали и аплодировали Нидже. Когда Алекса приблизился, Буденный подошел к нему, обнял и крепко поцеловал, а Ворошилов молча пожал Алексе руку. Бойцы бригады кричали «ура».

В наскоро разбитую палатку вошли только Ворошилов, Буденный и Дундич. Вокруг были расставлены часовые, получившие приказание никого не пускать, кроме командира интернациональной бригады, которого ожидали каждую минуту.

Не успели они сесть на брошенные на землю седла, как в палатке появился поручик Вацлав Обадал. Ворошилов и Буденный с удивлением наблюдали, как оба командира бросились в объятья друг друга.

— Прямо какие-то чудеса происходят, — пошутил Ворошилов.

— Нет, не чудеса, Клим, — сказал Буденный, — гора с горой не сходится, а хорошие люди всегда найдут друг друга!

— Это верно, — согласился Ворошилов. — В наше время удивляться чему-либо не приходится. Надо делать дело.

Совещание закончилось глубокой ночью.

— Я знал, что тебе поручат это задание, — сказал Алексе Вацлав, выходя из палатки. — Правда, немного неудобно получилось... Ты столько лет не видел любимой девушки, и теперь нужно покидать ее и пускаться в такое рискованное предприятие. Что поделаешь, товарищи Ворошилов и Буденный считают, что лучше тебя это не сделает никто. И все же мне жаль, что так вышло.

Расставшись с Вацлавом, Алекса пошел в хату к Гале. Они не спали всю ночь. О чем только они не говорили! И о любви, и о рождении новой жизни, и

даже о мировой революции. Наутро Галя и Алекса пошли прогуляться по берегу реки. В этот день бойцы Дундича впервые увидели своего командира таким веселым. И впервые Алекса в то утро не занимался со своими бойцами.

К вечеру пошел дождь, вскоре перешедший в продолжительный ливень. Бойцы были очень удивлены, увидев, как Алекса и еще десять их лучших товарищей отправились верхом в темную ночь и непогоду.

Небольшой отряд сначала ехал по широкой грязной проселочной дороге и через несколько часов свернул в сторону. На заре конники остановились в липовой роще, и Алекса сказал им, что они проведут здесь весь день. К вечеру они снова двинулись в путь, обходя населенные пункты и сторонясь дорог, где можно было встретить белогвардейцев и их иностранных союзников.

Еще не погасли последние звезды, когда Алекса остановил свой маленький отряд неподалеку от провинциального городка. Затем, показав рукой на дом, над крышей которого рядом с русским царским флагом развевался французский, Дундич сказал своим бойцам:

— Товарищи, там находится штаб французского генерала Жобера. Нам приказано уничтожить этот штаб. Французские солдаты доставлены сюда против своей воли. Генерал лично разрабатывал план интервенции. Он осуществляет тесное взаимодействие с белогвардейскими генералами Мамонтовым и Шкуро. Нам нужен он и его план. Таков приказ товарищей Ворошилова и Буденного. Много размышлять не приходится. Сделаем налет на здание, захватим старика с его планами и, если удастся, уйдем в поле. Я сомневаюсь, что кто-нибудь посмеет нас преследовать, если мы сумеем вырваться из города. Вперед, товарищи!

И они галопом ворвались в город. Проснувшиеся французские и белые солдаты не обращали внимания на маленький отряд конников. Думая, что это казаки, возвращающиеся с ночного грабежа, они ругались им вслед, недовольные тем, что конники с самого

раннего утра поднимают такой шум. Подъехав к зданию, в котором находился штаб, Алекса сказал часовому по-французски, что он приехал с важным поручением к генералу Жоберу. Часовой стал объяснять, что генерал спит, что он болен и приказал не беспокоить его. Но Алекса настаивал. Часовой удивился бесцеремонности Алексы и его конников и назвал их «русскими болванами». Это решило его судьбу. Взбешенный Алекса взмахнул саблей и разрубил часового надвое. При этом один из конников Алексы тайком перекрестился. Он увидел чудо, о котором раньше слышал только в сказках.

Алекса ворвался в здание. Догадавшись по часовому у дверей, в какой комнате находится генерал, он бесцеремонно вошел в нее. Жобер проснулся. Увидев пистолет, приставленный к груди, он забыл про свой ревматизм и вскочил как ошпаренный. Пока два товарища Алексы выбирали все бумаги из ящиков старинного письменного стола и совали их в большую кожаную сумку, Алекса говорил генералу:

— Господин генерал, вы взяты в плен. Сейчас свежо. Я надеюсь, вы не захотите идти раздетым по улице и схватить простуду. Даю вам пять минут на одевание.

Врач, лечивший генерала от ревматизма, наверно, был бы весьма удивлен, если бы увидел, как его пациент одевается с живостью пятнадцатилетнего мальчика.

Через несколько минут Алекса, генерал, а за ними два бойца вышли из комнаты. Не успели они сойти с лестницы, как наверху появился белогвардейский полковник. Это был Павел Ходжич. Он молниеносно выхватил пистолет и выстрелил в Алексу. Потом выскочил на балкон и, стреляя в воздух, стал кричать:

— Красные! Алекса Дундич! Большевики! Алекса Дундич!

Началась страшная суматоха. Французские солдаты и белогвардейцы, которых возле штаба было бесчисленное множество, стали в панике метаться и подняли беспорядочную стрельбу. Тем временем Алекса, не обращая внимания на рану в правом боку, взва-

лил генерала на коня, затем вскочил сам. Накрепко привязав генерала ремнем к себе, Алекса тронул коня. Генерал, почувствовав что-то мокрое и теплое, подумал, что его ранили. Он испуганно опустил голову на плечо Алексы и стал бормотать какие-то молитвы.

К этому времени противник немного пришел в себя. Но Алекса не стал дожидаться, пока его схватят. Он направил коня прямо на белых, которые были так изумлены этим сильным и неожиданным натиском, что расступились и пропустили отряд. У белых много рассказывали о красном коннике Дундиче, который, словно злой дух, оказывался сразу во многих местах и нигде никому не давал пощады. Это страшное имя гипнотизировало их, сковывало их волю, лишало сил. Видя растерянность белогвардейцев, французские солдаты укрылись за зданием. Они совершенно не понимали того, что здесь происходило. Некоторые из них даже смеялись, видя связанного генерала.

Алекса воспользовался замешательством и, размахивая саблей и стреляя из пистолета, помчался по улице. Его товарищи скакали следом. Вскоре городок, залитый лучами восходящего солнца, остался далеко позади. Отряд ехал быстро. Среди белогвардейцев прошел слух, что в этих местах появился страшный Дундич, и поэтому они избегали попадаться ему на пути. Уже на следующее утро Алекса был на хуторе. Он тут же передал измученного генерала Жобера Вацлаву, который должен был сопровождать его дальше.

Выполнив порученное ему задание, Алекса пошел к отцу Гали. Галя перевязала ему рану. Она оказалась неопасной для жизни. Долго ворчал старый доктор, так как Алекса не поддался никаким уговорам провести хотя бы один день в постели. Он то заходил к Карпенко, то беседовал с Ниджей и Миле, то был с бойцами, которые чинили свою одежду, седла, чистили коней или просто грелись на солнце. Рана быстро затягивалась и не очень тревожила, но Алексу

угнетало то, что эту рану нанес ему человек, который когда-то был его самым близким другом.

Хорошо отдохнув, отряд пошел на новые задания. Теперь в отряде были врач и его помощница. Галя и ее отец и слышать не хотели о том, чтобы расстаться с Алексой и его бойцами.

Как смерч, который все сокрушает на своем пути, красный отряд сербских добровольцев ломал сопротивление белогвардейцев. Алекса всегда был там, где приходилось туго, воодушевляя своим примером бойцов. Белогвардейцы боялись одного его имени. Слух о храбрости Алексы прошел по всей необъятной России. И в самой Москве о нем рассказывали легенды. Ленин объявил Дундичу благодарность. Около двадцати тысяч добровольцев — представителей всех славянских народов, которые все, как один, перешли на сторону революции, гордились Алексой Дундичем. Его слава была их славой.

Сила Красной Армии росла изо дня в день. Алекса уже был заместителем командира всех интернациональных отрядов в корпусе Ворошилова и Буденного. Какие бы тяжелые задачи ни стояли перед конниками Алексы, они решали их со страстностью сознательных закаленных бойцов. В боях за молодую республику Алекса получил двадцать семь ран.

Пришла зима 1919 года. Холод был страшный. Уже несколько дней нездоровилось Гале. Озабоченный ее болезнью, Алекса, опустив голову, сидел в штабе и думал, как ему достать лекарства, необходимые больной. Вдруг в комнату вошел Вацлав. В руке у него было письмо.

— Олеко, тут какое-то письмо. Мы взяли его у одного белогвардейца, связного. Прочти, пожалуйста. Тут и о тебе есть...

Алекса взял письмо. Адресованное графине Елене Николаевне Лукиной, оно было написано рукой Ходжича. Ходжич писал: «Глубокоуважаемая графиня, примите мою благодарность за ваше приглашение на новогодний бал. Я приеду и буду счастлив находиться в Вашем обществе. Что же касается красивых и знатных дам, о которых Вы пишете, то Вы знаете,

что мое сердце занято. Оно принадлежит дочери одной Вашей давнишней подруги. Это Галина Игоревна Березовская, которую я неизмеримо люблю. Она сейчас находится в руках большевистского бандита Алексы Дундича. Мы еще с ним рассчитаемся. Целую Вашу нежную руку. Полковник Ходжич».

— Да, письмо не служебное, — сказал Алекса Вацлаву, — но весьма интересное. Теперь я убедился в том, о чем давно догадывался. Он любит Галю, если он вообще способен на такие чувства. Сомневаюсь... Это же такой кровопийца... В общем я его поздравлю с Новым годом.

Все удивлялись, почему это Алекса стал так интересоваться деревней Луки и поместьем Лукиных. Никто не мог сказать ему, где эта деревня находится. Наконец Алексе повезло. Один молодой боец сказал ему, что он родом из Лук, которые находятся в трехстах километрах, и что он хорошо знает поместье, куда носил в детстве птицу и яйца. Алекса подробно расспросил его обо всем. За неделю до Нового года он попросил командование отпустить его вместе с молодым бойцом и попрощался с Галей.

Был такой сильный мороз, что снег скрипел под ногами, когда Алекса с бойцом, которого звали Федей, отправился в путь. Они направились вдоль фронта на восток и через семь часов выехали к скованной льдом реке. После двух часов езды по льду реки они оказались в глубоком тылу противника. Длинные тулупы и шапки, с которых были сняты пятиконечные звезды, не могли их выдать. Высокий смуглый человек, который в трактире платил только золотом и французскими франками, мог быть только богатым молодым барином.

— Почему у того господина и жаркое, и вино, и все, что хочешь, а мне сказали, что могут подать только борщ? — орал на трактирщика толстый белогвардейский полковник.— Что, у меня деньги, что ли, хуже? Собака!

И сильная короткая рука полковника с треском опустилось на грязную щеку трактирщика.

— Плюньте на этого оболтуса, господин полков-

ник, и окажите честь, будьте моим гостем на сегодняшний вечер. Я подполковник Орлов, — сказал Алекса, галантно протягивая руку смущенному офицеру.

— Полковник Шестаков. Благодарю вас! Вы только поглядите, как народ избаловался, — начал жаловаться полковник и сел за стол Алексы. — Не верит мужичье в царские деньги.

Это не мешало ему пожирать глазами французские банкноты, которыми Алекса завоевал расположение трактирщика. Трактирщик только крестился и подавал.

— Как в прежние времена! Настоящий барин! Как в прежние времена!

Алекса и полковник разговаривали долго.

— Мерзавцы солдаты, украли у меня все вещи, — жаловался Алекса. — Где теперь мне их купить? Мои имения захватили большевики. А мне надо на Новый год в Луки, там бал у графини Лукиной.

— Если у вас есть лишние деньги, это легко устроить. Учтите, — сказал заискивающе полковник, — там будет все наше высокопоставленное общество и все начальство из главного штаба. Упомяните мимоходом, что встретили меня на фронте. Я продам вам свой мундир и уступлю на время свои знаки отличия. Сейчас очень туго повышают в чине. Мне бы уже давно пора быть генералом. У меня в части есть портной. Он за одну ночь вам все подгонит, — закончил полковник, засовывая в карман пачку франков.

Наутро два всадника оставили трактир. У седла Фединого коня висел чемодан с гардеробом Алексы. В ближайшем, почти опустевшем городе белые солдаты и казаки грабили брошенные дома. Алекса при помощи золота и франков снабдился всеми теми мелочами, которые необходимо иметь молодому и богатому офицеру.

— Запомни, я граф Орлов, — сказал Алекса Феде, — воспитывался в Австрии и во Франции. В России у меня знакомых и друзей почти нет. Я приехал с французами, чтобы освобождать страну от красных.

Графиня Лукина захотела во что бы то ни стало

видеть у себя на балу графа Орлова, к тому же этот граф был не стар и не безобразен, а, напротив, весьма богат и очень красив. Поэтому она собственноручно написала ему приглашение, на которое граф Орлов ответил изысканными фразами, согласно всем правилам французского этикета.

— Я отлично знаю графиню, его мать. Злые языки говорят, что он родился после отъезда одного кавказского князя, гостившего в доме Орловых. Оттого он и брюнет, — рассказывала по секрету графиня всем и всякому.

Хотя во всей стране царили голод и эпидемии, в доме Лукиной в этот тихий новогодний вечер был накрыт роскошный стол. Однако в эти смутные времена дамы были не в силах угнаться за модами, и им пришлось одеться в живописные старинные бальные платья. Все мужчины были в мундирах со множеством орденов. Алекса прибыл в мундире с подполковничьими погонами и французским орденом Почетного легиона. Сама графиня вышла ему навстречу. Алекса галантно поцеловал ей руку и был представлен собравшимся. Большинство из них были офицеры, выдвинувшиеся на войне, но не имевшие ни кола ни двора. Ни один мускул на лице Алексы не дрогнул, когда графиня представила ему графа Александра Николаевича. Алекса улыбнулся, и это было воспринято как радость по случаю знакомства со столь родовитым дворянином.

Гости ели и пили немного, но зато танцевали и разговаривали до изнеможения. Впервые Алексе представился случай услышать мнение своих врагов о самом себе.

— Это не человек, — говорила графиня. — Этот Дундич настоящий сатана. Мне кажется, что его вообще не существует, скорее эта личность — выдумка большевиков.

— Я неоднократно встречался с ним в бою, господа! Это высокий, очень некрасивый человек, господа, почти до потолка. У него безобразное лицо, а руки и ноги поросли волосами, как у обезьяны, — утверждал один кавалерийский офицер.

— А я слышала, что он очень красив, — сказала одна из дам, госпожа Плонская.

— Вы правы, сударыня, — заметил Александр Николаевич. — Я что-то припоминаю... Я знал его, когда он, будучи военнопленным, лежал в варшавском госпитале. Красивый дурак.

— Дурак не дурак, — вставила пожилая дама, — но если во всем том, что о нем говорят, есть хоть десятая доля истины, то все равно получается, что он храбрый и красивый молодой человек. Не так ли, граф? — обратилась она к Алексе.

— Возможно. Но, простите, я не интересовался этой личностью, — любезно ответил Алекса.

— Он даже отбил девушку у одного дворянина, — невинно улыбаясь, сказала госпожа Плонская.

Если бы она вонзила свои ноготки в сердце Александра Николаевича, оно не больше пострадало бы, чем от ее слов. В графе заговорило уязвленное самолюбие, и он сорвал свой гнев на равнодушном Орлове.

— Долгое пребывание за границей ослабляет патриотические чувства, — сказал он как бы между прочим.

— Я не знаю, на кого вы намекаете, сударь. Я даже из Парижа приехал сюда, чтобы доказать свой патриотизм, — учтиво, но серьезно ответил Алекса.

— Это не доказательство, — грубо ответил тот.

— Я очень сожалею, граф, что мне накануне Нового года приходится говорить вам горькую истину, — спокойно продолжал Алекса. — Ваш отец потратил слишком мало денег на ваше воспитание.

Все присутствовавшие замерли, ожидая, что произойдет дальше. Александр Николаевич медленно встал и направился к Алексе. Только одна Лукина не потеряла присутствия духа. Она быстро подошла к Александру Николаевичу и стала умолять его:

— Успокойтесь, прошу вас. Сегодня Новый год. Вы только подумайте, что происходит?! Это ужасно!

— Простите, сударыня, — спокойно сказал Алекса. — Я был оскорблен словами этого дворянина, который, я надеюсь, даст мне удовлетворение.

— Боже мой! Но он вас убьет! — воскликнула госпожа Плонская.

Алекса сделал вид, что не слышал этого восклицания. Обернувшись к графу, он сказал:

— Хоть вы и оскорбитель, но я предлагаю вам выбрать оружие, которым мы будем драться. Сабли? Пистолеты?

Александр Николаевич молчал.

— Сабли, сабли, — стали предлагать некоторые, рассчитывая на то, что дело обойдется царапинами, так как Александр Николаевич весьма искусно владел холодным оружием и мог ограничиться тем, что выбил бы саблю из рук противника.

— Хорошо, пусть будут сабли, — согласился он.

Алекса только кивнул головой. В ту же минуту появился Федя с саблей в руках. Немного позже то же сделал слуга графа. Дамы жалели Орлова. Мужчин захватил дух борьбы. Они предложили дамам перейти в соседний зал и оттуда наблюдать за боем. Вскоре большой зал был пуст. Бойцы встали друг против друга, и кавалерийский офицер скомандовал:

— Начинай!

Блеснули и скрестились острые клинки. Граф стремительно наступал, так что Алексе пришлось отступить на несколько шагов. Сабля графа мелькала так быстро, что трудно было уследить за ней. Удары сыпались один за другим. Летели искры. Раздражение графа, привыкшего к легким победам, все росло. Граф налетал как вихрь. Алекса все время отступал и защищался. Левая рука его была вытянута и почти не двигалась. Он работал только кистью. Отбивал удары, закрывался и снова отступал. Глядя в лицо противнику, он весело улыбался.

Уже не было слышно вздохов женщин.

Вскоре спина Алексы почти касалась висевшего на стене огромного зеркала. Многие зрители зажмурились, чтобы не видеть гибели графа Орлова, который продолжал улыбаться. Почувствовав, что за ним стена, Алекса посерьезнел, весь собрался и сделал глубокий выпад, направив острие сабли прямо в грудь

противника. Теперь пришла очередь отступать графу. Отступив на середину зала, он ловко отскочил в сторону и нанес сильнейший удар. Алекса упал как подкошенный. И тут случилось неожиданное. Алекса ответил на маневр противника еще более ловким маневром. Он мгновенно вскочил на ноги и нанес такой страшный удар, что рассек графа пополам, словно это был не человек, а дыня.

Все молчали. Алекса обернулся к зеркалу, бросил саблю и поклонился. Вдруг тяжелые двери зала раскрылись, и в них появился запоздавший Ходжич. Увидев в зеркале лицо Алексы, он, не говоря ни слова, вынул пистолет и начал стрелять. Алекса бросился на пол. Пуля попала в зеркало, и на Дундича посыпались куски стекла. Алекса выхватил свой маленький браунинг. Раздался всего лишь один выстрел. Ходжич покачнулся и упал.

В этот миг часы, висевшие над разбитым зеркалом, стали бить двенадцать. Смертельный страх охватил всех присутствующих. В том, что случилось, они видели плохое предзнаменование. Никто никого не поздравлял. Алекса первый, а за ним все остальные стали покидать поместье.

Назад доехали быстро. Алекса и Федя вернулись к своим без всяких приключений. Слух о новогоднем бое в поместье Лукиной распространился с огромной быстротой. Алекса еще не вернулся, а красные конники уже знали обо всем и догадывались, кто это мог сделать. Знала об этом и Галя. Погладив ее замерзшими пальцами по голове, Алекса коротко сказал:

— Предатель и палач наказаны.

Прошла зима. Красный конник Олеко Дундич шел от победы к победе под красным знаменем революции. Противник под натиском Красной Армии отступал из Советской России. Части Ворошилова и Буденного очищали Украину от белогвардейских банд, от польских и немецких интервентов.

Однажды в теплый июньский день бойцы получили задание ворваться в город Ровно и освободить его. Обороняли его поляки Пилсудского. Несколько атак было отбито. Белополяки беспощадно били из тяже-

лого пулемета, и подойти к позициям противника было невозможно. Видя, как гибнут его товарищи, Алекса решился:

— Ниджа, Миле, Вацлав, сегодня же вечером мы вчетвером должны пойти и заставить его замолчать.

— Хорошо, Олеко, только это опасно. Ты смотри, как он бьет, — заметил Ниджа.

Не обратив внимания на его слова, Алекса по своему обычаю направился к санитарным палаткам.

Галя долго смотрела вслед Алексе, когда он возвращался на передовую, где его ждали Ниджа и Миле. Они сели на коней и поскакали к окопам белополяков. Кругом посвистывали пули. Вдруг Алекса вскрикнул и осел в седле. Конь продолжал скакать. Через несколько секунд он уже был перед пулеметом. Поляки-пулеметчики подняли руки. Конь резко остановился. Алекса свалился с коня у пулемета. Он был мертв.

Ни белополяки, ни пулемет — ничто на свете не интересовало больше Вацлава, Ниджу и Миле. Они бережно подняли Алексу и, повернув коней, шагом поехали назад.

Бойцы, увидев трех товарищей Алексы, возвращавшихся с поникшими головами, поняли все без слов. Неудержимой лавиной устремились конники в атаку. Они ворвались в окопы белополяков, уничтожая и круша все на своем пути. Вскоре город Ровно был освобожден.

...Вечером товарищи хоронили Алексу. Галя, ее отец, Ниджа, Миле, Вацлав и сотни конников, склонив головы, стояли у холмика, засыпанного живыми цветами. Первым нарушил молчание Ниджа:

— Вы знаете, что он сказал бы нам сейчас: «Товарищи, нам надо идти вперед».

Все стали расходиться. У холмика остались только двое. Опустив головы, они смотрели на свежую черную землю.

А потом и они скрылись во тьме.

Перевод с сербскохорватского
Д. Жукова

Ж. СИМЕНОН

ТАЙНА СТАРОГО ГОЛЛАНДЦА

НОЧНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ ИНСПЕКТОРА ЛОНЬОНА

Свет в кабинете Мегрэ погас лишь во втором часу ночи, у комиссара от усталости слипались глаза. Он заглянул в комнату инспекторов — дежурили молодой Лапуэнт и Бонфис.

— Доброй ночи, ребята, — буркнул Мегрэ.

В просторном коридоре уборщицы мели пол. Он помахал им рукой. Как всегда в этот час, по всему зданию гуляли сквозняки. Уже за дверьми комиссара нагнал Жанвье. Вместе они медленно спустились по скользким, обледеневшим ступеням лестницы Дворца правосудия.

Была середина ноября. Весь день накануне лил дождь. Мегрэ, зябко поеживаясь, поднял воротник пальто — с восьми утра он не выходил из жарко натопленного кабинета.

— Тебя куда подбросить?

Такси уже стояло у подъезда Кэ-дез-Орфевр: Мегрэ заказал его по телефону из кабинета.

— К любому метро, шеф.

Снова пошел дождь, косые струи хлестали по мостовой. У Шателе инспектор вышел.

— Спокойной ночи, шеф.

— Спокойной ночи, Жанвье.

Сколько раз они возвращались так вместе, испытывая знакомое чувство удовлетворения, но слегка отупев от усталости.

Несколько минут спустя Мегрэ, стараясь не шуметь, поднимался по лестнице дома на бульваре Ришар-Ленуар. Он достал из кармана ключ, осторожно повернул его в замке и тут же услышал знакомый шорох: мадам Мегрэ привстала с постели.

— Это ты?

Он повесил вымокшее пальто на вешалку, развязал галстук.

— Пиво в холодильнике?

По дороге он едва удержался от искушения остановить такси на площади Республики у знакомой пивной, где не закрывали до рассвета.

— Тебе когда завтра на работу?

— В девять.

— А может, запоздаешь, выспишься?

— Нет. Разбуди меня в восемь.

Он не заметил, как заснул, ему даже показалось, что он совсем не спал и что звонок у входной двери раздался всего через несколько минут после того, как он закрыл глаза. Жена выскользнула из постели и пошла открывать.

В прихожей зашептались. Голос пришедшего показался ему знакомым, но он решил, что все это сон, и глубже зарылся головой в подушку.

И вновь услышал шаги жены — она подошла к кровати. Сейчас опять ляжет... Видно, кто-то ошибся дверью. Нет! Жена тронула его за плечо, отдернула занавески и, еще не открыв глаза, Мегрэ понял, что наступило утро. Он вяло спросил:

— Который час?

— Семь.

— Кто-нибудь пришел?

— Лапуэнт ждет тебя в столовой.

— Что ему?

— Не знаю. Погоди, не вставай, я заварю тебе кофе.

Она что-то не договаривала, словно не желая его огорчить. Может, Лапуэнт пришел с плохими вестями?

Утро было серое, мрачное, снова моросил дождь.

Не дожидаясь кофе, он встал, натянул брюки, наскоро причесался и, еще не придя окончательно в себя, толкнул дверь в столовую.

У окна в черном пальто со шляпой в руках стоял небритый после ночного дежурства Лапуэнт.

Мегрэ вопросительно взглянул на него.

— Извините, шеф, что разбудил вас так рано. Сегодня ночью случилось несчастье с человеком, к которому вы очень расположены...

— Жанвье?
— Нет... Не из наших, не с Кэ-дез-Орфевр.
Вошла мадам Мегрэ с двумя большими чашками кофе.
— С Лоньоном...
— Он умер?
— Тяжело ранен. Его сразу же отвезли в клинику Биша, и профессор Минго уже третий час его оперирует... Я не хотел сразу приезжать и не стал вам звонить... Вам нужно было отдохнуть после вчерашнего... Да сначала и не надеялись, что он выживет...
— Что с ним?
— Две пули. Одна — в живот, другая — чуть ниже плеча.
— Где это случилось?
— На авеню Жюно...
— Он был один?
— Да. Пока следствие ведут его коллеги из восемнадцатого района.
Мегрэ маленькими глотками пил горячий кофе, не испытывая обычного удовольствия.
— Я решил, что вы непременно захотите поговорить с ним, если он придет в сознание. Машина внизу.
— Что известно о нападении?
— Почти ничего. Не знают даже, что он делал на авеню Жюно. Консьержка услышала выстрелы и позвонила в полицию. Одна пуля пробила в ее комнате ставень, разбила стекло и застряла в стене над кроватью.
— Сейчас оденусь...
Мегрэ прошел в ванную. Мадам Мегрэ накрывала стол для завтрака, а Лапуэнт, сняв пальто, поджидал комиссара.
Инспектор Лоньон не был сотрудником Центрального управления уголовной полиции на Кэ-дез-Орфевр, хотя давно мечтал попасть туда. Мегрэ хорошо знал его — им нередко приходилось работать вместе, когда в 18-м районе случалось что-нибудь серьезное.
Коллеги считали его типичным обывателем. Он был одним из двадцати участковых инспекторов

уголовной полиции, сидевших в районной мэрии на Монмартре, на углу улиц Гонкур и Монсени.

За угрюмый, неприветливый вид некоторые за глаза называла его Ворчуном, но для Мегрэ он был просто Невезучий. И действительно, казалось, что бедняга Лоньон притягивает к себе все беды, как магнитом.

Маленький, щуплый, постоянно простуженный, он вечно ходил с красным носом и слезящимися, как у пьяницы, глазами. На самом же деле он, пожалуй, был первый трезвенник на всю полицию. Бог наградил его вдобавок больной женой, которая едва добиралась от кровати до кресла у окна. Горемыке Лоньону после работы приходилось еще заниматься хозяйством: ходить за продуктами и готовить обед. Самое большое, что он мог себе позволить, — нанять раз в неделю поденщицу для генеральной уборки.

Четыре раза он сдавал конкурсный экзамен на должность инспектора Центральной уголовной полиции и всякий раз проваливался на пустяковых вопросах, хотя и был мастером своего дела. В работе Лоньон чем-то напоминал охотничью собаку, которая, напав на след, уже не сходит с него до конца. Неутомимый и неподкупный, он обладал редкой интуицией и мог, что называется, учуять неладное, мельком взглянув на случайного прохожего.

— Есть надежда, что он выживет?

— В клинике говорят: процентов на тридцать.

Для человека с репутацией неудачника это совсем немного.

— Он сказал что-нибудь? — спросил Мегрэ.

Мадам Мегрэ принесла из прихожей пакет с рогаликами, который рассыльный из булочной только что положил у дверей, и все трое уселись за стол.

— Ребята из восемнадцатого ничего не говорили, а я не стал спрашивать...

Комплексом неполноценности страдал не один Лоньон. Большинство участковых инспекторов завидовали служащим Большого Дома — как они называли Кэ-дез-Орфевр, и терпеть не могли, когда на-

чальство забирало у них из-под носа интересное дело, которое потом шло в газетах под аршинными заголовками.

— Идем, — вздохнул Мегрэ, надевая еще не просохшее за ночь пальто.

Поймав взгляд жены, он сразу понял, что та хочет ему что-то сказать и что думают они об одном и том же.

— Ты вернешься к завтраку?

— Вряд ли.

— Тогда, может быть...

Она подумала о мадам Лоньон, беспомощной в своей осиротевшей квартире.

— Одевайся быстрей! Мы подбросим тебя к площади Константин-Пекёр.

Вот уже лет двадцать Лоньоны жили там в красном кирпичном доме с каймой из желтых кирпичей вокруг окон. Номер дома Мегрэ никак не мог запомнить.

Машина выехала на улицу Коленкур на Монмартре.

— Здесь... — сказал Мегрэ.

— Позвонишь мне на работу. Я, наверное, буду там около двенадцати.

Итак, одно дело сделано, а о другом, в котором предстояло разобраться, Мегрэ пока ничего не знал. Лоньон ему нравился, и в своих докладах Мегрэ не упускал случая подчеркнуть его заслуги, а иногда и приписать ему свои. Но тщетно — инспектору все равно не везло.

— Первым делом в Биша, — сказал он Лапуэнту.

Лестница. Коридоры. За открытыми дверьми палат — ряды больничных коек. Прикованные к постели люди провожали взглядом пришедших.

Сначала им неправильно указали дорогу — пришлось во второй раз спускаться во двор, затем снова подняться по другой лестнице. Наконец, перед дверью с табличкой «Операционная», они увидели Креака, одного из инспекторов 18-го района с незажженной сигаретой во рту.

— Трубку-то лучше погасить, господин комиссар.

Есть у них здесь одна серьезная дама — сущий дракон. Хотел я закурить, так она меня в два счета выставила за дверь.

— Его все еще оперируют?

Было без четверти девять.

— Начали около четырех!

— Что слышно?

По коридору сновали санитарки с тазами, кувшинами и подносами. На подносах среди склянок и пробирок громоздились блестящие никелем инструменты.

— Ничего... Я сунулся было в эту вот дверь, налево, но старуха...

Это был кабинет старшей медсестры — дракона, как окрестил ее Креак. Мегрэ постучал. В ответ послышалось неприветливое «Войдите».

— В чем дело?

— Извините за беспокойство, сударыня. Я комиссар уголовной полиции....

Холодный взгляд женщины, казалось, говорил: ну и что?

— Я хотел бы узнать о состоянии инспектора, которого сейчас оперируют...

— Прооперируют, тогда и узнаете! Пока он жив, ведь профессор еще в операционной...

— Говорил ли он, когда его привезли?

Она посмотрела на него, как на дурачка.

— Он с ведро крови потерял, нужно было срочно переливать!

— Как по-вашему, когда он придет в сознание?

— Спросите об этом профессора!

— Я был бы вам очень признателен, мадам, если бы вы поместили больного в отдельную палату. Это очень важно. Около него будет дежурить инспектор...

В этот момент дверь операционной отворилась, и в коридор вышел мужчина в белой шапочке и забрызганном кровью фартуке поверх халата.

— Господин профессор, этот человек...

— Комиссар Мегрэ... — представился Мегрэ.

— Очень рад...

— Он еще жив?

— Пока да... Надеюсь, он выкарабкается, если не будет осложнений.

Пот ручьями струился по лбу профессора, а взгляд выдавал крайнюю усталость.

— И вот еще что... Совершенно необходимо поместить его в отдельную палату...

— Мадам Драсс, распорядитесь! Прошу извинить.

Размашистым шагом он прошел в свой кабинет. Дверь операционной снова отворилась, и санитар выкатил носилки, на которых под простыней угадывались очертания человеческого тела. Была видна только верхняя часть осунувшегося, помертвевшего лица. Мегрэ с трудом узнал Лоньона.

— Бернар, поместите больного в двести восемнадцатую палату.

— Слушаюсь, мадам.

Она пошла за санитаром, Мегрэ, Лапуэнт и Креак последовали за ней. Тусклый свет падал из высоких окон на скорбную процессию, которая медленно тянулась по коридору. Они проходили мимо ровных рядов больничных коек. Все было как в страшном сне.

Их догнал студент-практикант, вышедший из операционной.

— Вы его родственник? — спросил он Мегрэ.

— Нет, я комиссар Мегрэ.

— О, это вы...

Юноша с любопытством посмотрел на комиссара, словно бы проверяя, так ли он представлял его себе раньше.

— Профессор сказал, что он, пожалуй, выкарабкается, — заметил Мегрэ.

Это был какой-то особый мир, где голоса звучали приглушенно и вопросы эхом замирали в воздухе.

— Ну, раз он так сказал... — ответил практикант.

— Как вы думаете, когда он придет в себя?

Так. Теперь и этот глаза выпучил! Будто его бог знает о чем спросили! Старшая медсестра остановила полицейских перед дверью.

— Сейчас нельзя!

Понятно, предстояло снять раненого с носилок, уложить его, и вообще, судя по всему, хлопот с ним

было еще много. Две санитарки пронесли мимо них лекарства и кислородную подушку.

— Если хотите, оставайтесь в коридоре, хотя я вообще против этого. Для посещений отведено специальное время.

Мегрэ посмотрел на часы.

— Я, пожалуй, пойду, Креак. Постарайтесь быть около него, когда он придет в себя. Если он заговорит, запишите все подробно...

Мегрэ не чувствовал обиды, но все же ему было немного не по себе: он не привык к такому приему. Его известность не производила никакого впечатления на здешних людей, для которых жизнь и смерть имели совсем иной смысл, чем для всех остальных.

Во дворе он облегченно вздохнул, раскуривая трубку. Лапуэнт тоже закурил.

— Иди-ка ты спать, — сказал Мегрэ, — подбрось меня только до Монмартра — к мэрии восемнадцатого района.

— А может, мне лучше остаться с вами, шеф?

— Ты ведь ночью дежурил...

— В моем возрасте это полбеды!

Они были в двух шагах от мэрии. В дежурке трое инспекторов в штатском — «буржуа», как их называли, — отстукивали что-то на машинках. На вид ни дать ни взять исправные клерки.

— Добрый день, господа!.. Кто из вас в курсе дела?

Он знал их всех если не по именам, то в лицо. Завидя Мегрэ, они встали.

— Все и никто...

— Послали кого-нибудь к мадам Лоньон?

— У нее Дюрантель.

В комнате было накурено, грязно, весь пол затоптан.

— Лоньон вел какое-нибудь дело?

Они нерешительно переглянулись. Наконец один из них, низенький толстяк, сказал:

— Мы уже сами об этом думали... Но вы ведь знаете Лоньона, господин комиссар. Стоило ему напасть на след, он сразу напускал на себя секретный

вид... Бывало, неделямн расследует какое-ннбудь дело, а нам нн слова...

«Еще бы, — подумал Мегрэ, — ведь успехн беднягн Лоньона обычно припнсывали другнм!»

— Так н в этот раз он недели две с нами в пряткн нграл, а нногда приходил с таким вндом, будто готовит нам сюрприз.

— И словом нн о чем не обмолвнлся?

— Нет. Нам только бросилось в глаза, что он старался попадать в ночные дежурства...

— Где он дежурил?

— Патрулн несколько раз виделн его на авеню Жюно, недалеко от того места, где в него стреляли... Но в последнее время н там его не замечалн... Он выходил в девять часов вечера н возвращался под утро часа в трн илн четыре... Случалось, что н всю ночь не прнходил.

— Никаких донесений он не оставил?

— Я просмотрел журнал. В свон дежурства Лоньон запнсывал: «Был в городе», — н все.

— Вы послалн людей на место происшествия?

— Тронх во главе с Шинкье.

— Журналисты уже пронюхали?

— Покушенне на ннспектора от ннх не скроешь! С нашим начальством будете говорить?

— Не сейчас.

Лапуэнт снова сел за руль и повез Мегрэ на авеню Жюно. Деревья стоялн почтн голые, последнне листья, падая, прилипали к мокрой мостовой. Он остановнл машину у одного из домов — пятнэтажного здання, вокруг которого собралась толпа человек в пятьдесят. Дождь все еще моросил, но зеваки и не думали расходнться. Полицейские в форменных плащах-накидках выстроилнсь в каре у парадного, оттеснив людей с тротуара.

Мегрэ вылез нз машины и стал пробираться сквозь толпу под грибамн намокших зонтов. Фоторепортеры тут же метнулнсь к нему, словно стая гончнх:

— Минуточку, комиссар! Еще однн сннмок! Давайте повторнм, отступите назад на пару шагов!

Он посмотрел на ннх точно так же, как смотрела

на него в клинике старшая сестра. Дождь еще не успел смыть кровь с тротуара, но красное пятно бледнело на глазах. Рядом можно было различить нацарапанный на асфальте контур распростертого человеческого тела. Как видно, за неимением мела кто-то обвел это место концом палки.

Делио — один из инспекторов 18-го района, узнав Мегрэ, приподнял намокшую шляпу.

— Шинкье у консьержки, господин комиссар, он первым прибыл сюда.

Комиссар вошел в парадное. Дом был почтенного возраста, но содержался, судя по всему, в образцовом порядке. Мегрэ толкнул застекленную дверь в швейцарскую. Шинкье, окончив допрос, прятал в карман записную книжку.

— Я так и думал, что вы приедете. Удивлялся даже, что до сих пор никого из ваших не было.

— Я только что из Биша.

— Как прошла операция?

— Кажется, удачно. Профессор говорит, что Лоньон, может быть, выкарабкается.

Чистенькая комната была обставлена со вкусом и не без кокетства. Консьержка, приветливая женщина лет сорока пяти, еще не утратила привлекательности.

— Присаживайтесь, господа... Я только что рассказала инспектору все, что знала. Вот поглядите...

Зеленый линолеум был весь усыпан осколками оконного стекла.

— И вот здесь...

Она указала на небольшое круглое отверстие в стене над кроватью, стоявшей в глубине комнаты.

— Вы были одни?

— Да. Мой муж работает ночным портье в «Паласе» на Елисейских полях. Он возвращается в восемь часов утра.

— А сейчас где он?

— На кухне...

Она указала на закрытую дверь.

— Хочет немного поспать, ночью-то ему опять работать, что бы тут ни случилось.

— Шинкье, я думаю, вы обо всем расспросили?

Но мадам не рассердится, если я еще раз задам те же вопросы?

— Я вам не нужен? — спросил Шинкье.

— Пока нет.

— Тогда я отлучусь на минуточку — пройду наверх.

Мегрэ слегка приподнял брови, мысленно спрашивая себя, куда это «наверх», но промолчал, помня об обидчивости участковых инспекторов.

— Извините, мадам...

— Мадам Соже. Жильцы зовут меня просто Анжела.

— Садитесь, бога ради, что вы стоите?

— Ничего, я так привыкла.

Она задернула занавеску у кровати — комната сразу преобразилась, и спальня превратилась в маленькую гостиную.

— Может быть, выпьете чего-нибудь? Чашку кофе?

— Нет, спасибо. Итак, в эту ночь вы спали, когда...

— Да. Я уже стала засыпать, когда услышала голос: просили отпереть парадное.

— Вы не обратили внимания, который был час?

— Как же! У меня будильник со светящимся циферблатом. Было двадцать минут третьего...

— Это был кто-то из ваших жильцов?

— Нет. Это был тот господин...

Она произнесла это с подчеркнутым смущением, как бы не желая сплетничать и выдавать чужие секреты.

— Какой?

— Ну тот, на которого потом напали...

Мегрэ и Лапуэнт удивленно переглянулись.

— Вы хотите сказать, инспектор Лоньон?

Она молча кивнула, потом добавила:

— Полиции положено все говорить, не так ли? Обычно я не рассказываю ничего о наших жильцах, кто они, да что они, да кто к ним ходит. Их личная жизнь меня не касается. Но когда такое случилось...

— Вы инспектора давно знаете?

— Да, уже несколько лет... С тех пор, как мы с мужем переехали сюда. Только я его в лицо знала — не по имени. Видела, как он проходит мимо нашего дома, потом узнала, что он из полиции: он приходил как-то проверять домовую книгу.

— Но, как я понимаю, вам довелось познакомиться с ним поближе?

— Да, когда он стал ходить к девушке с четвертого этажа...

На сей раз Мегрэ чуть рот не раскрыл от удивления! Лапуэнт вытаращил глаза. Да, полицейские, конечно, не святые. Мегрэ отлично знал, что кое-кто из его собственных подчиненных не прочь погулять на стороне.

Но Лоньон! Лоньон-то каков?! Подумать только, Невезучий ходил по ночам к девушке в двух шагах от собственного дома.

— Вы уверены, что это он и был? — спросил Мегрэ.

— Да он вроде, его ни с кем не спутаешь.

— И давно уже он... гм... ходит к этой девушке?

— Недели две...

— Началось, надо думать, с того, что однажды вечером они пришли вместе?

— Да.

— А когда он проходил мимо вас, он не пытался скрыть свое лицо?

— Как будто так.

— И часто он с тех пор приходил?

— Почти каждый вечер.

— Уходил поздно?

— Сначала — первые три-четыре дня — он уходил сразу после двенадцати... Потом стал оставаться позднее, до двух, а то и до трех часов ночи...

— Как зовут эту девицу?

— Маринетта, Маринетта Ожье... Прехорошенькая девушка и обходительная такая, воспитанная. Ей двадцать пять лет...

— Мужчины у нее часто бывают?

— На этот вопрос я бы любому спокойно ответила, не только вам. Маринетта не считала нужным ни

от кого прятаться. Целый год — два-три раза в неделю — к ней ходил интересный молодой человек. Она мне говорила, что это ее жених...

— Он ночевал у нее?

— И все-то вам надо знать! Ну, да ладно, не я, так другой скажет. Да, он оставался у нее... А потом вдруг как в воду канул, и она печальная такая ходила... Как-то раз пришла она утром за почтой, а я и спросила, не расстроилась ли помолвка, а она мне в ответ: «Анжела, дорогая, не будем об этом говорить! Мужчины не стоят того, чтобы из-за них кровь себе портить...» Она и впрямь недолго сокрушалась, скоро опять повеселела... Маринетта вообще хохотушка, и здоровьем ее бог не обидел!

— Она работает?

— Говорила мне, что работает косметичкой в салоне красоты на авеню Матиньон... Оно и видно — она сама всегда ухоженная и одевается со вкусом...

— А дружок ее кто был?

— Это жених-то, который сбежал? На вид ему под тридцать, а кто он и чем живет — не знаю. Знаю только, что зовут его Анри — так по крайней мере он себя сам называл, когда просил по ночам дверь отпереть.

— Когда же они рассорились?

— В прошлую зиму, под рождество.

— Стало быть, вот уже год эта самая Маринетта... так ведь ее зовут?

— Да, Маринетта Ожье...

— Да, так, значит, уже целый год к ней никто не заходит?

— Только брат, он живет с женой и тремя детьми где-то в пригороде.

— Хорошо. Пойдем дальше: однажды вечером, недели две назад, она вернулась домой вместе с инспектором Лоньоном?

— Да, я вам уже об этом говорила.

— А потом он стал приходить каждый день?

— Кроме воскресенья. Во всяком случае, в вос-

кресенье я не видела ни как он входил, ни как выходил.

— А днем он хоть раз заходил?

— Нет, но постойте... Хорошо, что вы спросили, я сразу вот о чем вспомнила. Однажды вечером он, как обычно, пришел около девяти часов, идет по лестнице, а я кричу вслед: «Маринетты нет дома!» — «Знаю, — говорит. — Она у брата». — И сам все же пошел наверх, ничего мне не стал объяснять. Я и подумала, что Маринетта ему, видно, ключ оставила.

Мегрэ понял теперь, зачем поднялся наверх инспектор Шинкье.

— А сейчас она наверху?

— Кто? Маринетта? Нет.

— На работу ушла?

— Не знаю, на работе ли она сейчас, но когда я хотела рассказать ей о том, что здесь случилось... помню, подумала: надо бы поосторожней говорить, чтобы не огорчить ее сразу, подготовить как-то...

— Это в котором часу было?

— После того, как позвонила в полицию.

— Значит, еще до трех часов?

— Да... Я решила, что выстрелы она, конечно, слышала... Их все в доме слышали... Некоторые даже повысовывались из окон, а другие в халатах и в пижамах выбежали на лестницу узнать, что случилось... На улице-то в этот час много не увидишь... Ну, взбежала я к ней по лестнице, стучу в дверь. Никто не отвечает. Толкнулась в дверь — не заперто, вошла в квартиру, вижу, пусто — нет никого...

Тут консьержка посмотрела на комиссара, словно желая сказать: «Ты, голубчик, конечно, много видел на своем веку, но такого оборота, признайся, не ожидал?»

Так оно и было. Мегрэ и Лапуэнт молча переглянулись.

— Как вы думаете, они вышли из дому вместе?

— Я уверена, что нет. У меня слух тонкий. Я точно знаю: выходил только один человек, мужчина — это он и был.

— Проходя мимо вас, он что, назвал себя?

— Нет. Сказал, как обычно: «С четвертого!» Я узнала его по голосу. К тому же только он так говорил, уходя.

— А может быть, она раньше вышла?

— Нет, что вы! В ту ночь я до этого дверь только раз отпирала — часов в одиннадцать, когда жильцы с третьего этажа возвращались из кино.

— Значит, по-вашему, она вышла после того, как стреляли?

— Иначе и быть не могло. Я когда выскочила и увидела лежащего на мостовой человека, сразу побежала назад к себе — в полицию звонить... Входную дверь запирать не стала, просто рука не поднялась — подумала, как же я его, бедного, брошу там...

— Вы заглянули ему в лицо, чтобы узнать, жив ли он еще?

— Да, еле заставила себя, ужасно крови боюсь.

— Он был в сознании?

— Уж и не знаю...

— Он ничего не сказал?

— Губы его шевелились... Я поняла — хочет что-то сказать. Я вроде бы и разобрала одно слово, только ошиблась, поди, или он бредил. Слово-то это было вроде ни к чему, без смысла.

— Какое же это слово?

— Привидение...

И она покраснела, словно боясь, что комиссар и инспектор поднимут ее на смех или не поверят ей.

ЗАВТРАК У «МАНЬЕРА»

Казалось, муж консьержки выбрал этот момент специально, чтобы произвести театральный эффект. Впрочем, может быть, он давно уже подслушивал за дверью. Во всяком случае, не успела она произнести слово «привидение», как дверная ручка повернулась и в приоткрытую дверь просунулась голова мужчины.

Лицо его было бледным, помятым, веки полузакрыты, уголки губ опущены. Мегрэ не сразу сообразил, что это скорбное выражение объяснялось доволь-

но просто — новый персонаж еще не успел вставить свою искусственную челюсть.

Шаркая войлочными шлепанцами, надетыми на босу ногу, он прошел в угол и уселся там, сгорбившись над своей чашкой.

— Мадам, постарайтесь восстановить в памяти все как можно точней с того момента, как вас попросили открыть дверь, — сказал Мегрэ и про себя подумал: «Что заставило эту недурненькую бабенку выйти замуж за человека, который старше ее по меньшей мере лет на двадцать? Поди, не заметила, что у него челюсть вставная. Впрочем, мне что за дело».

— Итак, — снова начала Анжела, я услышала: «Отоприте, пожалуйста, мадам». И тут же хорошо знакомый мне голос добавил: «С четвертого». Так вот, как я вам говорила, я сразу взглянула на часы. Машинально, по привычке. Было двадцать минут третьего. Я потянулась к кнопке — нам недавно новый замок поставили: электрический. Нажимаю здесь вот кнопку, и дверь открывается.

В этот момент мне показалось, что я слышу шум: как будто на улице остановили машину, не выключая мотора, только не у нашего подъезда, а чуть подальше. Я еще подумала, что это Ардуэны из соседнего дома. Они частенько возвращаются на рассвете. Прошло еще несколько секунд. Потом Лоньон прошагал по коридору и вышел из подъезда, хлопнула дверь; сразу же шум мотора усилился, видно, машина тронулась, и тут прогремел выстрел, потом второй, третий.

Мне показалось, что в третий раз стрелявший целил в наше окно — я услышала сильный удар по ставням, посыпались стекла, и прямо над моей головой что-то просвистело...

— Машина тронулась? Так вы уверены, что на улице стояла машина? — спросил Мегрэ.

Помешивая ложечкой кофе, муж консьержки, попрежнему сгорбившись и не поднимая головы, оглядывал по очереди сидевших за столом.

— Совершенно уверена, — ответила консьержка. — Улица у нас крутая. На подъеме машины всегда при-

бавляют газу. Так и эта тоже на полном ходу проехала наверх, к улице Норвэн.

— А криков не было, вы не помните?

— Нет. Сначала я боялась выйти. Но вы ведь знаете, женщины такой народ — все должны своими глазами увидеть. Я зажгла свет, накинула халат и выбежала в коридор.

— Входная дверь была закрыта?

— Я же вам говорила, что слышала, как ее захлопнули. Прислушалась: на улице только дождь шумел. Тогда я приоткрыла дверь и на тротуаре, в двух шагах от порога, увидела лежащего человека.

— Как он лежал, головой к подъезду или к спуску улицы?

— Скорее к спуску — к улице Коленкур. Бедняга обеими руками держался за живот, между пальцев струилась кровь. Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

— Тут вы наклонились над ним и услышали или, как вам показалось, разобрали слово «привидение».

— Я готова поклясться, что именно это он и пробормотал. Тем временем в доме стали открываться окна. В нашем доме телефон только один, в швейцарской. Жильцы приходят ко мне звонить, когда им надо. Двое просили поставить телефон и вот уже больше года на очереди.

Ну, а вернулась, нашла в телефонной книге номер полиции. Этот номер надо бы мне на память знать, но дом у нас тихий и звонить туда раньше ни разу не доводилось.

— В подъезде горел свет?

— Нет, свет горел только у меня. Дежурный в полиции задал мне несколько вопросов — видно, проверить хотел, не разыгрывает ли его кто. Сейчас пошла такая мода.

Телефон висит у нас вон там, на стене — оттуда подъезд не виден. Да, ну тут сбежались жильцы... Это я вам уже говорила... Повесила я трубку и вспомнила о Маринетте. Сразу же поднялась к ней на четвертый...

— Так, благодарю, мадам! Разрешите мне позвонить от вас?

Мегрэ позвонил к себе в уголовную полицию.

— Алло! Это ты, Люка?.. Посмотри, у тебя там на столе должна быть записка от Лапуэнта по делу Лоньона... Нет, не из клиники... Еще неизвестно, выживет ли он... Я на авеню Жюно. Знаешь, поезжай-ка ты в Биша... Нет, лучше сам съезди... И будь поофициальней, а то там не любят незваных гостей. Разыщи там практиканта, студента-медика, того, что присутствовал на операции. Сам профессор Минго, наверное, тебя не примет... Надо полагать, хоть одну пулю они нашли, а может, и обе... Да, я хотел бы знать все подробности еще до того, как получу донесение... Пули снесешь в лабораторию....

Ну, как будто все, увидимся днем, сразу после обеда. Пока!

Комиссар повесил трубку и повернулся к Лапуэнту.

— Так тебе в самом деле не хочется спать?

— Нет, не хочется, шеф.

Ночной портье из «Паласа» бросил на Лапуэнта завистливый и в то же время осуждающий взгляд.

— В таком случае поезжай на авеню Матиньон. В Париже не так уж много институтов красоты, и ты без труда найдешь тот, в котором работает Маринетта Ожье. Только едва ли она сегодня вышла на работу. Во всяком случае, постарайся разузнать о ней все, что можно.

— Ясно, шеф.

— А я зайду еще наверх.

Мегрэ был немного зол на себя за то, что не подумал о пулях еще в клинике. Но дело это было необычное, не рядовое. В какой-то степени даже его личное. Стреляли ведь не в кого-нибудь, а в Лоньона — своего брата полицейского.

Там, в клинике Биша, он думал только об инспекторе, да к тому же вся обстановка сильно на него подействовала — и профессор Минго, и старшая медсестра, и длинные ряды коек, и больные, смотревшие ему вслед.

В старом доме на авеню Жюно лифта не было. Не было и ковровых дорожек на лестнице. Зато деревянные ступеньки, отполированные поколениями жильцов, были хорошо натерты, а перила гладки. На каждом этаже — по две квартиры. На некоторых дверях поблескивали медные таблички с именами хозяев.

Поднявшись на четвертый этаж, Мегрэ толкнул неплотно приоткрытую дверь, прошел через неосвещенную прихожую и оказался в гостиной, где в кресле, обитом цветастой материей, покуривая, сидел Шинкье.

— А я вас жду... Консьержка вам все рассказала? — произнес он. — И про машину тоже? Это меня больше всего удивило. Вот посмотрите-ка...

Он встал и вытащил из кармана три блестящие гильзы, завернутые в обрывок бумаги.

— Мы нашли их на улице... Если стреляли из машины на ходу, что весьма вероятно, стреляющему пришлось открывать дверцу. Калибр 7,63 — обратили внимание?

Ничего не скажешь, Шинкье был дельный полицейский и исправный служака.

— Стреляли, очевидно, из маузера, — продолжал он, — тяжелый пистолет. Его так просто не положишь в карман брюк или в дамскую сумочку... Понимаете, что я хочу сказать? Это почерк профессионала. У него был по крайней мере один сообщник — он сидел за рулем. Не мог же убийца одновременно вести машину и стрелять. Стало быть, это не ревнивый любовник — тот обычно расправляется с соперником в одиночку. К тому же целились в живот... В живот вернее, чем в грудь... Человек едва ли выживет, если кишки у него продырявлены крупнокалиберными пулями в добром десятке мест.

— Вы осмотрели квартиру?

— Лучше бы вы сделали это сами.

Мегрэ чувствовал себя не в своей тарелке: дело из ряда вон выходящее, а расследование начали участковые. И хуже всего, что от них уже не отвяжешься — ведь Лоньон как-никак их сослуживец. Конечно,

пока он был жив-здоров, они не принимали его всерьез, но теперь другой разговор: найти тех, кто в него стрелял,— для участковых инспекторов дело чести.

— А комнатка недурна, как вы считаете?

Темновата, пожалуй, а так совсем недурна. Ярко-желтые обои, на отлакированном, блестящем полу — ковер, тоже желтый: по краям такой же яркий, как стены, в середине — побледней. Комната служила одновременно столовой и гостиной. Обставлена она была со вкусом, мебель модная, телевизор, радио и проигрыватель — все чин чином.

Внимание Мегрэ сразу же привлек стол посреди комнаты.

Так, так, кофейник, сахарница и бутылка коньяку, чашка с недопитым кофе.

— А чашка-то только одна,— пробормотал Мегрэ.— Шинкье, вы, конечно, ни до чего не дотрагивались? Сходите-ка вниз и позвоните нашим ребятам, пусть подошлют кого-нибудь из лаборатории...

Мегрэ надел шляпу, пальто он не снимал. Одно из кресел, рядом с журнальным столиком, было повернуто к окну. В пепельнице лежало семь-восемь окурков.

Дверей в гостиной было две: первая вела на кухню, аккуратную, сверкающую чистотой, словно образцовая кухня с выставки чудом попала в старый парижский дом.

Вторая дверь вела в спальню. Постель в беспорядке, на одинокой подушке еще видна вмятина.

Шелковый халат бледно-голубого цвета брошен на спинку стула, кофточка от женской пижамы того же цвета свисает со стула на пол, а пижамные панталоны валяются около стенного шкафа.

Вернулся Шинкье.

— Я говорил с Мёрсом. Он сейчас же пришлет своих людей. Все осмотрели? Шкаф открывали?

— Нет еще...

Мегрэ открыл шкаф: на вешалках-плечиках пять платьев, зимнее пальто, отделанное мехом, и два костюма: один — бежевый, другой — цвета морской волны. На верхней полке чемоданы.

— Видите? Похоже, что она уехала налегке. В комоде все белье на месте... — заметил Шинкье.

Вид из окна был неплохой — отсюда хорошо виден Париж. Но сегодня все затянуто серой пеленой обложного дождя.

По ту сторону кровати — приоткрытая дверь в ванную, но и там полный порядок: зубная щетка, баночки с кремом — все на своих местах.

Судя по обстановке, Маринетта Ожье — девушка со вкусом. Большую часть времени она, видимо, проводила дома, в своем уютном гнездышке.

— Да, забыл спросить у консьержки, готовит ли она сама или питается в ресторанах, — признался Мегрэ.

— Я спрашивал. Она почти всегда ела дома, — ответил Шинкье.

Да, видимо, так оно и было. В холодильнике полцыпленка, масло, сыр, фрукты, две бутылки пива, бутылка минеральной воды. Вторая, полупустая, в спальне на ночном столике, рядом с пепельницей. Эта пепельница в отличие от той, что стояла в гостиной, сразу заинтересовала Мегрэ. В ней было два окурка со следами губной помады.

— Она курила американские сигареты... — заметил Мегрэ.

— А в гостиной только окурки от «Голуаз», — отозвался Шинкье.

Они переглянулись: оба подумали об одном и том же.

— Судя по постели, нельзя сказать, что в прошлую ночь здесь предавались любовным утехам...

Несмотря на трагизм ситуаций, трудно было сдержать улыбку при мысли, что Невезучий пару часов назад лежал в объятиях молоденькой косметички.

А может, они поссорились, и разобиженный Лоньон просидел в кресле в соседней комнате остаток ночи, выкуривая одну сигарету за другой, а Маринетта осталась в постели? Нет, что-то тут не так! Обычно дело начинало проясняться для Мегрэ с первых шагов, но на этот раз у него до сих пор не было сколько-нибудь приемлемой версии.

— Извините, бога ради, Шинкье, придется вам еще раз спуститься; я забыл расспросить консьержку о некоторых деталях. Интересно, когда она поднялась сюда, горел ли в гостиной свет?

— Это я вам и сам скажу. Свет там горел, и дверь была открыта. В других же комнатах было темно.

Они вернулись в гостиную. Только теперь Мегрэ обратил внимание на то, что вместо обычных окон в комнате были две застекленные двери на балкон, тянувшийся вдоль всего фасада, как это часто бывает на верхних этажах старых парижских домов.

Сквозь туман еле проступали очертания Эйфелевой башни, высоких колоколен соборов; на крышах, блестевших от дождя, дымились трубы.

Мегрэ помнил авеню Жюно еще с первых лет своей службы. Тогда она была почти не застроена. Среди пустырей и садов торчало лишь несколько домишек. Начало положил какой-то художник, построивший здесь особняк, образчик модерна тех времен. Его примеру последовал кто-то из литераторов, за ним оперная дива, и вскоре авеню Жюно обрела аристократический вид. Теперь небольшие особняки и виллы стояли уже почти вплотную друг к другу. Через двери балкона комиссар видел их крыши. Двухэтажный особняк напротив, судя по стилю, был построен лет пятнадцать назад.

Интересно, чей это дом? Пожалуй, художника какого-нибудь. Второй этаж сплошь застеклен, как обычно в студиях. Темные занавески задернуты, но неплотно и посередине пропускают узкую полоску света, шириной не больше полуметра.

С улицы донесся шум, затем тяжелые шаги на лестнице, голоса. Раздался стук в дверь. Приехали ребята из экспертизы. Ба, даже Мёрс явился собственной персоной!

— А где же тело? — спросил он, недоуменно посмотрев на комиссара из-под толстых стекол очков. Впрочем, выражение легкого удивления никогда не исчезало из его близоруких голубых глаз.

— Какое еще тело! Разве Шинкье тебе ничего не сказал?

— Я очень торопился, шеф, не разобрал что к чему... — сказал он извиняющимся тоном.

— Речь идет о Лоньоне. На него напали сегодня ночью, когда он выходил из этого дома...

— Он умер?

— Его свезли в Биша. Может быть, выживет. В этой квартире он провел с одной женщиной часть ночи. Мне нужно знать, где он оставил отпечатки пальцев: в спальне и здесь или только здесь, в этой комнате, ясно? Сними все его отпечатки, какие найдешь... Шинкье, пойдемте вниз...

По лестнице они шли молча. Лишь на первом этаже Мегрэ сказал вполголоса:

— Надо бы, пожалуй, опросить жильцов и соседей. Конечно, маловероятно, что ночью, в такую погоду кто-то стоял у раскрытого окна как раз в тот момент, когда раздались выстрелы. Но чем черт не шутит...

Дальше: Маринетта могла, выйдя из дому, взять такси — тогда нетрудно будет разыскать шофера. Такси здесь легче всего поймать на площади Константин-Пекёр — туда бы она в этом случае и пошла... Ну, да вы знаете этот квартал лучше меня...

Мегрэ вздохнул, пожимая Шинкье руку.

— Желаю удачи!

Оставшись один, комиссар снова толкнул застекленную дверь швейцарской. Из-за занавески долетало ровное дыхание. Ага, муженек, видимо, уснул.

— Вы хотите еще о чем-нибудь спросить? — шепотом сказала Анжела.

— Нет. Я только хотел еще раз воспользоваться вашим телефоном, но, пожалуй, позвоню из другого места. Пусть ваш муж поспит...

Как Мегрэ и ожидал, журналисты, завидев его в дверях, прорвали кордон полицейских и бросились к нему.

— Послушайте, господа, пока что я знаю не больше вашего. Инспектор Лоньон при исполнении слу-

жебных обязанностей подвергся вооруженному нападению...

— Как вы сказали: при исполнении служебных обязанностей? — перебил его чей-то насмешливый голос.

— Вот именно — при исполнении служебных обязанностей! Инспектор тяжело ранен, его прооперировал в Биша профессор Минго. Больной, по-видимому, не сможет говорить еще несколько часов, а то и дней.

Все остальное — предположения. Во всяком случае, здесь больше вам нечего ждать, господа. Подъезжайте на Кэ-дез-Орфевр после обеда — возможно, у меня будут для вас новости.

— А что делал инспектор в этом доме? Правда ли, что из дома исчезла какая-то девушка?

— Потом, потом, господа, после обеда!

— Вы так ничего и не скажете?!

— Я ничего не знаю.

Подняв воротник пальто и засунув руки в карманы, Мегрэ пошел вниз по улице. Он слышал еще, как за его спиной несколько раз щелкнули затворы фотоаппаратов, и понял, что за неимением лучшего репортеры снимали его. Отойдя немного, он обернулся: толпа начала расходиться.

На улице Коленкур он зашел в первое попавшееся бистро и заказал себе грог, чтобы согреться.

— Да, будьте любезны, еще три жетона для автомата.

Предварительно отхлебнув грога, Мегрэ зашел в кабину и набрал номер Биша. Как и следовало ожидать, его долго соединяли со всеми отделениями подряд, пока, наконец, он не услышал в трубке знакомый голос старшей медсестры из хирургического.

— Нет, не умер. У него сейчас дежурит практикант-ординатор, а ваш инспектор прогуливается по коридору... Да... Нет, этого я не могу вам сказать, мало ли что может случиться... Вот сейчас ко мне зашел кто-то из ваших... Хорошо...

Немного успокоенный, Мегрэ повесил трубку. Затем он позвонил на Кэ-дез-Орфевр.

— Лапуэнт вернулся?

— Здесь. Дозванивается на авеню Жюно — думает, что вы еще там.

— Это вы, шеф? — донесся до него голос Лапуэнта. — Институт красоты я сразу нашел. На авеню Матиньон только один такой. Первоклассное заведение, там священнодействует некий Марселин, кумир парижанок. Маринетта Ожье сегодня на работу не вышла, ее подруги очень удивлены, она тут слывет девушкой работящей и примерного поведения. О своих отношениях с инспектором она никому не рассказывала. Есть у нее женатый брат, живет он в пригороде, где-то в Ванве, точный адрес я пока не узнал... Работает в страховой компании «Братская помощь». Маринетта иногда звонила ему на работу... Я заглянул в справочник, это на улице Ле-Пелетье... Прежде чем ехать туда, я решил поговорить с вами...

— Жанвье там? — спросил Мегрэ.

— Да, печатает донесение.

— Спроси его: что-нибудь серьезное? А то мне всетаки хотелось бы, чтобы ты выспался и был в моем распоряжении, как только понадобишься...

Молчание. Потом Лапуэнт произнес упавшим голосом:

— Он говорит — ничего особенного...

— Тогда введи быстренько его в курс дела. Пусть съездит на улицу Ле-Пелетье и постарается разузнать, куда могла деться Маринетта.

В кафе вошло еще несколько человек — как видно, постоянных клиентов: их обслуживали, не ожидая заказа. Мегрэ узнали: на телефонную будку то и дело поглядывали с любопытством.

Комиссар набрал номер квартиры Лоньона. Как он и ожидал, трубку сняла мадам Мегрэ.

— Где ты сейчас? — спросила она.

— Тс, я в двух шагах, но не говори этого вслух. Ну, как она?

По молчанию в трубке он почувствовал, что жене неудобно говорить.

— Ну хорошо, тогда ты только отвечай. Мадам Лоньон, конечно, слегла и посмотреть на нее — так ей еще хуже, чем мужу. Верно?

— Да, — ответила жена.

— Ну, нравится ей это или нет, скажи, что ты мне нужна, и приходи поскорей к «Маньеру».

— Пообедаем вместе?

Она не верила своим ушам. В субботние вечера или по воскресеньям случалось, что они обедали вместе в ресторане, но в будни, да еще в самый разгар очередного дела?!

Мегрэ допивал свой грог за стойкой. В бистро зашушукались.

И так всюду — куда ни придешь! Вот она, цена той рекламы, которую газеты создали ему против его воли. Поработай-ка в такой обстановке!

Кто-то, не глядя на него, сказал:

— Говорят, гангстеры кокнули Невезучего?

Другой таинственно прошептал в ответ:

— Если бы гангстеры!

Слухи об отношениях инспектора с Маринеттой уже облетели весь квартал. Под любопытными взглядами посетителей Мегрэ расплатился и, выйдя из бистро, пошел к «Маньеру».

В этом ресторанчике, неподалеку от каменной лестницы, спускавшейся с Монмартрского холма, собиралась вся «знать» квартала — актрисы, художники, литераторы. К знаменитостям здесь привыкли.

Час для завсегдатаев был еще ранний, и большинство столиков пустовало, только у стойки бара несколько человек сидели на высоких табуретках.

Мегрэ снял намокшее пальто и шляпу и, облегченно вздохнув, опустился на диванчик у окна. Он успел не торопясь набить трубку и уже раскуривал ее, задумчиво глядя в окно, когда увидел мадам Мегрэ. Она переходила улицу, наклонив раскрытый зонтик, который чем-то напоминал рыцарский щит.

— Гляжу на тебя, и не верится как-то... Последний раз мы здесь были лет пятнадцать назад, зашли после театра... Помнишь?

— Да, помню... Что тебе заказать?

Он протянул ей меню.

— Ну, ты, конечно, закажешь свои вечные сосиски... А я вот разорю тебя и возьму омара под майонезом.

Они подождали, пока принесли закуску и бутылку вина. За соседними столиками никого не было, окно запотело — уютно, тихо, тепло. Они были одни.

— Сейчас я чувствую себя одним из твоих сотрудников. Небось вот так ты сидишь с Люка или с Жанвье, когда звонишь мне домой и говоришь, чтобы я не ждала тебя к обеду.

— Да, но куда чаще я сижу как проклятый в кабинете и пробавляюсь весь день бутербродами да пивом. Ну ладно, рассказывай, что там у вас было...

— Ты ведь знаешь, я не люблю сплетничать, но...

— Говори все как есть.

— Ты мне часто рассказывал о ней и ее муже, и при этом ты всегда жалел только его. Признаться, мне казалось, что ты предвзято судишь...

— Ну, а теперь?

— Да ее жалеть нечего, хотя она и не виновата, что уродилась такая! Прихожу — она лежит, у кровати консьержка и старуха соседка. Старуха все время перебирает четки... Сама Лоньонша выглядит ужасно, кажется, вот-вот помрет... Доктора они, разумеется, еще до моего прихода вызвали.

— Она удивилась, что ты пришла?

— Боже мой, что она понесла, как только меня увидела... «Теперь-то, — говорит, — ваш муженек по крайней мере не будет больше преследовать моего Шарля. Он еще пожалеет, что не взял его на Кэ-дез-Орфевр...» Сначала мне было не по себе. Но, к счастью, скоро пришел доктор, такой иронический, невозмутимый старичок.

Для обоих этот обед в пустом ресторане был настоящим праздником. Как он отличался от будничной семейной трапезы дома, на бульваре Ришар-Ленуар!

Особенно возбуждена была мадам Мегрэ, глаза ее блестели, она раскраснелась, говорила быстрей обычного.

Когда они обедали или завтракали дома, говорил Мегрэ, а она слушала. Что интересного расскажешь

о домашних делах! Но сегодня все было наоборот: она говорила без умолку, польщенная вниманием мужа.

— Тебе интересно?

— Очень! Продолжай.

— Доктор осмотрел ее и сделал мне знак выйти за ним в прихожую. Там мы поговорили вполголоса. Он, кажется, удивился, застав меня в этом доме, и даже спросил, действительно ли я жена комиссара Мегрэ. Я ему все объяснила. Ну, ты понимаешь, что я ему сказала... «Это делает вам честь, мадам, — проворчал старичок, — ценю ваши чувства, но считаю своим долгом предупредить вас... Не скажу, конечно, что у мадам Лоньон железное здоровье, но смею вас уверить, никаких серьезных болезней у нее нет... Вот уже десять лет я ее «лечу»... И не я один... Время от времени она вызывает кого-нибудь из моих коллег, требуя во что бы то ни стало угрожающего диагноза. А когда я рекомендую ей проконсультироваться с психиатром или невропатологом, она возмущается, кричит, что не сумасшедшая и что я ничего не смыслю в болезнях...

Кто ее знает, быть может, она, как и многие истерички, ненавидит мужа. Не может простить ему, что он остался участковым инспектором, и подсознательно мстит ему на свой лад: притворяется больной, заставляет его ухаживать за ней и заниматься хозяйством. Одним словом, не дает ему житья. То, что вы пришли к ней утром, — это понятно. Но смотрите, если вы и дальше будете ей потакать, то так легко потом от нее не избавитесь!» Ну и вот, когда доктор ушел, я тут же позвонила в клинику, а ей сказала, что Лоньону значительно лучше. Конечно, я перехватила немного, но греха тут нет, ведь жалеет-то она только себя, а не мужа...

Принесли сосиски с жареной картошкой и омара под майонезом. Мегрэ налил вина в бокалы.

— А когда ты позвонил, я ей сказала, что должна уйти на часок-другой. Она сразу надулась: «Конечно, муж требует! Все они такие!» И вдруг выпалила ни с того ни с сего: «Если овдовею — придется переез-

жать. Эта квартира мне будет не по средствам. А я здесь двадцать пять лет прожила!»

— Послушай, не намекала ли она на то, что у Лоньона есть другая женщина? — спросил Мегрэ.

— Нет, сказала только, что у полицейских отвратительная работа, приходится иметь дело со всякими подонками, даже с проститутками...

— А ты не попыталась выяснить у нее, не изменился ли Лоньон за последнее время?

— Как же, спросила. А она в ответ: «С тех пор как я вышла замуж за него, он чуть ли не каждую неделю заводит разговор о том, что вот-вот раскроет большое дело и прогремит на весь Париж. Тогда-то начальство оценит его по заслугам, и он пойдет вверх. Сначала я, как дура, верила и радовалась, но кончалось всегда тем, что дело уплывало из-под рук или успех приписывали кому-нибудь другому».

Уже давно Мегрэ не видел жену в таком возбужденном состоянии.

— Я сразу поняла по ее глазам, что она имеет в виду тебя, и еще она жаловалась, что в последнее время его посылали вне очереди на ночные дежурства. Это верно?

— Да. Но по его же просьбе.

— Ей-то он ничего об этом не говорил. А вот с неделю назад сказал, что скоро она кое о чем узнает из газет и что теперь-то его фотография наверняка попадет на первые полосы.

— А она не пыталась расспросить его поподробней?

— По-моему, она ему просто не поверила. Постой! Вот еще что. Рассказывая об этом, он как-то добавил: «Внешность обманчива. Если бы можно было видеть сквозь стены, мы не поверили бы своим глазам». Мне запомнилась эта фраза.

Беседу прервал хозяин ресторана. Поздоровавшись, он предложил ликер к кофе. Когда они опять остались вдвоем, мадам Мегрэ нерешительно спросила мужа:

— Пригодится это тебе?

Комиссар сидел молча, раскуривая трубку. У него вдруг мелькнула смутная догадка.

— Ну, что ты молчишь?

— Да! Как знать, может быть, это перевернет весь ход следствия.

Она бросила на него благодарный, хотя и недоверчивый взгляд.

Не раз потом вспоминала она этот чудесный обед у «Маньера».

ЛЮБОВНЫЕ ТАЙНЫ МАРИНЕТТЫ

Мегрэ посмотрел в окно. Дождь постепенно ослабевал, словно израсходовав всю свою силу за утро, когда он то и дело принимался лить как из ведра, внезапно обрушивая на прохожих хлещущие косые струи. Пора было идти, но Мегрэ не торопился — ему хотелось еще немного продлить этот необычайный праздничный обед.

Видел бы их Лоньон; он бы не упустил случая еще раз излить желчь: «Я корчусь от боли на больничной койке, а они сидят у «Маньера», воркуют на старости лет, как голуби, и судачат о моей несчастной жене: уж и склочница-то она и в голове у нее не все в порядке...»

— Ты к себе на работу?

— Сначала на авеню Жюно. А ты?

— Боюсь, если я не пойду к ней, она будет говорить всем и каждому, что вот, мол, ее муж умирает, до конца выполнив свой долг, а ты палец о палец для нее не ударил.

Около дома Маринетты дежурил теперь одинокий полицейский. Пятно крови все еще виднелось на тротуаре. Некоторые прохожие останавливались здесь ненадолго, но тут же шли дальше. Исчезли и журналисты.

— Что нового?

— Ничего, господин комиссар. Угомонились.

В швейцарской супруги Соже сидели за столом. Ночной портье «Паласа» был все в том же ужасном халате и по-прежнему небрит.

— Сидите, сидите... Я на минутку поднимусь на четвертый этаж. А к вам у меня только пара вопросов... Надо полагать, у мадемуазель Ожье не было машины?

— Два года назад она купила мотороллер, но месяца через два чуть не наехала на кого-то и тут же продала свою игрушку.

— Где она обычно проводила отпуск?

— Прошлым летом была в Испании; вернулась оттуда такая загорелая, я ее прямо не узнала...

— Она одна туда ездила?

— С подругой. Во всяком случае, так она мне сказала.

— У нее часто бывали друзья?

— Нет. Кроме жениха, о котором я уже говорила, и инспектора, навещавшего ее в последнее время, к ней почти никто не заходил...

— А по воскресеньям?

— По субботам она работала вторую половину дня, вечером уезжала и возвращалась к утру в понедельник. В понедельник — салоны красоты до обеда закрыты.

— Значит, уезжала она недалеко? Куда, не знаете?

— Знаю только, что она увлекалась плаваньем. Она часто говорила, что часами не вылезает из воды.

Мегрэ поднялся на четвертый этаж и минут пятнадцать рылся в ящиках стола и в стенных шкафах, перебирая одежду, белье, различные безделушки, так часто раскрывающие характер и вкусы владельца.

Вещи были недорогие, но изящные. В столе он нашел письмо из Гренобля, которого не заметил утром. Написанное мужской рукой, шутливое и нежное, оно походило на письмо возлюбленного, и лишь по последним фразам комиссар догадался, что писал отец Маринетты.

«...Твоя сестра снова беременна, а ее инженер гордится этим, словно выстроил самую большую плотину в мире. Мать по-прежнему воюет с полсотней малышей и приходит домой вся пропахшая запачканными пеленками...»

А вот и свадебная фотография, сделанная, судя по надписи, несколько лет тому назад. Чья же это свадьба, ее сестры? Рядом с новобрачными их родственники в напряженных, неестественных позах, как всегда на таких фотографиях. Слева молодой человек с женой и сыном, мальчуганом лет трех-четырех, и совсем с краю — миловидная девушка с живыми лучистыми глазами, по-видимому, сама Маринетта.

Мегрэ сунул фотографию в карман. Выйдя из дома, он взял такси и вскоре был уже на Кэ-дез-Орфевр в своем кабинете, из которого вышел сегодня под утро, поставив, наконец, точку на затянувшемся деле «мотогангстеров».

Не успел он снять пальто, как в дверь постучал Жанвье.

— Нашелся ее брат, шеф. Я был у него в страховой компании на улице Ле-Пелетье. Он там важная птица.

Мегрэ протянул ему свадебную фотографию.

— Он?

Жанвье без колебаний показал на отца мальчика.

— Он в курсе дела?

— Нет. Газеты только сейчас вышли. Сначала он меня уверял, что произошла ошибка, что не в характере его сестры убегать или прятаться.

— «Она, — говорит, — у нас прямая, открытая душа, слишком резка с людьми, я часто ругаю ее за это. Людям это не всегда нравится...»

— Как по-твоему, он не старался что-то скрыть?

Перебрав несколько трубок, Мегрэ выбрал одну, и, усевшись за стол, начал медленно ее набивать.

— Нет. Мне кажется, он человек порядочный. Сразу же рассказал все об их семье. Они из Гренобля. Отец преподает английский язык в лицее, а мать заведует детскими яслями. У них есть еще одна дочь — живет там же, в Гренобле, замужем за инженером, который каждый год делает ей по ребенку...

— Знаю.

Мегрэ не сказал, что узнал это из письма, найденного им на квартире Маринетты.

— Окончив школу, Маринетта уехала в Париж. Сначала устроилась секретаршей к одному адвокату. Эта работа пришлась ей не по душе, и она поступила на курсы косметики. Теперь, по словам брата, она мечтает открыть свой косметический салон.

— А что с женихом?

— Она действительно была помолвлена с неким Жан-Клодом Тернелем — сыном парижского промышленника. Маринетта познакомила парня со своим братом и даже собиралась свозить его в Гренобль — показать родителям.

— А брат знает, что этот Жан-Клод не раз ночевал у нее?

— Он не особенно распространялся по этому поводу, но дал понять, что как брат он этого, вообще говоря, не одобряет, но как человек современных взглядов не склонен осуждать Маринетту.

— В общем семейка для рекламы, — пробурчал Мегрэ.

— Нет, в самом деле он мне понравился.

Квартира на авеню Жюно, где каждая вещь говорила о Маринетте, понравилась Мегрэ не меньше.

— А разыскать и допросить девушку все-таки надо и как можно скорее! Брат виделся с ней в последнее время?

— На позапрошлой неделе. Когда Маринетта не уезжала по субботам за город, она проводила воскресный вечер у брата и невестки. Они живут в пригороде Ванв, у тамошнего муниципального парка. Далековато, но Франсуа Ожье — так зовут брата — говорит, что это очень удобно для детей.

— Она им ничего не говорила?

— Сказала как-то, что познакомилась с одним занятным человеком, и пообещала вскорости рассказать необыкновенную историю. Невестка еще поддразнила ее: «Новый жених?»

Жанвье, казалось, и сам был огорчен, сообщая столь мирные, обыденные подробности.

— Только она в ответ поклялась, что ни боже мой — с нее, мол, и одного хватит.

— Кстати, почему она порвала с этим Жан-Клодом?

— Раскусила она его. Парень он никчемный, пустельга и лодырь. И к тому же он сам был не прочь от нее отделаться. В школе дважды проваливался на выпускных экзаменах. Отец послал его в Англию к своему компаньону. И там у него дело не шло. Теперь его пристроили здесь на отцовской фирме, где он опять бьет баклуши.

— Узнай, пожалуйста, когда были поезда на Гренобль вчера вечером или сегодня утром.

Это ничего не дало. Если бы Маринетта уехала с ночным поездом, она бы уже была у родителей. Но ни ее отец, которому Мегрэ в конце концов позвонил в лицей, ни мать не видели своей дочери.

Повесив трубку, комиссар повернулся к Жанвье.

— Сегодня утром Лапуэнт разговаривал с девушками из института красоты. Они понятия не имеют, где Маринетта бывала по воскресеньям. Из дому она ушла ночью, под проливным дождем и ничего с собой не взяла — ни чемодана, ни даже смены белья. В любой гостинице ее сразу взяли бы на заметку — это, я думаю, она учла.

Где же она может быть сейчас? У одной из своих подруг, которой вполне доверяет? Или в каком-нибудь укромном уголке, где ее хорошо знают, например в пригородной гостинице? Говорят, она увлекается плаваньем. Каждую неделю ездить к морю, ей, конечно не по карману. Да и зачем? На Сене, Марне или Уазе прекрасных пляжей сколько хочешь.

Так вот, разыщи Жан-Клода и постарайся выведать у него, куда они с ней обычно ездили...

В соседней комнате давно уже дожидался Мёрс. Он принес небольшую картонную коробку с пулями и тремя гильзами.

— Эксперт того же мнения, что и мы, шеф. Калибр 7,63, пистолет — почти наверняка маузер.

— А отпечатки?

— Странное дело, в гостиной почти всюду отпечатки Лоньона, даже на ручке радио.

— А на телевизоре?

— Не обнаружили. На кухне он открывал холодильник — брал жестянку с молотым кофе. Его же отпечатки и на кофейнике. Чему вы улыбаетесь? Я несу вздор?

— Нет, нет, продолжай.

— Лоньон пил из стакана и чашки. А на коньячной бутылке отпечатки пальцев обоих, инспектора и девушки.

— А в спальне?

— Никаких следов Лоньона. Ни одного его волоска на подушке. Только один женский. Никаких следов на полу, хотя, как мне сказали, Лоньон пришел на авеню Жюно под проливным дождем.

Мёрс и его ребята ничего не упустили.

— Похоже, что он долго сидел в кресле перед балконной дверью. Думаю, что, сидя там, он и включал радио. Один раз он открывал балконную дверь — отпечатки его пальцев на дверной ручке просто загляденье, а на балконе я подобрал окурок... Вы все улыбаетесь...

— Видишь ли, все это подтверждает мысль, которая пришла мне в голову при разговоре с собственной женой.

На первый взгляд все как будто говорит за то, что Невезучий, которого жена превратила в домработницу, наконец-то завел интрижку и вознаграждал себя на авеню Жюно за безрадостные будни в своей квартире на площади Константин-Пекер. Верно? Так вот слушай, старина. Мне стало смешно, что ребята из восемнадцатого района ни с того ни с сего превратили Лоньона в донжуана. Готов поспорить, что между ним и этой девушкой ровно ничего не было. Даже обидно за него — он много потерял. Приходя к ней вечерами, он сидел в первой комнате, в гостиной, чаще всего у окна, а Маринетта доверяла ему настолько, что укладывалась при нем спать. Ты больше ничего не обнаружил?

— Немного песка на ее туфлях — тех, что на низком каблуке, наверное, она носила их за городом. Песок речной. У нас в лаборатории сотни разных об-

разцов песка. Если повезет — определим, откуда этот. Но на анализы уйдет уйма времени.

— Держи меня в курсе дела. Кто-нибудь еще ждет меня?

— Инспектор из восемнадцатого района.

— С темными усиками?

— Да.

— Это Шинкье. Пойдешь мимо — попроси его зайти.

Снова пошел мелкий моросящий дождь, вернее, сырой туман опустился на город, точно сумерки. Облака стояли почти неподвижно и, постепенно утрачивая свои очертания, слились вскоре в сплошной грязно-серый купол.

— Что скажете, Шинкье?

— Обход улицы затянулся, господин комиссар. Наши ребята до сих пор ходят по квартирам. Хорошо еще, что на авеню Жюно на каждой стороне не больше сорока домов. И то хватит — как-никак надо опросить две сотни людей!

— Меня в особенности интересуют дома напротив места происшествия.

— С вашего позволения, господин комиссар, я еще вернусь к этому. Я понимаю, о чем вы говорите. Начал я с жильцов дома, из которого вышел бедняга Лоньон. На первом этаже живет одна семья, пожилые супруги Гэбр. Месяц тому назад они уехали в Мексику к замужней дочери.

Он достал из кармана записную книжку, испещренную пометками, фамилиями и нехитрыми чертежиками.

«И с этим надо поделикатней, а то еще обидится, чего доброго», — подумал Мегрэ.

— На остальных этажах по две квартиры. На втором живут супруги Ланье, рантье, и вдова Фэзан, она работает в швейной мастерской. Услышав выстрелы, все они сразу бросились к окнам, увидели отъезжавшую машину, но номер, к сожалению, не разглядели.

Мегрэ сидел, полузакрыв глаза, и, попыхивая трубкой, рассеянно слушал. Обстоятельный доклад ретивого инспектора почти не доходил до его созна-

ния. Казалось лишь, что в комнате жужжит большая муха.

Но как только тот заговорил о некоем Маклэ, который жил на третьем этаже соседнего дома, он сразу навострил уши. По словам Шинкье, это был старый ворчун, одинокий и нелюдимый. Отгородившись от всего света, он довольствовался ироническим созерцанием окружающего из своего окна.

— В квартире у него мерзость запустения. Он ревматик и еле ходит, опираясь на две палки. Женщин на порог не пускает — прибрать некому. По утрам консьержка приносит ему кое-что из продуктов и ставит у дверей. Он их сам заказывает накануне — записку оставляет на коврике перед дверью.

Радио у него нет, газет он не читает. Консьержка уверяет, что он богат, хотя и живет почти как нищий. У него есть замужняя дочь, которая не раз пыталась упрятать его в лечебницу.

— Он и в самом деле сумасшедший?

— Судите сами. Уж как я его упрашивал дверь открыть — молчит! Пришлось под конец пригрозить: сказал, что приведу слесаря, велю взломать дверь. Ну тут он открыл, долго пялился на меня, осмотрел с головы до ног, а потом вздохнул и говорит: «Слишком уж вы молоды для своей профессии». Я ответил, что мне уже тридцать пять, а он знай твердит: «Мальчишка!.. Мальчишка!.. Что вы понимаете? Много ли узнаешь к тридцати пяти годам?»

— Рассказал он что-нибудь путное?

— Все больше о голландце из дома напротив. Мы с вами сегодня смотрели на этот дом с балкона. Небольшой особняк. Весь третий этаж застеклен, как ателье художника.

Некий Норрис Йонкер построил этот дом для себя пятнадцать лет тому назад и живет там по сей день. Сейчас ему шестьдесят четыре года. У него красавица жена, намного моложе его.

Потом старик вдруг разболтался, — продолжал Шинкье. — Боюсь, я не смогу пересказать вам все, что он наговорил. Мысли у него скачут, и философствует он без конца.

А к голландцу этому я после заходил. Лучше я сам о нем и расскажу. Человек он обходительный, интеллигентный и представительный такой. Отпрыск известной семьи голландских банкиров. Его отец был директором банка «Йонкер, Хааг и К°». Сам же он банковскими делами никогда не интересовался и много лет скитался по белу свету. По его словам, под конец он понял, что Париж — единственное место, где можно жить, и построил этот особняк на авеню Жюно. Дело после смерти отца ведет его брат Ганс, а он, Норрис Йонкер, довольствуется дивидендами и обращает их в картины.

— В картины? — переспросил Мегрэ.

— Говорят, у него одно из богатейших собраний в Париже.

— Стоп! Вы позвонили. Кто вам открыл?

— Камердинер. Еще нестарый. Белесый и розовый, как поросенок.

— Вы сказали, что вы из полиции?

— Да. Он как будто и не удивился, провел меня в вестибюль и предложил сесть. По стенам картины. Я, правда, ничего не смыслю в живописи, но подписи знаменитых художников все же разобрал. Там и Гоген, и Сезанн, и Ренуар. На картинах все больше голые женщины.

— Долго вы ждали?

— Минут десять. Двустворчатая дверь из вестибюля в гостиную была приоткрыта, и я увидел там молодую брюнетку. Еще подумал, почему это она в пеньюаре, ведь уже три часа дня. Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, она пришла специально, чтобы посмотреть на меня. Через несколько минут камердинер провел меня через гостиную в кабинет, снизу доверху забитый книгами.

Навстречу мне поднялся мосье Йонкер. На нем были фланелевые брюки, шелковая рубашка с отложным воротником и черная бархатная куртка. Седой как лунь, но цвет лица прекрасный, почти такой же, как и у камердинера.

На письменном столе поднос с графином и рюмками.

«Присаживайтесь. Слушаю вас», — сказал он без малейшего акцента.

Чувствовалось, что роскошная обстановка, бесценные картины и учтивость представительного хозяина произвели сильное впечатление на участкового инспектора Шинкье.

— По правде говоря, я не знал, с чего начать. Спросил его про выстрелы, он ответил, что ничего не слышал, потому что окна его спальни выходят в сад, а стены толстые, за ними с улицы ничего не слышно.

«Не выношу шума», — говорит и налил мне рюмку ликера. Такого я еще не пробовал. Очень крепкий, с привкусом апельсина.

«Но вы, наверное, знаете, что произошло вчера ночью на улице перед вашим домом?» — спрашиваю.

«Карл мне рассказал, когда принес завтрак около десяти утра. Это мой камердинер, сын одного нашего арендатора. Он сказал, что на улице собралась толпа — ночью гангстеры напали на полицейского».

— Как он держался? — прервал Мегрэ, уминая табак в трубке.

— Спокойно, улыбался все. Редко кто так ведет себя с незваными гостями.

«Если вы хотите спросить Карла, — говорит, — я охотно пришлю его к вам, но в его комнате окна тоже выходят в сад, и он говорил мне, что ровно ничего не слышал».

«Вы женаты, господин Йонкер?» — спросил я еще.

«А как же, — отвечает. — Жене чуть дурно не стало, когда она узнала, что случилось в двух шагах от нашего дома».

Тут Шинкье умолк ненадолго и, помявшись, продолжал:

— Не знаю, может, я дал маху, господин комиссар. Я еще много о чем хотел расспросить, да как-то не решился. В конце концов, думаю, самое важное — это как можно скорее ввести в курс дела вас.

— Вернемся к старому ревматику.

— Вот, вот. Ведь если бы не он, я бы не пошел к голландцу. В самом начале нашего разговора Маклэ сказал: «Что бы вы делали, инспектор, если бы вашей

женой была одна из красивейших женщин Парижа? Молчите? Хо-хо! А ведь вам не седьмой десяток! Ну ладно! Поставим вопрос иначе: как ведет себя человек в этом возрасте, владея столь очаровательным существом?

Ну так слушайте, у господина из дома напротив, по-видимому, свои взгляды на этот счет. Я, изволите знать, сплю мало: бессонница. Ни политика, ни катастрофы разные, о которых галдят по радио и пишут в газетах, меня не волнуют. Зато люблю подумать. Это мое единственное развлечение. Понимаете? Смотрю так в окно и думаю. Какое это увлекательное занятие — кто бы знал!

Взять, например, этого голландца и его жену. Они мало выезжают, один-два раза в неделю, она — в вечернем платье, он — в смокинге, и редко когда возвращаются позднее часа ночи. Стало быть, это просто ужин у друзей или театр.

Сами они званых вечеров не устраивают, к обеду никого не приглашают и обедать, кстати сказать, садятся не раньше трех.

Да! Так вот я и развлекаюсь. Наблюдаю, анализирую, сопоставляю, догадываюсь...

И вот вижу я, что два или три раза в неделю хорошенькие девушки звонят в парадное напротив по вечерам, часов около восьми, а выходят из дому поздно ночью, а то и под утро...»

Мегрэ все больше сожалел о том, что ему не пришлось лично допросить старого чудака.

— «И это еще не все, дорогой вы мой блюститель порядка! Признайтесь, что навострили ушки! А то небось думали: «Что за вздор несет старый хрыч!» Это еще что — я вам больше скажу: девицы-то всегда приходят разные!

Обычно они приезжают на такси, но иногда приходят и пешком. Из моего окна видно, как они всматриваются в номер дома, словно еще не бывали здесь. Это тоже имеет свой смысл, как по-вашему?

Значит, кто-то вызывает их по этому адресу.

Да в конце концов я не родился калекой и не

всегда жил, как старый больной пес в конуре. И поверьте, я знаю женщин.

Видите напротив фонарь, в пяти метрах от их парадного? Светит он ярко, и мне отсюда все видно. Вы полицейские и, надо полагать, с первого взгляда отличите порядочную женщину от потаскухи, для которой любовь — профессия. Но и таких, кто этим, так сказать, промышляет от случая к случаю, вы определите без труда. Ну, там, певичек из кабаре или статисток из кино, которые всегда не прочь подработать таким способом, хотя и не выходят на панель».

От сонливости Мегрэ не осталось и следа.

— Ну, Шинкье, вам понятно?

— Что понятно?

— Как все это началось! Лоньон часто дежурил по ночам на авеню Жюно и знал там в лицо почти всех. И если он заметил, как женщины такого сорта ходят в особняк голландца...

— Я уже подумал об этом. Но ведь непостоянство не запрещено законом даже пожилым людям!

«И в самом деле, одно это еще не заставило бы Невезучего подыскать столь необычный наблюдательный пункт», — подумал Мегрэ, а вслух сказал:

— Ну это как раз легко объяснить.

— Как?

— Допустим, он следил за одной из этих девиц. А может быть, случайно натолкнулся на одну из тех, с которыми возился раньше.

— Так-то оно так. Но все же при чем тут голландец? Как говорится, вольному воля...

— Погодите, мы еще не знаем, что происходило в его доме и что там видели эти женщины. Ну, а что еще сказал этот ваш славный старикан?

— Я задал ему массу вопросов и ответы записал.

Шинкье опять извлек свой черный блокнот и стал зачитывать:

— «Вопрос: Может быть, эти женщины приходили к слуге?

Ответ: Во-первых, камердинер влюблен в служанку из молочной в конце улицы, толстую хохотушку. Несколько раз в неделю она приходит сюда к не-

му на свиданье. Стоит в стороне, метрах в десяти от дома, и поджидает его. Могу вам показать это место. Он как завидит ее, сразу же выходит.

Вопрос: В какое время они встречаются?

Ответ: По вечерам около десяти. Думаю, что раньше он не может — прислуживает за столом, значит в доме ужинают поздно. Они долго прогуливаются под руку и, прежде чем разойтись, целуются вон в той нише направо.

Вопрос: Он ее не провожает?

Ответ: Нет. Она вприпрыжку бежит по улице одна, сияя от счастья. Иной раз кажется, что она вот-вот пустится в пляс. Но я еще и по другой причине уверен, что эти женщины приходят не к камердинеру. Часто они звонили в парадное, когда его не было дома.

Вопрос: Кто же им открывает?

Ответ: В том-то и дело! Тут еще одна довольно любопытная подробность: иногда открывал сам голландец, а иногда его... жена.

Вопрос: У них есть машина?

Ответ: Еще какая! Роскошная, американская.

Вопрос: А шофер?

Ответ: Все тот же Карл, только, садясь за руль, он напяливал другую ливрею.

Вопрос: Другие слуги в доме есть?

Ответ: Кухарка и две горничные. Горничные часто меняются.

Вопрос: У них бывает еще кто-нибудь, кроме этих «дам»?

Ответ: Кое-кто бывает. Чаще всего мужчина лет сорока, по виду американец. Приезжает он обычно днем в дорогой спортивной машине желтого цвета.

Вопрос: Сколько времени он проводит в доме?

Ответ: Час-другой.

Вопрос: А вечером или ночью он ни разу не приезжал?

Ответ: Только два раза подряд, с месяц тому назад. Подъезжал он около десяти часов вечера с ка-

кой-то молодой женщиной. Он заходил в дом и вскоре выходил, а женщина оставалась в машине.

Вопрос: Оба раза одна и та же?

Ответ: Нет».

Мегрэ представил себе, как старик сардонически улыбался, делая эти маленькие открытия.

— «Еще один какой-то лысый приезжает иногда на такси посреди ночи и уезжает с большими пакетами.

Вопрос: Что это за пакеты, как вы думаете?

Ответ: Похоже, что завернутые картины. А может, и еще что-нибудь. Вот почти и все, что я знаю, господин инспектор. Мне уже много лет не приходилось так много говорить и, надеюсь, теперь долго не придется. Предупреждаю, вызывать меня в полицию или к следователю бесполезно.

В свидетели, если дойдет до суда, я не пойду и подавно!

Поболтали, и ладно. Я рассказал вам кое о чем, мало ли что старикашке в голову взбредет! Одним словом, делайте свои выводы, но меня в эту историю ни под каким видом не впутывайте!»

Шинкье продолжал свой доклад, и, слушая его, Мегрэ подумал, что участковые все же не зря получают жалованье.

— Позднее, когда я распростился с голландцем, мне вдруг пришло в голову, что старый чудак из дома напротив мог и разыграть меня! И я решил проверить хотя бы одно из его показаний — тогда, думаю, можно взять на веру и все остальное.

Пошел я в молочную. Долго ждал на улице, пока служанка осталась одна. Я ее сразу узнал по описанию старика: в самом деле, пухленькая и хохотушка. Она недавно приехала из деревни и в таком восторге от Парижа, что до сих пор опомниться не может.

Я вошел в молочную и спросил: «У вас есть знакомый по имени Карл?»

Она покраснела, испуганно посмотрела на открытые двери в заднюю комнату и пробормотала:

«А вы кто такой? Что вам за дело до этого?»

«Я из полиции. Мне нужно кое-что уточнить».

«В чем его обвиняют?»

«Ни в чем. Говорю вам, это проверка. Он ваш жених?»

«Может, мы и поженимся когда-нибудь... Предложения он мне еще не сделал».

«Вы с ним часто встречаетесь по вечерам?»

«Встречаюсь, когда свободна».

«И ждете его у подъезда на авеню Жюно?»

«Откуда вы знаете?»

В это время из задней комнаты вышла грузная женщина, и у девчонки хватило сообразительности перевести разговор. Она затараторила:

«Нет, мосье. Горгонзолу * всю распродали. Возьмите рокфор. На вкус почти одно и то же».

Мегрэ улыбнулся.

— Пришлось взять рокфор?

— Я сказал, что жена предпочитает горгонзолу. Вот и все, господин комиссар. Не знаю, с чем придут сегодня вечером мои ребята. Что слышно о бедняге Лоньоне?

— Я только что просил позвонить в клинику. Врачи пока ничего определенного не могут сказать. Он еще не пришел в себя. Опасаются, что вторая пуля, та, что прошла пониже ключицы, задела верхушку правого легкого; надо бы сделать рентген, но он еще слишком слаб.

— Что же он такое учуял, что его решили убрать? Вы не меньше моего удивитесь, когда познакомитесь с голландцем. Не укладывается в голове, что такой человек...

— Вот что, Шинкье. Когда освободятся ваши люди, пусть проверят девиц известного сорта в вашем районе. В особенности во время ночного дежурства. Вы ведь сказали, что некоторые из девиц приходили к дому Йонкера пешком, значит это местные, с Монмартра. Прочешите все ночные кабаре. Судя по тому, что говорил ваш ревматик, они не из уличных потаскух, рангом повыше. Вам

* Горгонзола — сорт сыра.

все ясно? Может, засечем хоть одну из тех, кто бывал на авеню Жюно.

«Конечно, куда важнее отыскать Маринетту Ожье, — подумал Мегрэ. — Может быть, Мёрс и его лаборанты все-таки нападут на ее след со своими образцами песка».

Мегрэ набрал номер знакомого аукциониста по продаже картин, с которым ему не раз приходилось сталкиваться по работе и которого часто вызывали в суд как эксперта.

— Это вы, Манесси? Говорит Мегрэ.

— Одну минутку, я только закрою дверь. Ну вот, я вас слушаю. И вы тоже занялись живописью?

— О нет! Я в ней по-прежнему слабо разбираюсь. Вы знаете некоего Норриса Йонкера, голландца?

— С авеню Жюно? А как же! Мне даже приходилось производить по его просьбе экспертизу нескольких полотен. У него одно из богатейших собраний картин второй половины девятнадцатого и начала двадцатого века.

— Значит, он очень богат?

— Его отец, банкир, тоже был большим ценителем живописи, Норрис Йонкер вырос среди картин Ван-Гога, Писарро, Мане и Ренуара. Не удивительно, что финансы его не интересуют. Он получил в наследство довольно много картин, а дивидендов, которые платит ему брат, возглавивший дело, хватает на приобретение новых.

— Вы встречались с ним лично?

— Да. А вы?

— Нет еще.

— Он больше похож на английского джентльмена, чем на голландца. Если мне память не изменяет, после окончания Оксфордского университета он долго жил в Англии. Я слышал даже, что в последнюю войну он вступил добровольцем в британскую армию и дослужился до полковника.

— А что представляет собой его жена?

— Прелестное создание. Она очень рано вышла замуж за одного англичанина из Манчестера... Не

понимаю, что вам дался Ионкер. Надеюсь, его не ограбили?

— Нет.

Теперь настала очередь Мегрэ уходить от прямых вопросов. Он вновь перехватил инициативу в разговоре и спросил:

— Они часто бывают в обществе?

— По-моему, нет.

— Йонкер встречается с другими любителями живописи?

— За аукционами он, конечно, следит и, во всяком случае, знает, когда в Париже, Лондоне или Нью-Йорке какое-нибудь ценное полотно меняет хозяев.

— Он ездит по белу свету?

— Вот уж этого не могу сказать. Он много путешествовал в свое время, не знаю, как сейчас. Впрочем, чтобы купить картину, ему самому вовсе не обязательно ездить по аукционам. Известные покупатели чаще всего посылают для этого своих представителей.

— В общем вы в своих делах можете на него положиться.

— С закрытыми глазами.

— Благодарю вас.

Все это не упрощало дела. Мегрэ недовольно поднялся и достал из стенного шкафа пальто и шляпу.

Хуже нет для полицейского, чем опрашивать в ходе расследования известных, уважаемых или высокопоставленных людей. Такие потом нередко жалуются, обзванивают начальство, и хлопот с ними не оберешься. Поразмыслив, комиссар решил не брать с собой к Йонкеру никого из инспекторов, чтобы не придавать своему визиту слишком официальный характер.

Через полчаса он вышел из такси около особняка на авеню Жюно и вручил свою визитную карточку Карлу, облаченному в белый сюртук. Как и Шинкье, комиссару пришлось подождать в вестибюле, но его чин, как видно, произвел впечатление:

камердииер иа сей раз вериулся ие через десять, а через пять мииут.

— Прошу вас...

Карл провел Мегрэ через гостииую, где в отличие от Шинкье ему ие посчастливилось увидеть очаровательиую мадам Йоикер, и распахиул перед иим двери кабииета.

Голлаидец был все в той же куртке, и вообще казалось, что после ухода Шинкье сцеиа совершеиио не измеиилась. Сидя за письмеиным столом стиля ампир, Йоикер изучал гравюры, вооружившись огромной лупой.

Он сразу же подиялся иавстречу, и Мегрэ отметил про себя, что Шинкье точно описал его виешиость. В серых фланелевых брюках, в шелковой рубашке и черной бархатиой куртке он выглядел как типичный джентльмен в домашней обстаиовке и держался также с чисто английским хладнокровием. Не проявляя иикаких признаков удивления или волиеиия, ои произнес:

— Господии Мегрэ?

И, указав гостю иа кожаиое кресло по другую стороиу письмеииого стола, сиова сел.

— Поверьте, мне очень приятио позиакомиться с таким известиым человеком.

Ои говорил без акцента, ио медлеиио, словио после стольких лет в Париже все еще мыслеино переводил с голландского каждое слово.

— Не скрою, правда, что иесколько удивлен той чести, которую сегодия вот уже второй раз оказывает мие полиция.

Йоикер сделал выжидательиую паузу, рассматривая свои полные холеные руки. Ои был не то чтобы толст или слишком грузеи, а как-то по-барски дороден. В иачале века такой красавец мужчииа послужил бы отличиой моделью для салоииого живописца.

У иего было иесколько обрюзгшее лицо. Голубые глаза спокойио смотрели из-под очков с тоикими золотыми дужками и стеклами без оправы.

Мегрэ заговорил, испытывая иекоторую иеловкость:

— Да. Инспектор Шинкье говорил, что был у вас. Он квартальный инспектор и прямого отношения к нам не имеет.

— Как я понимаю, вы хотите лично проверить его донесение?

— Не совсем так. Просто он мог что-либо упустить в разговоре с вами.

Голландец, вертевший в руках лупу, пристально посмотрел на Мегрэ. Какой-то странный оттенок простодушия слегка смягчил жесткий взгляд его светлых холодных глаз.

— Послушайте, господин Мегрэ. Мне шестьдесят четыре года, и я немало скитался по свету. Вот уже много лет я живу во Франции и, как видите, чувствую себя здесь настолько хорошо, что даже построил дом. Перед лицом закона я чист, как стеклышко. Как у вас говорится, приводов и судимостей не имею.

Мне рассказали, что прошлой ночью на улице стреляли как раз напротив моего дома. Как я уже заявил инспектору, ни я, ни моя жена ничего не слышали — окна в наших жилых комнатах выходят на другую сторону.

Теперь скажите сами, как бы вы себя сейчас чувствовали на моем месте?

— Уж конечно, я бы не обрадовался подобным визитам. Незваные гости всякому в тягость.

— Прошу прощения. Вы меня не так поняли. Вы мне нисколько не в тягость! Напротив, мне приятно встретиться с человеком, о котором я так много слышал. Вы же понимаете, что я имею в виду совсем другое.

Ваш инспектор задавал здесь довольно нескромные вопросы, но, вообще говоря, для полицейского он держался в допустимых рамках. Я пока не знаю, о чем будете спрашивать вы, но меня удивляет уж одно то, что такой высокий начальник лично занялся этим делом.

— А если я скажу, что делаю это из уважения к вам?

— Весьма польщен, но что-то не верится! Может

быть, с моей стороны было бы правильней спросить, в свою очередь, есть ли у вас законные основания для визита ко мне?

— Сделайте одолжение, господин Йонкер. Можете даже позвонить своему адвокату. Скажу прямо: у меня нет никакого официального ордера, и вы имеете полное право выставить меня за дверь. Но учтите: подобный отказ сотрудничать легко можно истолковать как нелояльность и даже как желание скрыть что-то...

Голландец улыбнулся и, наклонившись в кресле, протянул руку к коробке с сигарами.

— Полагаю, вы курите?

— Только трубку.

— Закуривайте, чувствуйте себя как дома.

Сам он выбрал сигару, поднеся ее к уху, размял в пальцах, словно проверяя на хруст, обрезал короче золотыми ножницами, потом медленно, почти ритуальными жестами, зажег и стал раскуривать.

— И еще один вопрос, — сказал он, выпустив живописное облачко синеватого дыма. — Скажите, я — единственный на авеню Жюно, кого вы удостоили своим посещением или же вы придаете этому делу такое большое значение, что сами ходите по домам, опрашивая жильцов?

Теперь настала очередь Мегрэ подыскивать слова.

— Вы не первый на этой улице, кому я задаю вопросы. Мои инспектора, как вы изволили выразиться, ходят по домам, но с вами я счел необходимым встретиться лично.

Йонкер слегка наклонил голову, как бы в знак благодарности за оказанную ему честь, но явно не поверил ни одному слову.

— Постараюсь ответить на ваши вопросы, если только они не будут носить слишком интимный характер, — сказал он.

Мегрэ приготовился спрашивать, когда зазвонил телефон.

— Вы позволите?

Йонкер снял трубку и, нахмурившись, кратко ответил по-английски. Школьные познания комисса-

ра в области английского языка были более чем скромны и почти не помогали ему в Лондоне, а тем более во время двух его поездок в Соединенные Штаты, где его собеседникам приходилось проявлять максимум старания, чтобы понять, о чем он говорит.

Однако он все же понял кое-что из разговора: голландец сказал, что занят, а на вопрос невидимого собеседника ответил:

— Да, из той же фирмы. Я позвоню попозже.

Пожалуй, это значило, что у него находится представитель той же «фирмы», что и инспектор, приходивший раньше.

— Извините... Я к вашим услугам.

Он уселся поудобнее, слегка откинувшись назад и облокотившись на ручки кресла, и приготовился слушать, время от времени бросая взгляд на кончик сигары, где постепенно нарастал беловато-серый столбик пепла.

— Вы спросили, господин Йонкер, что бы я делал на вашем месте. А попробуйте представить себя на моем! В этом квартале совершено преступление. Как всегда в подобных случаях, соседи могут припомнить подробности, детали, на которые они вначале не обратили особого внимания.

— Кажется, у вас это называется трепотней?

— Пусть так. Но мы-то обязаны эту трепотню проверить. Зачастую в ней нет правды ни на йоту, но иногда она наводит нас на след.

— Хорошо. О чем же трепались соседи в данном случае?

Но комиссар отнюдь не собирался сразу брать быка за рога. Он еще не определил для себя, с кем имеет дело: сидит ли перед ним порядочный, хотя и малоприятный, человек или, что называется, стреляный воробей, который разыгрывает простачка, а смотрит в оба.

— Вы женаты, господин Йонкер?

— Это вас удивляет?

— Нисколько. Мне говорили, что мадам Йонкер — красавица.

— Ах, вот вы о чем! Что же, я, конечно, человек

пожилой, скажем прямо — старый, разве что хорошо сохранился. — Моей жене всего тридцать четыре. Между нами разница в тридцать лет. Но неужели вы думаете, что мы — единственная пара в Париже или где бы то ни было? Неужели это так удивительно?

— Мадам Йонкер француженка?

— Я вижу, вас хорошо проинформировали. Да, она родилась в Ницце, но я с ней познакомился в Лондоне.

— Вы ведь не первый ее муж?

По лицу Йонкера мелькнула тень раздражения. Впрочем, его как истинного джентльмена подобное вмешательство в личную жизнь и впрямь могло шокировать, тем более что речь зашла о его молодой жене.

— До того, как стать мадам Йонкер, она была миссис Мьюр, — сухо ответил он.

И, внимательно посмотрев на свою сигару, добавил:

— Поскольку уж вы заговорили об этом, не думайте, что она вышла за меня из-за денег. К тому времени она уже была, как это говорится, вполне обеспечена.

— Для человека вашего положения, господин Йонкер, вы слишком мало выезжаете, — прервал разговор Мегрэ.

— Это что, упрек? Знаете, большую часть своей жизни я ездил по свету — жил и здесь, и в Лондоне, и в Соединенных Штатах, и в Индии, и в Австралии, — где только не был! Когда вы будете в моем возрасте...

— Мне осталось не так уж много...

— Да, так когда вы будете в моем возрасте, вы, возможно, тоже предпочтете домашний уют светским развлечениям, клубам и кабаре.

— Понятно. Тем более что вы, наверное, очень любите мадам Йонкер...

На сей раз бывший полковник британской армии надменно выпрямился в кресле и лишь чуть заметно

кивнул головой. От резкого движения столбик пепла сорвался с его сигары и упал прямо на пол.

Наступил момент, который Мегрэ старался оттянуть. Они подошли к самой щекотливой теме. Комиссар все же позволил себе маленькую передышку, начав раскуривать погасшую трубку.

— Итак, вернемся к тому, что вы назвали трепотней. Я хотел бы с вашей помощью убедиться, что некоторые полученные нами сведения относятся именно к этой категории.

Голландец потянулся к хрустальному графину на столе, и Мегрэ показалось, что рука его слегка дрожала, когда он наливал рюмку.

— Хотите кюрасао?

— Нет. Благодарю вас.

— Предпочитаете виски?

Не дожидаясь ответа, он нажал кнопку. Почти тотчас же на пороге вырос Карл.

— Принесите виски, пожалуйста, — сказал голландец и, обратившись к Мегрэ, спросил: — Пьете с содовой?

— С содовой.

Помолчали. Мегрэ окинул взглядом высокие, почти до потолка, стеллажи с книгами. В основном это были книги по изобразительному искусству: не только по живописи, но и по архитектуре и скульптуре. Комиссар заметил также каталоги крупных распродаж картин за добрых сорок лет.

— Благодарю вас, Карл. Вы передали мадам, что я занят? Она все еще наверху?

Подчеркивая свое внимание к гостю, Йонкер обращался к слуге не по-голландски, а по-французски.

— Да, мосье.

— Ваше здоровье, господин Мегрэ. Жду обещанной трепотни.

— Не знаю, как голландцы, но парижане, особенно старики, часами просиживают у своих окон. А уж на Монмартре это обычное дело. Таким образом, мы и узнали, что довольно часто — раза два-три в неделю — у вашей двери по вечерам звонят молодые женщины и их впускают в дом...

Уши голландца внезапно покраснели. Он промолчал, глубоко затянувшись сигарным дымом.

— Я мог бы предположить, что это подруги мадам Йонкер, но, поскольку все они девицы... гм... определенного круга, это маловероятно, — продолжал комиссар.

Ему редко приходилось столь тщательно выбирать выражения, и он давно уже не чувствовал себя так неловко.

— Вы отрицаете, что эти визиты имели место?

— Если уж вы побеспокоились, чтобы прийти сюда, господин Мегрэ, значит вы не сомневаетесь в своих сведениях. Признайтесь, что, если бы я вздумал отрицать это, вы бы представили мне несколько свидетелей.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Что вам еще известно об этих девицах?

— Вы отвечаете вопросом на вопрос.

— Я у себя дома, не правда ли? Вот если бы я сидел в вашем кабинете, то мы оба вели бы себя по-другому.

Комиссар решил уступить.

— Что ж, извольте. Речь идет о женщинах легкого поведения. Они не просто заходили к вам в дом, а проводили у вас часть ночи. Некоторые оставались и до рассвета.

— Да, это правда.

Он по-прежнему смотрел Мегрэ прямо в глаза, и только голубые глаза его словно потемнели и приобрели серовато-стальной оттенок.

Комиссару стало не по себе. Говорить дальше было нелегко. Но он заставил себя вспомнить о Лоньоне, который корчился сейчас на больничной койке, о неизвестном подлеце, который хладнокровно всадил бедняге в живот — чтобы было вернее — две пули из крупнокалиберного пистолета.

От Йонкера, разумеется, помощи ждать не приходилось. Он сидел молча с непроницаемым видом игрока в покер.

— Прошу вас поправить меня, если ошибусь, — продолжал Мегрэ. — Сначала я подумал, что эти де-

вицы приходят к вашему камердинеру. Потом я узнал, что у него есть подружка и что они не раз приходили как раз в то время, когда он выходил к ней на свидание. Будьте любезны сказать, где находится комната вашего слуги?

— На втором этаже, около ателье.

— Горничные и кухарка тоже спят на втором этаже?

— Нет. В саду есть флигель — там они и живут.

— Часто вы сами открывали дверь этим вечерним посетительницам.

Йонкер промолчал и снова посмотрел прямо в глаза комиссару.

— Прошу извинить, но по моим данным иногда открывала и ваша супруга.

— Я вижу, за нами здесь шпионят по всем правилам. Вы дадите сто очков вперед даже старым сплетницам в голландских деревушках. Может быть, вы мне, наконец, скажете, какая связь между этими визитами и выстрелами на улице? Я все еще отказываюсь поверить, что следили именно за мной и что по неизвестным мне причинам меня хотят превратить в нежелательного иностранца.

— Никто этого не собирается делать. Постараюсь играть в открытую. Обстоятельства преступления, использованное оружие и еще несколько подробностей, о которых я сейчас не имею права говорить, наводят на мысль, что стрелял профессионал.

— И вы думаете, что я связан с такого рода людьми?

— Попробуем наудачу сделать другое предположение. Известно, что вы очень богаты, господин Йонкер. В этом доме больше произведений искусства, чем во многих провинциальных музеях. Это бесценное сокровище! Есть ли у вас какая-нибудь сигнализация на случай тревоги?

— Нет. Настоящие профессионалы, как вы их называете, легко справятся с самой хитрой сигнализацией. Они, кстати, совсем недавно блестяще продемонстрировали это в Лувре. Я предпочитаю страховку, так надежней!

— Вас никогда не пытались ограбить?
— Не замечал.
— Вы уверены в ваших слугах?
— Карлу и кухарке я вполне доверяю, они служат у меня больше двадцати лет. Горничных я знаю меньше, но моя жена никогда не наняла бы их без солидных рекомендаций. Однако вы так и не объяснили мне, какая связь между этими, как вы говорите, посетительницами и...
— Сейчас объясню.
До сих пор Мегрэ удавалось довольно искусно вести разговор, и он вознаградил себя глотком виски.
— Представьте себе, что какая-то банда грабителей картин — таких сейчас немало — решила вас ограбить. Представьте себе далее, что это дошло до одного из здешних квартальных инспекторов, но он не решился действовать напрямик, ибо не имел точных сведений. Представьте себе наконец, что прошлой ночью этот инспектор расположился в доме напротив, как он делал уже не раз, надеясь поймать воров на месте преступления.
— Вам не кажется, что это было бы для него рискованно?
— Нам, в нашей профессии, часто приходится рисковать, господин Йонкер.
— Извините.
— При случае такие банды нанимают убийц, но, как правило, состоят из людей интеллигентных, образованных. Они никогда не работают без наводчика. В своих слугах вы уверены, остается предположить, что одна из этих девиц...
Верил ли Йонкер комиссару или уже учуял западню, понять было трудно.
— Певички из ночных кабаре всегда более или менее тесно связаны с блатным миром, как мы его называем.
— Вы хотите получить у меня списки имен, адресов и телефонов тех, кто сюда приходил?
Голландец все время говорил в ироническом тоне, но теперь в его голосе прозвучала издевка.
— Что же, это было бы недурно, но для начала

хотелось бы знать, зачем они вообще приходили к вам?

Ух! Он был уже почти у цели. Йонкер по-прежнему сидел не шевелясь, с потухшей сигарой в руке и, не моргая, смотрел в лицо комиссару.

— Так, — сказал он наконец, поднимаясь со своего кресла.

Положив окурок в синюю пепельницу, он прошелся по кабинету.

— В начале нашей беседы я сказал, что отвечу на ваши вопросы при том условии, что они не будут носить чересчур личный характер. Вы, надо отдать вам должное, довольно ловко связали мою личную жизнь с событиями прошлой ночи.

Он остановился перед Мегрэ. Тот, в свою очередь, тоже поднялся с кресла.

— Вы ведь давно в полиции?

— Двадцать восемь лет.

— Полагаю, вы не всегда имели дело с подонками. Вам, наверное, приходилось уже сталкиваться с людьми моего возраста и положения, которые подвержены определенным... скажем, наклонностям. Вы считаете это столь предосудительным? В Париже пуританские нравы не в моде!

— А мадам Йонкер?..

— О, мадам Йонкер знает жизнь! Она понимает, что некоторым мужчинам в моем возрасте разнообразие необходимо, ну, просто как возбуждающее средство, как стимулятор... Вы вынудили меня говорить о весьма интимных вещах. Надеюсь, теперь вы удовлетворены...

По-видимому, он считал разговор оконченным и довольно красноречиво посмотрел на дверь.

Но Мегрэ исподволь вновь перешел в атаку.

— Вы только что говорили об именах, адресах, телефонах...

— Надеюсь, вы не попросите их у меня. С моей стороны было бы просто непорядочно причинять им лишние хлопоты.

— Вы сказали, что мало выезжаете и не бываете

в ночных кабаре. Где же вы знакомитесь с вашими посетительницами?

Снова молчание. Снова замешательство.

— А вы разве не знаете, как это делается? — выдавил он наконец.

— Знаю, что есть посредники, но сводничество, как известно, карается законом.

— А их клиенты тоже подпадают под этот закон?

— Строго говоря, их можно обвинить в соучастии, но, как правило...

— Как правило, клиентов не трогают. Тогда мне нечего вам больше сказать, господин Мегрэ.

— Но у меня к вам есть еще одна просьба.

— Действительно просьба? Или под просьбой вы имеете в виду нечто иное?

Теперь они боролись уже в открытую.

— Как вам сказать? Если вы не выполните эту просьбу, я, возможно, должен буду обратиться к закону.

— Чего же вы хотите?

— Осмотреть ваш дом.

— Точнее говоря, обыскать?

— Вы забыли, что до сих пор я рассматривал вас как намеченную жертву неудавшегося ограбления.

— И вы хотите оградить меня от повторных попыток?

— Не исключено.

— Идемте.

Комиссару уже больше не предлагали ни сигар, ни виски. Из любезного собеседника Йонкер сразу превратился в крупного буржуа с замашками вельможи.

— Эту комнату, где я провожу большую часть дня, вы уже видели. Прикажете выдвинуть ящики?

— Не нужно.

— Довожу до вашего сведения, что в правом ящике автоматический пистолет системы «люгер» — память с войны.

И, достав пистолет, добавил:

— Заряжен. В спальне у меня есть еще браунинг, я покажу его вам. Он тоже заряжен.

Это гостиная. Вы, конечно, пришли не для того, чтобы любоваться картинами, тем не менее рекомендую вам бросить взгляд на эту картину кисти Гогена, которую считают одним из лучших его произведений. Я завещал ее амстердамскому музею.

Сюда, пожалуйста. Обратите внимание на ковер — вы разбираетесь в коврах? Пройдемте в столовую. Слева от камина — картина Сезанна, он закончил ее незадолго до смерти.

Эта дверь ведет в небольшую комнату — здесь жена принимает своих гостей.

Зал приемов. Как видите, Карл чистит столовое серебро.

Кухня — в подвале. Кухарка тоже там. Хотите спуститься?

В непринужденности голландца — хотел он того или нет — все время проскальзывали оскорбительные нотки.

— Нет.

— Тогда поднимемся. Эту лестницу перевезли сюда из старинного замка в окрестностях Утрехта. Налево мои комнаты.

Он широко распахнул перед Мегрэ двери, словно маклер по найму квартир, показывающий виллу заезжему любителю.

— Вот еще один кабинет, копия того, что на первом этаже. Люблю книги, да и не могу без них обойтись. В этих папках слева — история нескольких тысяч картин, списки всех их владельцев по порядку и цена, которую платили за них на распродажах.

Моя спальня. На ночном столике — второй пистолет, о котором я уже говорил. Плохонький браунинг калибра 6,35. Не оружие — игрушка, в беде вряд ли поможет.

Все стены, даже на лестничных клетках, были увешаны картинами. Но самые ценные оказались не в гостиной, а в спальне голландца. Сама же спальня с английским гарнитуром и глубокими кожаными креслами выглядела строго и чопорно.

— Моя ванная. Теперь пройдемте на другую половину. Разрешите, я посмотрю сначала, там ли жена.

Он постучал, приоткрыл дверь и ненадолго скрылся в комнате.

— Пройдемте, — сказал он, выходя. — Это ее спальня.

Обои в комнате были атласные, цвета мятой клубники.

— Ванная.

Заглянув в дверь, комиссар увидел ванну из черного мрамора, даже не ванну, а целый бассейн, куда вели несколько ступенек.

— Поднимемся этажом выше. Ведь я обязан показать все, не так ли?

Йонкер открыл еще одну дверь.

— Комната Карла. А дальше его ванная. Заметьте, у него стоит телевизор. Он предпочитает черно-белое изображение краскам великих мастеров.

Он постучал в дверь напротив.

— Можно, дорогая? Я показываю дом господину Мегрэ, старшему комиссару уголовной полиции. Я правильно вас представил, господин комиссар?

Войдя, Мегрэ невольно вздрогнул. Посреди застекленного ателье он увидел белый силуэт, склонившийся над мольбертом. «Привидение», — молнией вспыхнуло у него в мозгу, — именно это сказал Лоньон».

Одеяние мадам Йонкер по виду напоминало монашескую рясу, а по материалу — купальный халат. В довершение всего на голове ее был белый тюрбан из того же материала. В левой руке молодая женщина держала палитру, в правой — кисть. Ее черные глаза с любопытством смотрели на комиссара.

— Я много слышала о вас, господин Мегрэ. Рада познакомиться с вами.

Отложив кисть, она вытерла руку о свой белый халат, оставив на нем зеленые пятна.

— Надеюсь, вы не знаток живописи. Если да, то, умоляю вас, не смотрите на мою мазню.

Это и впрямь было неожиданно. После стольких шедевров, которыми увешаны стены этого дома, Мегрэ увидел перед собой полотно, испещренное бесформенными пятнами.

В этот миг что-то изменилось вокруг. Мегрэ почувствовал это сразу, хотя и не мог бы сказать, что именно. Все вокруг будто слегка сдвинулось с привычных мест, поменяло обличье. По-иному зазвучали слова, новый, скрытый смысл обрели жесты и движения хозяев. Быть может, причиной тому была молодая женщина в ее необычном одеянии, а быть может, странная обстановка ателье.

В огромном камине из белого камня, потрескивая, пылали поленья, языки пламени напоминали пляшущих домовых.

Теперь комиссар понял, почему занавеси в ателье, которое просматривалось из окон Маринетты Ожье, были почти всегда задернуты. Комната была застеклена с двух сторон, что позволяло выбрать нужное освещение.

Шторы из черного выцветшего плотного репса сели от частой стирки и слегка расходились посередине.

Все здесь казалось неожиданным. Особенно бросились в глаза Мегрэ обе поперечные стены — чисто выбеленные и совершенно голые — и языки пламени в камине, занимавшем добрую половину одной из них.

Когда он вошел, мадам Йонкер стояла с кистью у мольберта — значит, балуется живописью. Но почему же не видно ее картин на стенах? Почему они не лежат на полу или не стоят по углам, приставленные друг к другу, как это обычно бывает в ателье художников? Нет, ничего нет — ни на стенах, ни на отлакированном паркете. Около мольберта на изящном круглом столике — тюбики с красками. Чуть поодаль другой столик из светлого дерева — кажется, первый в этом доме предмет обихода, не имеющий музейной ценности. На нем навалом склянки, жестянки, тряпки. Ну, что тут еще есть? Два старинных шкафа, стул, кресло с полинявшей обивкой.

Мегрэ все еще не мог понять, что именно его здесь встревожило, но был готов к любым сюрпризам. Слова голландца, обращенные к жене, заставили его еще больше насторожиться:

— Комиссар пришел не для того, чтобы любоваться моей коллекцией. Как ни странно, он хочет потолковать с нами о ревности. Его, видишь ли, удивляет, что не все женщины ревнивы.

Это могло сойти за банальность, произнесенную в столь свойственном Йонкеру ироническом тоне, но Мегрэ понял, что голландец подает жене сигнал, и мог бы поклясться, что та едва уловимым движением век дала понять, что приняла это к сведению.

— У вас ревнивая жена, господин Мегрэ? — спросила она.

— Признаться, она еще не давала мне повода подумать над этим.

— Наверное, через ваш кабинет проходит много женщин?

Может ли это быть! Ему показалось, что и эти слова — сигнал, но только адресованный ему.

Он постарался припомнить, не приходилось ли ему встречаться с этой женщиной на Кэ-дез-Орфевр. Их взгляды встретились. На ее прекрасном лице застыла вежливая улыбка хозяйки дома, принимающей гостей. Но ему казалось, что в огромных черных глазах с трепещущими ресницами он вот-вот прочтет что-то совсем иное.

— Вы ведь француженка? — спросил Мегрэ.

— Норрис вам уже об этом сказал?

Вопрос прозвучал совершенно естественно. Может быть, зря он ищет в нем скрытый смысл?

— Я знал это до прихода сюда.

— О, значит, вы наводили о нас справки? — заметил голландец.

От его прежней непринужденности не осталось и следа. Это был уже не тот Йонкер, который высокомерно говорил с Мегрэ в своем кабинете и потом издевался над ним, разыгрывая роль гида в музее.

— Ты устала, дорогая? — спросил он. — Не пойти ли тебе отдохнуть?

Новый сигнал? Или приказ?

Сбросив свою белую ряску, мадам Йонкер осталась в простом черном платье. Она сразу стала словно выше ростом, платье плотно облегало ее

стройиую фигуру и чуть полноватые формы женщины в расцвете лет.

— И давно вы увлекаетесь живописью, мадам?

— Среди такого множества картин трудно удержаться от искушения самой взяться за кисть. В особенности если муж ничем, кроме живописи, не интересуется,— уклончиво ответила она. — Конечно, не мие тягаться с великими мастерами, чьи полотиа постоянно у меня перед глазами. Я могу позволить себе лишь абстрактную живопись. Только, ради бога, не спрашивайте, что означает моя мазия...

Мегрэ внимательно прислушивался к ее речи, стараясь не упустить малейших нюансов.

— Вы родились в Ницце?

— И об этом вам известно?

И тут, пристально глядя ей в глаза, ои ианес хорошо рассчитанный удар.

— У меня есть любимые места в этом городе, например церковь святого Репарата.

Она не вздрогнула, не покраснела, но по какимто неуловимым признакам он понял, что попал в цель.

— Я вижу, вы хорошо знаете город...

Одно упоминание о церкви святого Репарата вызывало в памяти старую Ниццу, узкие улочки, куда почти иикогда не проникает солнце и где круглый год на веревках, протянутых между домами, сушится белье.

Теперь он был почти уверен, что она родилась именно там, в этих кварталах бедиоты, где в полуразвалившихся домишках ютится по пятнадцать-двадцать семей в каждом, а на лестницах и во дворах кишмя кишит детвора.

Ему показалось даже, что между ними установился своеобразный молчаливый контакт, словно на глазах у мужа, от которого все эти тонкости начисто ускользнули, они обмеиялись тайным масонским приветствием.

Комиссар Мегрэ был большим человеком в уголовной полиции, но вышел ои из народа.

Мадам Йонкер жила среди картин, достойиых Лувра, одевалась у дорогих портных, устраивала ро-

скошные приемы в Манчестере и Лондоне, носила бриллианты и изумруды, но выросла она на мостовых старой Ниццы, под сенью церкви святого Репарата. И Мегрэ не удивился бы, узнав, что она когда-то торговала цветами на площади Массена.

Оба поняли это и, поняв, вошли в новую роль — теперь за репликами, которыми они обменивались, скрывалось нечто совсем иное, и эти невысказанные слова не имели ни малейшего отношения к отпрыску голландских банкиров.

— Великолепное ателье! — сказал Мегрэ. — Ваш супруг оборудовал его для вас?

— Нет, что вы! Он строил этот дом еще до знакомства со мной! В те времена у моего мужа была в подругах настоящая художница. Ее полотна до сих пор выставляют в картинных галереях. Он истратил на нее кучу денег, и я спрашиваю себя иногда, почему он на ней не женился? Может, она была уже не так молода? Что вы на это скажете, Норрис?

— Сейчас уж не помню...

— Вы только полюбуйтесь, как он воспитан, как деликатен!

— Но, мадам, вы не ответили на мой вопрос, давно ли вы увлекаетесь живописью?

— Не очень... несколько месяцев...

— И большую часть времени вы проводите здесь, в ателье?

— Да. О, это настоящий допрос! — воскликнула она в шутливом тоне. — Судя по тому, как вы спрашиваете, вы плохо знаете женщин. Ведь я хозяйка в этом доме. Спросите меня, чем я была занята вчера в это время — вряд ли я отвечу. Я, надо вам сказать, большая лентяйка, и мне кажется, что у лентяев время бежит куда быстрее, чем у занятых людей. Большинство, правда, считают, что наоборот... Просыпаюсь я поздно, люблю понежиться в постели; пока встану, пока поболтаю с горничной, а там кухарка приходит за распоряжениями... Глядишь, уже обедать пора, а я еще толком не проснулась.

— Вы слишком разговорчивы и откровенны сегодня, — заметил Йонкер.

— Хм, я до сих пор и не подозревал, что можно рисовать по вечерам... — сказал Мегрэ.

На этот раз супруги явно переглянулись. Голландец нашелся первым.

— Импрессионисты — эти фанатики солнца — возможно, согласились бы с вами, а вот модернисты предпочитают искусственное освещение. По их мнению, оно обогащает палитру множеством полутонов и оттенков.

— Так поэтому, мадам, вы и рисуете ночами? — повторил Мегрэ свой вопрос.

— Смотря по настроению...

— Бывает, что настроение приходит после ужина, и вы простаиваете у мольберта до двух ночи, — не унимался комиссар.

— От вас решительно ничего не скроешь, — мадам Йонкер произнесла это с вымученной улыбкой.

Мегрэ кивнул на черный занавес, которым была задернута застекленная стена, выходившая на авеню Жюно.

— Занавес, как видите, закрывается неплотно. Я уже говорил вашему мужу, что на любой улице среди жильцов найдется хоть один, страдающий бессонницей. Интеллигенты в таких случаях читают или слушают музыку, ну, а люди попроще сидят у окна...

Теперь Йонкер полностью передавал слово жене, словно чувствуя, что почва ускользает у него из-под ног. Пытаясь скрыть тревогу, он прислушивался к разговору с напускным безразличием и пару раз даже отходил к окну, погружаясь в созерцание панорамы Парижа.

Небо все больше прояснялось, на западе сквозь облака уже проглядывало заходящее багровое солнце.

— В этих шкафах вы храните свои полотна? — спросил Мегрэ.

— Нет... Хотите в этом убедиться?.. Не стесняйтесь, я все понимаю, такая уж ваша служба!

Она открыла один из шкафов: он оказался доверху набит рулонами бумаги, тюбиками масляных красок, какими-то склянками и коробками.

Все было в полном беспорядке, как и на столике. Зато во втором шкафу лежали лишь три холста с подрамниками, на которых еще сохранились этикетки соседнего магазина на улице Лепик.

— Вы разочарованы? Ожидали увидеть здесь человеческий скелет? — сказала мадам Йонкер, намекая, очевидно, на известную английскую пословицу, гласящую, что в каждом доме есть свои тайны — «свой скелет в платяном шкафу».

— Для скелета нужен покойник, а Лоньон пока еще не отдал богу душу в Биша, — нахмурившись, возразил Мегрэ.

— О ком это вы говорите? — спросила мадам Норрис.

— Об одном инспекторе... А скажите, мадам, вы уверены, что в тот момент, когда раздались выстрелы, точнее говоря, три выстрела, вы находились в своей комнате?

— А не кажется ли вам, господин Мегрэ, —не выдержал Йонкер, — что на сей раз вы зашли слишком далеко?..

— В таком случае ответьте на этот вопрос сами. В самом деле, ваша супруга посвящает часть своего времени живописи, чаще всего она рисует по вечерам и, случается, проводит в ателье чуть ли не всю ночь. Но странное дело — здесь почти пусто: ни мебели, ни картин...

— Разве во Франции есть особый закон о том, как художникам надлежит обставлять студии? — поднял брови голландец.

— Где вы видели студию, в которой не было бы ни одного полотна, законченного или незаконченного? Хотелось бы знать, мадам, что вы делаете со своими картинами?

Она с надеждой посмотрела на мужа, как бы предоставляя ему самому найти подходящий ответ.

— Поймите, Мирелла вовсе не считает себя художницей...

Мегрэ впервые услышал ее имя.

— К тому же она весьма взыскательна к себе и обычно уничтожает картину, не окончив ее...

— Минуточку, господин Йонкер... Еще один вопрос — знаю, что надоел, но такой уж я дотошный. Мне случалось бывать в мастерских художников... Так вот скажите — как они уничтожают неудавшиеся картины?

— Ну, разрезают их на куски, потом сжигают или выбрасывают в мусорный ящик.

— А до этого?

— То есть как «до этого»? Я вас не понимаю...

— Неужели? Такой знаток, и не понимаете! А подрамники? Что, их тоже каждый раз выбрасывают? У вас, наверное, так — ведь в этом шкафу три новехоньких подрамника.

— Моя жена раздает иногда свои картины друзьям, те, которые ей более или менее удались...

— Не те ли, за которыми кто-то приезжает по вечерам?

— Когда по вечерам, когда днем. Какая разница?..

— Стало быть, вашей супруге картины удаются гораздо чаще, чем она говорила только что...

— Иногда увозят и другие картины — у меня их много!

— Я вам еще нужна? — спросила мадам Йонкер. — Может быть, спустимся вниз? Выпили бы кофе или чаю?

— Благодарю, мадам, только не сейчас. Ваш супруг любезно согласился показать мне свой дом, но до сих пор не сказал, что находится за этой дверью, — Мегрэ указал на темную дубовую дверь в глубине ателье. — Как знать, не обнаружим ли мы там сохранившиеся образцы вашего творчества?

Атмосфера накалялась: казалось, что даже воздух в комнате наэлектризован. Голоса звучали приглушенно, отрывисто.

— Боюсь, что нет, господин Мегрэ, — сказал Йонкер.

— Вы уверены?

— Да, уверен. Долгие месяцы, а то и годы прошли с тех пор, как я в последний раз отпирал эту дверь. Когда-то это была комната женщины, о кото-

рой вам уже говорила жена. Ну, той самой художницы... Там мы... она, одним словом, она любила отдохнуть там, в перерывах между работой...

— Ах, вот как! И теперь комната стала для вас неприкосновенной святыней! Надо же! До сих пор не можете забыть?

Мегрэ умышленно перешел на этот тон, надеясь вывести голландца из равновесия.

— Господин Мегрэ, если я нагряну к вам в дом, начну рыскать по углам и докучать вашей жене вопросами, то, смею вас заверить, многое в вашей личной жизни покажется весьма странным, чтобы не сказать больше. У каждого из нас, изволите ли видеть, свой образ мыслей и свой быт, недоступный пониманию посторонних.

Дом этот обширен... Меня мало что интересует, кроме моих картин. В свете мы бываем редко... Моя жена, как вы уже знаете, балуется живописью... Удивительно ли, что она не придает большого значения судьбе своих картин: она вольна их сжечь, выбросить в мусорный ящик или подарить друзьям...

— Друзьям? Каким друзьям?

— Я вам уже сказал и сейчас могу только повторить: было бы непорядочно и бестактно с моей стороны впутывать совершенно непричастных людей в неприятности, которые обрушились на меня только из-за того, что вчера ночью какие-то неизвестные стреляли у нас на улице...

— Ну ладно, давайте все-таки вернемся к этой двери...

— Не знаю, сколько комнат в вашей квартире, господин Мегрэ, в моем доме их тридцать две. Я держу прислугу — четырех человек. Горничных мы иногда меняем — некоторые из них нескромны и позволяют себе слишком много. Человек нашего круга не удивился бы, узнав, что кто-то из прислуги потерял ключ от одной из комнат...

— И вы до сих пор не заказали другого?

— Мне это не пришло в голову.

— Вы уверены, что в доме нет запасного ключа?

— Насколько мне известно — нет... Впрочем, мо-

жет быть, он где-то здесь и, возможно, найдется когда-нибудь в самом неожиданном месте...

— Вы позволите мне отсюда позвонить? — сказал Мегрэ, подходя к телефону на столике.

Еще раньше комиссар заметил телефонные аппараты почти во всех комнатах: безусловно, в доме был свой коммутатор.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Йонкер.

— Вызвать слесаря.

— Я не потерплю этого, господин Мегрэ. Мне кажется, вы превышаете свои полномочия!

— В таком случае мне придется позвонить в прокуратуру и запросить ордер на обыск...

Супруги снова переглянулись. Потом Мирелла молча пододвинула к шкафу табурет, стоявший у мольберта, влезла на него и, пошарив наверху, тут же спрыгнула на пол, держа в руках ключ.

— Видите ли, господин Йонкер, меня особенно поразила одна деталь, вернее, две аналогичные детали. В дверях ателье врезан замок не изнутри, а снаружи: это не совсем обычно, — сказал Мегрэ. — А пока вы говорили со мной, я обратил внимание, что и в той комнате, о которой шла речь, замок снаружи... Удивительное совпадение, не правда ли?

— Удивляйтесь на здоровье, господин Мегрэ. Вы, как вошли в дом, так и не перестаете удивляться! Еще бы, наш образ жизни вам в диковинку. Куда уж тут понять?

— Как видите, я стараюсь по мере сил, — вздохнул Мегрэ.

Мадам Йонкер протянула комиссару ключ. Он взял его и направился к закрытой двери. Супруги Йонкер не двинулись с места; они напоминали сейчас две статуи, выставленные в огромной мастерской.

Мегрэ открыл дверь.

— Так когда же вы открывали эту дверь в последний раз?

— Это неважно, — бросил Йонкер.

— Вас, мадам, почему — вы, наверное, догадываетесь, я не прошу заходить сюда, но вас, сударь, я попросил бы подойти поближе...

Голландец направился к Мегрэ, изо всех сил стараясь сохранить свое обычное достоинство.

— Заметьте, пол здесь чист, ни следа пыли. Это во-первых! Притронетесь к полу — и вы убедитесь, что кое-где паркет еще сырой — стало быть, пол мыли недавно... Кто-то убирал эту комнату сегодня утром или самое позднее вчера ночью. Спрашивается — кто?

— Во всяком случае, я никого сюда не посылала, — услышал Мегрэ голос Мнреллы. — Можете спросить об этом у горничных. Разве что муж распорядился.

Комната оказалась небольшой. Из ее единственного окна, как и в мастерской, открывался вид на Париж. Старенькие цветастые занавески были перепачканы краской. В некоторых местах на них сохранились еще цветные отпечатки пальцев. Комиссар готов был поклясться, что кто-то малевал здесь пальцем и вытирал потом руки о занавеску.

В углу стояла железная кровать с матрацем, но без простыней и одеяла.

Однако внимание Мегрэ привлекли прежде всего стены грязно-белого цвета, сверху донизу покрытые рисунками, мягко говоря, весьма фривольного свойства. «Заборная живопись, — мелькнуло у Мегрэ, — как в общественной уборной».

— Не смею предположить, — сказал он едко, — что эти рисунки дело рук вашей бывшей подруги. Впрочем, вот тот женский контур сразу опроверг бы эту гипотезу...

На стене в указанном месте красовался контур Миреллы, набросанной несколькими жирными штрихамн. Надо было отдать справедливость неизвестному художнику: набросок выглядел куда более живо, чем некоторые старые полотна в салоне.

— Ждете объяснений? — спросил Йонкер.

— Да нет, зачем же... Ведь вы сами сказали, что ваш образ жизни мне в диковинку. Кое-что у вас мне и впрямь никогда не понять. Но все же я почти убежден, что даже, как вы говорите, люди вашего

круга удивились бы, увидев эти... хм! фрески среди ваших бесценных полотен.

Поморщившись, комиссар продолжал осматривать комнату. Рядом с кроватью на стене он заметил вертикальные зарубки, которые напоминали ему своеобразные календари заключенных на стенах тюремных камер.

— Здешний жилец, — сказал он, — как видно, с нетерпением ждал, когда его выпустят отсюда. Вон даже дни считал!

— Я вас не понимаю.

— А кто рисовал на стенах — вы тоже не знаете?

— Я как-то заглянул в эту комнату...

— Давно это было?

— Несколько месяцев, я вам уже говорил... Поверьте, я сам был неприятно удивлен, увидев эти рисунки. Отлично помню, как закрыл тогда дверь и забросил ключ на шкаф...

— В присутствии жены? — усмехнулся Мегрэ.

— Этого я не помню...

— Мадам, вам было известно о рисунках на стенах?

Мирелла утвердительно кивнула.

— И какое же впечатление произвел на вас ваш портрет?

— Ну какой там портрет! Так, набросок. Для этого большого таланта не требуется...

— Не хотите, значит, говорить, кто это рисовал. Что ж, я подожду.

Воцарилось молчание. Мегрэ, не спрашивая разрешения, вытащил из кармана трубку.

— Пожалуй, все же мне лучше вызвать своего адвоката, — пробормотал голландец. — Я не силен во французских законах и не знаю, имеете ли вы право допрашивать нас подобным образом.

— Воля ваша, но учтите, если вы тут же, не сходя с места, не ответите толком на мой вопрос, то со своим адвокатом вам придется говорить уже у меня на Кэ-дез-Орфевр, ибо я буду вынужден немедленно отвезти вас туда.

— Без ордера на арест?

— Не беспокойтесь! Если потребуется, ордер будет у меня на руках через полчаса...
И комиссар направился к телефону.
— Постойте!
— Кто жил в этой комнате?
— Это старая история... Может быть, мы спустимся теперь и продолжим этот разговор за бокалом вина? Я не прочь бы и закурить, но сигары остались внизу...
— Ну что ж, извольте, но при условии, что мадам Йонкер пойдет с нами...
Она первая направилась по лестнице усталой походкой приговоренной, за ней пошел Мегрэ, замыкал шествие Йонкер.
— Здесь? — спросила Мирелла, когда они вошли в салон.
— Нет, лучше в моем кабинете.
— Что будете пить, господин Мегрэ?
— Пока ничего...
Она уже заметила стаканы на письменном столе и поняла, что до этого комиссар пил вместе с ее мужем. И Мегрэ не сомневался, что его теперешний отказ она восприняла как признак нарастающей угрозы.
За окнами темнело. Голландец зажег свет, затем налил себе кюрасао и вопросительно посмотрел на жену.
— Нет, я предпочитаю виски...
Йонкер сел первый, приняв точно такую же позу, как час назад.
Жена со стаканом виски в руке осталась стоять.
— Два или три года назад... — начал любитель живописи, отрезая кончик сигары.
Комиссар перебил его:
— Заметьте, вы никогда не указываете точно время действия. С тех пор как я здесь, вы еще не назвали ни одной даты, ни одного имени, кроме имен давно умерших художников... Я только и слышу от вас «рано», «поздно», «под вечер», «с неделю, с месяц назад».

— Видимо, потому, что точное время меня не волнует. Я не чиновник и не обязан в определенный час являться на работу, к тому же до сегодняшнего дня мне еще не приходилось ни перед кем отчитываться в своих действиях, — ответил голландец.

Он явно пытался снова перейти в наступление, но его барское высокомерие казалось теперь напускным. И Мегрэ уловил неодобрительный и тревожный взгляд, брошенный Миреллой на мужа.

«Видно, детка, ты по опыту знаешь, что с полицией шутки плохи, — подумал комиссар. — Любопытно, где и когда тебе довелось впервые иметь с нами дело? В Ницце, во времена твоей молодости? Или в Лондоне?»

— Хотите — верьте, хотите — нет, господин Мегрэ: два или три года назад меня познакомили с одним молодым художником. Человек большого таланта — он жил в потрясающей нищете; ему случалось ночевать под мостом и питаться объедками...

— «Познакомили», говорите вы? Кто же именно вас познакомил с этим молодым человеком: кто-либо из друзей или какой-нибудь торговец картинами?

Йонкер отмахнулся, словно отгоняя назойливую муху.

— Какое это имеет значение! Сейчас я уже не помню кто. Я тогда подумал, что ателье в доме пустует, и, признаюсь, мне стало совестно.

— Ваша жена тогда не увлекалась живописью?

— Нет. Ее тогда еще здесь и не было.

— А как фамилия этого любителя рисовать на стенах?

— Я знал его только по имени.

— Так как же его звали?

— Педро, — помолчав, ответил голландец.

Он явно лгал.

— Испанец или итальянец?

— Представьте, меня это никогда не интересовало! Я предоставил в его распоряжение ателье и комнату, дал ему денег на краски и холсты.

— А вечерами вы запирали его на ключ, чтобы он не шатался по кабакам?

— Ничего подобного!
— Зачем же эти наружные замки?
— Я велел поставить их еще во время строительства дома.
— Для чего?
— О боже мой, это же ясно! Впрочем, вам, конечно, невдомек — вы не коллекционер! Я долго хранил здесь часть своих картин — те, которым не хватило места на стенах. Естественно, я запирал двери, или, по-вашему, надо было оставлять кого-то в этом помещении?
— Но ведь ателье было оборудовано для вашей тогдашней подруги-художницы.
— Замок поставили уже после ее отъезда. Это вас устраивает?
— И на двери задней комнаты тогда же?
— Кажется, я просил слесаря поставить замок и там.
— Ну хорошо, вернемся к вашему Педро.
— Он прожил в доме всего несколько месяцев.
— Несколько, — подчеркнул Мегрэ.
Мирелла не смогла сдержать улыбку.
Голландец явно нервничал, но, обладая, по-видимому, редкой выдержкой, все еще держал себя в руках.
— Так вы говорите, что это был большой талант?
— О да!
— И теперь он сделал карьеру, стал известным художником?
— Не знаю... я потерял его из виду. В то время я не раз поднимался к нему в ателье и восхищался его работой...
— Вы покупали его картины?
— Посудите сами, можно ли покупать картины у человека, которого полностью содержишь?
— Значит, у вас не сохранилось ни одной его картины? И ему не пришло в голову подарить вам хоть одну из них перед своим отъездом?..
— В этом доме нет ни одного полотна, написанного позднее чем тридцать лет назад. Настоящий любитель живописи почти всегда коллекционер... Любая коллекция, как известно, ограничена определен-

ными временными рамками... Моя коллекция начинается с Ван-Гога и заканчивается Модильяни...

— Педро питался наверху?

— А вы как думаете?

— Его Карл обслуживал?

— Это вопрос уже по женской части.

— Да, Карл, — неуверенно подтвердила Мирелла.

— А Педро часто выходил из дома?

— Как и все молодые люди его возраста.

— Да, кстати, сколько ему было лет тогда?

— Года двадцать три. Потом к нему стали наведываться друзья и подруги. Поначалу их было немного — в ателье заходили лишь два-три человека. Но постепенно Педро вошел во вкус. По ночам у него собирались целые ватаги — человек по двадцать. Поднимались такой шум и гам, что жена всю ночь не могла уснуть — ее спальня как раз под ателье.

— Мадам, вы ни разу не полюбопытствовали посмотреть, что же здесь происходит? — обратился комиссар к Мирелле.

— Я предоставила это мужу.

— И чем же дело кончилось?

— Он дал Педро немного денег и выставил его за дверь.

— Именно тогда, сударь, вы и обнаружили в комнате эти «фрески»?

Йонкер кивнул.

— А вы, мадам, видели их тогда? Ведь ваш портрет на стене — свидетельство тому, что Педро был в вас влюблен. Он не пытался ухаживать за вами?

— Если вы будете продолжать разговор в подобном тоне, господин Мегрэ, я вынужден буду проинформировать нашего посла о самоуправстве французской полиции, — резко сказал Йонкер.

— Заодно проинформируйте его и о тех особах, которые приходят к вам по вечерам, а уходят глубокой ночью, если не под утро.

— А я-то думал, что знаю французов.

— А я полагаю, что знаю голландцев...

— Прошу вас, не надо ссориться, — вмешалась Мирелла.

— Хорошо. Тогда один вопрос, на который мне хотелось бы, в порядке исключения, получить совершенно точный ответ: в котором часу вы ушли из ателье в прошлую ночь?

— Дайте подумать... Во время работы я снимаю часы, а наверху, как вы заметили, часов на стене нет... Помню, около одиннадцати вечера я отпустила горничную...

— Вы были в этот момент в ателье?

— Да. Она поднялась туда и спросила, ждать ли ей, пока я кончу, или приготовить постель и уйти.

— Вы писали картину, которая осталась на мольберте?

— Да. Я долго простояла над холстом с угольным карандашом в одной руке и тряпкой — в другой, думая о сюжете.

— Какую же картину вы задумали?

— Я бы назвала это «Гармония». Не думайте, что абстрактное полотно не нуждается в сюжете и что его можно начать наудачу, с чего угодно! Абстракционизм требует, пожалуй, больше размышлений и поисков, чем предметная живопись!

— Итак, в котором часу вы ушли из ателье?

— Когда я спустилась к себе, было, видимо, около часу ночи.

— Уходя, вы погасили свет?

— Скорее всего, ведь это делается машинально.

— Вы были одеты так же, как и сегодня: в белом халате и с чалмой на голове?

— Да, это старый купальный халат, а чалма — просто банное полотенце. Как-то неловко, знаете, надевать блузу — профессиональный костюм художника, ведь я дилетантка!

— Ваш муж уже спал? Вы не зашли к нему в спальню пожелать спокойной ночи?

— Обычно я этого не делаю, когда ложусь позже, чем он.

— Боитесь встретить там одну из посетительниц?

— Да, если угодно.

— Ну вот, кажется, и все... — произнес Мегрэ.

Комиссар сразу почувствовал, как его последние

слова разрядили обстановку, но на самом деле он вовсе не собирался давать противнику передышку. Это был лишь его старый излюбленный прием. Он зажег погасшую трубку, некоторое время молча курил, словно вспоминая, не забыл ли что спросить, и потом внезапно заговорил снова:

— С присущим вам тактом, сударь, вы изволили отметить, что я ровно ничего не смыслю ни в психологии поклонника искусств, ни в его поступках. Судя по каталогам в вашей библиотеке, вы следите за крупными аукционами, где купили немало полотен; ведь какое-то время вам пришлось даже хранить их в ателье — на стенах, как вы сказали, не хватало места. Так? Сейчас там ничего нет. Стало быть, некоторые картины перестают вам нравиться и вы их продаете?

— Что же, попытаюсь внести в этот вопрос полную ясность, чтобы больше к нему не возвращаться, — сказал Йонкер. — Часть моего собрания досталась мне в наследство от отца, который был не только финансистом, но и большим меценатом. Именно он открыл и вывел в люди некоторых художников, чьи произведения ныне скупают крупнейшие музеи.

Несмотря на значительные доходы, я, конечно, не в состоянии купить все интересующие меня картины.

Как всякий коллекционер, я начал с картин второразрядных, вернее, с малоизвестных произведений великих мастеров.

С течением времени ценность этих полотен возрастала, а я сам все глубже проникал в таинства живописи. Таким образом, у меня появилась возможность, продавая некоторые из своих картин, приобретать взамен более известные и ценные.

— Простите, я вас перебью. Вы занимались этим до последнего времени?

— Я буду заниматься этим до конца своих дней...

— Картины, предназначенные для продажи, вы отправляли на большие аукционы в Отель Друо или сбывали их через коммерсантов?

— Иногда я отправлял одну-две картины на пуб-

личные распродажн, но лншь нзредка. С молотка картнны продают лншь случайные наследникн. Крупные коллекцнонеры, как правило, сбывают свон полотна другим путем.

— Каким же?

— Онн следят за спросом н знают, например, когда какой-либо музей в Соеднненных Штатах нли, скажем, в Латинской Амернке ищет Ренуара или «голубого» Пикассо. И еслн коллекционер хочет продать такую картнну, он непосредственно связывается с этнм музеем.

— Следовательно, вашн соседн моглн вндеть, как увозят проданные вамн картнны?

— Да, впрочем, это могли быть полотна жены, которые она дарнла друзьям.

— Могли бы вы, господнн Йонкер, назвать мне нмена некоторых вашнх покупателей? Ну, скажем, за последннй год?..

— Нет, не могу.

Голос голландца прозвучал холодно н решительно.

— В таком случае я вправе думать, что речь ндет о контрабанде?

— Ну зачем же такне снльные слова? Но вообще говоря, дело это, конечно, делнкатное. Большинство стран объявляют ценные полотна нацнональным достоянием н ограничнвают нх вывоз со своей территорнн. Теперь вы поннмаете, почему я не могу назвать вам нмена своих покупателей. У меня покупают картнну, я передаю ее новому хозянну, он расплачнвается со мной, н ее дальнейшая судьба меня больше не волнует. Где она оказывается в итоге — я не знаю.

— Так уж н не знаете? — перебил Мегрэ.

— И не хочу знать! Это уже не мое дело. Точно так же меня не волнует, в чьнх руках побывала картина, которую я покупаю...

Мегрэ встал. Ему казалось, что прошла целая вечность с того момента, как он вошел в этот дом.

— Простите, мадам, что я прервал вашн обычные занятня н нсковеркал вам весь день...

Мнрелла промолчала, но в ее красноречнвом взгляде он прочел немой вопрос: «Ведь это еще не

все, не так ли? Я-то, слава богу, знаю полицию! Вы теперь не выпустите нас из рук! Какую же западню вы готовите?»

Она повернулась к мужу, хотела было что-то сказать, но так и не сказала. И, прощаясь с Мегрэ, пробормотала лишь обычное:

— Рада была с вами познакомиться...

Йонкер встал и, затушив сигару в пепельнице, сказал с легким поклоном

— Прошу извинить меня за непозволительную вспыльчивость. Мне ни на минуту не следовало забывать об обязанностях хозяина дома...

Он не стал вызывать камердинера и сам проводил Мегрэ до двери.

Прежде чем сесть в такси на углу улицы Коленкур, Мегрэ не удержался и зашел в знакомое бистро, где побывал еще утром. Он заказал две кружки пива и выпил их, смакуя каждый глоток.

БОСОЙ ПЬЯНИЦА

В бистро на окраинах запоминают клиентов чуть ли не с первого раза, во всяком случае, хозяин в рубашке с засученными рукавами, казалось, удивился тому, что посетитель, утром заказавший грог, к вечеру перешел на пиво. А когда Мегрэ попросил жетон для телефона, он не выдержал:

— Только один? Утром вы три просили!

В кабине стоял густой запах яблочного спирта; кальвадосом пахло даже от телефонного диска; как видно, клиент, звонивший отсюда недавно, успел до этого изрядно накачаться.

— Алло, кто у телефона?

— Инспектор Неве.

— Люка там?

— Сейчас позову... Минуточку... Он разговаривает по другому аппарату...

— Извините, шеф, что заставил вас ждать, — раздался в трубке голос Люка.

— Ничего! Слушай, Люка, за домом некоего Норриса Йонкера, что на авеню Жюно, нужно устано-

вить слежку и как можно быстрее. Это напротив дома, откуда выходил Лоньон, когда на него напали. Нет, одним не обойтись, пошли двух, и с машиной!

— Трудновато будет! Машины все в разгоне.

— Хоть из-под земли добудь! Следить нужно не только за Йонкерами, если они куда поедут, но и за всеми, кто к ним приходит. Не теряй времени!

Такси медленно пробиралось в потоке машин, то и дело останавливаясь перед светофорами.

Еще в машине Мегрэ почувствовал вдруг какую-то неясную тревогу. С чего бы это? Казалось, сегодня он мог быть вполне доволен собой. Как ни старался Йонкер сбить его с толку — ничего не вышло. Не помогли голландцу ни надменный тон, ни окружавшая его роскошь, ни красавица жена.

Так-то оно так! Но откуда же это чувство досады и смутного беспокойства? У Йонкера большую часть времени Мегрэ провел в его кабинете; обошел с хозяином дом сверху донизу; кульминацией всего визита, несомненно, был разговор в ателье на третьем этаже. И все-таки не это главное! А что же? Комната с рисунками на стенах и с незастланной железной кроватью! Вот что!

...Фривольный портрет Миреллы Йонкер, нарисованный на стене, казалось бы, кое-как, несколькими небрежными взмахами кисти, был настолько выразителен и полон жизни, что Мегрэ, как ни старался, уже не мог себе ее иначе представить.

Но кто же осмелился изобразить хозяйку дома в таком виде? Женщина? Вряд ли! Безумец? Пожалуй. Рисунки шизофреников, которые доводилось видеть комиссару, нередко отличались такой же выразительностью и силой воображения.

В той комнате кто-то жил и совсем недавно — это факт! Иначе полы не стали бы мыть за несколько часов до его прихода, а стены давно бы побелили!

Мегрэ неторопливо поднялся по широкой лестнице Дворца правосудия. Как часто бывало, он не прошел к себе в кабинет, а заглянул сначала в комнату инспекторов. На столах горели лампы, ребята корпели над бумагами — ни дать ни взять ученики вечер-

ней школы. Он не подошел ни к кому, никого не окликнул, но сразу почувствовал себя в привычной деловой обстановке. И в комнате никто не поднял головы; все глядели на него украдкой, словно школьники за сочинением при входе учителя, и всем стало ясно, что Мегрэ озабочен, взволнован, что он не просто устал, а, как говорится, работает на пределе.

Мегрэ приоткрыл дверь.

— Жанвье здесь?

— Иду, шеф.

Мегрэ некоторое время молча раскладывал на столе свои прокуренные трубки, потом бросил:

— Ну давай рассказывай. Сначала о Лоньоне...

— Я звонил в Биша минут десять назад... Старшая медсестра уже рычит на меня... «Пока никаких изменений, — говорит, — и до завтрашнего утра не трудитесь звонить...» Его еще не вывели из комы — он, правда, открывает иногда глаза, но не понимает, где он и что с ним...

— Экс-жениха Маринетты ты разыскал?

— А как же! Застал его на работе. Он пришел в ужас, узнав, что я из полиции. «А вдруг, — говорит, — отцу доложат?» Отец, кажется, человек серьезный, перед ним все там на задних лапках ходят... Этот Жан-Клод — молодой хлыщ, папенькин сынок, рыхлый и трусоватый... «Лучше, — говорит, — выйдем на улицу», а перед секретаршей разыграл комедию, выдавая меня за клиента...

Парень страшно боится отца и еще больше — всего, что может осложнить ему жизнь. Он с ходу стал исповедаться мне в своих грехах... Я сказал ему, что Маринетта неожиданно исчезла из дому, а нам совершенно необходимы ее показания...

«Помогите ее разыскать, — говорю, — ведь вы у ней в женихах ходили больше года, помолвлены были с ней».

«Ну, какой я жених! Вы преувеличиваете!»

«Скорей наоборот, если учесть, что вы два-три раза в неделю у нее ночевали».

Тут он совсем расстроился.

«Ах, так вы и об этом знаете, — говорит, — но

если она ждет ребенка, то я тут нн прн чем. Мы разошлнсь более девяти месяцев тому назад...»

Чувствуете, шеф, что это за фрукт! Спроснл я его, как и где онн проводили выходные дни:

«Были лн у вас свон любнмые места?»

Он мямлит что-то. «Машнна у вас своя?» — спрашнваю.

«Конечно».

«Так куда же вы уезжалн по субботам: к морю нли за город?»

«За город, — отвечает, — в окрестностн. В разные места. Останавливались в сельскнх гостиннцах, поближе к воде. Маринетта увлекалась плаванием и греблей... Она не любнла дорогнх отелей и модных курортов, не терпела светского блеска, было в ней что-то плебейское, знаете лн!»

Под конец я выуднл из него с полдюжнны адресов тех загородных гостнниц, где онн чаще всего бывалн. Это «Оберж дю Клу» в Курселе, «Шэ Мелани» в Сен-Фаржо, между Мелуном и Корбсом, и «Феликс н Фелнсня» в Помпонне, на берегу Марны, недалеко от Лани...

По словам Жан-Клода, она особенно любила это местечко, хотя там н гостиннцы-то нет, а лншь захудалый деревенскнй трактир, где сдают прн случае две комнатушкн без водопровода...

— Ты сам съезднл, проверил все это? — спроснл Мегрэ.

— Нет, решнл остаться здесь, чтобы все новые сведення шлн ко мне. Хотел было обзвоннть тамошнне полнцейскне участки, но побоялся, что по телефону не сумею им толком объясннть что к чему и они только спугнут нашу девнцу.

— И что же ты надумал?

— Направнл людей по каждому адресу — Лурти, Жамина, Лагрюма...

— И всех — на машннах?

— Да, — Жанвье сразу сник.

— Вот почему Люка сказал мне, что машнны в разгоне.

— Виноват, шеф.

— Нет, нет, решение правильное. Сведения уже поступили?

— Только из трактира «Оберж дю Клу». Там ничего... Остальные, по моим расчетам, должны вот-вот позвонить...

Мегрэ долго раскуривал трубку, словно забыв об инспекторе.

— Я вам больше не нужен?

— Пока нет. Но никуда не уезжай, не предупредив меня. Скажи Люка, чтобы тоже не отлучался...

Комиссар чувствовал, что надо спешить. С тех пор как он вышел из дома голландца, где провел несколько часов, ощущение неясной тревоги не покидало его. Он был уже совершенно уверен, что над кем-то из людей, причастных к этому делу, нависла смертельная угроза. Но над кем?

Йонкер сделал все, чтобы замести следы. Мегрэ подумал, что в доме голландца можно было принять на веру лишь полотна великих мастеров, все остальное — сплошная ложь.

— Соедините меня с бюро регистрации иностранцев...

Не прошло и десяти минут, как ему сообщили, что девичья фамилия мадам Йонкер — Майян и по паспорту зовут ее не Миреллой, а Марселиной.

— Соедините меня, пожалуйста, с уголовной полицией Ниццы... Если можно — сразу с комиссаром Бастиани...

Не в силах больше ждать, Мегрэ решил действовать наудачу, во всех возможных направлениях.

— Это вы, Бастиани? Как дела, старина? Какая там у вас погода? Здесь три дня шел дождь, только сегодня после полудня немного распогодилось... Послушайте, нужно, чтобы ваши люди порылись немного в архивах... Если не найдете у себя, покопайтесь в суде... Речь идет о некоей Марселине Майян. Родилась она в Ницце, вероятнее всего, где-то в старых кварталах, неподалеку от церкви святого Репарата...

Теперь ей тридцать четыре года. Ее первый муж — англичанин по фамилии Мьюир — владелец завода шарикоподшипников в Манчестере. С ним она некото-

рое время жила в Лондоне, потом разошлась и там же в Лондоне вышла замуж во второй раз за богатого голландца Норриса Йонкера. Сейчас проживает в Париже. Да... Я буду у себя в кабинете... Видимо, всю ночь... Так что звоните...

Минут пять он, казалось, дремал за столом, потом его рука снова потянулась к телефонной трубке.

— Дайте мне Лондон вне всякой очереди! Вызовите Скотланд-Ярд... Попрошу соединить с инспектором Пайком... простите, бога ради, со старшим инспектором Пайком.

Со Скотланд-Ярдом его соединили через три минуты, но пока там разыскивали Пайка, прошло добрых десять. Еще несколько минут Мегрэ на ломаном английском языке поздравлял коллегу с повышением, а тот — на ломаном французском сердечно благодарил.

— Майян... Говорю по буквам: Морис, Андре... Майян... Мьюир... — Мегрэ передал по буквам и эту фамилию.

— О, это имя мне знакомо, — отозвался мистер Пайк. Сэр Герберт Мьюир из Манчестера? Да. Три года назад ее величество пожаловала ему титул сэра.

— Второй ее муж — Норрис Йонкер... — и Мегрэ снова передал по буквам, не забыв добавить о том, что голландец дослужился в английской армии до полковника.

— Возможно, что между двумя замужествами она жила и с другими. Ведь после развода некоторое время она оставалась в Лондоне и вряд ли была там одинока...

Мегрэ не преминул и здесь подчеркнуть, что речь идет о покушении на инспектора полиции, на что мистер Пайк торжественно заявил:

— У нас виновного повесили бы, будь то мужчина или женщина. Покушение на полицейского карается у нас смертной казнью *.

Как и Бастиани, Пайк обещал позвонить.

Мегрэ заглянул к инспекторам — в огромной ком-

* С 1965 года смертная казнь в Англии отменена.

нате осталось всего четыре человека. Жанвье поднялся ему навстречу.

— Шеф, звонили из трактира «Шэ Мелани», что у Сен-Фаржо. Ее там нет. И в «Смелом петушке», как я и предполагал, ее нет. В «Танцующей сороке» тоже. Остается одна Марна.

Мегрэ уже собирался идти в свой кабинет, как в комнату влетел запыхавшийся Шинкье.

— Комиссар здесь? — спросил он и в тот же момент увидел его. — Есть новости, шеф! Я не стал звонить вам, решил сам подскочить...

— Пройдемте ко мне, — сказал Мегрэ.

— В приемной ждет свидетель. Я прихватил его на всякий случай — может быть, поговорите с ним.

— Сначала садитесь и расскажите, в чем дело...

— На авеню Жюно в самом конце улицы стоит большой жилой дом. Мы заходили туда еще до обеда, опросили консьержку и нескольких квартирантов, которые оказались у себя. В основном это были женщины — мужчины уже ушли на работу.

Около часа назад один из наших снова зашел в этот дом и как раз говорил с консьержкой, когда некий Ланжерон пришел к ней за почтой. Он торговый агент — ходит по квартирам и предлагает пылесосы. Его-то я и привез с собой. Такой замухрышка безобидный. Из тех коммивояжеров, которых обычно выставляют за дверь, не успевают они рот открыть...

Вот что случилось вчера. С шести до восьми вечера это время люди обычно уже дома — Ланжерон бегал по квартирам и продал два пылесоса. На радостях он выпил аперитив в пивной на площади Клиши, а потом зашел в маленький ресторанчик на углу улицы Коленкур...

Было без малого десять, когда он поднимался по авеню Жюно, держа в руке пылесос-образец. Около дома голландца стояла роскошная английская машина — желтый «ягуар». Ланжерону бросилась в глаза наклейка с красными буквами «ТТ» рядом с номером.

Ланжерон был в нескольких шагах от дома, когда двери особняка открылись...

— А он уверен, что открылась дверь именно в доме Йонкера?

— На авеню Жюно он знает каждый дом как свои пять пальцев. Еще бы, он всем там пытался всучить свои пылесосы... Но слушайте дальше. Двое мужчин вывели оттуда третьего, поддерживая его под руку. Тот был, что называется, в доску пьян и, как видно, уже не мог стоять на ногах...

Заметив Ланжерона, эти двое, чуть ли не на руках тащившие третьего к машине, попятились было назад, к двери, но потом один из них стал понукать пьяного: «Давай, давай! Пошевеливайся, скотина! Стыдно так напиваться!»

— Дотащили они его до машины?

— Постойте, это еще не все. Во-первых, этот мой продавец пылесосов утверждает, что у говорившего был сильный английский акцент. И потом на пьяном не было ни носков, ни ботинок, его босые ноги волочились по земле. Те двое усадили его на заднее сиденье, один сел рядом с ним, другой — за руль, и машина рывком тронулась с места. Ну что, позвать вам Ланжерона?

Мегрэ покачал головой: теперь он был уже совершенно уверен, что нельзя терять ни минуты.

— Нет, лучше опросите его еще раз и запишите показания. Постарайтесь ничего не упустить, любая мелочь может сыграть решающую роль!

— А что мне делать потом?

— Конечно, зайдете ко мне.

Комиссар снял трубку и быстро набрал номер.

— Отдел регистрации автомашин. Побыстрей, пожалуйста!

Желтый «ягуар»! Англичане редко красят свои машины в яркие цвета. Буквы «ТТ» рядом с номером означали, что машина принадлежит иностранцу, приехавшему в страну ненадолго и поэтому освобожденному от уплаты таможней пошлины.

— Кто там у вас занимается машинами иностранцев? Рорив? Нет его? Все уже ушли? Как это все, а ты? Ничего не поделаешь, дорогой, придется тебя потревожить. Сходи-ка в кабинет Рорива и поройся

у него в бумагах, может, найдешь, что мне нужно. А еще лучше позвони ему и попроси сейчас же прийти на работу. Что? Он обедает? Ничего, потом пообедает! Теперь слушай дальше: я ищу «ягуар», желтый «ягуар» — понял? Машину еще вчера видели в Париже, она у вас зарегистрирована, судя по значку «ТТ» рядом с номером. Нет! Номера я не знаю. Ты, брат, слишком много хочешь! Но думаю, что в Париже не на каждом углу увидишь желтый «ягуар».

В общем узнавай, где и как хочешь, и позвони мне потом на Кэ-дез-Орфевр. Мне нужно имя владельца, его адрес, дата въезда во Францию. Ну пока! Извинись за меня перед Роривом, если придется его побеспокоить. Скажи, что я в долгу не останусь и что мы ищем убийцу, стрелявшего в Лоньона. Да, в того самого из восемнадцатого района.

Он приоткрыл дверь и позвал Жанвье.

— Ничего нового с Марны?

— Пока нет. Как бы у Лагрюма не случилось чего с машиной.

— Который час?

— Семь.

— Пить хочется. Будь другом, скажи, чтобы принесли пива, а заодно и бутербродов.

— Много?

— Возьми побольше. До утра проголодаемся.

Едва он положил трубку, как раздался звонок. Мегрэ чуть не опрокинул телефон.

— Алло! Да. Это вы, Бастиани? Оказалось проще, чем вы думали? Просто повезло? Ну выкладывайте.

Он сел за стол, придвинул к себе блокнот и схватил карандаш.

— Так как его зовут? Стэнли Хобсон? Что? Долгая история? А вы покороче, но смотрите ничего не упустите. Да нет же, нет, старина. Просто перенервничал сегодня, боюсь опоздать. Вот, вот! Один босой пьянчуга не дает мне покоя. Ну, слушаю...

Вот что рассказал Бастиани.

Это было шестнадцать лет назад. В Ницце, в од-

ном из дорогих отелей на Английском бульваре, был арестован некто Стэнли Хобсон. В Скотланд-Ярде он значился как «специалист» по драгоценностям. Незадолго до этого в Антибе и Каннах было зарегистрировано несколько случаев хищения драгоценностей на частных виллах, а также в одном из номеров отеля, где остановился Хобсон.

С ним была задержана девчонка, его любовница, продавщица цветов — из местных. Почти ребенок — ей не было и восемнадцати.

Допрос продолжался три дня. Обыскали их номер, в отеле, квартиру, где девица жила с матерью. Ничего!

За отсутствием улик парочку освободили. Два дня спустя они уехали в Италию.

С тех пор в Ницце ничего не было слышно ни о Хобсоне, ни о Марселине Майян — это, конечно, была она.

— А что стало с ее матерью, жива она еще?

— Да, вот уже который год она снимает комфортабельную квартиру на улице Сен-Совёр, живет на пенсию. Я послал к ней одного из наших ребят, но он еще не вернулся. Без сомнения, дочь подбрасывает ей деньжат.

— Благодарю, Бастиани. До свиданья, надеюсь, до скорого.

Как любил говорить Мегрэ — машина закрутилась. В такие дни он жалел, что учреждения не работали круглые сутки.

— Люка, зайди на минутку! Займешься пансионами и меблирашками. Улов, я думаю, будет. Запиши имя. Стэнли Хобсон. Судя по тому, что сказал Бастиани, ему сейчас лет сорок пять — сорок восемь. Какой он из себя, не знаю, но лет пятнадцать тому назад Скотланд-Ярд разослал его приметы по всему миру. У них он проходит как «специалист» международного класса.

Если нужно будет, зайди в архивное управление, пусть пороются, может, найдут чего...

Когда Люка ушел, Мегрэ бросил укоризненный взгляд на молчавший телефон. В дверь постучали.

Рассыльный из кафе «Дофин» приволок поднос, уставленный пивом и бутербродами. Не успел он выйти, как зазвонил телефон.

— Молодчина! Браво! Эд? Так вот просто, Эд? Ах, американец? Тогда понятно. Они даже своих президентов этак кличут. Эд Голлан... Через два «л»? Адрес его разузнал?

Мегрэ помрачнел. Владельцем желтого «ягуара» оказался американец.

— Ты уверен, что в Париже нет другой такой машины? Ну ладно. Спасибо, старина! Посмотрим, что это даст. Только и не хватало американца, да еще из отеля «Риц»!

Он снова прошел в комнату инспекторов.

— Двух человек с машиной живо! Есть машины во дворе?

— Только что вернулись две.

Через минуту он опять набирал номер.

— Отель «Риц»? Пожалуйста, мадемуазель, соедините меня с портье. Это вы, Пьер? Говорит Мегрэ. Да, комиссар Мегрэ. Слушайте внимательно и не называйте моей фамилии — в вестибюле, наверное, полно народу. У вас живет сейчас некий Эд Голлан?

— Одну минуту. Я перейду в закрытую кабину.

Спустя несколько минут голос Пьера вновь послышался в трубке.

— Да, есть у нас такой. Наш старый клиент. Американец, из Сан-Франциско, много путешествует и три-четыре раза в год наезжает в Париж. У нас останавливается обычно недели на три.

— Сколько ему лет?

— Тридцать восемь. По виду скорее интеллигент, чем бизнесмен, а по паспорту — искусствовед. Говорят — эксперт с мировым именем. К нему несколько раз приходил сам директор Лувра. Бывают у него и известные торговцы картинами.

— Он сейчас у себя?

— Сколько на ваших? Половина восьмого? Скорее всего он в баре.

— Проверьте, пожалуйста, только незаметно.

Последовала довольно долгая пауза, потом Мегрэ услышал:

— Да, он там.

— Один?

— С какой-то красоткой.

— Тоже ваша клиентка?

— Как вам сказать... Вроде того... Я ее уже не первый раз вижу с ним в баре, потом они наверняка поедут ужинать в город.

— Дайте мне знать, когда они соберутся уходить.

— Только задержать их я не смогу.

— Позвоните мне — этого достаточно. Благодарю вас, Пьер.

Мегрэ вызвал Люка.

— Слушай меня хорошенько. Дело тебе предстоит важное и щекотливое. Возьми кого-нибудь из ребят и поезжай в «Риц». Спросишь там от моего имени у портье, где сейчас Эд Голлан: в баре или ушел. Если еще в баре — я, признаться, на это рассчитываю, — оставишь своего напарника в вестибюле, а сам незаметно подойдешь к Голлану — он там с женщиной. Не вздумай показывать свой значок и вообще не шуми, что ты из полиции. Скажи ему, что речь идет о его машине и что нужно, мол, кое-что уточнить. Одним словом, постарайся всеми правдами и неправдами заполучить его сюда.

— А что делать с женщиной? Ее тоже привезти?

— Нет, не надо. Впрочем, если это высокая красавица брюнетка по имени Мирелла, то захвати и ее.

Люка метнул завистливый взгляд на пенящиеся кружки пива и молча вышел.

Дверь распахнулась, словно от порыва ветра, и появился Жанвье, возбужденный и сияющий.

— Порядок, шеф! Ее нашли! — завопил Жанвье.

— Маринетту?

— Да. Лагрюм звонил, сейчас он ее привезет. Ничего с его машиной не случилось — оказалось, что в сумерках этот трактир — «Феликс и Фелисия» — не так-то просто разыскать. Это за Помпонном, на проселочной дороге, которая теряется в поле.

— Сообщила она что-нибудь?

— Клянется, что не знает, в чем дело. Услышав выстрелы, она сразу же подумала о Лоньоне и испугалась, что и до нее доберутся.

— Почему?

— Не объясняет. Но Лагрюм говорит, что готова ехать к нам без всяких ломаний и попросила только показать ей полицейский значок.

«Самое большее через час она будет на Кэ-дез-Орфевр, — подумал Мегрэ. — Если в «Рице» все пройдет гладко, то к этому времени здесь будет и Эд Голлан. Конечно, поднимет шум, крик, будет угрожать звонком в посольство. Сегодня это будет уже второе посольство, просто с ума сойдешь!»

— Алло! Да. Он самый, дорогой мистер Пайк!

Старший инспектор Скотланд-Ярда неторопливо и обстоятельно поведал обо всем, что разузнал. Скорее всего он вслух зачитывал лежавшую перед ним справку, дважды повторяя особо интересные детали.

Ему и впрямь было что сообщить. Так, например, что Герберт Мьюир, первый муж Миреллы, не прожив и двух лет с молодой женой, возбудил дело о разводе. Суд удовлетворил иск, «признав доказанным факт незаконного сожительства ответчицы миссис Мьюир с соответчиком по делу мистером Стэнли Хобсоном». Мало того, что их накрыли на окраине Манчестера, в квартале с весьма сомнительной репутацией, где Хобсон снимал квартиру, удалось также установить, что они постоянно встречались там почти два года, чуть не со дня свадьбы Миреллы.

— Напасть на следы Стэнли в Лондоне мне пока не удалось, — продолжал мистер Пайк. — Надеюсь, что смогу завтра предоставить вам последние сведения о нем.

Я уже подослал двух человек в Сохо * — тамошние полицейские участки всегда в курсе всех новостей уголовного мира.

Да, чуть не забыл. Учтите, что кличка Хобсона — Лысый Стэн, только так его и называют среди «своих». Ему и двадцати пяти не было, когда он потерял

* Сохо — район в Лондоне, известный своими притонами.

все волосы; после какой-то тяжелой болезни у него вылезли даже брови и ресницы.

Мегрэ стало жарко. Приоткрыв окно, он взял было с подноса одну из кружек, но в этот момент в коридоре послышался чей-то громкий голос. Комиссар не разобрал слов, но сразу же уловил характерный американский акцент во французской речи.

Судя по возбужденному тону, пришедший, вернее — доставленный, отнюдь не горел желанием познакомиться с ним. Комиссар широко распахнул двери и с самой приветливой и простодушной улыбкой, на которую был способен, произнес:

— Входите, прошу вас, мосье Голлан. Бога ради, простите за беспокойство!

ИЗБРАННИК МИРЕЛЛЫ

Несмотря на пасмурный холодный день, Эд Голлан — высокий, худощавый брюнет, постриженный под ежик, — был без пальто. В облегающем костюме из легкой материи он казался еще более долговязым и тощим, чем на самом деле.

Говорил он хотя и с акцентом, но на правильном французском языке, и даже сейчас, в сильном раздражении, не подыскивал слов.

— Этот вот господин, — сказал он, тыча пальцем в Люка, — действительно потревожил меня в самый неподходящий момент — я был с дамой!

Мегрэ подал Люка знак выйти из кабинета.

— Весьма сожалею, господин Голлан. Но о вашей, гм, даме, право, не стоит волноваться. Неприятности подобного рода в ее профессии, увы, дело обычное.

Искусствовед проглотил пилюлю.

— Я полагаю, речь пойдет о моей машине? — спросил он.

— Машина ваша — желтый «ягуар», не так ли?

— Была моя.

— То есть как «была»?

— А так. Сегодня утром я лично заявил в полицейском комиссариате первого района, что ее угнали.

— Где вы были вчера вечером, мосье Голлан?

— У мексиканского консула, в его доме на Итальянском бульваре.

— Вы там ужинали?

— Да, вместе с доброй дюжиной других приглашенных.

— В начале одиннадцатого вы еще были там?

— И в начале одиннадцатого и даже в два часа ночи, можете в этом удостовериться, если хотите,— резко сказал Голлан и, бросив недоуменный взгляд на поднос с пивом и бутербродами, добавил: — Нельзя ли узнать, наконец, в чем дело?

— Одну минуту. Я тоже спешу, даже больше вас, поверьте. Тем не менее давайте уточним все по порядку. Вы оставили свою машину на Итальянском бульваре?

— Нет. Вы лучше меня знаете, что места для машины там не найдешь!

— Где вы видели в последний раз свою машину?

— На площади Вандом, на стоянке отеля «Риц». Оттуда до дома моего друга консула всего несколько сот метров.

— Во время ужина вы никуда не отлучались?

— Нет.

— Вам не звонили туда?

Он заколебался, словно удивившись, что Мегрэ это известно.

— Да, звонила женщина.

— Женщина, имени которой вы не хотите называть, так? Это была мадам Йонкер?

— Может быть, и так, я действительно знаком с Йонкерами.

— По дороге в отель вы заметили, что вашей машины нет на стоянке?

— Я возвращался не через Вандомскую площадь, а по улице Камбон — захотелось пройтись.

— Вы знаете некоего Стэнли Хобсона?

— Вот что, господин Мегрэ, я не отвечу больше ни на один вопрос, пока не узнаю, в какое дело вы пытаетесь меня впутать.

— Случилось так, что некоторые из ваших друзей попали в затруднительное положение.

— Кто именно?

— Скажем, Норрис Йонкер. Если не ошибаюсь, вы для него покупали и продавали картины?

— Я не торгую картинами. Иногда музеи или частные лица доверительно сообщают мне, что за определенную цену они хотели бы приобрести ту или иную картину того или иного художника. Если во время своих поездок я узнаю, что продается нужная картина, я сообщаю им об этом — вот и все.

— Без комиссионных?

— Вас это не касается! Это дело финансовых органов моей страны.

— Разумеется, вы понятия не имеете, кто мог украсть вашу машину? Вы вынули ключ?

— Нет, я всегда кладу ключ в отделение для перчаток. При моей рассеянности это единственное средство не потерять его.

Мегрэ то и дело прислушивался к шуму в коридоре; со стороны могло показаться, что допрос он ведет нехотя, для проформы.

Голлан этого явно не ожидал.

— Теперь я могу вернуться к своей даме? Я ведь пригласил ее поужинать вместе, — спросил он уже более мирным тоном.

— Подождите еще самую малость. Боюсь, что вы мне очень скоро понадобитесь.

Тут Мегрэ услышал шаги в коридоре, потом в соседней комнате открыли дверь, захлопнули ее снова, и за стеной зазвучал молодой женский голос. (Этот вечер остряки управления окрестили потом «часами открытых дверей».)

— Жанвье, зайди ко мне. Я выйду на минутку, а ты составь компанию мосье Голлану. Предложи ему перекусить — вот пиво, бутерброды. Ведь мы сорвали ему ужин...

...Несколько инспекторов, которых Мегрэ на всякий случай задержал на работе, и сам герой дня Лагрюм украдкой поглядывали на очаровательную девушку в синем костюме, которая, в свою очередь, смотрела на них во все глаза.

— Вы комиссар Мегрэ, да? Я видела вашу фотографию в газетах. Он умер? Скажите мне сразу...

— Нет, нет, мадемуазель Ожье. Он тяжело ранен, но врачи надеются его спасти.

— Это он рассказал вам обо мне?

— Нет, говорить он еще не может и не заговорит раньше чем через два-три дня. Пройдемте ко мне, мадемуазель.

Он провел ее в небольшую комнату в конце коридора и плотно прикрыл за собой дверь.

— Надеюсь, вы понимаете, что дорога каждая минута. Поэтому обо всех подробностях расскажете потом. А сейчас я задам вам лишь несколько вопросов. Это вы сообщили инспектору Лоньону, что в доме напротив не все ладно?

— Нет. Я ничего не замечала. Видела только, что в ателье у них часто горел свет по вечерам.

— Как и где вы познакомились с Лоньоном?

— Инспектор остановил меня как-то на улице по дороге домой. Сказал, что знает, где я живу и что ему очень нужно провести два-три вечера в моей квартире, последить кое за кем из окна. Он тут же показал мне полицейский значок и служебное удостоверение. Я ему не сразу поверила: чуть было не позвонила в полицейский участок.

— И что же вы решили?

— Мне стало его жаль. У него был такой несчастный вид. Он сказал, что ему всю жизнь не везло, но что теперь он напал на крупное дело и все может измениться, если я ему помогу.

— Он сказал вам какое?

— Потом сказал.

— Вы остались с ним дома в первый вечер?

— Да, мы вместе постояли в темноте у окна. Занавески в ателье напротив не сходятся, и время от времени мы видели в полосе света человека с палитрой и кистью в руках.

— Во всем белом? С чалмой из полотенца на голове?

— Да. Я еще засмеялась и сказала, что он похож на привидение.

— Вы видели, как он рисовал?

— Один раз. В тот вечер он поставил мольберт как раз напротив того места у окна, где расходились занавеси, и рисовал прямо как одержимый.

— Что значит «как одержимый»?

— Не скажу точно почему, но мне показалось, что он безумец...

— Кого-нибудь еще вы видели в ателье?

— Да, женщину.

— Высокую брюнетку?

— Нет, нет, не мадам Йонкер. Ее бы я узнала.

— А самого Йонкера вы видели?

— В ателье нет. Один раз я заметила там какого-то лысого мужчину средних лет.

— Что же произошло вчера вечером?

— Легла я рано, как обычно. Я очень устаю на работе и отсыпаюсь, когда могу. У нас в салоне часто работают допоздна, особенно если в городе готовятся к какому-нибудь балу или приему.

— Лоньон сидел в гостиной?

— Да. К тому времени мы уже подружились. Но не подумайте, что он пытался ухаживать. Он только говорил со мной ласково, по-отечески и все хотел меня как-то отблагодарить: то плитку шоколада принесет, то букетик фиалок.

— В десять часов вы уже спали?

— Я была в постели, но еще не заснула. Читала журнал. Лоньон постучал ко мне и сказал, что есть новости: только что какие-то двое увезли того художника в белом, да так быстро, что сам он не успел и отойти от окна. Инспектор был очень взволнован. «Пожалуй, останусь еще ненадолго, — говорит. — Может быть, один из них и вернется».

Потом он снова уселся в кресле у окна, а я уснула. Разбудили меня выстрелы, выглянула я на улицу и увидела на тротуаре распростертое тело. Я начала второпях одеваться. Тут ко мне поднялась консьержка и рассказала, что случилось.

— Почему же вы убежали?

— Я подумала, что, если гангстеры знают, кто он и что делал в моей квартире, они доберутся и до

меня. В ту минуту я и сама еще не знала, куда идти и что делать.

— Вы взяли такси?

— Нет, спустилась к площади Клиши и зашла в ночное кафе. Только долго там не высидишь — туда по ночам девицы со всего Монмартра идут на огонек. Вот и стали они на меня пялиться. Тут я вспомнила об одной загородной гостинице, где я в свое время бывала не раз с одним моим другом...

— С Жан-Клодом?

— Он вам все выложил?

— Мадемуазель, не сердитесь и поймите меня правильно! Потом вы расскажете обо всех ваших приключениях, и я с превеликим удовольствием вас послушаю. Но сейчас надо спешить. Сделайте одолжение, подождите меня в комнате инспекторов, я сейчас вас туда провожу. Жанвье тем временем запишет ваши показания.

— А Лоньон не ошибся? Он действительно напал на след?

— Лоньон знает свое дело и редко ошибается. Он сказал вам правду — ему и впрямь всю жизнь не везло. У самой цели кто-нибудь всегда перебегал ему дорогу. А теперь и того хуже: беднягу подстрелили, когда он мог уже праздновать победу.

Комиссар провел Маринетту к инспекторам и вернулся в свой кабинет, где его ждал Жанвье.

— Иди к себе, — сказал он ему, — запишешь показания мадемуазель.

Голлан вскочил как ужаленный.

— Вы и ее привезли сюда?

— Успокойтесь, мосье Голлан, это другая, совсем другая. Была бы ваша — я сказал бы: «допросишь эту особу». Вот так-то. Кстати, вы все еще не вспомнили, кто такой Хобсон по кличке Лысый Стэн?

— Я отказываюсь отвечать на ваши вопросы.

— Воля ваша. Садитесь. Сейчас у меня будет телефонный разговор, и вам, пожалуй, стоит его послушать. Соедините меня, пожалуйста, с господином Норрисом Йонкером с авеню Жюно.

Господин Йонкер? Говорит Мегрэ. С тех пор как

мы расстались, я нашел ответы на многие из тех вопросов, которые вам задавал, — правильные ответы, учтите!

Сейчас, например, в моем кабинете сидит мосье Голлан. Он недоволен, что его побеспокоили, и все еще не знает, где его машина. Да, желтый «ягуар». Тот самый, который стоял вчера у вашего подъезда и в котором вчера же в десять часов вечера двое неизвестных увезли вашего квартиранта.

Вот именно, вашего квартиранта. Как говорят, в довольно жалком виде: на ногах — ни носков, ни ботинок...

Слушайте меня внимательно, господин Йонкер. Я имею все основания немедленно или самое позднее завтра утром арестовать вас за незаконные торговые операции. Какие? Вы знаете сами какие. На всякий случай ставлю вас в известность, что ваш дом под наблюдением полиции. Вам все понятно? Так вот, попрошу вас явиться сюда как можно скорее вместе с мадам Йонкер. Мы продолжим нашу сегодняшнюю беседу. Если ваша супруга откажется ехать, скажите ей, что нам о ней решительно все известно. Не исключено, что, кроме мосье Голлана, она встретит у нас и некоего Хобсона — он же Лысый Стэн.

Помолчите пока, господин Йонкер! Говорить будете потом и, поверьте, очень скоро. Вы уже замешаны в деле о подлогах; это, конечно, неприятно, но соучастие в убийстве куда хуже, не правда ли?

Думаю, что вы не знали о задуманном покушении на инспектора Лоньона, возможно, не знал об этом и мосье Голлан. Но боюсь, что сейчас в эти минуты готовится еще одно преступление, прямым соучастником которого вы рискуете стать! Речь идет о человеке, которого вы держали у себя взаперти. Вы еще спрашиваете, где он! Это вы мне скажите, кто и куда его увез. Нет! Не когда подъедете, а сейчас по телефону, немедленно, слышите, господин Йонкер!

До его слуха донесся женский шепот. Видно, Мирелла шептала что-то мужу на ухо. Что она там ему советует?

— Клянусь вам, господин Мегрэ...

— Повторяю, время не терпит!

Вскоре в трубке снова раздался голос Йонкера:

— Улица де Берри, 27-бис, Марио де Лючиа. Он и увез Фредерико...

— Фредерико — это художник, работавший в вашем ателье?

— Да. Фредерико Палестри.

— Так жду вас, господин Йонкер. Не забудьте — вместе с женой!

И, даже не взглянув на американского искусствоведа, Мегрэ снова снял трубку.

— Соедините меня с комиссариатом восемнадцатого района. Алло! Кто у телефона? Дюбуа? Возьмите с собой трех-четырех человек. Да, не меньше — это опасный тип. Поедете на улицу де Берри, 27-бис, подниметесь в квартиру Марио де Лючиа. Если он дома, что вполне возможно, берите его. Да, именно сейчас же — до утра ждать нельзя!..

В его квартире находится человек по имени Фредерико Палестри. Его незаконно лишили свободы. Доставите ко мне обоих как можно скорее. Да, вот еще что! У Марио де Лючиа должен быть маузер калибра 7,63. Если он спрятал пистолет — обыщите квартиру.

Мегрэ повернулся к Эду Голлану.

— Видите, дорогой мосье Голлан, зря вы возмущались. Правда, мне пришлось здорово попотеть, прежде чем я докопался до сути. По части картин, что подлинных, что поддельных, я, признаться, профан и до сих пор понятия не имел, как торгуют предметами искусства. К тому же ваш друг Йонкер настоящий джентльмен и умеет держать себя в руках.

Опять затрещал телефон. Мегрэ схватил трубку.

— Слушаю! Алло! Люка? Где ты? В отеле «Турнель»? Понятно! Он там? Ужинает в соседнем бистро? Да, можно его брать! Нет, нет, один не ходи. Позвони в районный комиссариат — пусть подошлют двух инспекторов. Как зачем? А если «пушка»-то эта у него? Если именно он маузером балуется? Навряд ли, конечно, мокрые дела не по его части. Но чем черт не шутит. Хватит с нас бедняги Лоньона...

Он вышел в коридор и приоткрыл дверь в комнату инспекторов.

— Ребята, принесите кто-нибудь пивка похолодней.

Вернувшись к себе, комиссар снова сел за стол и начал набивать трубку.

— Ну-с, мосье Голлан. Будем надеяться, что вашего художника еще не успели прикончить. Имя Марио де Лючиа ничего мне не говорит, но, возможно, он проходил в архивах — свяжемся с итальянской полицией. Впрочем, через несколько минут и так все узнаем. Признайтесь, что вам тоже не терпится.

— Я буду говорить только в присутствии моего адвоката метра Спэнглера.

— Жаль, конечно, что вы, человек известный и уважаемый, впутались в такое дело. Надеюсь, что метр Спэнглер найдет веские доводы в вашу защиту.

Пиво еще не успели принести, когда раздался телефонный звонок.

— Да. Дюбуа?

Некоторое время он молча слушал.

— Хорошо! Спасибо. Ты тут ни при чем. Немедленно сообщи обо всем в прокуратуру. Я сам попозже туда подъеду.

Мегрэ встал и пошел к двери, не обратив внимания на вопросительный взгляд американца. Тот побледнел.

— Что случилось? Клянусь вам, что, если...

— Сидите и помалкивайте.

Он взглянул в соседнюю комнату, где Жанвье отстукивал на машинке показания Маринетты, и сделал ему знак выйти в коридор.

— Осечка, шеф?

— Подробностей пока не знаю, но художника нашли повешенным на цепочке от бачка в ванной комнате. Его там держали взаперти. Марио де Лючиа исчез. Поройся в архиве — может, найдешь на него что-нибудь. Но сначала дай тревогу по всем вокзалам, аэропортам, пограничным пунктам...

— А что делать с Маринеттой?

— Пусть подождет.

Тут комиссар увидел на лестнице чету Йонкеров. Следом за ними, приотстав немного, поднимался полицейский из восемнадцатого района.

— Мадам Йонкер, попрошу вас подождать меня здесь, — сказал Мегрэ, открывая дверь в инспекторскую.

Маринетта подняла голову. Она давно знала Йонкершу в лицо и теперь, оказавшись с ней в одной комнате, с любопытством на нее смотрела. Мирелла, в свою очередь, окинула девушку оценивающим взглядом.

— А вы, господин Йонкер, следуйте за мной.

Он провел его в небольшой кабинет, где до этого беседовал с Маринеттой.

— Прошу садиться.

— Вы нашли его?

— Да.

— Он жив?

Голландец был мертвенно бледен. От его самоуверенности не осталось и следа. За несколько часов он буквально одряхлел.

— Лючиа убил его?

— Его нашли повешенным в ванной.

— Я всегда говорил, что добром это не кончится.

— Кому говорили?

— Жене... И другим... Но главным образом ей, Мирелле...

— Что вы о ней знаете?

Йонкер молча опустил голову, но потом, взяв себя в руки, негромко сказал:

— Наверное, все...

— И про Ниццу и про Стэнли Хобсона?

— Да.

— Вы с ней познакомились в Лондоне?

— Да, в имении моих друзей под Лондоном. В то время Мирелла пользовалась большой популярностью в определенных кругах.

— И вы влюбились в нее? Сами предложили ей руку и сердце?

— Да.

— Вы и тогда уже знали о ней все?

— Вам это покажется невероятным, но северянин понял бы меня. Я поручил одному частному детективному бюро навести о ней справки. Мне сообщили, что она много лет жила с Хобсоном, известным в уголовном мире под кличкой «Лысый Стэн». Работал он чисто. Английской полиции удалось лишь один раз упрятать его за решетку и то всего на два года.

Выйдя из тюрьмы, он разыскал Миреллу в Манчестере. К тому времени она уже была мадам Мьюр. После развода она переехала в Лондон и здесь порвала со Стэнли. Он только время от времени приходил к ней клянчить деньги.

В дверь постучали.

— Пиво, шеф.

— Вы, господин Йонкер, конечно, предпочли бы коньяк. К сожалению, не могу предложить вам тот ликер, который вы обычно пьете у себя дома. Принесите бутылку коньяку из моего кабинета — обратился Мегрэ к инспектору. — Она в стенном шкафу.

И опять они остались с глазу на глаз. Голландец залпом выпил рюмку коньяка, и щеки его слегка порозовели.

— Видите ли, господин Мегрэ, я не могу жить без нее... В моем возрасте опасно влюбляться. Она сказала мне, что Хобсон ее шантажирует и что избавиться от него можно, только заплатив немалую сумму. Я поверил ей и дал деньги.

— Как началась эта история с картинами?

— Вы не поверите мне, не поймете. Ведь вы не коллекционер.

— Нет, почему же? Только я коллекционирую не картины, а людей.

— Хотел бы знать, какое место в вашей коллекции занимаю я. Наверное, в рубрике старых идиотов?..

Ко мне часто обращаются за советом по поводу того или иного полотна. Если какая-нибудь малоизвестная картина побывала в моей коллекции, ценность ее сразу возрастает.

— Иными словами, в подлинности ее никто больше не усомнится, — вставил Мегрэ.

— Да. Впрочем, это привилегия любого крупного коллекционера. Утром я уже говорил вам, что иногда продаю кое-какие из своих картин, чтобы купить другие, еще более редкие и ценные. Раз начав, я не в силах был отказаться от этого. И вот однажды я ошибся: принял подделку за подлинник.

В голосе голландца звучали тоскливое безразличие и тупая покорность судьбе.

— А это был как-никак Ван-Гог, только не из тех его полотен, что достались мне от отца. Я купил картину через одного маклера и мог бы поклясться, что это подлинный Ван-Гог. Я даже вывесил ее в гостиной. Один коллекционер из Южной Америки предложил мне за нее сумму, на которую я мог в тот момент купить другую картину, о которой давно мечтал.

Сделка состоялась. Через несколько месяцев ко мне явился Голлан. Тогда я знал его только понаслышке.

— Когда это было?

— Примерно год назад. Он заговорил о моем Ван-Гоге, которого случайно увидел у того любителя из Венесуэлы, и доказал мне, что это искуснейшая подделка.

«Я не стал просвещать на этот счет вашего покупателя, — сказал он. — Для вас будет весьма неприятно, если бы вдруг обнаружилось, что вы продали подделку. Переполошились бы все, кому вы продавали картины, и вся ваша коллекция оказалась бы под подозрением».

Повторяю, вы не коллекционер, господин Мегрэ, и поэтому не можете себе представить, какой это был для меня удар.

Голлан приходил и еще. В один прекрасный день он заявил, что разыскал автора этих подделок. По его словам, это был гениальный юноша, который вполне может работать и под Мане, и под Ренуара, и под кого угодно. «Так что, — говорит, — делайте выводы!»

— Ваша жена присутствовала при этом разговоре?

— Не помню... Кажется, я сам рассказал ей об этом после ухода Голлана. Она ли мне первая посоветовала принять это предложение, или я уже рань-

ше принял решение — трудно сказать. Говорят, что я богат, но все в мире относительно. Одни картины я действительно в состоянии купить, но есть и такие, которые мне не по средствам. А мне хотелось бы их иметь. Теперь вы меня понимаете?

— Вы решили как бы пропускать годделки через свою коллекцию, после чего их подлинность ни у кого не вызвала сомнения. Так?

— Примерно так. Для начала я поместил среди своих картин две-три подделки и...

— Одну минуту! Когда вас лично познакомили с Палестри?

— Спустя месяц-другой. Вскоре я продал две его картины через Голлана. Так и пошло. Голлан сбывал подделки коллекционерам из Южной Америки или в провинциальные музеи.

Палестри доставлял нам много хлопот. Это действительно был гений, но безумный, и вдобавок еще сексуальный маньяк. Вы, наверное, поняли это, когда вошли в его комнату?

— Я начал понимать, в чем дело, еще раньше, когда увидел вашу жену перед мольбертом.

— Увы, я вынужден был прибегнуть к этому маскараду.

— Когда и как вы обнаружили, что за вашим домом следят?

— Это, собственно, не я заметил. Хобсон...

— Значит, Хобсон опять «подружился» с вашей женой?

— Они оба клялись, что между ними теперь ничего нет. Хобсон — приятель Голлана. Он-то и нашел Палестри. Я достаточно ясно говорю?

— Да.

— Я завяз в этой истории. Пришлось пойти на то, чтобы Палестри работал в ателье, где никому не пришло бы в голову искать его. Ночевал он в той самой комнате. В город не просился, но поставил условия, чтобы ему приводили сюда женщин известного сорта и платили бы им, разумеется. Кроме женщин и живописи, его ничто на свете не волновало.

— Мне говорили, что он работал как одержимый.

— Да, так оно и было. Поставит перед собой две-три картины какого-нибудь мастера, носится вокруг них с кистью, как матадор вокруг быка. Иногда дело шло быстро, иногда затягивалось на пару дней, но в конце концов он создавал картину настолько точно выдержанную в духе и манере подлинника, что никому бы и в голову не пришло, что это подделка. Но квартирант это был не из приятных.

— Вы имеете в виду ночные визиты девиц?

— Не только. Он был еще и хам, каких мало, грубил всем подряд, даже моей жене... Да, господин Мегрэ, одной страсти для человека более чем достаточно — с меня вполне хватило бы моих картин и увлечения искусством. Но я встретил Миреллу... И все же, поверьте, это не ее вина... Так о чем это вы меня спросили?

Ах да! Кто первый заметил, что за нами следят. Одна из наших вечерних посетительниц... Я не запомнил ее имени, кажется, она танцовщица из ночного кабаре на Елисейских полях. Лючиа познакомился с ней и привел к Палестри.

На следующий день она позвонила Лючиа и сказала, что когда она возвращалась от нас, за ней увязался какой-то «папаша». Потом пристал к ней, начал выспрашивать... После этого Лючиа и Стэн стали наблюдать за кварталом и заметили, что вечерами по авеню Жюно слоняется какой-то маленький, невзрачный человечек...

Однажды они увидели, как он входил в дом напротив с девушкой, которая там живет, и в тот же вечер засекли его на четвертом этаже у окна. Он стоял в темноте, думая, что его не видно с улицы. Но он, как видно, был заядлый курильщик, это его и выдало. Время от времени за окном вспыхивал огонек его сигареты.

— И никому из вас не пришло в голову, что он из полиции?

— Мы думали об этом. Но Хобсон божился, что, будь это полицейский, его сто раз бы сменили, а тут все один и тот же. В конце концов Стэн решил, что этот деятель работает на какую-нибудь другую банду

или же на свой страх и риск старается узнать о нас побольше, чтобы потом пошантажировать.

Надо было срочно перевести куда-нибудь Палестри. Это взяли на себя Лючиа и Хобсон. Вчера вечером они и увезли его в машине Голлана.

— Голлан, я думаю, был в курсе дела?

Йонкер пропустил вопрос мимо ушей и продолжал:

— Палестри не хотел уезжать. За год каторжного труда он дал нам много и теперь решил, что он больше не нужен и мы собираемся его ликвидировать. Пришлось подсунуть ему снотворного. Но он как-то ухитрился еще до этого выбросить свои ботинки в сад через окно.

— Вы помогали тащить его в машину?

— Нет.

— А ваша жена?

— Конечно, нет. Мы ждали, когда его увезут, чтобы привести в порядок ателье и комнату, где он жил. Еще накануне Стэн увез из дома подрамники и холсты, над которыми Палестри уже начал работать. Клянусь, я не знал, что они собираются убить инспектора. Поверьте мне... если можете... Я понял это, лишь услышав выстрелы.

Наступило продолжительное молчание. Мегрэ устало и с каким-то невольным сочувствием смотрел на сидящего перед ним старика. Йонкер нерешительно потянулся к бутылке коньяку.

— Вы позволите?

Осушив вторую рюмку и поставив ее на поднос, голландец вымученно улыбнулся.

— Во всяком случае, я человек конченый, так ведь? Хотел бы знать, чего мне будет больше всего недоставать...

О чем он думал? О картинах ли, которые обошлись ему так дорого? О жене, без которой не мог жить, хотя и знал, чего она стоит...

— Вот увидите, господин Мегрэ, никто не поверит, что умный вроде бы человек, да еще в мои годы, способен так увлекаться и так себе навредить.

И, подумав, добавил:

— Коллекционеры, пожалуй, поймут.

А в соседней комнате Люка начал допрашивать Лысого Стэна.

Еще целых два часа в кабинетах беспрестанно хлопали двери, вопросы сыпались за вопросами, трещали пишущие машинки.

Как и накануне, свет в управлении погас около часа ночи.

* * *

Месяцем позже Лоньон вышел из больницы, худой, как скелет, но сияющий: в полицейском комиссариате восемнадцатого района он прослыл героем. К тому же Мегрэ постарался, чтобы газеты поместили на первых полосах фотографию Невезучего, а не его собственную.

В тот же день он по совету врачей на два месяца уехал с женой в Арденны, в деревню.

Де Лючиа схватили на бельгийской границе. Он и Хобсон получили по десять лет каторги.

Голлан доказал на суде, что к покушению на авеню Жюно он не причастен и в итоге отделался двумя годами тюрьмы за мошенничество.

Йонкер получил год тюрьмы с зачетом срока предварительного заключения. Его освободили из-под стражи после вынесения приговора.

Из суда он вышел под руку с женой: Миреллу оправдали за отсутствием улик.

Мегрэ, стоявший в глубине зала, ушел еще раньше — одним из первых. Он не хотел встречаться с четой Йонкеров и, кроме того, обещал сразу же после приговора позвонить мадам Мегрэ.

Перевод с французского
И. Колоколовой, Л. Романовой,
Н. Португалова под
общей редакцией
Н. Португалова

Г. ЧЕСТЕРТОН

белая ворона

Гарольд Марч считал, что у Фишера нет ни братьев, ни сестер, ни родителей, и очень удивился, когда узнал его брата — очень богатого и влиятельного, хотя, на взгляд Марча, гораздо менее интересного. Сэр Генри Гарленд Фишер (после его фамилии шла добрая половина алфавита) занимал в министерстве иностранных дел какой-то пост, куда более важный, чем пост министра. Держался он очень вежливо; тем не менее Марчу показалось, что он смотрит сверху вниз не только на него, но и на собственного брата. Последний, надо сказать, чутьем угадывал чужие мысли и сам завел об этом речь, когда они вышли из высокого дома на одной из фешенебельных улиц.

— Как, разве вы не знаете, что в нашей семье я дурак? — спокойно промолвил он.

— Должно быть, у вас очень умная семья, — с улыбкой заметил Марч.

— Вот она, истинная любезность! — отозвался Фишер. — Полезно получить литературное образование. Что ж, пожалуй, дурак — слишком сильно сказано. Я в нашей семье банкрот, неудачник, белая ворона.

— Не могу себе представить, — сказал журналист. — На чем же вы срезались, как говорят в школе?

— На политике, — ответил Фишер. — В ранней молодости я выставил свою кандидатуру и прошел в парламент на «ура» огромным большинством. Разумеется, с тех пор я жил в безвестности.

— Боюсь, я не совсем понял, при чем тут «разумеется», — засмеялся Марч.

— Это и понимать не стоит, — сказал Фишер. —

Интересно другое. События разворачивались, как в детективном рассказе. К тому же тогда я впервые узнал, как делается современная политика. Если хотите — расскажу.

Дальше вы прочитаете то, что он рассказал, — правда, здесь это меньше похоже на притчу и на беседу.

Те, кому в последние годы довелось встречаться с сэром Генри Гарлендом Фишером, не поверили бы, что когда-то его звали Гарри. На самом же деле в юности он был очень ребячлив, а присущая ему толстокожесть, принявшая ныне форму важности, проявлялась тогда в неуемной веселости. Друзья сказали бы, что он стал таким непробиваемо взрослым, потому что смолоду был по-настоящему молод. Враги сказали бы, что он сохранил былую легкость в мыслях, но утратил добродушие. Как бы то ни было, история, поведанная Хорном Фишером, началась тогда, когда юный Гарри стал личным секретарем лорда Солтауна. Дальнейшая связь с министерством иностранных дел перешла к нему как бы по наследству от этого великого человека, вершившего судьбы империи. В Англии было три или четыре таких государственных деятеля; огромная его работа оставалась почти неведомой, а из него можно было выудить только грубые и довольно циничные шутки. Тем не менее, если бы он не обедал как-то у Фишеров и не сказал там одной фразы, простая застольная острота не породила бы детективного рассказа.

Кроме лорда Солтауна, в гостиной были только Фишеры — второй гость, Эрик Хьюз, удалился сразу после обеда, покинув своих сотрапезников за кофе и сигарами. Он очень серьезно и красноречиво говорил за столом, но, отобедав, немедленно ушел на какое-то деловое свидание. Это было весьма для него характерно. Редкая добросовестность уживалась в нем с позерством. Он не пил вина, но слегка пьянел от слов. Портреты его и слова красовались в то время на первых страницах всех газет: он оспаривал на дополнительных выборах место, прочно забронирован-

ное за сэром Франсисом Вернером. Все говорили о его громовой речи против засилья помещиков; даже у Фишеров все говорили о ней, кроме Хорна, который, притулившись в углу, мешал кочергой в камине. Тогда, в молодости, он был не вялым, а скорее угрюмым. Определенных занятий он не имел, рылся в старинных книгах и — один из всей семьи — не претендовал на политическую карьеру.

— Мы здорово обязаны Хьюзу, — говорил Эштон Фишер. — Он вдохнул новую жизнь в нашу старую партию. Эта кампания против помещиков бьет в больное место. Она расшевелила остатки нашей демократии. Актом о расширении полномочий местного совета мы, в сущности, обязаны ему. Он, можно сказать, диктует законы раньше, чем попал в парламент.

— Ну это и впрямь легче, — беспечно сказал Гарри. — Держу пари, что лорд в этом графстве — большая шишка, поважнее совета. Вернер сидит крепко. Все эти сельские местности, что называется, реакционны. Тут ничего не попишешь, сколько ни ругай аристократов.

— А ругает он их мастерски, — заметил Эштон. — У нас никогда не было такого удачного митинга, как в Бармингтоне, хотя там всегда проходили конституционалисты. Когда он сказал: «Сэр Франсис кичится голубой кровью — так покажем ему, что у нас красная кровь», и повел речь о мужестве и свободе, его чуть не вынесли на руках.

— Говорит он хорошо, — пробурчал лорд Солтаун, впервые проявляя интерес к беседе.

И тут заговорил столь же молчаливый Хорн, не отводя задумчивых глаз от пламени в камине.

— Я одного не понимаю, — сказал он. — Почему людей не ругают за то, что следует?

— Эге, — насмешливо откликнулся Гарри. — Значит, и тебя пробрало?

— Возьмите Вернера, — продолжал Хорн. — Если мы хотим напасть на него — почему не напасть прямо? Зачем присваивать ему романтический титул реакционного аристократа? Кто он такой? Откуда он взялся? Фамилия у него как будто старинная, но

что-то я о ней не слышал, как сказал один человек про Голгофу. К чему говорить о его голубой крови? Да будь она хоть желтая с прозеленью — какое иам дело? Мы зиаем одно: прежний владелец земли, Гоукер, каким-то образом промотал свои деиьги и, иаверное, деньги второй жеиы и продал поместье человеку по фамилии Вериер. На чем же тот разбогател?

— Не знаю, — сказал Солтаун, задумчиво глядя иа Гориа.

— В первый раз слышу, что вы чего-то не знаете! — воскликнул пылкий Гарри.

— И это еще не все, — продолжал Хорн, внезапно обретший дар слова. — Если мы хотим, чтобы деревня голосовала за нас, почему не выдвинем кого-иибудь хоть немного зиакомого с деревией? Горожаиам мы вечно долбим о репе и свииарниках. А с крестьянами почему-то говорим исключительио о городском благоустройстве. Почему не раздать землю ареидаторам? Зачем припутывать сюда совет графства?

— Три акра и корову! — закричал Гарри (точнее — издал то самое, что называют в парламентских отчетах ироническим возгласом).

— Да, — упрямо ответил его брат. — Ты думаешь, земледельцы и батраки не предпочтут три акра земли и корову трем акрам бумаги и комитету? Почему не учредить крестьянскую партию? Ведь старая Англия славилась йоменами — мелкими землевладельцами. И почему ие преследовать таких, как Вернер, за их настоящие пороки? Ведь он так же чужд Англии, как американский иефтяной трест!

— Вот сам и возглавил бы этих йоменов, — засмеялся Гарри. — Ну и потеха! Вы не находите, лорд Солтаун? Хотел бы я посмотреть, как мой братец поведет в Сомерсет веселых молодцов с самострелами! Коиечио, все будут в зеленом сукие, а не в шляпах и пиджаках.

— Нет, — ответил старик Солтаун. — Это не потеха. По-моему, это чрезвычайио серьезная и разумная мысль.

— Ах ты черт! — воскликнул Гарри и удивлеиио воззрился на него. — Я только что сказал, что вы

в первый раз чего-то не знаете. А теперь скажу, что вы впервые не поняли шутки.

— Я за свою жизнь навидался всякого, — довольно сухо сказал старик. — Я наговорил достаточно неправды, и она мне порядком надоела. И все-таки должен сказать, что неправда неправде рознь. Дворяне лгут, как школьники, потому что держатся друг за друга и в какой-то мере друг друга выгораживают. Но убей меня бог, если я понимаю, зачем нам лгать ради каких-то проходимцев, которые пекутся только о себе. Они нас не выгораживают, а просто-напросто выпирают. Если такой человек, как ваш брат, захочет пройти в парламент от йоменов, дворян, якобитов или староанглийчан, я скажу, что это великолепно.

Секунду все молчали. Вдруг Хорн вскочил; вся его вялость исчезла.

— Я готов хоть завтра! — воскликнул он. — Вероятно, никто из вас меня не поддержит?

Тут Генри Фишер показал, что в его экспансивности есть и хорошие стороны. Он рванулся к брату и протянул ему руку.

— Ты молодчина, — сказал он. — И я тебя поддержу, даже если другие не поддержат. Поддержим его, а? Я понимаю, куда клонит лорд Солтаун. Разумеется, он прав. Он всегда прав.

— Значит, я еду в Сомерсет, — сказал Хорн Фишер.

— Это по пути в Вестминстер, — улыбнулся лорд Солтаун.

И вот, через несколько дней Хорн Фишер прибыл в городок одного из западных графств и высадился на маленькой станции. С собой он вез легкий чемоданчик и легкомысленного брата. Не надо думать, что брат только и умел что зубоскалить, — он поддерживал нового кандидата не просто весело, но и с толком.

Трехсторонний спор разгорался — и не только родным, но и чужим открывались неведомые дотоле достоинства Хорна Фишера. У фамильного очага просто вырвалось на волю то, о чем он долго размышлял:

он давно лелеял мысль выставить новое крестьянство против новой плутократии. Всегда — и в те дни и позже — он изучал не только нужную тему, но и все, что попадалось под руку. Обращения его к толпе блистали красноречием, ответы на каверзный вопрос блистали юмором. Природа с избытком наделила его этими двумя насущными для политика талантами. Разумеется, он знал о деревне гораздо больше, чем кандидат реформистов Хьюз или кандидат конституционалистов сэр Франсис Вернер. Он изучал ее так пылко и основательно, как им и не снилось. Вскоре он стал глашатаем народных чаяний, никогда еще не выходивших в мир газет и речей.

Людей просвещенных его мысли поражали новизной и фантастичностью. Люди невежественные узнавали то, что давно думали сами, но никогда не надеялись услышать. Все увидели вещи в новом свете и никак не могли понять, закат это или заря нового дня.

Успеху способствовали и обиды, которых крестьяне натерпелись от Вернера. Разъезжая по фермам и постоялым дворам, Фишер убедился, что сэр Франсис очень дурной помещик. Как он и предполагал, тот воцарился здесь недавно и не совсем достойным способом. Историю его воцарения хорошо знали в графстве, и, казалось бы, она была вполне ясна. Прежний помещик, Гоукер, — человек распутный и темный — не ладил с первой женой и, по слухам, свел ее в могилу. Потом он женился на красивой и богатой еврейке из Южной Америки. Должно быть, ему удалось в кратчайший срок спустить и ее состояние, так как он продал землю Вернеру и переселился в Америку, вероятно, в поместье жены. Фишер подметил, что распущенность Гоукера вызывала гораздо меньше злобы, чем деловитость Вернера. Насколько он понял, новый помещик занимался в основном сделками и махинациями, успешно лишая ближних спокойствия и денег. Фишер наслушался про него всякого; только одного не знал никто, даже сам Солтаун. Никак не удавалось выяснить, откуда Вернер взял деньги на покупку земли.

«Должно быть, он особенно это скрывает, — ду-

мал Хорн Фишер.— Наверное, очень стыдится... Черт! Чего же в наши дни может стыдиться человек?»

Он перебирал подлости, одна страшней и чудовищней другой. Образ Вернера преображался, чернел все гуще на фоне чудовищных сцен и чужих небес.

Погрузившись в размышления, он шел по улице и вдруг увидел соперника. Эрик Хьюз садился в машину, договаривая что-то на ходу своему агенту. Завидев Фишера, Хьюз дружески помахал рукой. Но агент — коренастый, мрачный человек по фамилии Грайс — взглянул на него недружелюбно. Когда машина тронулась, Грайс повернулся спиной и зашагал, насвистывая, по крутой улочке. Из кармана у него торчали газеты.

Фишер задумчиво поглядел ему вслед и вдруг, словно повинуясь порыву, двинулся за ним. Наконец они подошли к бурому кирпичному дому; медная табличка у дверей извещала, что в нем живет мистер Грайс. Хозяин дома обернулся и с удивлением увидел своего преследователя.

— Не разрешите ли побеседовать с вами, сэр? — вежливо осведомился Фишер.

Агент удивился еще больше, но кивнул и любезно провел гостя в кабинет, заваленный листовками и увешанный пестрыми плакатами, сочетавшими имя Хьюза с высшим благом человечества.

— Мистер Хорн Фишер, если не ошибаюсь, — сказал Грайс. — Ваш визит, конечно, большая честь для меня. Однако не буду лукавить: меня совсем не радует, что вы вступили в спор. Да вы и сами знаете. Мы здесь храним верность старому знамени свободы, а вы являетесь и прорываете наши боевые ряды.

— Вероятно, вы думаете, что меня гложет честолюбие, — сказал Хорн Фишер медленно, как всегда. — Мечу, так сказать, в диктаторы. Что ж, сниму с себя это подозрение. Мне нужно, чтобы были сделаны некоторые вещи. Я их делать не хочу. И я пришел сюда, чтобы сказать: я готов немедленно прекратить борьбу, если вы мне докажете, что мы оба добиваемся одного и того же.

Агент реформистов растерянно взглянул на него,

но Фишер не дал ему ответить и продолжал так же медленно:

— Как ни трудно в это поверить, я еще не потерял совести и меня терзают сомнения. Например, мы оба хотим провалить Вернера — но как? Я слышал о нем пропасть сплетен — но можно ли пользоваться сплетнями? Я хочу вести себя честно и с вами и с ним. Если хоть часть слухов верна, перед ним надо закрыть дверь парламента, как закрыли бы дверь любого клуба. Но если они неверны, я не хочу ему вредить.

Тут боевой огонек вспыхнул в глазах Грайса, и он заговорил пылко, если не сказать гневно. Он-то не сомневался, что все рассказы верны, и подкрепил их собственными. Вернер не только жесток, но и подл, он разбойник и кровопийца, он дерет с крестьян три шкуры, и всякий порядочный человек вправе от него отвернуться. Он выжил старика Уилкинса с земли подло, как карманный вор; он довел до богадельни тетку Биддл; а когда он вел тяжбу с Длинным Адамом, браконьером, судьи краснели за него.

— Так что если вы встанете под старое знамя, — бодро закончил Грайс, — и свалите такого мерзавца, вы об этом не пожалеете!

— Значит, все правда, — сказал Фишер. — Вы ее расскажете?

— То есть как это? Сказать правду? — удивился Грайс.

— Сказали же вы мне, — ответил Фишер. — Расклейте по городу плакаты про старика Уилкинса. Заполните газеты гнусной историей с тетушкой Биддл. Изобличите Вернера публично, призовите его к ответу, расскажите про браконьера, которого он преследовал. А кроме того, разузнайте, как он добыл деньги, чтобы купить землю, и открыто расскажите об этом. Тогда я стану под старое знамя и спущу свой маленький вымпел.

Агент смотрел на него кисловато, хотя и дружелюбно.

— Ну, знаете, — протянул он. — Такие вещи приходится делать по правилам, как положено, а то

никто ничего не поймет. У меня очень большой опыт, и я боюсь, что ваш способ не годится. Люди понимают, когда мы обличаем помещиков вообще, но личные выпады делать непорядочно. Это удар ниже пояса.

— У старого Уилкинса, наверное, пояса нет и в помине, — сказал Фишер. — Вернер может бить его как попало, никто и слова не скажет. Очевидно, главное — иметь пояс. А пояса бывают только у важных персон. Может быть, — задумчиво прибавил он, — так надо толковать старинное выражение «препоясанный граф», смысл которого всегда ускользал от меня.

— Я хочу сказать, что нельзя переходить на личности, — хмуро сказал Грайс.

— А тетушка Биддл и Адам-браконьер не личности, — сказал Фишер. — Что ж, видимо, не приходится спрашивать, каким образом Вернер сколотил деньги и стал... личностью.

Грайс по-прежнему смотрел на него из-под нависших бровей, но странный огонек в его глазах стал светлей. Наконец он заговорил другим, более спокойным тоном:

— Послушайте, а вы мне нравитесь. Я думаю, вы действительно человек честный и стоите за народ. Может быть, вы гораздо честнее, чем сами думаете. Тут нельзя действовать напролом, так что лучше не вставайте под наше знамя и играйте на свой страх и риск. Но я уважаю вас и вашу смелость и окажу вам на прощанье хорошую услугу. Я не хочу, чтобы вы ломились в открытую дверь. Вы спрашиваете, каким образом новый помещик добыл деньги и как разорился старый? Отлично. Я скажу вам кое-что ценное. Очень немногие об этом знают.

— Спасибо, — серьезно сказал Фишер. — Что же это такое?

— Буду краток, — ответил Грайс. — Новый помещик был очень беден, когда получил земли. Старый помещик был очень богат, когда их потерял.

Фишер в раздумье глядел на него, а он резко отвернулся и принялся перебирать бумаги на письменном столе. Кандидат снова поблагодарил его, простился

и вышел на улицу, по-прежнему в большой задумчивости.

Раздумья, по-видимому, привели его к какому-то решению, и, ускорив шаг, он вышел на дорогу, ведущую к воротам огромного парка, принадлежавшего сэру Франсису. День был солнечный, и ранняя зима походила на позднюю осень, а в темных лесах еще пестрели кое-где красные и золотые листья, словно последние клочки заката. Путь пролегал через пригорок, и Фишер увидел сверху, у самых своих ног длинный классический фасад, усеянный окнами. Но когда дорога спустилась к ограде поместья, за которой высились деревья, он сообразил, что до ворот усадьбы добрых полмили. Он пошел вдоль ограды и через несколько минут увидел, что в одном месте в стене образовалась брешь и ее, по-видимому, чинят. В серой каменной кладке зиял большой пролом, черный, как пещера; но, приглядевшись, Фишер рассмотрел за ним шелестящие в полутьме деревья. Этот неожиданный ход был таинственным, словно заколдованная дверь в сказке.

Довольно долго он не без труда пробирался по темному лесу; наконец внизу, сквозь деревья, замерцали непонятные серебряные полоски. Тут он вышел на свет и очутился на крутом обрыве. Внизу, по краю красивого озера, вилась тропинка. Пелена воды, мерцавшая сквозь деревья, была довольно широка и длинна, а со всех сторон ее окружала стена леса не только темного, но и жуткого. На одном конце тропинки стояла статуя безголовой нимфы, на другом — две классические урны; мрамор был изъеден непогодой и испещрен зелеными и серыми пятнами. Сотня признаков — мелких, но красноречивых — говорила о том, что Фишер забрел в дальний, заброшенный уголок парка Посреди озера виднелся остров, а на острове — павильон, задуманный, видимо, в стиле античного храма, хотя дорические колонны соединяла глухая стена. Нужно сказать, что остров только казался островом: от берега к нему шла перемычка из плоских камней, превращавшая его в полуостров.

Внезапно раздался грохот, похожий на удар грома. Эхо мрачно загудело вокруг печального озера, и Фишер понял, что кто-то выстрелил из ружья. Странные мысли закружились в его мозгу, но он тут же засмеялся: невдалеке на тропинке лежала убитая птица.

Кольцо густых деревьев окружало храм, обрамляло темной листвой, и Фишер заметил, что листья как будто зашевелились. Он был прав: довольно оборванный человек выступил из тени храма и зашагал к берегу по плоским камням. Даже сверху он казался на удивление высоким, и Фишер видел, что под мышкой он держит ружье. В памяти сразу всплыли слова: Длинный Адам, браконьер.

Мгновенно сообразив, что делать, Фишер спрыгнул с обрыва и побежал вокруг озера к началу перешейка. Он понимал: если браконьер дойдет до суши, он может мгновенно скрыться в чаще. Фишер вступил на плоские камни, и Адам оказался в ловушке; ему оставалось одно — вернуться к храму. Так он и сделал. Прислонившись к стене широкой спиной, он ждал, приготовившись к защите. Он был довольно молод; над тонким худым лицом пламенели лохматые волосы, а выражение его глаз испугало бы всякого, кто очутился бы с ним наедине на пустынном острове.

— Здравствуйте, — приветливо сказал Фишер. — Я было принял вас за убийцу. Но вряд ли эта куропатка кинулась между нами из любви ко мне, как романтическая героиня. Так что вы, вероятно, браконьер?

— Не сомневаюсь, что вы назовете меня браконьером, — отвечал незнакомец, и Фишера удивило, что такое пугало говорит изысканно и резко, как те, кто блюдет свою утонченность среди необразованных людей. — Я имею полное право стрелять тут дичь. Но я прекрасно знаю, что люди вашего сорта считают меня вором. Полагаю, вы постараетесь упечь меня в тюрьму.

— Тут есть небольшие осложнения, — ответил Фишер. — Начать с того, что вы мне польстили: я не егерь и уж никак не три егеря, а только они справи-

лись бы с вами. Есть у меня еще одна причина не тащить вас в тюрьму.

— Какая? — спросил Адам.

— Да просто я с вами согласен, — ответил Фишер. — Не знаю, какие у вас права, но мне всегда казалось, что браконьер совсем не то, что вор. Трудно понять, почему человек получает в собственность любую птицу, которая пролетит над его садом. С таким же основанием можно сказать, что он владеет ветром или может расписаться на утреннем облаке. И еще одно: если мы хотим, чтобы бедные уважали собственность, мы должны дать им свою собственность. Вам следовало бы иметь хоть клочок земли, и я вам его дам, если смогу.

— Дадите мне клочок земли! — повторил Длинный Адам.

— Простите, что я говорю с вами, как на митинге, — сказал Фишер, — но я политический деятель совершенно нового типа и говорю одно и то же публично и в частной беседе. Я повторял это сотням толп по всему графству и повторяю вам на этом странном островке среди унылого пруда. Это поместье я разделил бы на мелкие участки и роздал бы их всем, даже браконьерам. Человек вроде вас должен иметь свой уголок, чтоб разводить там не фазанов, конечно, а хотя бы цыплят.

Адам внезапно выпрямился. Он побледнел и вспыхнул сразу, словно его оскорбили.

— Цыплят! — презрительно и гневно повторил он.

— А что ж? — спросил невозмутимый кандидат.— Разве куроводство слишком скромный удел для браконьера?

— Я не браконьер! — закричал Адам, и его гневный голос раскатился по пустынному лесу, как эхо выстрела. — Эта мертвая куропатка — моя. Земля, на которой вы стоите, — моя. У меня отнял землю преступник куда похуже браконьеров. Сотни лет тут было поместье, и если вы или всякие нахалы попытаетесь разрезать его, как пирог... если я услышу еще раз о вас и ваших идиотских планах...

— Вы довольно бурный оратор, — заметил Хорн

Фишер. — Ладно, говорите. Что же случится, если я попытаюсь честно разделить это поместье между честными людьми?

Браконьер ответил спокойно и зло:

— Тогда между нами не будет куропатки.

С этими словами он повернулся спиной, показывая, видимо, что разговор окончен, прошел мимо храма в дальний конец островка, остановился и стал смотреть на воду. Фишер последовал за ним, заговорил снова, но ответа не получил и пошел к берегу. Проходя мимо храма, он подметил в нем кое-какие странности. Обычно такие строения хрупки, как декорация, и он думал, что классический храм только декорация, пустая скорлупа. Но оказалось, что за путаницей серых сучьев, похожих на каменных змей, под зелеными куполами листьев стоит весьма основательная постройка. Особенно удивился Фишер, что в плотной серовато-белой стене всего одна дверь с большим ржавым засовом, который, однако, не задвинут. Он обошел храм кругом и не нашел никаких отверстий, кроме маленькой отдушины под самой крышей.

Он задумчиво вернулся по камням на берег озера и сел на каменные ступеньки между двумя погребальными урнами. Потом достал сигарету и задумчиво закурил; потом вынул записную книжку и стал что-то писать и переписывать, пока не получилось следующее:

1) Гоукер не любил свою первую жену;

2) на второй жене он женился из-за денег;

3) Длинный Адам говорит, что поместье, в сущности, принадлежит ему;

4) Длинный Адам бродит на острове вокруг храма, похожего на тюрьму;

5) Гоукер не был беден, когда потерял поместье;

6) Вернер был беден, когда его приобрел.

Он серьезно смотрел на эти заметки, потом горько улыбнулся, бросил сигарету и пошел напрямик к усадьбе. Вскоре он напал на тропинку, и та, извиваясь между клумбами и подстриженными кустами, привела его к длинному классическому фасаду. Дом походил

не на жилище, а на общественное здание, сосланное в глушь.

Прежде всего Фишер увидел дворецкого, казавшегося гораздо старше здания, ибо дом был построен в XVIII веке, лицо же под исключительно неестественным бурым париком бороздили морщины тысячелетней давности. Только глаза навыкате блестели живо и даже гневно. Фишер взглянул на дворецкого, остановился и сказал:

— Простите, не служили ли вы при покойном мистере Гоукере?

— Да, сэр, — серьезно ответил слуга. — Моя фамилия Эшер. Что вам угодно?

— Проводите меня к сэру Франсису, — ответил гость.

Сэр Франсис Вернер сидел в удобном кресле у маленького столика в большой, украшенной шпалерами комнате. На столике стояла бутылка, рюмка с остатками зеленого ликера и чашка черного кофе. Помещик был одет в удобный серый костюм, к которому не очень шел тускло-красный галстук; но, взглянув на завитки его усов и на прилизанные волосы, Фишер понял, что сэра зовут Франц.

— Мистер Хорн Фишер? — спросил хозяин. — Прошу вас, присядьте.

— Нет, благодарю, — ответил Фишер. — Боюсь, что визит мой не дружеский, так что я лучше постою, если вы меня не выставите. Вероятно, вам известно, что я-то уже выставил... свою кандидатуру, конечно.

— Я знаю, что мы политические противники, — ответил Вернер, поднимая брови. — Но я думаю, будет лучше, если мы поведем борьбу по всем правилам — в старом, честном английском духе.

— Гораздо лучше, — согласился Фишер. — Это было бы очень хорошо, будь вы англичанин, и еще того прекрасней, если бы вы хоть раз в жизни играли честно. Буду краток. Мне не совсем известно, как смотрит закон на ту старую историю, но главная моя цель — не допустить, чтобы Англией правили такие, как вы. И потому, что бы ни говорил закон, лично

я не скажу больше ни слова, если вы сейчас же снимете свою кандидатуру.

— Вы, очевидно, сумасшедший, — сказал Вернер.

— Может быть, я не совсем нормален, — печально сказал Фишер. — Я часто вижу сны, даже наяву. Иногда события как-то двоятся для меня, словно это уже было когда-то. Вам никогда так не казалось?

— Надеюсь, вы не буйнопомешанный? — осведомился Вернер.

Фишер рассеянно глядел на гигантские золотые фигуры и коричнево-красный узор, испещрявший стены. Потом снова взглянул на Вернера и сказал:

— Мне все кажется, что это уже было, в этой самой украшенной шпалерами комнате, и мы с вами два призрака, вернувшихся на старое место. Только там, где сидите вы, сидел помещик Гоукер, а там, где стою я, стояли вы.

Он помолчал секунду, потом прибавил просто:

— И еще мне кажется, что я шантажист.

— Если вы шантажист, — сказал сэр Франсис,— обещаю вам, что вы попадете в тюрьму.

Но на лицо его легла тень, словно отблеск зеленого напитка, мерцавшего в бокале. Фишер пристально посмотрел на него и сказал спокойно:

— Шантажисты не всегда попадают в тюрьму. Иногда они попадают в парламент. Но, хотя парламент и без того гниет, вы в него не попадете. Я не так преступен, как были вы, когда торговались с преступником. Вы принудили помещика отказаться от поместья. Я же прошу вас отказаться только от места в парламенте.

Сэр Франсис Вернер вскочил и окинул взглядом старинные шпалеры.

— Где Эшер? — крикнул он, побледнев.

— А кто такой Эшер? — кротко спросил Хорн. — Интересно, много ли он знает?

Рука Вернера выпустила шнур сонетки, глаза его налились кровью, и, постояв минуту, он выскочил из комнаты. Фишер удалился так же, как вошел; не

найдя Эшера, он сам открыл парадную дверь и направился в город.

Вечером того же дня он положил в карман электрический фонарик и вернулся один в темный парк, чтобы прибавить последние звенья к цепи своих обвинений. Он многого еще не знал, но думал, что знает, где найти недостающие сведения. Надвинулась темная и бурная ночь, и дыра в стене была чернее черного, а чаща деревьев стала еще гуще и мрачнее. Пустынное озеро, серые урны и статуи наводили уныние даже днем; ночью же, перед бурей, казалось, что ты пришел к Ахерону в страну погибших душ.

Он остановился под темным драконовым деревом, чтобы достать фонарь, а потом направился к двери храма. Засовы не были заложены, и ему почудилось, что дверь приоткрыта. Однако, присмотревшись, он понял, что это просто обман зрения: свет падал теперь под другим углом. Он стал внимательно исследовать ржавые болты и петли, как вдруг почувствовал, что очень близко, над самой головой, что-то есть. Он замер и похолодел: это были человеческие ноги, может быть, ноги мертвеца; но почти сразу он понял, что ошибся. Человек — безусловно, живой — взмахнул ногами, спрыгнул и шагнул к непрошеному гостю. В ту же секунду ожили еще три или четыре дерева. Пять или шесть существ вывалились из странных гнезд. Ему показалось, что остров кишит обезьянами, но они бросились на него, схватили, и он понял, что это люди.

Он ударил переднего фонарем по лицу — тот упал и покатился по скользкой траве, но фонарь разбился, погас, и стало совсем темно. Второго человека Фишер швырнул о стену, и тот тоже упал. Третий и четвертый схватили Фишера за ноги и, как он ни отбивался, понесли к двери. Даже в суматохе драки он заметил, что дверь открыта. Кто-то руководил бандитами изнутри.

Войдя в дом, они швырнули его не то на скамью, не то на кровать, но он не ушибся, а упал на мягкие подушки. Не успел он приподняться, как они кинулись к двери. Кто бы ни были эти люди, они

бесчинствовали с явной неохотой и хотели поскорее отделаться. У Фишера мелькнула мысль, что настоящие преступники вряд ли впали бы в такую панику. Тяжелая дверь захлопнулась, заскрипели засовы, и застучали по камням быстрые шаги. Однако Фишер успел сделать то, что хотел. Подняться он не мог, но он вытянул ногу и зацепил ею, как крюком, за лодыжку последнего из выбегавших. Тот споткнулся, опрокинулся навзничь на пол тюрьмы — и тут захлопнулась дверь. Его сообщники не сообразили в спешке, что потеряли одного из своих.

Человек вскочил и отчаянно забарабанил в дверь руками и ногами. К Фишеру вернулось чувство юмора; он сел на диване небрежно, как всегда, и, слушая, как узник дубасит в дверь тюрьмы, задумался над тем, почему тот молчит.

И тут его озарила здравая мысль. Все очень просто и довольно занятно. Человек молчит, потому что боится, как бы его не узнали по голосу. Он надеется уйти из этого темного места раньше, чем Фишер разгадает, кто он. Так кто же он? Несомненно одно: он — один из четырех или пяти человек, с которыми Фишер имел дело в этих местах и в связи с этими странными событиями.

— Интересно, кто же вы такой?.. — сказал Фишер вслух лениво и любезно, как всегда. — Вряд ли стоит вас душить ради этого: не так уж приятно провести ночь с трупом. К тому же трупом могу оказаться и я. Спичек у меня нет, фонарь я разбил... Что ж, остается гадать. Кто же вы такой? Подумаем.

Тот, к кому он так любезно обращался, перестал барабанить в дверь и уныло забился в угол. Фишер тем временем продолжал:

— Может быть, вы браконьер, не признающий себя браконьером. Длинный Адам говорил, что он помещик. Надеюсь, он не посетует, если я ему скажу, что он прежде всего дурак. Можно ли рассчитывать, что Англия станет страной свободных крестьян, когда сами крестьяне заразились чванством и возомнили себя господами? Как установить демократию, если нет демократов? Вы хотите быть помещиком; вы согласны

стать преступником. Знаете, в этом вы сходитесь с другим известным мне лицом. Вот я и думаю: а вдруг вы и есть это самое «лицо»?

Он замолчал. В углу сопел незнакомец; отдаленный рокот проникал в отдушину над его головой. Наконец Хорн заговорил снова:

— Может, вы только слуга — скажем, тот зловещий тип, что служил и Гоукеру и Вернеру... Если это так, вы — единственный мост между ними. Зачем же вы унижаетесь? Зачем вы служите подлому чужеземцу, когда видели последнего из нашей знати? Такие, как вы, обычно любят Англию. Разве вы ее не любите, Эшер? Наверное, мое красноречие ни к чему — вы совсем не Эшер.

Скорее, вы сам Вернер. Да, на вас не стоит тратить красноречия. Вас все равно не пристыдишь. Бесполезно бранить вас за то, что вы губите Англию, да и не вас надо бранить. Это нас, англичан, надо ругать за то, что мы пустили таких гадов на стольные места наших королей и героев. Нет, лучше не буду думать, что вы Вернер, а то без драки не обойтись. Кем же вы еще можете быть? Неужели вы из реформистов? Никогда не поверю, что вы Грайс. Хотя есть у него во взгляде что-то такое одержимое... а люди идут на многое в этих подлых политических сварах. А если вы не прислужник, значит вы... Нет, не верю. Это не красная кровь свободы и мужества. Это не знамя демократии.

Он вскочил, и в ту же секунду над решеткой прогрохотал гром. Началась гроза; и его сознание озарилось новым светом. Он знал, что́ сейчас случится.

— Понимаете, что это значит? — крикнул он. — Сам господь подержит мне свечку, чтобы я увидел ваше чертово лицо!!!

Оглушительно ударил гром. Но за миг до него свет озарил комнату на ничтожную долю секунды.

Фишер увидел две вещи: черный узор решетки на белом небе и лицо в углу. То было лицо его брата.

Он выговорил имя, и воцарилась тишина, более жуткая, чем мрак. Потом Генри Фишер встал, и голос его прозвучал, наконец, в этой ужасной комнате.

— Ты меня видел, — сказал он, — так что можно зажечь свет. Ты мог зажечь его и раньше, вот выключатель.

Он нажал кнопку, и все вещи в комнате стали четче, чем днем. Вещи эти, надо сказать, так поразили узника, что он забыл на минуту о своем открытии. Здесь была не камера, а скорее гостиная или даже будуар, если б не сигары и вино на журнальном столике. Хорн пригляделся и понял, что вино и сигары принесли недавно, а мебель стоит тут давно. Он заметил выцветший узор драпировки и удивился окончательно.

— Эти вещи из того дома, — сказал он.

— Правильно, — ответил Генри. — Я думаю, ты понял, в чем тут дело.

— Да, — сказал Хорн. — И прежде чем перейти к более важному, скажу, что же я понял. Гоукер был подлец и двоеженец. Его первая жена не умерла, когда он женился на второй. Он просто запер ее тут, на острове. Здесь она родила сына; теперь он бродит вокруг и зовется Длинным Адамом. Разорившийся делец Вернер пронюхал об этом и шантажом вынудил Гоукера отдать ему поместье. Все это проще простого. Теперь перейдем к трудному. Какого черта ты напал на родного брата?

Генри Фишер ответил не сразу.

— Ты, наверное, не думал, что это я. Но, по совести, чего же ты мог ожидать?

— Боюсь, что я не понимаю, — сказал Хорн.

— Чего ты мог ожидать, когда наломал столько дров? — заволновался Генри. — Мы все думали, что ты умный. Откуда нам знать, что ты... ну, что ты так провалишься?

— Странно, — нахмурился кандидат. — Не буду хвастать, но мне кажется — я совсем не провалился. Все митинги прошли на «ура», и мне обещали массу голосов.

— Еще бы! — мрачно сказал Генри. — Твои дурацкие акры и коровы произвели переворот. Вернеру не получить и голоса. Все пропало!

— О чем ты?

— О чем? Нет, ты правда не в себе! — искренне и звонко крикнул Генри. — Ты что, думал — тебя и впрямь прочат в парламент? Ты же взрослый в конце концов! Пройти должен Вернер. Кому ж еще? В следующую сессию он должен получить финансы, а потом провернуть египетский заем и еще разные штуки. Мы просто хотели, чтоб ты на всякий случай расколол реформистов. Понимаешь, Хьюзу слишком повезло в Бармингтоне.

— Так... — сказал Хорн. — А ты, насколько мне известно, столп и надежда реформистов. Да, я действительно дурак.

Воззвание к партийной совести не имело успеха — столп реформистов думал о другом. Наконец он сказал не без волнения:

— Мне не хотелось тебе попадаться. Я знал, что ты расстроишься. Но ты никогда бы меня не поймал, если б я не пришел присмотреть, чтоб тебя не обидели. Думал устроить все поудобнее... — И голос его дрогнул, когда он сказал: — Я нарочно купил твои любимые сигары.

Чувства — странная штука. Нелепость этой заботы растрогала Хорна Фишера.

— Ладно, — сказал он. — Не будем об этом говорить. Ты самый добрый подлец и ханжа из всех, кто продавал совесть ради гибели Англии. Лучше сказать не могу. Спасибо за сигары. Я закурю, если позволишь.

К концу рассказа Марч и Фишер вошли в один из лондонских парков, сели на скамью и увидели с пригорка зеленую даль под светлым, серым небом. Могло показаться, что последние фразы не совсем вытекают из вышеизложенных событий.

— С тех пор я так и жил в этой комнате. Я и теперь в ней живу. На выборах я победил, но не попал в парламент. Я остался там, на острове. У меня есть книги, сигары, комфорт; я много знаю и многим за-

нимаюсь, но ни один отзвук не долетает из склепа до внешнего мира. Там я, наверное, и умру.

И он улыбнулся, глядя на серый горизонт поверх зеленой громады парка.

Перевод К. Жихаревой

НЕУЛОВИМЫЙ ПРИНЦ

Начало этой истории теряется среди множества других, сплетенных вокруг имени хотя и не древнего, но легендарного. Это имя — Майкл О'Нил, которого в народе звали принцем Майклом, отчасти потому, что он провозгласил себя потомком старинного рода принцев-феннев, отчасти потому, что он намеревался, как гласит молва, стать принцем-президентом Ирландии по примеру последнего Наполеона во Франции. Несомненно, он был джентльменом благородного происхождения и обладал многими достоинствами, из коих два были особенно примечательны. Ему было свойственно появляться, когда его никто не ждал, и исчезать, когда его поджидали, в особенности когда его поджидала полиция. Можно добавить, что его исчезновения были гораздо опаснее появлений.

Последние имели обычно сенсационный характер — он срывал правительственные воззвания, расклеивал воззвания мятежные, произносил пламенные речи, подымал запретные флаги. Но, исчезая, он нередко боролся за свою свободу с такой поразительной энергией, что счастлив был тот из его преследователей, кому удавалось отделаться проломленной головой и не сломать себе на этом шеи. Однако свои самые знаменитые и чудесные побеги он осуществлял благодаря находчивости, а не насилию.

Однажды, безоблачным летним утром, весь белый от пыли, он появился на дороге перед крестьян-

ской фермой и с беспечностью светского человека сообщил дочери фермера, что за ним гонятся полицейские. Девушку звали Бриджет Ройс, она была красива, но красота ее была суровой и даже мрачной. Она взглянула на него и спросила с сомнением:

— Ты хочешь, чтобы я спрятала тебя?

В ответ он только рассмеялся, легко перепрыгнул через каменную изгородь и зашагал к ферме, небрежно бросив через плечо:

— Благодарю, обычно я это делаю сам.

Тем самым он проявил пагубное непонимание женского сердца, и на его путь, озаренный солнечным сиянием, легла роковая тень.

Он вошел в дом, а девушка осталась у дверей, глядя на дорогу; через несколько минут к ферме подошли двое мокрых от пота, измученных полицейских. Она ничего им не сказала, хоть все еще и сердилась, и четверть часа спустя полицейские, обшарив дом, уже обыскивали огород и ржаное поле, лежащее за ним. Поддавшись мстительному порыву, она могла бы, пожалуй, не устоять перед искушением и выдать беглеца, если бы не одно пустячное затруднение: как и полицейские, она не представляла себе, куда он мог скрыться.

Сад был обнесен низкой изгородью, а за ним, словно квадратная заплата на склоне огромного зеленого холма, лежало поле; даже если бы он успел уйти далеко, все равно он был бы виден с фермы, хотя бы как точка на ровном поле.

Все прочно стояло на своих обычных местах; яблоня была слишком мала, чтобы в ее ветвях мог спрятаться человек; единственный сарай с открытой настежь дверью был явно пуст; не слышно было ни звука, только гудела мошкара да с шумом взлетела птичка, испуганная с непривычки пугалом, стоявшим в поле; почти нигде не было тени, только от тоненького деревца падало на землю несколько синих полос; каждая мелочь четко, как под микроскопом, выступала в ярком солнечном свете. Позже девушка описала эту картину со страстным реализмом кельтов. Что же до полицейских, то если они

и не были способны к столь образному восприятию действительности, они, во всяком случае, сумели здраво оценить положение и, отказавшись от погони, удалились со сцены.

Бриджет Ройс стояла неподвижно, как зачарованная, глядя на залитый солнцем сад, в котором только что, словно дух, исчез человек. Тяжелое чувство не оставляло ее, и таинственное исчезновение уже казалось ей враждебным и страшным, точно этот дух был злым духом.

Оттого, что все вокруг было залито ярким солнечным светом, на душе у нее было тяжелее, чем если бы кругом стояла кромешная тьма; но она не отрывала взгляда от залитого солнцем поля. Вдруг ей почудилось, что мир лишился рассудка, — она закричала. В солнечном свете пугало тронулось с места. Все это время оно стояло спиной к ней, в бесформенной старой черной шляпе и изодранной одежде; а теперь быстро зашагало прочь по косогору, только лохмотья развевались на ветру. Девушка не стала размышлять о дерзкой маскировке, с помощью которой этому человеку удалось использовать тонкое взаимодействие между привычным и очевидным. Она все еще была во власти сложных личных переживаний и запомнила только, что, удаляясь, пугало даже не обернулось, чтобы взглянуть на ферму.

Судьбе, столь неблагосклонной к фантастической борьбе принца Майкла за свободу, было угодно, чтобы следующее его приключение, хотя в одном отношении и увенчавшееся успехом, еще сильнее увеличило бы опасность. Среди прочих историй, передаваемых про него, ходит рассказ о том, как несколько дней спустя другая девушка, по имени Мэри Греган, обнаружила, что он прячется на ферме, где она служила, и, если верить рассказам, она также пережила сильнейшее потрясение. Она работала одна во дворе и вдруг услышала голос из колодца; оказалось, что этот удивительный человек умудрился спрыгнуть в бадью, спущенную в колодец, где было мало воды. На этот раз, однако, ему пришлось обратиться

к женщине за помощью — он попросил ее вытянуть бадью. И, говорят, что когда весть об этом дошла до Брнджет Ройс, та решнлась, наконец, на предательство.

Таковы былн слухи о его прнключеннях, ходившие в округе. Их было много. Рассказывают еще, как однажды он с дерзким видом стоял на лестнице большого отеля в роскошном зеленом халате, поджидая полицейскнх, а затем заставил их гнаться за собой по анфнладе великолепных покоев, заманил к себе в спальню, а оттуда на балкон, внсевшнй над рекой. В ту минуту, когда преследовавшие его полицейскне ступили на балкон, он подломнлся под их тяжестью, и они посыпались в бурлящие волны; сам же Майкл, успевший сбросить халат, нырнул и ускользнул от погони. Рассказывают, что он заранее подпнлнл подпорки, чтобы они не выдержалн такой нагрузки, как вес полнцейскнх. Однако н в этом побеге он добнлся лишь кажущегося успеха, ибо один нз полицейских утонул, оставив семью, чья непрнмирнмая ненависть нанесла некоторый вред популярности принца.

Эти историн передаются сейчас с такими подробностями не потому, что были самыми уднвительными из всех его приключений, но потому, что только на них преданность местных крестьян не наложила запрет молчания. Только эти истории и были изложены в официальных отчетах, и их-то и обсуждали трое местных представителей власти в ту минуту, когда начинается самая замечательная часть нашего рассказа.

Давно уже наступила ночь, но на берегу, в окнах домика, где расположились полицейские, горел свет. Здание это было последним в ряду редко разбросанных домов деревни, а за ним начиналась поросшая вереском болотистая пустошь, которая тянулась до самого моря. Ровная линия берега нарушалась лншь одинокой башней старинной архитектуры — такие еще встречаются в Ирландии, — стройной, как колонна, с остроконечным, как у пирамиды, верхом. У окна, перед которым расстилался этот

пейзаж, за деревянным столом сидели двое в штатском, сохранившие, впрочем, некоторую военную выправку, как и подобало людям, возглавившим местную сыскную полицию. Старшим по возрасту и по чину был коренастый человек с подстриженной седой бородой и седыми бровями, нахмуренными скорее озабоченно, чем сурово.

Звали его Мортон, родом он был из Ливерпуля, но давно уже варился в котле ирландских междоусобиц, выполняя свой долг без особого рвения и даже не без сочувствия. Он произнес несколько фраз, обращаясь к своему помощнику Нолану, высокому темноволосому человеку с типичным для ирландца землистым длинным лицом, а затем, очевидно, вспомнив о чем-то, нажал звонок, отозвавшийся в соседней комнате. Тотчас же явился подчиненный с папкой бумаг.

— Присядьте, Уилсон, — сказал Мортон. — Что у вас? Показания?

— Да, — ответил тот. — Сдается, я вытянул из них все, что только можно. Я отпустил их.

— А Мэри Греган дала показания? — спросил Мортон, хмурясь несколько больше обычного.

— Нет, зато ее хозяин дал, — ответил тот, кого звали Уилсоном. У него были прямые рыжие волосы и некрасивое бледное лицо, не лишенное, впрочем, известной проницательности. — Должно быть, он сам увивается за нею и потому выболтал все о сопернике. В тех случаях, когда нам говорят правду, на то всегда имеется какая-нибудь такая причина. Зато другая девица рассказала все, что знала.

— Ну что ж, будем надеяться, что из этих показаний будет хоть какой-нибудь толк, — уныло заметил Нолан, вглядываясь в темноту за окном.

— Любая малость будет нам полезна, — сказал Мортон, — если она поможет нам узнать что-нибудь о нем.

— Мы знаем о нем одно, — сказал Уилсон. — То, чего никто раньше не знал. Мы знаем, где он сейчас.

— Вы в этом уверены? — спросил Мортон, быстро взглянув на него.

— Вполне, — ответил его помощник. — В эту самую минуту он вон в той башне у моря. Подойдите поближе, вы увидите свечу, горящую в окне.

В эту минуту с дороги донесся автомобильный гудок, а потом и шум затормозившей перед дверью машины. Мортон проворно вскочил на ноги.

— Слава богу, это машина из Дублина, — сказал он. — Без особых полномочий я ничего не могу предпринять, даже если бы он показал нам язык с верхушки этой башни. Но шеф сможет делать все, что сочтет нужным.

И он поспешил к двери навстречу красивому, высокому мужчине в меховом пальто, который внес в маленькую грязную комнату яркий отблеск больших городов и роскоши большого света.

Это был сэр Уолтер Кэрн, занимавший такое высокое положение в Дублинском замке, что только дело принца Майкла могло вдохновить его на это ночное путешествие. Правда, дело это осложняли не только нарушения закона, но и сам закон. В последний раз принца Майкла спасла не обычная его дерзость, а хитроумное толкование законов, так что теперь было неясно, подлежит он судебной ответственности или нет. Для того чтобы решить этот вопрос, потребовалась бы, возможно, некоторая вольность в толковании закона; человек же, подобный сэру Уолтеру, мог, конечно, позволить себе любую вольность. Неясно было одно — захочет ли он это делать.

Несмотря на почти вызывающую роскошь мехового пальто сэра Уолтера, все очень скоро поняли, что его большая львиная голова была не только декоративной, но и весьма полезной принадлежностью, ибо он принялся за расследование трезво и вполне разумно. Вокруг простого соснового стола поставили пять стульев; сэр Уолтер привез с собой родственника и секретаря по имени Хорн Фишер, весьма апатичного молодого человека с бесцветными усами и преждевременно поредевшей шевелюрой. Сэр Уолтер с серьезным вниманием, его секретарь — с вежливой

скукой выслушали подробное повествование о том, как полицейским удалось проследить весь путь беглеца, от ступенек отеля до одинокой башни на морском берегу. Здесь, между болотом и бушующим морем, он попал, наконец, в ловушку; посланный Уилсоном разведчик доложил, что он сидит и пишет при свете единственной свечи — должно быть, сочиняет очередное грозное воззвание. Только принц мог выбрать эту башню для последней отчаянной схватки. У него были какие-то одному лишь ему известные основания считать ее своим фамильным замком, и не было ничего удивительного для тех, кто его знал, если бы он вздумал подражать древним ирландским вождям, которые погибли, сражаясь с морем.

— В дверях я столкнулся с какими-то подозрительными личностями, — сказал сэр Уолтер. — Это, по-видимому, ваши свидетели. Что они здесь делают в такую позднюю пору?

Мортон мрачно усмехнулся.

— Они приходят ночью, потому что их не было бы в живых, если б они вздумали прийти сюда днем. Их считают преступниками, и преступление их куда тяжелей, чем простая кража или убийство.

— Что это за преступление? — спросил с любопытством сэр Уолтер.

— Они помогают закону, — ответил Мортон.

Наступило молчание. Сэр Уолтер рассеянно смотрел на лежащие перед ним бумаги. Наконец он сказал:

— Отлично, но посудите сами — если таковы чувства местного населения, нам следует о многом поразмыслить. Думаю, что на основании вновь принятого закона я смогу, если будет на то необходимость, арестовать его. Но нужно ли это делать? Серьезные беспорядки повредили бы нашему положению в парламенте, а у правительства много врагов не только в Ирландии, но и в Англии. Что пользы, если я поверну дело слишком круто, а потом окажется, что я только вызвал восстание? Ведь это ни к чему хорошему не приведет.

— Напротив, — поспешно возразил человек, ко-

торого звали Уилсоном. — Если вы арестуете его, не будет и половины тех волнений, которые произойдут, если вы хоть на три дня оставите его на свободе. Впрочем, в наше время настоящая полиция может справиться с чем угодно.

— Мистер Уилсон лондонец, — с улыбкой сказал ирландец Нолан.

— Да, настоящий, — ответил тот, — и, сказать по правде, совсем об этом не жалею. Особенно в данном случае, как ни странно это может показаться.

Сэра Уолтера, казалось, забавляло упорство полицейского, а еще более — легкий акцент, достаточно красноречиво говоривший о его происхождении.

— Не хотите ли вы сказать, —спросил он, — что вам легче разобраться в происходящем, оттого что вы приехали из Лондона?

— Может, это и смешно, но только так оно и есть. Я убежден, что в подобных делах нужны новые методы. И прежде всего нужен свежий глаз.

Все рассмеялись, но рыжеволосый полицейский продолжал с некоторой досадой:

— Нет, вы только попробуйте разобраться в фактах. Вспомните, как этот субъект ускользал каждый раз, и вы поймете, что я имею в виду. Почему ему удалось притвориться пугалом и спрятаться от всех под какой-то старой шляпой? Да потому, что полицейский был из здешних: он знал, что на этом месте стоит пугало, или, вернее, должно стоять, и потому не обратил на него никакого внимания. Ну, а для меня пугало — вещь необычная, я никогда не видел их на улицах, и стоит мне заметить его в поле, как я смотрю на него во все глаза. Для меня эта штука новая, она привлекает мое внимание. То же самое с колодцем. Для вас колодец в таком месте — вещь обычная, он должен там быть, и потому вы его не замечаете. Я же ничего этого не знаю — и потому вижу его.

— Интересная мысль, — сказал, улыбаясь, сэр Уолтер. — Ну, а как быть с балконами? Балконы ведь изредка попадаются и в Лондоне.

— Но оии не нависают иад водой, словно в Венеции, — отвечал Уилсон.

— Да, мысль интересная, новая, — повторил сэр Уолтер, и в голосе его послышалось что-то похожее на уважение. Как все представители привилегированных классов, он обладал приверженностью к новым идеям. Но он обладал также и способностью критически мыслить и после некоторого раздумья пришел к выводу, что мысль эта к тому же и справедлива.

Близился рассвет, чериота в оконных рамах засерела, и сэр Уолтер решительно подиялся. За ним поднялись и другие, сочтя это движеиие знаком того, что арест предрешен. Однако их начальник стоял с минуту в глубоком раздумье, словно иа перепутье. Внезапно тишииу прервал долгий протяжный вопль, донесшийся издалека, с темных болот. Наступившее молчаиие казалось внезапнее самого крика. Его нарушил Нолаи, произнесший сдавленным голосом:

— Это кричит фея смерти. Она пророчит кому-то могилу. — Его длиииое лицо с крупиыми чертами стало бледнее луны, и все тут же вспомиили, что среди присутствовавших ои одии был ирландцем.

— Знаю я эту фею, — весело сказал Уилсон, — хоть вы и считаете, что я ничего не понимаю в таких вещах. Я сам говорил с этой феей с час тому назад и послал ее к башне; это я приказал ей так кричать, если оиа увидит в окне, что наш друг все еще пишет свое воззвание.

— Вы говорите о той девушке, Бриджет Ройс? — спросил Мортон, хмуря седые брови. — Неужели она решила, что это входит в обязаиности свидетельиицы обвинения?

— Да, — сказал Уилсои. — Вы утверждаете, что я ничего не смыслю в местных обычаях. Однако, сдается мне, разъяреииые женщииы всюду ведут себя одинаково.

Нолан все еще был мрачен; ему было явно не по себе.

— Этот крик не к добру, — проговорил он. — Вся эта затея не к добру. Может, это и коиец прин-

цу Майклу, но только, должно быть, не ему одному. Если уж на него находит, он дерется как одержимый и вырывается на свободу, хоть по колено в крови и через гору трупов.

— Это и есть настоящая причина ваших суеверных страхов? — спросил с легкой насмешкой Уилсон.

Бледное лицо ирландца потемнело от гнева.

— Я видел больше убийств у себя в графстве Клэр, чем вы — пьяных драк на станции Клэфем *, мистер Кокни **, — сказал он.

— Замолчите, — резко сказал Мортон. — Уилсон, вы не имеете права сомневаться в храбрости того, кто выше вас чином. Надеюсь, сами вы окажетесь так же мужественны и достойны доверия, как Нолан.

Бледное лицо рыжеволосого, казалось, побледнело еще больше, однако он сдержался и промолчал. Сэр Уолтер подошел к Нолану и проговорил с подчеркнутой учтивостью:

— Что ж, может, отправимся сейчас же, чтобы поскорее покончить с этим делом?

Светало. Между огромной серой тучей и огромным серым простором равнины появился широкий белый просвет, а за ним на фоне тусклого неба и моря — четкий силуэт башни. Ее простые и строгие очертания наводили на мысль о первых днях творения, о тех доисторических временах, когда не было еще красок, — один лишь дневной свет отделял землю от туч. Эти темные тона оживляло единственное пятнышко света — пламя свечи в окне одинокой башни, все еще заметное в разгоравшемся свете дня. Когда сыщики в сопровождении полицейского отряда расположились полукругом перед башней, чтобы отрезать беглецу все пути к отступлению, свет в окне вспыхнул на мгновение, словно кто-то передвинул свечу, и тут же погас. По-видимому, человек, находящийся внутри, заметил, что наступил рассвет, и задул свечу.

— В башне есть еще окна, не так ли? — спро-

---

* Клэфем — пригород Лондона.
** Кокни — житель лондонских трущоб.

сил Мортон. — И конечно, дверь где-нибудь за углом — впрочем, какие же могут быть углы у круглой башни!

— Еще одно доказательство в пользу моей скромной теории, — спокойно заметил Уилсон. — Я сразу же, как приехал, обратил внимание на эту башню. Могу рассказать вам кое-что о ней, во всяком случае, о том, как она выглядит снаружи. Всего в ней четыре окна. Одно перед нами. Другое почти рядом, но его отсюда не видно. Оба эти окна, а также и третье, с противоположной стороны, находятся в нижнем этаже, образуя треугольник. Зато четвертое приходится прямо над третьим и, как мне кажется, расположено на верхнем этаже.

— Нет, это что-то вроде хоров, — сказал Нолан, — туда можно влезть по приставной лестнице. Я часто играл там в детстве. Наверху ничего нет...

Его лицо омрачилось. Возможно, он подумал о трагедии своей родины и о той роли, которую он в ней исполнял.

— Во всяком случае, у него там есть стол и стул, — сказал Уилсон. — Конечно, он мог взять их в деревне. С вашего разрешения, сэр, я бы предложил следующее: одновременно подойти ко всем пяти выходам. Один из нас встанет у двери, а остальные — по одному у каждого окна. У Макбрайда есть лестница, которую можно приставить к верхнему окну.

Мистер Хорн Фишер, апатичный секретарь сэра Уолтера, повернулся к своему знаменитому родственнику.

— Кажется, я становлюсь приверженцем психологической школы «кокни», — сказал он вяло. Это были его первые слова за все это время.

Остальные, по-видимому, разделяли его чувство, ибо все стали располагаться по предложенному Уилсоном плану. Мортон направился к окну, находившемуся прямо перед ним, в котором укрывшийся в башне преступник только что задул свечу, Нолан — несколько западнее, ко второму окну, а Уилсон и следовавший за ним Макбрайд с лестницей,

обойдя башню сзади, подошли к двум окнам, расположенным на противоположной стороне. Сам же сэр Уолтер Кэри в сопровождении своего секретаря направился к входу, чтобы проникнуть в башню более обычным способом.

— Он вооружен, конечно? — небрежно спросил сэр Уолтер.

— Безусловно, — ответил Хорн Фишер. — Даже если в руках у него только подсвечник, он может сделать им больше, чем другие револьвером. Но у него, конечно, есть и револьвер.

Не успел он договорить, как оглушительный грохот подтвердил его слова.

Мортон только что занял место у ближайшего окна, закрывая его своими широкими плечами. На мгновение окно осветилось изнутри красным пламенем, и под сводами башни прогрохотало эхо. Квадратные плечи Мортона опустились, и его сильное тело рухнуло в высокую траву у подножия башни. Из окна выплыло маленькое облачко дыма. Сэр Уолтер и его секретарь, стоявшие позади Мортона, бросились поднимать его. Он был мертв. Сэр Уолтер выпрямился и крикнул что-то, однако второй выстрел, раздавшийся вслед за первым, заглушил его слова. Это, должно быть, стреляли полицейские из противоположного окна, мстя за смерть своего товарища. В это время Фишер подбежал ко второму окну. Раздался крик изумления, и сэр Уолтер поспешил к своему секретарю. На траве лежало распростертое тело ирландца Нолана, трава вокруг была залита кровью. Когда они подбежали к нему, он еще дышал, но лицо его уже было отмечено печатью смерти. Собрав последние силы, Нолан что-то пробормотал и махнул рукой, как бы давая понять им, что для него уже все кончено, героическим усилием отсылая их к товарищам, осаждавшим башню. Сэр Уолтер и его спутник, ошеломленные таким внезапным и ужасным поворотом событий, бессознательно повиновались ему. То, что они увидели, было столь же поразительно, хотя и менее трагично: два других полицейских были живы, но Макбрайд лежал со сло-

манной ногой под упавшей лестницей, которую, очевидно, оттолкнули от верхнего окна, а Уилсон лежал ничком, неподвижно, точно оглушенный, уткнувшись рыжей головой в серебристо-серые шарики серебрянки. Впрочем, беспамятство его тут же прошло. Как только сэр Уолтер и его секретарь показались из-за башни, он зашевелился и попытался встать.

— Черт возьми, точно взрыв! — вскричал сэр Уолтер.

И действительно, трудно было иначе определить ту дьявольскую энергию, с какой один человек, зажатый в треугольник врагов, сломал его, почти одновременно посеяв смерть и разрушение на всех трех сторонах.

Уилсон уже поднялся на ноги и с удивительной энергией бросился к окну, держа револьвер наготове. Он дважды выстрелил в окно и прыгнул в него в дыму своих выстрелов; звук его шагов и стук упавшего стула свидетельствовали о том, что неустрашимый Кокни проник, наконец, в башню. Последовала непонятная тишина. Дым рассеивался. Сэр Уолтер, подойдя к окну, заглянул в пустоту древней башни: кроме Уилсона, озиравшегося вокруг, там никого не было.

Внутри башня представляла собой одну пустую комнату, в которой не было ничего, кроме простого деревянного стула и стола. На столе лежали бумаги и перья, стояла чернильница, а рядом с ней подсвечник. На стене, под верхним окном, виднелась грубо сколоченная площадка, похожая скорее на большую полку; добраться до нее можно было только по приставной лестнице. Площадка была пуста, как и вся комната с голыми стенами. Оглядев помещение, Уилсон подошел к столу и стал внимательно рассматривать лежавшие на нем вещи. Затем он молча указал тощим пальцем на открытую страницу большой тетради. Человек, который писал в ней, остановился, даже не окончив начатого слова.

— Я говорю, это было похоже на взрыв, — сказал сэр Уолтер. — И сам он будто тоже взорвался. Во всяком случае, он как-то вылетел из башни, ни-

чего не уничтожив при этом. Исчез, словно мыльный пузырь, а не как взорвавшаяся бомба!

— Зато он уничтожил кое-что поценнее этой башни, — мрачно сказал Уилсон.

Наступило долгое молчание, затем сэр Уолтер произнес серьезно:

— Что ж, мистер Уилсон, я не сыщик. У нас никого не осталось по вашей части, кроме вас; придется вам взять на себя руководство этой стороной дела. Мы все глубоко сожалеем об этой печальной необходимости, но мне хотелось бы сказать, что в данном случае я полностью полагаюсь на ваши способности. Что, по-вашему, мы должны теперь предпринять?

Уилсон, казалось, стряхнул с себя свое мрачное оцепенение и ответил на слова сэра Уолтера с необычным теплом и признательностью. Он подозвал нескольких полицейских и велел им обыскать башню внутри, а остальных послал осмотреть ближайшие окрестности.

— По-моему, — сказал он, — необходимо прежде всего убедиться, не прячется ли он где-нибудь в башне, — ведь выбраться из нее было физически невозможно. Бедняга Нолан, может, вспомнил бы опять о своей фее смерти и стал бы говорить, что на помощь принцу пришли всякие сверхъестественные силы. Ну, а мне всякая чертовщина ни к чему, когда я имею дело с реальностью. А она такова: пустая башня с лестницей, стул и пустой стол.

— Спириты, — произнес сэр Уолтер с улыбкой, — сказали бы, что духи могут многое сделать с помощью простого стола.

— Только в том случае, если на нем стоит хорошая бутылка спиртного, — ответил Уилсон, кривя усмешкой свой бледный рот. — Здесь верят в духов, особенно когда поднагрузятся ирландским виски. Если хотите знать, этой стране не хватает просвещения, вот чего!

Тяжелые веки Хорна Фишера дрогнули, точно его рассердил презрительный тон сыщика.

— Ирландцы слишком верят в духов, чтобы ве-

рить в спиритизм, — проговорил он тихо. — Они слишком много о них знают. Если же вам нужна по-детски простая вера в духов, ищите ее в своем любимом Лондоне.

— К чему она мне? — ответил отрывисто Уилсон. — Тут у меня вещи попроще, чем ваша простая вера, — стол, стул и лестница. И вот что я должен сказать о них для начала. Они сколочены грубо из самого обыкновенного дерева. Стол и стул совсем новые и сравнительно чистые. Лестница покрыта пылью, и под верхней ступенькой видна паутина. А это значит, что стол и стул он взял совсем недавно у кого-нибудь в деревне, как мы и предполагали. Но лестница уже давно стоит здесь, в этой старой норе. Вероятно, это часть оригинальной обстановки в этом великолепном дворце ирландских королей.

Фишер снова взглянул на него из-под тяжелых век, однако на этот раз, одолеваемый, казалось, дремотой, он ничего не сказал. Уилсон продолжал:

— Совершенно очевидно, что здесь только что произошло нечто необычное. Ставлю десять против одного, что вся история связана именно с этим местом. Может, он выбрал башню потому, что нигде больше его фокус не прошел бы, ни на что другое она, по-моему, не годится. Он знал о ней издавна; ведь, говорят, она принадлежала его роду. По всей вероятности, тайна кроется в конструкции самой башни.

— Ваши доводы кажутся чрезвычайно убедительными, — сказал внимательно слушавший сэр Уолтер. — Но что бы это могло быть?

— Теперь вы понимаете, что я имел в виду, говоря о лестнице, — продолжал сыщик. — Она одна здесь старая, и я сразу же ее заметил своим свежим взглядом горожанина. Но тут есть и еще кое-что. Эта площадка наверху предназначалась для всякого хлама, однако хлама-то там и нет. Насколько я могу судить, она, как и вся башня, совершенно пуста, и непонятно, к чему тогда лестница. Видно, раз внизу ничего нет, стоит заглянуть наверх.

Он живо соскочил со стола, на котором сидел

(единственный стул был предоставлен сэру Уолтеру), и взбежал вверх по лестнице. За ним последовали остальные. Мистер Фишер поднялся последним с выражением полнейшего безразличия на лице. Однако и тут их ждало разочарование, хоть Уилсон и обнюхал каждый угол, словно терьер, и чуть не лег на спину, осматривая потолок.

Полчаса спустя они вынуждены были признать, что так и не напали на след. Личному секретарю сэра Уолтера, видно, все труднее было бороться с дремотой, столь неуместной в данных обстоятельствах. Поднявшись последним по лестнице, он, казалось, не находил в себе сил, чтобы спуститься вниз.

— Идите же, Фишер, — позвал сэр Уолтер снизу, когда все спустились на пол. — Надо решить, стоит ли разносить эту башню в куски, чтобы понять, из чего она сделана.

— Иду, — ответил голос сверху, сопровождаемый сдавленным зевком.

— Чего вы ждете? — спросил сэр Уолтер нетерпеливо. — Вы что-нибудь увидели?

— Пожалуй, — неопределенно ответил тот. — А вот теперь вижу совершенно отчетливо.

— Что вы видите? — резко спросил Уилсон, сидя на столе и нетерпеливо постукивая каблуками.

— Человека, — ответил Хорн Фишер.

Уилсон слетел со стола, будто его столкнули.

— Что? — закричал он. — Как это вы можете видеть человека?

— В окно, — кротко ответил секретарь сэра Уолтера. — Я вижу, что он направляется сюда. Он идет напрямик, по открытому полю, прямо к башне. По-видимому, он хочет нанести нам визит. И, принимая во внимание, кто этот гость, нам всем следует встретить его у дверей.

И он неторопливо спустился с лестницы.

— Кто бы это мог быть? — с изумлением сказал Уилсон.

— По-моему, это тот, кого вы зовете принцем Майклом, — заметил мистер Фишер. — Я даже уверен, что это он. Я видел его фотографии в полиции.

Воцарилась мертвая тишина, во время которой в ясной голове сэра Уолтера мысли завертелись, словно крылья ветряной мельницы.

— Что за черт! — вскричал он наконец. — Даже если предположить, что им же подготовленный взрыв выбросил его неизвестно как за полмили отсюда, не причинив ему никакого вреда, я все равно не пойму, какого дьявола ему здесь нужно. Убийца обычно не возвращается так скоро на место своего преступления.

— Откуда ему знать, что это место его преступления? — ответил Хорн Фишер.

— Черт возьми, что вы хотите этим сказать? По-вашему, он так рассеян?

— Дело в том, что это отнюдь не место его преступления, — сказал Фишер, подходя к окну и выглядывая из него.

Опять наступило молчание, а затем сэр Уолтер произнес спокойно:

— Что это вам пришло в голову, Фишер? Я вижу, у вас возникла новая теория относительно того, как этот парень вырвался из кольца.

— Он и не думал вырываться, — ответил Фишер, не отворачиваясь от окна. — Он и не мог вырваться — по той простой причине, что он никогда и не был в этом кольце. И в башне его не было, во всяком случае, когда мы ее окружали.

Он повернулся и встал, прислонясь спиной к косяку окна. Несмотря на обычное для него выражение безразличия, лицо его было бледнее обычного — возможно, от падавшей на него тени.

— Я начал догадываться кое о чем, еще когда мы подходили к башне, — сказал он. — Заметили вы, как затрепетало пламя свечи, перед тем как погаснуть? Я был почти уверен, что это последняя вспышка догоревшей свечи. А войдя в комнату, я увидел вот это...

Он указал на стол; сэр Уолтер глухо проклял собственную слепоту.

Свеча в подсвечнике действительно выгорела до

конца; однако, что из этого следовало, оставалось для сэра Уолтера тайной.

— Затем возникает своеобразный математический вопрос, — продолжал Фишер, снова спокойно прислонясь к окну и всматриваясь в голые стены, как бы разглядывая воображаемые чертежи, развешанные на них. — Из центра треугольника все его три угла не просматриваются. Однако если ты находишься в одном из углов, увидеть, что происходит в двух других, не составляет особого труда, если к тому же они лежат у основания равнобедренного треугольника. Прошу прощения за эту лекцию по геометрии, но...

— Боюсь, что у нас нет времени на лекции, — холодно проговорил Уилсон. — Если этот человек в самом деле возвращается, я должен немедленно отдать приказания.

— Все же я продолжу свою мысль, — заметил Фишер, с оскорбительным спокойствием глядя в потолок.

— Должен просить вас, мистер Фишер, не мешать мне вести расследование как я нахожу нужным, — сказал Уилсон решительно. — Сейчас здесь распоряжаюсь я.

— Да, — тихо ответил Хорн Фишер таким тоном, что все присутствующие похолодели. — Да, но почему?

Сэр Уолтер смотрел на Фишера в изумлении, — перед ним был совсем не тот медлительный и вялый юноша, которого он так хорошо знал. Фишер поднял веки и смотрел на Уилсона, широко раскрыв глаза; казалось, с них, словно с глаз орла, сдвинулась пленка.

— Почему вы распоряжаетесь здесь? — спросил он. — Почему вы теперь ведете расследование по своему усмотрению? Как случилось, хотел бы я знать, что здесь нет никого старше вас по чину, чтобы вмешиваться в ваши действия?

Все растерянно молчали. В эту минуту снаружи раздался сильный и гулкий удар в дверь башни, словно стучалась сама судьба.

Деревянная дверь заскрипела на ржавых петлях под чьей-то сильной рукой, и в комнату вошел принц Майкл. Это, конечно, был он. Светлое платье принца, хотя и сильно пострадавшее за время его приключений, было прекрасного, почти щегольского покроя, а острая бородка эспаньолкой словно служила новым напоминанием о Луи Наполеоне; впрочем, он был гораздо выше и стройнее того, кому стремился подражать. Не успел никто произнести и слова, как он, словно призывая к молчанию, легко, но величаво, как гостеприимный хозяин, повел рукой.

— Господа, — сказал он, — приветствую вас в башне, ставшей теперь столь неприглядной.

Уилсон опомнился первым. Он шагнул к нему и произнес:

— Майкл О'Нил, именем короля я арестую вас за убийство Франсиса Мортона и Джеймса Нолана. Считаю своим долгом предупредить вас...

— Нет, мистер Уилсон, — внезапно вскричал Фишер, — вам не удастся совершить третье убийство!

Сэр Кэри вскочил со стула, который с грохотом повалился на пол.

— Что это значит? — воскликнул он властно.

— Это значит, — ответил Фишер, — что человек по имени Гукер Уилсон выстрелом вон из того окна убил двух своих товарищей в минуту, когда они появились в противоположных окнах. Вот что это значит! Если вы хотите в этом убедиться, то сосчитайте, сколько было выстрелов и сколько патронов осталось у него в револьвере.

Уилсон быстрым движением руки схватил револьвер, который лежал на столе. Но тут произошло нечто совсем непредвиденное. Принц Майкл, неподвижно, как статуя, стоявший на пороге, вдруг с ловкостью акробата выхватил револьвер из рук сыщика.

— Собака! — вскричал он. — Ты воплощение английской справедливости, как я — трагедии ирландцев. Ты пришел сюда, чтобы убить меня рукой, обагренной кровью твоих же братьев. Если бы они пали жертвой мести, это назвали бы убийством, но тогда твой грех имел бы оправдание. Мне же,

неповиииому в их убийстве, пришлось бы поплатиться за него жизнью. Это была бы торжественная и пышиая церемоиия с длинными речами, и судьи, терпеливо выслушав все доводы в пользу моей невиновиости, призиали бы их несостоятельными, пренебрегая моим отчаянием. Да, вот оно, злодейство! Но убийство может и ие быть преступлеиием. В этом револьвере есть еще одна пуля, и я знаю, кто ее заслужил!

Уилсои и повернуться ие успел, как Майкл выстрелил. Сыщик скорчился от боли и повалился как сиоп.

Полицейские бросилсь к иему; сэр Уолтер стоял молча, словио в оцепеиеиии. Наконец Хори Фишер нарушил молчание.

— Да, вы подлииное воплощение трагедии ирландцев, — сказал он и как-то странно, устало махнул рукой. — Вы были совершенно правы и сами же погубили себя.

Лицо принца застыло, как мрамор, только в глазах его мелькнуло отчаяиие.

Внезапно он рассмеялся и швырнул дымящийся револьвер на пол.

— Да, мие нет оправдаиия, — сказал он. — Я совершил преступлеиие, достойиое проклятия не только мне, но и детям моим.

Хори Фишер, казалось, ие ожидал такого быстрого раскаяния. Не отводя от Майкла глаз, ои тихо спросил:

— О каком преступлении вы говорите?

— Я помог английскому правосудию, — ответил принц Майкл. — Я отомстил за смерть полицейских вашего короля. Я выполиил дело королевского палача. За это меня следовало бы повесить.

И он шагнул к полицейским. Он не сдавался, а скорее приказывал им арестовать себя.

Таковы были события, о которых спустя много лет Хори Фишер рассказывал журиалисту Гарольду Марчу, сидя в небольшом, ио фешеиебельиом ресто-

ране недалеко от Пиккадилли *. Он пригласил Марча пообедать с ним вскоре после дела, которое он назвал «Лицо на мишени». Вначале разговор зашел об этом таинственном происшествии, а затем Хорн Фишер предался воспоминаниям о событиях своей молодости, побудивших его заинтересоваться вопросами, подобными делу принца Майкла. С тех пор прошло пятнадцать лет. Волосы Хорна Фишера еще более поредели, на лбу образовались залысины, в движениях его длинных и тонких рук было больше усталости и меньше выразительности. Он рассказывал о своем давнем ирландском приключении, потому что тогда он впервые столкнулся с миром преступлений и понял, что преступление может быть тайным и непостижимым образом связано с законом.

— Хукер Уилсон был первым преступником, которого я встретил, и он служил в полиции, — рассказывал Фишер, вертя в руках бокал. — В жизни всегда так: все смешано, все противоречиво. Это был человек одаренный, возможно, даже талантливый. И как сыщик и как преступник он заслуживает самого тщательного изучения. У него была характерная наружность — бледное лицо и ярко-рыжие волосы. Он был холоден, но его сжигала страсть к славе. Он мог подавить свой гнев, но честолюбие его не поддавалось контролю. При первой стычке с начальством он проглотил насмешки, но затаил обиду. Позже, когда в просветах окон появились два резко очерченных силуэта, ему представилась прекрасная возможность отомстить — к тому же так он избавлялся сразу от двух людей, стоявших на его пути к продвижению. Он стрелял без промаха и рассчитывал на то, что свидетелей не будет, хоть доказать что-нибудь было бы вообще очень трудно. Правда, Нолан едва не выдал его: умирая, он успел произнести «Уилсон», и указал на него. Мы думали, что он просит помочь товарищу, в то время как он назвал убийцу. Что касается лестницы, то опрокинуть ее было совсем нетрудно — тому, кто стоял на ней, не было

* Пиккадилли — одна из центральных улиц Лондона.

видно, что происходит внизу. А затем Уилсон и сам упал на землю, прикинувшись пострадавшим при катастрофе.

Правда, наряду с чудовищным честолюбием он обладал искренней верой не только в свои таланты, но и в свои теории. Он верил в «свежий глаз» и хотел получить возможность попробовать свои новые методы на практике. В теории Уилсона что-то было, хоть его и постигла неудача, обычная в таких случаях, — ведь даже свежему глазу не разглядеть невидимого. Эти теории хороши для простых случаев, как с пугалом или с колодцем, но они бесполезны там, где дело касается самой жизни или человеческой души. И он грубо просчитался в том, как поведет себя такой человек, как принц Майкл, услышав крик женщины о помощи. Тщеславие Майкла и самое его понятие о чести заставили его без промедления поспешить на помощь — за перчаткой дамы он вошел бы хоть в Дублинский замок. Считайте это позой, если угодно, но так бы он, конечно, и поступил. Что произошло, когда он встретил Бриджет, — это уже другая история, которую мы, может быть, никогда не узнаем. Если верить слухам, дошедшим до меня, они помирились. И хотя Уилсон на этот раз и ошибся, все же было что-то верное в мысли о том, что человек новый видит больше всех; он замечает то, что старожилу незаметно, — ведь тот слишком много знает, чтобы действительно знать что-нибудь. Да, кое в чем он был прав. И он был прав относительно меня.

— Относительно вас? — спросил Марч.

— Я слишком много знаю, чтобы действительно знать что-нибудь или, во всяком случае, чтобы сделать что-нибудь, — сказал Хорн Фишер. — Я говорю сейчас не только об Ирландии. Я говорю об Англии. Я говорю о всей системе нашего управления, хоть, вероятно, она и является единственно для нас возможной. Вы спрашиваете меня, что произошло с теми, кто остался в живых после этой трагедии. Так вот: Уилсон выздоровел, и нам удалось убедить его подать в отставку. Однако этому проклятому убийце

пришлось дать такую пенсию, какую едва ли получил самый доблестный герой, когда-либо сражавшийся за Англию. Мне удалось спасти Майкла от самого страшного, однако этого совершенно невинного человека пришлось отправить на каторгу за преступление, которого, как мы хорошо знаем, он не совершал. И только значительно позже нам удалось тайно способствовать его побегу. Сэр Уолтер Кэрн сейчас премьер-министр, и, вероятно, он никогда бы им не был, если бы правда о позорном происшествии, случившемся в его ведомстве, стала достоянием гласности. Она могла погубить нас всех, когда мы были в Ирландии. Для него же это наверняка был бы конец. А ведь он старый друг моего отца и всегда был чрезмерно добр ко мне. Как видите, я слишком тесно связан с этим миром, и уж, конечно, не мне изменять его. Вы, по-видимому, огорчены, а может быть, даже шокированы, но я и не думаю обижаться на вас. Что ж, если угодно, переменим тему разговора. Как вам нравится это бургундское? Оно мое открытие, как, впрочем, и сам ресторан...

И он начал пространно, с чувством и со знанием дела говорить о винах, о которых, как скажут некоторые моралисты, он также слишком много знал.

Перевод Н. Демуровой

коротко об авторах

ДЖОН БАЙНТОН ПРИСТЛИ — английский писатель, драматург и литературовед, родился в провинциальном городе Брадфорде, в семье учителя.

В 1914 году двадцатилетний Пристли уходит добровольцем на фронт, а после войны заканчивает литературное отделение университета.

Литературную деятельность Пристли начал как критик. Значительный успех принесла ему книга «Комические персонажи английских писателей» (1925), состоявшая из серии очерков о героях Шекспира, Филдинга, Стерна, Диккенса.

Затем последовали монографии о Мередите (1926), Пиколе (1927) и большой очерк «Английский роман» (1927).

Книги Пристли об английских писателях привлекли к себе внимание удивительной его способностью проникать в замысел писателя, находить живые соответствия литературным героям, рассказывать о них, как о своих давних и добрых знакомых.

Свой первый роман «Добрые товарищи» Пристли публикует в 1929 году. В этой книге рассказывается о приключениях бродячей труппы.

За этим веселым и трогательным произведением следует ряд новых романов. На главный вопрос литературы XX века, кто виноват в тяготах, неурядице и несправедливости современной жизни, человек или общество, Пристли в лучших своих произведениях дает совершенно определенный ответ: виновато общество. И, укрепляя веру в человека, писатель выступает продолжателем демократических традиций английской литературы.

Самые яркие страницы биографии Пристли относятся к периоду второй мировой войны. Он не покинул Англию, как многие писатели среднего и старшего поколения. В дни налетов фашистской авиации на Лондон жители города регулярно слышали по радио голос Пристли, призывавшего к стойкости и сопротивлению.

Писатель ратует за открытие второго фронта, упорно борется против английских реакционеров, страшившихся полного разгрома фашизма. Он призывает к тому, чтобы в ходе войны все прогрессивные силы Англии сплотились в борьбе против внутрен-

ней реакции, не дали ей восторжествовать после заключения мира.

В романах, написанных Пристли в это время, появляются новые ноты. Пристли не только критикует действительность — он пытается найти решение в самой действительности.

В последние годы Пристли отдает предпочтение жанрам фантастики и социального детектива.

Публикуемый роман Пристли, который является одним из лучших его произведений, был впервые переведен на русский язык в 1942 году.

МИЛОРАД ДРАГОВИЧ (р. 1921 г.) — известный югославский писатель. Его книга «Красный конник Олеко Дундич» была выпущена в Югославии к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Необычен путь Дундича, легендарного героя Красной Армии. Вместе с передовой частью сербских, хорватских и мадьярских солдат, организовавшихся в красногвардейский отряд, Дундич присоединился к революционным войскам, отстаивавшим свободу молодой Советской республики. В боях с врагами революции он совершал необыкновенные подвиги, о которых слагались целые легенды.

Своим геройством и преданностью делу революции Дундич быстро завоевал среди советских солдат и командиров горячую любовь и дружбу. За ратные подвиги Советское правительство наградило Олеко Дундича орденом Красного Знамени и почетным золотым оружием.

Автор повести ставит перед собой задачу показать сложный и долгий путь, которым Дундич — представитель сербского крестьянства — пришел в революцию, и поэтому большую часть своей книги посвящает наименее известному периоду жизни Дундича, представление о котором сложилось главным образом на основе воспоминаний соратников Дундича и преданий, родившихся в народе. До сих пор еще не удалось подтвердить и дополнить немногочисленные сведения о раннем периоде жизни Дундича, которые дошли до наших времен.

В этой связи предлагаемая читателю повесть не может, конечно, претендовать на историческую достоверность. «Красный

конник Олеко Дундич» — это скорее повесть-легенда, в которой автор, опираясь на некоторые эпизоды из жизни Дундича и широко используя метод художественного вымысла, рисует обаятельный облик народного героя, раскрывает его прекрасные душевные и волевые качества. В этом отношении выведенный в повести образ легендарного Дундича полностью соответствует сложившемуся у нас представлению о славном сыне сербского народа, отдавшем свою жизнь за первое в мире социалистическое государство.

ЖОРЖ СИМЕНОН — французский писатель, родился в 1903 году в бельгийском городе Льеже. Отец его был бухгалтером страховой компании.

«Мой отец, — пишет Сименон, — незаметный, маленький человек, безропотно тянул свою лямку, но никогда не поддавался меланхолии и грусти. Он страстно любил жизнь и хорошо знал ее; он довольствовался своим скромным уделом и не брался за то, что ему было не под силу. Для меня он был примером мудрости, ибо относился с неизменным глубоким доброжелательством как к людям, так и к животным, да и вообще ко всему на свете».

После смерти отца Сименон работает продавцом в книжном магазине, затем репортером местной газеты.

В 1922 году Сименон, отслужив свой срок в армии, уезжает в Париж. Здесь он находит место секретаря у одного малоизвестного писателя.

С 1924 года Сименон начинает печатать в газетах один за другим короткие романы с продолжением. Эти произведения в основном ничем не выделяются из огромного потока стандартных детективных романов, наводняющих книжный рынок Франции.

Однако уже в конце 30-х годов в творчестве Сименона наступает перелом. В 1929 году выходит его книга «Питер-литовец», главным героем которой является полицейский комиссар Мегрэ. Прообразом Мегрэ, не уступающему теперь по своей литературной популярности даже знаменитому Шерлоку Холмсу, послужил... отец писателя.

С этих пор Мегрэ присутствует в большинстве романов Си-

менона, и вскоре автор и его любимый герой получают всемирную известность. В настоящее время Сименоном написано около 170 произведений, а экспорт его книг стал одной из постоянных статей национального дохода Франции.

Отличительной чертой многих детективных романов Сименона, помимо острого, захватывающего сюжета, является гуманизм. Конечно, Мегрэ порой выступает как человек довольно ограниченный, по своим взглядам не отличающийся от типичного мелкого буржуа. Но вместе с тем Мегрэ — друг и защитник простых людей, которые терпят крах во враждебном им капиталистическом мире.

Сименон с любовью описывает провинциала, чувствующего себя затерянным в большом городе. Писатель отлично знает жизнь небольших городков, где живут врачи, ремесленники, торговцы, адвокаты, художники, чиновники. Его интересуют и юноши, ищущие смысла жизни и старики, которые всю жизнь изворачивались и хитрили, но так и не обрели душевного покоя.

Писатель не ставит своей целью обличение буржуазной действительности. Но объективно его лучшие произведения наводят читателя на мысль, что в мире, где правит капитал, далеко не все благополучно.

Как-то Жорж Сименон сказал: «Мне кажется, что если между народами нет истинного содружества, то это происходит оттого, что люди друг друга не знают и потому друг друга боятся. Поэтому необходимо ближе узнавать людей, больше с ними общаться. А если знаешь людей — нельзя их не любить».

Публикуемый в этом томе роман Сименона вышел во Франции под названием «Мегрэ и привидение».

ГИЛЬБЕРТ КИЙТ ЧЕСТЕРТОН (1874—1936) давно и прочно признан классиком английской литературы. Известность пришла к Честертону внезапно. В конце 90-х годов прошлого века ему, недоучившемуся живописцу, заказали в одном крупном издательстве несколько внутренних рецензий на книги об искусстве. Рецензии оказались, по сути дела, блестящими эссе, и молодого Честертона почти насильно убедили издать их. Чуть раньше вышел маленький сборник его стихов.

В 1900 году он уже был любимым поэтом и эссеистом анг-

личаи. Затем Честертон начинает писать рассказы и романы. До 1911 года выходят его книги: «Наполеон из Ноттингхилла», «Человек, который был четвергом», «Шар и шест». Эти произведения полны самых невероятных приключений. Но настоящую славу Честертону приносят его детективные рассказы.

Первый сборник рассказов — «Неведение патера Брауна» — выходит в 1911 году. С тех пор, не оставляя более серьезных жанров, Честертон пишет детективы до конца жизни. Сборники «Мудрость патера Брауна», «Неверие патера Брауна», «Тайна патера Брауна», «Позор патера Брауна» составляют так называемый «брауновский» цикл. Браун не сыщик, а неуклюжий, простодушный с виду священник. В отличие от Холмса и других прославленных литературных сыщиков Браун не ищет улик, а зачастую даже не видит ни преступника, ни места происшествия. Он просто «строит» модель психологии преступника, как бы перевоплощается в последнего. Честертон впервые поставил подобный метод во главу угла.

Другой известный герой Честертона — Хорн Фишер. Ему посвящен сборник «Человек, который слишком много знал». Фишер действует по тому же методу, что и Браун. Но на этом сходство героев кончается: Фишер принадлежит к «сильным мира сего». Он знает все слабости и пороки представителей своего класса, что позволяет ему легко ориентироваться в самых запутанных событиях. Но Фишер слишком связан со своей средой, чтобы объявить ей войну. Правда, в последнем рассказе сборника он, наконец, перестает быть пассивным и героически гибнет.

Рассказы Честертона — не просто занятные загадки. Конечно, Честертон — один из крупнейших детективных писателей мира. Под его влиянием находились лучшие представители жанра — Бентли, Агата Кристи, Эллери Квин и многие другие. Но Честертона любят не только за это. Он был живописцем и поэтом, и проза его живописна и поэтична. Он обличал ханжество, проповедовал мужество, честь, доброту.

Дорогой читатель!

Редакция журнала «Сельская молодежь» приносит глубокие извинения за задержку с выпуском приложения 1966 года, которая произошла по не зависящим от редакции обстоятельствам.

Получили ли вы все тома приложения и в какие сроки они поступили к Вам?

Ждем ваших пожеланий и советов по выпуску приложения 1968 года.

СОДЕРЖАНИЕ

Библиотека приключений в пяти томах. Т. 5. М., «Молодая гввpдия», 1966.
Пpяложение к журнвлу «Сельская молодежь». 384 с.

Ответственный за выпуск *О. Попцов*
Составитель *И. Филенков*
Оформление *А. Шипова*
Художественный редактор *Н. Михайлов*
Технический редактор *Л. Курлыкова*

Подписаио к печвти 11/II 1967 г. Бум. $84 \times 108^1/_{32}$.
Печ. л. 12(20,16). Уч.-изд. л 18,7.
Тираж 165 000 экз. Заквз 2013. Цена 75 коп.

Типография «Крвсиое зивмя» изд-ва «Молодая гвардия». Москвв, А-30, Сущевская, 21.

5